

Ч А Р Л Ъ З   К О Л С О Н
И   Г А Р О Л Ъ Д   Ф И К Е Т Т

Счастливая ЖИЗНЬ

В поисках цели, смысла и истины

Перевод Юрия Шпака

Киев
2015

УДК 27-42
ББК 86.37-43
К 63

Перекладено за виданням:

Charles Colson
Harold Fickett
The Good Life

Tyndale House Publishers
Carol Stream, Illinois, USA

Ця книга – про щастя у житті. Ми всі хочемо його знайти, тому безперестану запитуємо себе, що ж насправді важливо під сонцем. Чому життя настільки метушливе, заплутане й сповнене парадоксів? Що робить його цінним та надає йому сенс? Навіщо ми живемо? Всі ці питання спадають на думку кожному – і у часи кризи, і у рутині повсякденних подій.

На прикладі реальних історій з життя дуже різних людей, – як видатних, так і, здавалося б, зовсім непомітних, – автор книги, який і сам прожив насправді дивовижне життя, що піднімало його до захмарних висот політичного олімпу США та кидало у діл скорбот, відчаю та суспільної зневаги, намагається знайти відповіді на цю купу питань, що ж то таке – щасливе життя.

Видання російською мовою.

Чарльз Колсон

К 63   Счастливая жизнь/ Чарльз Колсон и Гарольд Фикетт; пер. с англ. Юрий Шпак – К.: Ефетов А.В., 2015. – 432 с.
ISBN 978-966-8795-22-0

УДК 27-42
ББК 86.37-43

Originally published in the U.S.A. under the title:

The Good Life, by Charles Colson

Copyright © 2005 by Charles Colson

Russian edition © 2015 by NARD Publishing with permission of Prison Fellowship Ministries. All rights reserved.

Издание на русском языке © 2015 Издательская группа «Нард» с разрешения международного служения «Тюремное братство». Все права защищены.

ISBN 978-966-8795-22-0 (рос.)
ISBN 978-141431308-5 (англ.)

© Видавнича група «Нард»,
видання рос. мовою, 2015
© Чарльз Колсон, 2005

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ

Я читаю все, что пишет Чак Колсон. Он — один из самых выдающихся мыслителей нашего времени и аналитиков современной культуры. Сегодня многие совершают ошибку, полагая, что счастливая жизнь всецело заключается в том, чтобы *хорошо выглядеть, хорошо себя чувствовать и хорошо устроиться*. Однако по-настоящему счастливая жизнь достигается теми, кто добр и творит добро. Прочтите эту книгу, и пусть она вас преобразит!

Рик УОРРЕН,

автор книги «Целеустремленная жизнь»

Жизни объявлена война. Как человек, почти полностью парализованный, я ощущаю это особенно остро. Когда норовят выдернуть трубку искусственного кормления изо рта женщины с поврежденным мозгом, когда человеческий эмбрион раздирают на части ради его стволовых клеток, — где бы это ни проявлялось, жизнь обесценивается с головокружительной скоростью. Но почему? И что нам с этим делать? В книге «Счастливая жизнь» Чак Колсон приводит взвешенные и разумные аргументы, помогающие нам выявить и четко провести границы дозволенного. Превосходная книга для тех, кто ищет абсолюты в нашем обществе.

ДЖОНИ ЭРИКСОН ТАДА, автор книги «Небеса»

Имея за плечами десятилетия новаторского христианского служения, Колсон представляет здесь стратегически важный набор историй, — включая и свою собственную, — чтобы показать на наглядных примерах, как отношения преданности со Спасителем — Богом Евангелия формируют счастливую жизнь, невзирая ни на что. Наперекор современным скептицизму, нигилизму и тихому или шумному отчаянию, он доносит свою мысль с убедительной и воодушевляющей силой, к которой мы, его читатели, уже привыкли. Это превосходная книга как для христиан, так и для тех, кто находится в искреннем поиске.

ДЖЕЙМС ПАКЕР, автор книги «Познание Бога»

Первоклассный рецепт для человеческого процветания. Чак Колсон знает, как помочь людям достичь преуспевания, и это знание проистекает из глубин интеллекта, решимости и страданий.

КОРНЕЛИЙ ПЛАНТИНГА мл.,
автор книги «Не так все было задумано»

Опираясь на собственный и чужой опыт, Чак Колсон убедительно показывает путь к счастливой жизни, причем делает это, не оставляя равнодушными ни верующих, ни неверующих, ни тех читателей, которые не знают, во что верить.

РИЧАРД ДЖОН НОЙХАУС,
автор книги «Смерть в пятницу»

Содержание

<i>Введение: Счастливая жизнь</i>	9
---	---

В ПОИСКАХ СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ

Неизбежный вопрос.	19
Разбитая жизнь	27
Великие парадоксы.	41
Милая вечеринка в большой теплой компании	53
В магазин за святым Граалем.	63
Смеясь в лицо смерти.	75
Важнее, чем сама жизнь.	91
Значимость жизни	101
Безмолвное прощание.	111
Счастье любой ценой	121
Чья это жизнь?	133
Человек, достойный подражания	141

ЖИТЬ РАДИ ДРУГИХ

Живое наследие	151
Нет больше той любви....	167
Полагаю за вас свою жизнь. Но зачем?	177

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Путешествие в иллюзию	183
Жить по правде	195
Можно ли познать истину?	209
Насколько ценна жизнь?	219
Разумный замысел	237
Нравственность и естественный порядок	253
Дар отличить правильное от неправильного	271
Красота: знак Божьей заботы.	281
Написанное на сердце.	295
Прозревающие постмодернисты	301
Надежда, свобода и счастье	317
Плохая новость	333

ЖИТЬ СЧАСТЛИВО

Провидение	349
Счастливая смерть	365
Безграничные истина и любовь.	377

<i>Эпилог: Возвращение к истокам . . . . .</i>	<i>391</i>
--	------------

<i>Благодарности . . . . .</i>	<i>399</i>
--------------------------------	------------

<i>Примечания . . . . .</i>	<i>403</i>
-----------------------------	------------

Посвящается
Уэнделу,
Кристиану
и
Эмили

*моим трем детям, которые сделали так много,
чтобы моя жизнь была счастливой.*

*Посвящаю им эту книгу с горячей молитвой о том,
чтобы они и впредь неустанно стремились к истине.*

Первостепенная функция разума —
показывать людям,
что некоторые вещи
лежат за его пределами.

Блез Паскаль, «Мысли»

Введение

Счастливая ЖИЗНЬ

Эта книга о счастливой жизни – не о той, что показывают в рекламе пива «Будвайзер», в передаче «Светская жизнь» или в телешоу «MTV Cribs»*, – а о той, которой вы и я хотим жить, когда задаемся вопросом, что же действительно важно под солнцем.

Что делает нашу жизнь ценной? Зачем я живу? Какова моя цель? Как моя жизнь может быть исполненной смыслом? Все эти вопросы приходят в голову каждому человеку, как во времена кризиса, так и под покровом повседневных событий.

Для большинства из нас жизнь суетна, запутанна и полна парадоксов. Мы просыпаемся среди ночи от беспокойных мыслей о работе, о детях или о планах, вынашиваемых годами, которые рушатся в одночасье под давлением высокотехнологичного и быстро меняющегося мира. Один день нам вроде бы удастся держать жизнь под контролем, но уже на следующий мы оказываемся раздавленными безжалостным катком обстоятельств. Если вы никогда с подобным не сталкивались, обязательно напишите мне. Вы станете первым известным мне человеком, жизнь которого безупречно целостна.

Когда я редактировал последний черновик этой рукописи, произошло одно событие, ставшее для меня откровением. Оно иллюстрирует, каким образом эта книга может помочь нам обрести смысл жизни и справиться с ее разочарованиями. Моя дочь Эмили приехала

---

* Популярное американское шоу, предлагающее зрителям телетур по апартаментам и особнякам знаменитостей. – *Прим. ред.*

вместе со своим сыном Максом погостить к нам с Пэтти на Рождество. Эмили – мать-одиночка, воспитывающая четырнадцатилетнего сына-аутиста. Дети-аутисты могут быть очень милыми и чудесными, но они требуют особого отношения из-за проблем с общением и восприятием внешней информации. Для них особенно важна жизненная упорядоченность и определенность. Когда Макс приезжает к нам, он всегда первым делом проверяет шкаф со своими игрушками, осматривает картины на стене и убеждается в работоспособности бытовых приборов. Если с момента его последнего визита хоть что-нибудь изменилось, это серьезно выбивает его из колеи. Любые необычные шумы или изменения в распорядке дня могут вызвать у него вспышку раздражения, типичную для детей-аутистов. Подобные «срывы», как их называет Эмили, – весьма серьезные происшествия, которых желательно избегать. Учитывая, что Макс уже четырнадцать лет, они могут перерасти в настоящие ураганы.

Я наблюдал за тем, как Эмили помогает сыну преодолевать его трудности. В один из вечеров нас навесит неожиданный гость, и Макс начал хмуриться и вести себя все более возбужденно. Поскольку детям-аутистам проще воспринимать информацию в визуальной, а не в звуковой форме, Эмили часто использует свои художественные способности, чтобы помочь сыну взглянуть на события через рисунки. Почувствовав в тот вечер, что Макс расстроился, она сразу же села рядом с ним и начала одну за другой рисовать простые картинки – каждую в отдельном кадре, как в комиксах. Таким образом Эмили объясняла сыну суть перемен, свидетелем которых он стал. *«Вот, этот человек, – наш гость, – работает вместе с дедушкой. Кроме того, они с дедушкой друзья и время от времени ездят вместе на рыбалку. Видишь эту лодку? Смотри, какое солнце. Друг дедушки просто привез рождественский подарок. Видишь эту коробку в упаковке с большим бантом?»*

Макс успокоился. Слова и рисунки Эмили помогли ему понять смысл того, что он видел и переживал, – точно так же, как подробная инструкция помогает осмыслить процесс сборки велосипеда или установку в компьютер новой видеокарты. Чем больше Макс понимает, тем меньше он склонен к замешательству и раздражению.

Наблюдая за Эмили, я вдруг подумал: «Ну, конечно! Вот что нужно каждому из нас – какое-нибудь пособие, разъясняющее суть происходящего, когда способность восприятия окружающего оставляет нас в замешательстве, а умение справляться с трудностями готово вот-вот отказать». Все мы порой похожи на Макса. Мы не можем понять, что происходит с нашим миром, и почему мы испытываем напряжение и разочарование. В результате мы поднимаем собственные «ураганы»: сплетничаем или пытаемся отстаивать свое

превосходство; пьянствуем или заводим любовную интрижку; пускаемся на безрассудные траты; без толку раздражаем начальство до тех пор, пока оно не оказывается вынужденным нас уволить ... Мы мечемся пред лицом мира, неподвластного нашему пониманию и контролю. Многообразие способов, используемых людьми для того, чтобы «отличиться», лишь подтверждает, насколько сложна жизнь.

Наши трудности с пониманием этого мира и своего места в нем, на мой взгляд, усугубляются еще и ложными ожиданиями, которые культивирует окружающее общество. Мы подобны людям, пытающимся подниматься вверх по эскалатору, работающему на спуск. Мы пыхтим и выходим из себя, но совершенно не продвигаемся вперед. Проблема в том, что общество толкает нас в определенном направлении, и мы не понимаем, что это направление ошибочно. Задавая фундаментальные вопросы о наших цели и предназначении, мы получаем неверные ответы, а попытки жить в соответствии с этой неправдой неизбежно оставляют нас с чувством гнева и страха. Что нам действительно необходимо, так это увидеть истинную картину того, как устроена жизнь и понять, что же нам требуется для настоящего счастья. Надеюсь, данная книга поможет вам в этом точно так же, как рисунки Эмили помогают Максу понять его мир.

На последующих страницах мы рассмотрим глубокие вопросы, исследуя жизненный опыт разных людей. Это не будет какое-то абстрактное упражнение. Наши ответы на такие вопросы определяют, как мы будем жить, как мы умрем, и будет ли наша жизнь в итоге чего-нибудь стоить.

Почти тридцать лет назад, едва выйдя из тюрьмы, я написал книгу под названием «Рожденный заново», которая, к моему удивлению, разошлась миллионными тиражами и была опубликована в сорока странах. С тех пор я повидал в жизни всякое. Я служил заключенным в разных уголках земли, встречался с несметным числом потрясающих людей, получал различные награды и знаки отличия и познавал, глядя на своего внука-аутиста и многих других, что такое жизнь. В некотором смысле, «Счастливая жизнь» — это взгляд на то, о чем я писал в «Рожденном заново», но с тем преимуществом, что теперь я смотрю на все через зеркало заднего вида. Какие уроки я извлек из своей бурной жизни?

Можно сказать, что это — тематические мемуары, рассказывающие о том, что было после «Рожденного заново». Они содержат размышления о моей жизни — порой радостные, порой болезненные. Я описываю некоторые ключевые моменты моей биографии и те уроки,

которые я из них извлек. Надеюсь, эта книга также отражает мое личное стремление к тому, чего желает каждый из нас: к жизни, наполненной смыслом и значимостью.

Пожалуйста, не воспринимайте ее как окончательное подведение итогов престарелым общественным деятелем, желающим впечатлить вас своей накопленной мудростью. Ни в коем случае. Эта книга – для искателей; для самых разных людей любого вероисповедания или вообще далеких от религии. Возможно, это вас удивит. Всем, кто знает обо мне, известно, что я – христианин. У меня есть глубокие, незыблемые убеждения, и я никак не могу назвать себя нейтральным наблюдателем. Тем не менее, я тоже искатель. Мои поиски однажды привели меня в христианство и с тех пор побуждают все полнее открывать для себя истину, которую мы должны познавать и в соответствии с которой жить.

Я приложил все старания к тому, чтобы предпринятые здесь поиски не опирались на какие-то заранее сформированные допущения или узкорелигиозные убеждения. Возможно, это огорчит моих друзей-христиан, но, думаю, есть смысл в том, чтобы просто направиться туда, куда нас ведут человеческий разум и воображение, пока мы сможем за ними следовать. В конце мы увидим, требуют ли разум и воображение, чтобы их границы были расширены с помощью веры. Быть может, то, что мы называем просто «человеческой истиной», никак не связано с верой, или же наоборот, такая связь очевидна.

Блез Паскаль, выдающийся французский философ и математик, однажды сказал, что в мире существуют только два типа людей: те, кто ищет, и те, кто нет. Мы – или пилигримы в поисках ответов, позволяющих увидеть смысл в существовании нашего мира, или скитальцы, что блуждают по проселочным дорогам развлечений или отчаяния, гоня прочь саму возможность открыть нечто удивительное. Если вы читаете эту книгу, то, скорее всего, вы – искатель. И это хорошо. Жить – это и значит искать.

Если вы считаете, что уже нашли для себя приемлемые ответы на извечные вопросы, все равно прочтите эту книгу. Она поможет вам совершенно по-новому взглянуть на свои убеждения и жить в более полном соответствии с ними.

Люди, которым я сочувствую больше всего, относятся ко второй названной Паскалем категории. Это те, кто ничего не ищут. Уход в сторону от важнейших вопросов и жизненных дилемм – это трагедия, поскольку поиск смысла и истины делает жизнь достойной того, чтобы ее прожить.

Многих людей (особенно молодых) убедили, что подобные поиски напрасны. Им, начиная с детского сада, рассказывали о том, что мнение одного человека так же приемлемо, как и другого, и что каждый может выбирать свою собственную истину из поликультурного духовного ассорти. Если какой-то выбор окажется неприятным, выберите что-нибудь другое и так – до тех пор, пока, как истинный представитель потребительского общества, вы не подберете себе ту истину, которая устраивает вас больше всего. Думаю, причины отчаяния поколений «Х», «Y», а теперь еще и «Z» следует искать именно в фундаментальной идее отсутствия такого понятия, как реальность, или Истина с большой буквы.

Почти в каждом новом фильме, который я смотрю сегодня, показан какой-нибудь молодой человек – яркий, привлекательный и одаренный, но настолько глубоко опечаленный, что едва отрывает взгляд от земли. Мне хочется закричать: «Да что с этим парнем?!» – но затем меня охватывает огромное сочувствие к нему, потому что в его поколении оказалось под запретом единственное, что превращает жизнь в захватывающее приключение: истина.

Многие из послевоенного поколения утратили свой юношеский пыл искателей совсем по другой причине. Слишком часто сталкиваясь с реальностью, они увидели всю эфемерность обещаний 1960-х годов. Их терзают плохие предчувствия в отношении тех прагматичных соглашений, которые они заключили с жизнью, хотя они прилагают все силы к тому, чтобы не признать эти компромиссы перед своими взрослыми детьми.

Некоторые люди откладывают подобные вопросы в сторону по мере старения и даже пренебрежительно отзываются о любых поисках истины, как об идеалистической причуде молодежи. Что касается меня, то сейчас я нахожу эти важные вопросы даже более значимыми и критичными, чем когда-либо прежде. Зрелый возраст обладает тем преимуществом, что позволяет увидеть, сколь действительными были те ответы на извечные вопросы, на которых человек строил свою жизнь. Старея, я начинаю оценивать свою жизнь критически. Прожил ли я в соответствии со своими ожиданиями? Насколько я был успешен? Использовал ли я весь потенциал своих дарований? Когда вы поймете, что времени осталось не так уж и много, вам тоже не избежать некоторых оценок. Обещаю.

Но хочу предупредить: поиск истины и смысла – это процесс длиною в жизнь. И если вы когда-либо решите, что нашли все ответы, то рискуете стать невыносимым и опасным. Вот почему я по-прежнему считаю себя искателем. Как я уже писал, у меня есть незыблемые убеждения, но я все еще совершаю путь пилигрима. Я каждый день познаю что-то новое, как говорится в прекрасных строках Томаса Элиота:

Старикам исследовать пора:
 Что-то здесь и что-то там – не важно.
 Должны мы пребывать в покое
 И все же двигаться вперед, в другой накал,
 Туда, где новое, глубокое единство.¹

Мышление и жизнь слиты
 воедино. Мы мыслим для
 того, чтобы знать, как жить,
 и узнаем, что есть истина,
 лишь в процессе жизни.

Так что позвольте предложить вам присоединиться к разговору о том, что же делает жизнь достойной того, чтобы ее прожить. Вместе мы попытаемся найти «другой накал» и «глубокое единство» с жизнью – путь к по-настоящему счастливой жизни.

В первой половине книги мы поговорим о людях, ищущих счастливую жизнь. Что побуждает их принимать те или иные жизненные решения? И являются ли эти решения действенными?

Во второй половине книги мы рассмотрим подробнее вопрос поиска истины. Можно ли познать истину? Какое это имеет значение для нашей повседневной жизни? В процессе этого помните о небольшой притче об Эмили и ее сыне. Я надеюсь сделать для вас то же самое, что она делает для Макса, рисуя картинки, которые помогают ему понять свой мир. Я хочу нарисовать словесные картины, показывающие истину о том, как устроен мир, и каково наше место в нем.

Но в конечном итоге, даже после самых лучших разъяснений, мы сталкиваемся с дополнительной проблемой. Способны ли мы жить счастливой жизнью? Где найти силу и мужество, в которых мы так нуждаемся? В заключительных главах я дам единственный известный мне ответ на эти вопросы – единственный, который на практике доказал свою состоятельность.

В качестве метода для исследования этих крайне важных идей я использую истории – некоторые из моей собственной жизни, некоторые из жизни известных людей. Часть из них будут взяты из кинофильмов, а другие – из биографий тех, кто творил историю. Надеюсь, что эта мозаика человеческих историй – отчасти красочных, отчасти мрачных – поможет вам увидеть вашу собственную историю и убеждения, подталкивающие вас к поиску смысла, цели и истины.

В этой книге уделяется так много внимания жизненным историям не просто потому, что они увлекательны, но еще и по той причине, что человеческий опыт позволяет увидеть реальную жизнь и максимально тесно соприкоснуться с ней, – такой, как она есть. Я

не рассказываю истории лишь для того, чтобы проиллюстрировать какие-то идеи. Они – неотъемлемая часть самого процесса поиска решений. Мышление и жизнь слиты воедино. Мы мыслим для того, чтобы знать, как жить, и узнаем, что есть истина, лишь в процессе жизни. Счастливая жизнь требует совокупности этих двух элементов, неразделимости жизни и мышления, того самого «глубокого единства», о котором сказал поэт.

Создание этой книги вместе с моим давним, талантливым коллегой Гарольдом Фикеттом превратилось в настоящее приключение. Я постигал идеи и приходил к заключениям, которых раньше не мог даже представить, и уж тем более сформулировать каким-то иным способом. То, что я обнаружил, просто восхитительно. Убедитесь сами. Это путь к настоящей счастливой жизни.

В поисках
счастливой
ЖИЗНИ

Неизбежный вопрос

Пожилой мужчина идет по широкой дорожке через колоннаду вечнозеленых деревьев. Его голова полна седых волос, зачесанных волной набок. Его кустистые брови, касающиеся своими кончиками висков, напоминают об оставшихся за плечами долгих годах жизни. На нем голубая ветровка поверх тенниски в горизонтальную полоску, брюки без пояса и рекомендованные доктором туфли на каучуковой подошве. Его походка стремительна, но немного неуклюжа, как у человека, только что поднявшегося с постели. Он шагает вперед с большой целеустремленностью и решимостью, словно что-то или кого-то разыскивает.

Позади него, стараясь не отставать, идет его семья. Ближе всех к нему – его супруга, а в паре шагов за ней – сын со своей женой и детьми.

По взгляду мужчины видно, что в этот момент он не думает о своей семье, хотя явно куда-то ведет их за собой. Его глаза широко открыты и устремлены в одну точку, словно скованные каким-то страхом. По шевелению его губ видно, что он едва сдерживает эмоции. Его семья видит слева от себя длинный изгиб побережья, слышит шелест волн и вдыхает соленый аромат моря, но мужчина не смотрит по сторонам. Напряженный, но исполненный решимости, он продолжает ковылять вперед.

Наконец, свернув направо, он ступает на огромную поляну, испещренную тянущимися до горизонта рядами из тысяч белых крестов. Местами эта процессия надгробий, резко контрастирующих с зеленым газоном, перемежается еврейскими звездами. Продвигаясь по этому огромному кладбищу, старик еще больше ускоряет шаг. Его семья старается не отставать.

Этот решительный марш Джеймса Райана, наконец, останавливается перед одним из крестов. Он вытирает дрожащей рукой свои

покрасневшие глаза и судорожно всхлипывает, пытаясь восстановить дыхание. Надпись на кресте гласит: «Капитан Джон Миллер. 13 июня 1944 года». Это был *его* капитан.

Оставив попытки сдержать слезы, Райан в очередной раз всхлипнул и прикусил губу. Судорога сдавила ему горло, почти лишив возможности дышать. Его ноги подкосились, и он упал на колени перед крестом. Рядом тут же оказалась жена, положив руку на его вздрагивающие плечи. По другую сторону остановился сын. Райан был рад, что семья с ним, но они не могли помочь в том, что требовалось сделать.

Он пробормотал, что с ним все в порядке, и родные отступили на несколько шагов, оставив его наедине с мыслями, давившими настолько тяжелым грузом, что он едва справлялся с их весом.

Вплоть до этого момента Райан не осознавал, что то, к чему он так стремился, хотя и со страхом, было своего рода сделкой – чем-то наподобие обмена. Для него этот визит на американское военное кладбище в Нормандии не был простой экскурсией. Это был шаг огромной важности – Райан был в этом уверен, хотя даже сейчас не мог сказать, почему. Охватившие Джеймса эмоции лишь подтверждали его правоту.

Как бы там ни было, это касалось вопроса, преследовавшего Райана всю жизнь – того самого невысказанного вопроса, который привел его на это кладбище. Казалось, он незримо присутствовал во всех воспоминаниях – не только в приятных.

Теперь, когда Райан смотрел на могилу своего капитана, он должен был задать этот вопрос.

Десятилетиями ранее, 6 июня 1944 года, капитан Миллер и его люди высадились на Омаха-Бич. Это был ужас, обошедший Джеймса Райана стороной, поскольку он воевал в составе 101-й воздушно-десантной дивизии. Его подразделение забросили в Нормандию ночью, накануне высадки морского десанта. Как происходила сама высадка, он узнал только позже из рассказов сослуживцев и кадров кинохроники. Хотя Германия не ожидала атаки в месте, выбранном Эйзенхауэром, воздушный десант не ослабил немецкие позиции ни на йоту. Как только бронированные передние борта десантных катеров открылись в направлении берега, американские солдаты оказались под шквальным огнем вражеских пулеметов. Многие из тех, кто сидел ближе к выходу, погибли на месте, сраженные немецкими пулями. Те же, кто перепрыгивали через борта катеров, чтобы добраться до берега вплавь, могли укрыться только за «бельгийскими воротами»

и стальными «ежами» – сварными оборонительными сооружениями, которые были расставлены рядами вдоль пляжа для противодействия танковой атаке.

Морские десантники пробивались вперед через волны, но многие не успевали сделать и несколько шагов, как падали замертво под обстрелом не только пулеметов, но еще и артиллерии. Тела разлетались в стороны от взрывов. Раненые, подбирая свои оторванные руки, пытались сделать еще пару шагов вперед навстречу смерти. Красные от крови волны, накатываясь на берег, омывали разбросанные повсюду мертвые тела.

Капитану Миллеру и нескольким его подопечным удалось добраться до волноотбойной стены. Хотя половина солдат, участвовавших в первой атаке на Омаха-Бич, пали в бою, остальным удалось прорвать переднюю линию немецкой обороны.

Вскоре после ада высадки десанта капитану Миллеру во главе отряда из семи человек было поручено выяснить местонахождение десантника Джеймса Райана и доставить его домой – непременно живым. Приказ вывести из зоны боевых действий рядового Райана отдал лично начальник штаба, генерал Джордж Маршалл. Два старших брата Джеймса погибли в Нормандии, а третий пал в бою в Новой Гвинее. Маршалл решил, что смерть трех сыновей – достаточный вклад в войну для любой матери.

Отряд капитана Миллера обнаружил Райана среди остатков 506-го парашютно-десантного полка, который занял позиции на берегу реки для обороны моста. Им было приказано удерживать этот мост любой ценой или, в качестве крайней меры, взорвать его, чтобы им не смог воспользоваться враг. Когда прибыл отряд капитана Миллера, чтобы вывести Райана в тыл, тот отказался уйти с ними. Миллер спросил, что он должен сказать матери Джеймса, когда ей в четвертый раз вручат сложенный американский флаг. Райан ответил: «Скажите ей, что, когда вы меня нашли, я был среди единственных оставшихся у меня братьев, и я никак не мог их бросить. Думаю, она поймет».¹

Капитан Миллер и его подопечные гневно объяснили Райану, что, разыскивая его, уже потеряли двух своих товарищей. Наконец, Миллер решил, что его отряд присоединится к обороне моста и будет защищать Райана в ходе сражения. Вскоре последовала атака немцев – почти целой роты солдат, двух самоходных орудий и двух «тигров». Американцы заманили танки на главную улицу деревни, где устроили засаду. Единственное, что было разрешено делать Райану, – это бросать самодельные ручные гранаты. Капитан Миллер не позволял Джеймсу отходить от него ни на шаг, ежесекундно защищая рядового.

И вот, один из танков очередным выстрелом орудия отправил в вечность их снайпера, а еще один солдат погиб в рукопашном бою от удара ножом в сердце. Несмотря на всю свою изобретательность, американский отряд не мог сдерживать столь превосходящие силы врага, и потому отступил к противоположному краю моста. Во время отхода один из сержантов упал, сраженный пулей.

Капитан Миллер получил пулю меж ребрами, когда пытался починить проводку взрывного устройства. От близкого разрыва снаряда он был сильно контужен, почти без сознания. Утратив всякую надежду, он начал стрелять из пистолета в надвигающийся прямо на него танк.

Вдруг, над его головой, пронзительно ревя мотором, мелькнул штурмовик, и через мгновение вражеский танк превратился в груды обломков. Немецкие пехотинцы обратились в бегство, а через несколько минут подошло моторизованное подкрепление союзных войск.

Из отряда, прибывшего ради спасения Райана, относительно невредимыми остались лишь двое солдат. Остальные погибли или находились на пороге смерти.

...Капитан Миллер лежал, сторбившись, возле того места, где его настигла пуля, упершись спиной в стену моста. Райан, полный отчаяния и душевной боли, оказался наедине со своим спасителем в последние мгновения жизни Миллера. Он видит, как капитан со сквозным ранением легкого, хватая ртом воздух, пытается ему что-то сказать, и вот, Миллер делает последний вздох, успев прохрипеть лишь одно: «Джеймс. Заслужи это... заслужи это».

Были ли эти прощальные слова умирающего последней волей или приказом?

Рядовой Райан всегда воспринимал их именно так.

Очнувшись от нахлынувших на него воспоминаний, престарелый Джеймс Райан, глядя на надгробие, начал тихо разговаривать со своим мертвым командиром. Он рассказывает капитану о том, что с ним пришла его семья, и признается, что не знал точно, какие чувства испытает, оказавшись на этом кладбище. Райан говорит, что размышлял об их разговоре на мосту и о предсмертных словах Миллера каждый день своей жизни. Он старался жить достойно и надеется, что ему это удалось. По крайней мере, Райан верит, что в глазах капитана его жизнь «заслужила» жертву, принесенную Миллером и его солдатами, которым пришлось сложить свои головы ради спасения товарища.

Шепча эти слова, Райан невольно задается вопросом: как любая жизнь, сколь бы достойно она ни была прожита, может оправдать жертву его друзей? Старик поднимается на ноги, но не чувствует внутреннего облегчения. Его вопрос остался без ответа.

К нему опять подходит жена. Взглянув на нее, Райан умоляюще спрашивает: «Скажи, я прожил достойную жизнь?»

Смущенная его словами, она отвечает: «О чем ты?»

Райан должен выяснить ответ, и потому пытается задать свой вопрос по-другому: «Скажи, я достойный человек?»

Жена по-прежнему смущена, но, увидев, насколько Джеймс серьезен, глубоко задумалась над ответом. Наконец, с искренностью и почтением она говорит: «Да». Жена Райана возвращается к остальным членам семьи, которым, видно, уже не терпится поскорее покинуть кладбище.

Прежде, чем присоединиться к ним, Джеймс Райан становится по стойке смирно и отдает честь своему павшему в бою товарищу. Доблестный старый солдат!

Кто из нас, наблюдая за этой сценой из великолепного фильма Стивена Спилберга «Спасти рядового Райана», не задается тем же самым вопросом: «Достойную ли жизнь я прожил?»

Существует ли какой-нибудь точный метод вычисления ответа на этот вопрос? Каким образом мы определяем достоинство жизни? На основании чего можно сказать, что наши добрые дела *достаточно* хороши? Оправдывает ли наша жизнь жертвы, приносимые другими? Неизбежный вопрос: «Прожил ли я жизнь достойно?» — исследует глубины наших сердец.

Не каждый переживает то же, что пережил Райан, в столь драматичной манере. Тем не менее, вопрос о достойной жизни и другие, подобные ему, преследуют каждого человека с самых ранних лет — лишь только мы начинаем осознавать себя как личность. Что-то будоражит нас в самом центре нашего естества, требуя ответов на многие вопросы: «Есть ли у жизни какая-то цель? Одиноки ли мы во вселенной? Существует ли какая-то сила, — назовите ее судьбой или провидением, — направляющая нашу жизнь?»

Разумеется, нечасто мы можем сформулировать эти вопросы настолько четко. Самыми сложными вопросами мы обычно задаемся в самые трудные времена. Посреди трагедии или серьезной болезни, столкнувшись с насилием и несправедливостью, или увидев, как вдребезги разбиваются наши личные надежды, мы взываем: «Почему в этом мире царит такой хаос? Могу ли я хоть как-то это изменить?»

В этих извечных вопросах человеческого бытия скрывается некая тайна. Сомневаюсь, что у кого-то, кто смотрел фильм «Спасти рядового Райана» или читал бессмертные произведения литературы, вроде «Братьев Карамазовых» Достоевского или «Чумы» Камю, когда-либо возникали сомнения в важности таких вопросов. Равно как и у каждого, кто хоть раз восхищался красотой Млечного Пути или сидел весь в слезах у постели умирающего близкого.

От всех остальных творений люди отличаются самосознанием. Мы понимаем, что живем, и знаем, что умрем, и неизбежно задаемся вопросами о том, почему моя жизнь именно такова, и что вообще все это значит.

Не кажется ли странным, что каждый из нас мгновенно понимает, *почему* рядовой Райан чувствовал себя обязанным прожить достойную жизнь? Думал ли он, что этим сможет оправдать жертву своих товарищей? Очевидно, что думал, и мы чувствуем, что он был прав. Но почему Райан считал, что он в долгу перед ними? Почему он считал, что их поступки должны быть возмещены его делами, как будто слепое правосудие с мечом в одной руке и весами в другой действительно существует? И почему средством оплаты его долга должна стать именно добродетель? Почему не месть? Почему Райан не задался целью убить как можно больше бывших нацистов? Наверное, потому, что это не принесло бы ему удовлетворения. Если жертву вообще можно как-нибудь отплатить, то это можно сделать лишь через жертву, а не убийство. Мы *знаем* это. Но *откуда* мы это знаем?

Обобщенный ответ заключается в нашей человеческой природе. Мы – люди, и потому задаем вопросы о смысле и предназначении. У нас есть врожденное чувство справедливости и личная потребность в торжестве правосудия. Нравственные нормы в разных культурах различны, но возьмите людей, живущих в первобытном обществе в какой-нибудь глухой деревне в Папуа-Новой Гвинее, покажите им фильм «Спасти рядового Райана», – и они сразу же поймут, в чем подоплека. Они поймут вопросы Райана и его чувство благодарности.

Слово «должен» в вопросах, вытекающих из жизни рядового Райана, мгновенно переносит нас в сферу этических критериев. Это подразумевает, что на такие вопросы должно существовать множество ответов, и некоторые из них неминуемо лучше других – часть ответов верна, в то время как остальные ошибочны. Так откуда же возникает это «должен»? Что скрывается за нашим врожденным умением распознавать подобные вещи?

Как минимум, оно указывает на идею о том, что все мы живем в некоей нравственной вселенной, и это является одной из причин,

почему люди, независимо от образования, экономического положения или места рождения, непреодолимо религиозны. По крайней мере, мы знаем, что есть кто-то или что-то, перед кем или чем мы в долгу за свое существование.

Наши вопросы также предполагают, что мы можем избирать ответы на них и поступать в соответствии с нашими решениями. Свобода человеческой воли – пусть даже в ограниченном виде – встроена в сами механизмы человеческого разума.

Говоря о вопросах жизни, судья Верховного суда США Энтони Кеннеди при рассмотрении дела «Регулирование рождаемости против Кейси» однажды отметил: «В сущности свободы лежит право определять собственные концепции существования, смысла жизни, вселенной и тайны человеческой жизни».² Кеннеди утверждал, что убеждения в отношении этих вопросов определяют критерии личности человека. Мы – те, кто мы есть, именно такой вид творений, потому, что обязаны приходить к собственным заключениям в отношении извечных вопросов. Хотя я совершенно не согласен с тем юридическим выводом, который судья Кеннеди сделал из своего утверждения, должен признать, что представленный им перечень действительно содержит то, что делает нас людьми.³

Я помню момент в детстве, когда впервые начал задаваться этими извечными вопросами. Особенно яркие воспоминания у меня остались о воскресном декабрьском утре 1941 года, когда наша семья прильнула к радио, слушая с растущей тревогой новости о нападении японцев на Перл-Харбор. Я был уверен, что теперь нам придется сражаться с японскими солдатами или немецкими офицерами СС на улицах нашего тихого пригорода Бостона. Помню, как я спросил у отца: «Почему нельзя обойтись без войны, кровопролития и смертей?» Он ответил – ошибочно, как я сейчас думаю, – что все это – часть естественного процесса, предотвращающего перенаселение. Нечто сродни голоду или эпидемиям.

Во время войны я организовывал в школе кампании по сбору средств и даже продал с аукциона свою коллекцию авиамоделей, которой очень дорожил, чтобы собрать деньги на нужды армии. Я инстинктивно понимал, что обязан исполнить свою часть для защиты наших свобод. Я хотел, – даже в двенадцатилетнем возрасте, – чтобы моя жизнь имела смысл.

Я также вспоминаю, как много раз стоял ночью в нашем дворе, когда весь мир вокруг был погружен во тьму. Все окна в округе были закрыты светомаскировочными шторами для защиты от возможных налетов авиации. Я смотрел на мерцающие россыпи звезд у себя над головой и размышлял о том, где начинается вселенная, где она заканчивается, и что я делаю на этой земле. Будучи студентом, я пы-

тался осознать концепцию бесконечности, понять, что находится за этими звездами.

В последующие годы я не раз задавался подобными же вопросами — особенно в моменты стресса. Я задавал их себе, как государственный деятель, как муж и отец, как отбывающий наказание преступник, а затем — как христианский лидер. Множество раз во внутренних тайниках своего сознания я спрашивал то же самое, что Райан: «Был ли я достойным человеком? Прожил ли я жизнь достойно?» Иногда я затруднялся ответить, в другие же моменты был уверен в своей несостоятельности. Но где мы можем найти ответы? У кого можно спросить? Кто способен рассказать нам истину о значении нашей жизни?

Хотя поиски ответов на подобные вопросы порой очень трудны и полны огорчений, стремление найти истину о жизни — это именно то, от чего жизнь становится ценной и радостной. Способность принять такие поиски и делает нас людьми. Эммануэль Мунье, основатель французского философского течения «персонализма», отмечал в своих трудах, что человеческая жизнь характеризуется «божественной неугомонностью». Отсутствие покоя в наших сердцах подталкивает нас к поискам смысла жизни. Это повеление, запечатленное в «неугасших душах». ⁴ Папа римский Иоанн Павел II изящно подытоживает этот вопрос: «Таким образом, человека можно определить, как *ищущего истину*». ⁵

Что станет истиной нашей жизни и нашей судьбы? Большинство людей хочет подойти к надгробию капитана Миллера (или любому другому судилищу, которое они рисуют в своем воображении) с долей уверенности в том, что они прожили достойную жизнь.

Но что такое достойная жизнь? Каким образом она вмещает в себя ответы на извечные вопросы? Как ее прожить?

Прожил ли я достойную жизнь?

А вы?

Разбитая ЖИЗНЬ

В воскресенье 13 июня 1971 года в «Нью-Йорк Таймс» была опубликована статья с неброским заголовком, но она грозила стать взрывоопасной сенсацией для первых полос: «Вьетнамский архив. Исследование Пентагона прослеживает три десятилетия возрастающего участия США в делах страны». Эта история, написанная Нейлом Шиханом при участии аналитика Хедрика Смита, рассказывала о том, что в 1967 году бывший министр обороны Роберт Макнамара поручил Пентагону провести сверхсекретный анализ американского участия в жизни Вьетнама, начиная с времен президентства Трумэна. Это исследование, написанное несколькими авторами, заняло три тысячи страниц, к которым в качестве дополнения прилагались еще четыре тысячи страниц официальных документов.

Непосвященному читателю оно могло показаться не более чем «сухим» описанием исторических событий, окружавших чрезвычайно непопулярную войну во Вьетнаме. В то время я был Особым советником президента Никсона, и для тех из нас, кто относился к близкому окружению президента, это была далеко не «сухая» история. Заголовок выглядел пугающе, предвещая надвигающуюся катастрофу, способную потрясти нацию до самого ее основания и оказать на всех нас такое влияние, которого никто не мог даже вообразить.

В целом, этот отчет, названный «Бумаги Пентагона», представлял собой взгляд изнутри на то, как Америка впуталась в войну, в конце концов подорвавшую веру людей в правительство и приведшую к той политике цинизма и взаимных обвинений, которую мы видим сегодня. Вскоре выяснилось, что этот строго засекреченный документ был выкраден из Министерства обороны одним из его авторов – Даниэлем Эллсбергом, – и передан в 1969 году в Сенатский Комитет по международным отношениям, а затем, за несколько месяцев до его

первой публикации, – в «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост» и семнадцать других газет.

С самых первых статей, рассказывающих о том, что было обнаружено в ходе исследования, «Таймс» стала приводить выдержки из сверхсекретных документов, начиная с отчета Макнамары президенту Джонсону о ситуации в Сайгоне в 1963 году. Эти выдержки подтвердили наихудшие подозрения американцев: правительство с самого начала знало, что их усилия вряд ли увенчаются успехом, что союзники из южного Вьетнама не заслуживают доверия и зачастую продажны, а государственной стратегии США не хватает внутренней согласованности.

Это явно противоречило официальным сводкам с линии фронта, неизменно содержавшим хорошие новости. Администрация Джонсона рассказывала американцам о том, что мы завоевываем сердца и умы вьетнамцев. Подсчет жертв боев показывал, что потери врага постоянно возрастают. Тем не менее, почему-то нам требовалось все больше и больше солдат. Дошло до того, что во Вьетнаме уже сражалось полмиллиона американцев.¹

КОМНАТА РУЗВЕЛЬТА, 14 ИЮНЯ 1971 ГОДА

В понедельник утром – на следующий день после публикации этой истории в «Таймс» – старший персонал президента Никсона собрался, как это было каждый день, в восемь часов в Комнате Рузвельта, расположенной в западном крыле Белого дома. Председательствовал на собрании авторитарный глава администрации Никсона, Боб Холдемэн. Среди прочих присутствовал «правая рука» Холдемэна по вопросам внутренней политики Джон Эрлихман, а также – неофициальный глава внешнеполитического сектора Генри Киссинджер, занимавший пост советника по национальной безопасности. Пресс-секретарь Рон Циглер выглядел измотанным от той бомбардировки, которой его с раннего утра подвергли агрессивно настроенные представители прессы. Я также был на этом собрании вместе с юрисконсультom Биллом Тимминсом и шестью другими сотрудниками. Одного взгляда на угрюмое лицо Холдемэна было достаточно, чтобы понять, что нас ожидают неприятности.

Комната Рузвельта находится в эпицентре происходящих в Белом доме событий. Основным элементом его восточной стены является камин с отделкой кремового цвета, расположенный между двумя дверями из красного дерева, вмонтированными в полуарки. Правая из них ведет через холл прямо ко входу в Овальный кабинет. Двумя годами ранее президент Никсон заново декорировал этот конференц-зал, переделав так называемую «Рыбную комнату» в Комнату Рузвельта. На северной стене висят два бронзовых барельефа

Рузвельтов: Тедди и Франклина, — а над камином — портрет Теодора Рузвельта в мундире полковника «Мужественных всадников» верхом на лошади. На самом камине стоит Нобелевская премия мира, полученная Теодором Рузвельтом в 1906 году за его вмешательство в русско-японский конфликт 1905 года — первая Нобелевская премия, полученная американцем. Огромный, роскошной отделки стол для совещаний в стиле неоклассицизма окружен кожаными креслами, благодаря которым долгие заседания становятся чуть более комфортными.

Поскольку Комната Рузвельта расположена во внутренней части западного крыла, в нем отсутствуют окна. Несмотря на свою изысканную обстановку, он иногда напоминает бетонный бункер — особенно когда его обитатели, как мы в то июньское утро, чувствуют себя в полной боевой готовности.

В те дни в Белом доме царило напряжение. Он находился в постоянной осаде толп демонстрантов, маршировавших за воротами с транспарантами наподобие «Убийцы Никсона» и «Мясники с Пенсильвания-авеню». Нередко, когда полиции (иногда при поддержке армии) приходилось расчищать дорогу для сотрудников Белого дома, в воздухе плавали клубы слезоточивого газа, смешанные с дымом марихуаны. Мы уже представляли, что будет *теперь*, когда передовицы газет объявили о секретных документах, подтверждающих наихудшие опасения людей.

Холдемэн призвал собрание к порядку, произнес обычное вступительное слово и сразу же перешел к реальной угрозе, возникшей из-за публикации в «Таймс».

— Президент спрашивает нашего совета, — хмуро сказал он. — Все это может иметь катастрофические последствия.

— Прежде всего, надо арестовать предателя, укравшего эти документы, — предложил кто-то.

— Сенат готов урезать финансирование войны, — сказал Тимминс. — Белый дом вполне может поддержать его в этом. Президента могут вынудить пойти на попятный, и тогда нам придется, поджав хвост, покинуть Вьетнам.

— Или проигнорировать Конгресс. Надо сказать, перспектива заманчивая, — добавил кто-то.

Будучи главным политическим советником президента, я увидел в этой атмосфере судного дня луч надежды.

— Погодите! Задумайтесь на минуту. Все это происходило под патронатом президентов-демократов. По крайней мере, — в основном. Кто действительно «погорел», так это Джонсон, и мы сейчас просто разгребая его завалы. Может, нам попросить Сенатский комитет по международным отношениям провести слушания по этому делу?

Киссинджер, на пару минут опоздавший на собрание, остановился у дальнего конца стола и шумно выложил на него стопку папок.

– Вы не понимаете! – крикнул он. Его лицо было настолько багровым, что виски по сравнению с ним казались почти белыми. – Наше правительство не способно хранить тайны – и это катастрофа! Это разрушит все... – вы, слышите? – *все*, что мы пытаемся сделать. При таком правительстве не может быть никакой внешней политики. Подобные утечки нас просто уничтожат!

Я научился читать Генри «между строк». Чтобы подчеркнуть свою мысль и центральную роль своей власти, он часто использовал гиперболы. Киссинджер вел себя так, словно весь мир находился в его руках, и, по правде говоря, зачастую это действительно было так. Он умел привлекать других на свою сторону. Так случилось и на этот раз.

Схватив верхнюю папку, Киссинджер выдернул из нее три листа бумаги и швырнул их перед нами на стол.

– Только посмотрите на это! Телеграммы из Австралии, Великобритании и Канады с протестами против публикации исследования. «Бумаги Пентагона» вскрывают их помощь нам по тайным каналам и даже содержат переписку, грозящую разоблачить агентуру (ЦРУ и других субъектов разведки). Это дело нельзя пускать на самотек. Президент сегодня же должен принять какие-то контрмеры. В данном вопросе ему нужно проявить решимость – максимальную решимость.

Гнев Генри был заразительным. Все мы, включая меня, принялись обвинять врагов – как внешних, так и внутренних. У администрации Никсона уже давно были проблемы с утечками информации. Мне несколько раз поручалось отслеживать их источники, и я хорошо знал, какой вред они причиняют. Собрание продолжалось, и люди из президентского окружения опалили стены гневом на внутренних врагов. Царила атмосфера мстительности и взаимных обвинений. Утечкам информации требовалось положить конец!

Отчасти, собравшиеся в то утро в Комнате Рузвельта «сорвались с катушек» из-за конфликта между нашими идеалистическими замыслами и возможностями реализовать эти идеалы. Президент Никсон говорил о грядущем «поколении мира», и, что бы ни утверждали критики его правления, он действительно к этому стремился. Именно его искренность в отношении такой цели привлекла меня к нему во время нашего знакомства в 1950-е годы. Наверное, причина была в его квакерском воспитании. Он действительно ставил во главу угла вопросы поддержания мира, и потому мы, его сотрудники, прилагали все усилия к осуществлению этих намерений. Надежды Ник-

сона зиждились на реконфигурации наиболее могущественных мировых держав. Он хотел достичь нового баланса сил, призванного нейтрализовать неприкрытую агрессию в политике Советского Союза и, в некоторой степени, Китая.

Сегодня, оглядываясь назад, мы знаем, что у Никсона было много недостатков, но даже самые яростные его критики соглашались с тем, что он был выдающимся геополитиком. Он понимал все тонкости происходящего на мировой шахматной доске – например, каким образом какой-нибудь дипломатический ход в Джакарте мог повлиять на события в Аддис-Абебе. Никсон хотел вернуть наши войска домой из Вьетнама, но при условии, что это не сделает Соединенные Штаты и западный мир более уязвимыми перед экспансионистскими амбициями Советов и Китая.

В то время Киссинджер проводил множество переговоров – настолько конфиденциальных, что они должны были храниться в секрете даже от нашего собственного Госдепартамента. Он установил немало тайных контактов. Это попросту значило, что высокопоставленное должностное лицо из числа правящей элиты (обычно это кто-то, кто взаимодействует напрямую с главой государства) поддерживает контакт с высокопоставленным должностным лицом другого правительства, а дипломатическим корпусам обеих стран об этом ничего не известно. Киссинджер также пытался продвигать переговоры по ограничению стратегических вооружений (ОСВ), которые в конце концов должны были избавить мир от балансирования на грани ядерного катаклизма, и одновременно с этим принимал участие в тайных переговорах с представителями Северного Вьетнама в Париже. Наконец, именно он смог договориться об исторической поездке Никсона в Китай. Я узнал об этом совершенно случайно, когда однажды вечером оказался вместе с президентом, Киссинджером, Холдманом и Эрлихманом на президентской яхте «Секвойя». После парочки бокалов своего любимого бордо Никсон начал подшучивать надо мной по поводу того, что мне не удалось убедить Конгресс одобрить развитие сверхзвуковой авиации, и теперь он не сможет полететь в Китай на сверхзвуковом самолете. Услышав это, Киссинджер побледнел, потому что в тот момент как раз собирался отправиться в Пакистан, а оттуда тайно перебраться в Пекин для встречи с китайским лидером Чжоу Эньлаем.

Все эти переговоры были взаимосвязаны. Если бы нам не удалось достичь удовлетворительного соглашения с Северным Вьетнамом, то было бы очень маловероятно, что их покровители из СССР согласятся на предложенные им условия по договору ОСВ. Не увидев же нашей способности «выжать» уступки из Советского Союза, китайцы были бы менее заинтересованы в том, чтобы открыть двери

для Запада. У Китая были собственные конфликты с Советским Союзом (преимущественно из-за спорных приграничных территорий), которые приводили к разногласиям между этими двумя странами и по другим вопросам. Чем больше мы вовлекали Советский Союз в двусторонние отношения, тем больше принуждали Китай к тому, чтобы отказаться от своей политики обособленности и открыться для Запада. Мы же, в свою очередь, были рады поддерживать дисбаланс во взаимоотношениях этих двух стран, чтобы предотвратить создание китайско-советского альянса, способного превозмочь Запад.

Поэтому, когда Киссинджер «взорвался», мне было известно, как много стояло на кону. Никакое правительство не захочет, чтобы вскрылись его неофициальные дипломатические контакты. Подобные дискуссии неизбежно представляются в средствах массовой информации как политический курс, и либо укрепляют руки людей, либо неоправданно связывают их.

В то утро Киссинджер избегал упоминать о второй, еще более важной причине его гнева: первом «Меморандуме об исследованиях в сфере национальной безопасности» (NSSM1), который в общих чертах обрисовывал, каким образом можно быстро завершить войну во Вьетнаме. Этот меморандум описывал все возможные варианты, включая использование тактического ядерного оружия для разрушения речных плотин и затопления половины Северного Вьетнама. Подобные действия привели бы к скорому окончанию войны, но обошлись бы слишком большими человеческими жертвами. Среди других альтернатив были минирование бухты Хайфона и бомбардировка Ханоя и тропы Хошимина на севере (позже эти варианты были реализованы на практике).

Возможная публикация меморандума могла создать множество проблем. Мы не хотели, чтобы северные вьетнамцы (или китайцы, или русские) узнали о мерах, к которым мы могли в конце концов прибегнуть. Кроме того, публикация меморандума могла ужесточить позиции Северного Вьетнама, что усложнило бы переговоры. Наконец, все это стало бы серьезным ударом по репутации Генри Киссинджера.

К счастью, NSSM1 так никогда и не был опубликован. Хотя его анонимно передали сенатору Чарльзу Матиасу (либеральному республиканцу от штата Мериленд) и в советское посольство, но оба по разным причинам вернули эти материалы в администрацию президента.

Размышляя о том собрании 14 июня, я до сих пор нахожусь под впечатлением от огромного кризиса, серьезность которого, по моему убеждению, историки совершенно недооценивают. Мы реально боялись, что правительство Соединенных Штатов лишится всякого доверия. Если бы это произошло, то договор по ОСВ никогда не был

бы подписан, президент Никсон никогда не полетел бы в Китай, и мы, вполне возможно, жили бы в еще более опасном мире, чем тот, что мы видим сегодня.

То собрание стало поворотной точкой не только в судьбе президентства Никсона, но и в моей жизни. После него появились «сантехники» — специальное подразделение Белого дома, прозвище которых объяснялось поставленной перед ними задачей остановить утечку информации. Из-за «сантехников» и диких вымыслов Говарда Ханта и Гордона Лидди началось прослушивание членов Национального комитета демократической партии и был проведен несанкционированный обыск в офисе психиатра Даниэля Элсберга. То собрание в Комнате Рузвельта напрямую привело к политическому скандалу, известному сегодня как «Уотергейт», стоившему Ричарду Никсону президентского кресла.

Размышляя в тот день о последствиях публикации «Бумаг Пентагона» для Вьетнама, я испытывал все большие тревогу и раздражение. Мне хотелось окончания вьетнамской войны не меньше, чем демонстрантам на улицах. Мои двое сыновей, Уэндел и Крис, приближались к призывному возрасту. Мой друг Билл Мэлони, вдохновивший меня стать морским пехотинцем после колледжа, служил в тот момент во Вьетнаме в составе вертолетной группы, проводившей спасательные операции за линией фронта. Он находился под обстрелами день и ночь. Джон Маккейн, сын моего близкого друга, адмирала Джека Маккейна, находился в заточении в самой страшной вьетнамской тюрьме с мрачным прозвищем «Ханойский Хилтон». Я хотел, чтобы все эти люди вернулись домой живыми и невредимыми.

Противники войны во Вьетнаме думали, что публикация «Бумаг Пентагона» поможет положить ей конец. Я же был уверен, что это скорее возымеет обратный эффект или же спровоцирует другие подобные войны, в которых придется сражаться моим сыновьям и друзьям.

Доктор Даниэль Элсберг — человек, передавший «Бумаги Пентагона» прессе, — вскоре публично признался в том, что он сделал, и сразу же стал героем антивоенного движения. До этого кризиса я ни разу не слышал об Элсберге. Узнав, кем он был, я не испытал к нему ничего, кроме презрения. В моих глазах он был предателем, который выкрал секретные документы во время войны и передал их средствам массовой информации, подвергнув тем самым опасности наш военный контингент, сражающийся во Вьетнаме.

В течение нескольких дней после 14 июня администрация президента в судебном порядке потребовала остановить дальнейшую публикацию «Бумаг Пентагона». Это стало знаменитым прецедентом «предварительного запрета» — попытки властей пресечь публикацию

материалов. Впрочем, правовое решение проблемы быстро утратило свою актуальность. Элсберг раздал так много копий с результатами исследований Пентагона, что их начали печатать одна газета за другой. В результате генпрокурору Джону Митчеллу оказалось просто не по силам получить столько судебных запретов.

Однажды, после того, как была подтверждена роль Элсберга в этом деле, президент вызвал меня в Овальный кабинет. Вышагивая взад и вперед перед дверями, ведущими в Розовый сад, Никсон сказал:

– Чак, я хочу, чтобы Элсберга вывели на чистую воду. Все должны узнать о нем правду. Мне все равно, как ты это сделаешь, – но сделай это. Страна должна узнать, каким «героем» на самом деле является мистер Элсберг.

– Да, сэр, будет сделано, – ответил я. Как бывший морской офицер, я был настолько исполнен энтузиазма в отношении этого задания, что едва сдержался, чтобы не отсалютовать президенту.

Я не знал точно, как исполнить полученный от Никсона приказ, но понимал, что должен собрать информацию о докторе Элсберге. Если мне удастся найти какой-нибудь повод привлечь его к уголовной ответственности, то я так и сделаю. Если я смогу найти способ подорвать его репутацию, то я так и сделаю. Это не было детской игрой или обычной политикой. На карту было поставлено слишком многое. Я не следовал приказам вслепую, но размышлял о том, что будет правильно, а что – нет.

Я отправился к президентскому советнику по юридическим вопросам Джону Дину, и попросил раздобыть для меня досье ФБР на Даниэля Элсберга. Они всегда составляют энциклопедические досье на всех, кто занимает правительственные должности, имеющие отношение к национальной безопасности, как было в случае с Элсбергом. Бюро опрашивает друзей, врагов, жен, бывших жен, и все, сказанное во время этих опросов, – будь то правда или ложь, – тщательно фиксируется.

Досье Элсберга содержало сильно компрометирующие его материалы личного характера. Казалось, мне выпала идеальная возможность исполнить пожелания президента. Если бы мы смогли показать нации, что Даниэль Элсберг – далеко не герой, то его действия по распространению «Бумаг Пентагона» предстали бы в неприглядном свете. Он оказался бы предателем, кем я его и считал, а не борцом за свободу слова и открытость правительства.

Я пригласил к себе в офис репортера из «Детройт Ньюс», чтобы поделиться с ним «теньевой», то есть конфиденциальной информацией, которой он мог воспользоваться при условии, что не раскроет источник ее получения. Показав ему составленное ФБР досье доктора Элсберга, я спросил: «Хотите узнать, что собой представ-

ляет человек, пытающийся навредить Никсону и нашей внешней политике? — Тогда прочтите вот это».

Я был уверен, что воровство документов было со стороны Элсберга преступлением, но ни на мгновение не задавался вопросом о правомочности собственных попыток остановить его. Только позже я осознал, что, передав репортеру досье Элсберга, совершил преступление, но в тот момент я этого не понимал. Мне казалось, что «тихий голос совести», который обычно удерживает нас от наихудших поступков, даже подбадривает меня. Я считал, что поступаю совершенно правильно, и даже идеализировал свои действия. В конце концов, я ведь служил делу мира и безопасности.

Хочу особо подчеркнуть, что за время пребывания в Белом доме я никогда не совершал ничего, что считал в тот момент противозаконным. Я ни за что сознательно не рискнул бы своей адвокатской лицензией, на получение которой потратил столько сил. Я мог приблизиться вплотную к черте дозволенного, но, почувствовав, что еще немного — и переступлю ее (а таких случаев было немало), сразу же делал шаг назад. Передача газетам материалов о человеке, укравшем секретные документы, не казалась мне чем-то противозаконным. (На самом деле, это и не было нарушением закона до того момента, когда я признал свою вину. Прокурор сказал, что мое дело создало судебный прецедент.) Однако тот репортер не имел необходимого государственного допуска на работу с подобными документами — факт, который я сознательно проигнорировал. Кроме того, позже я признал, что попытка нарушить права обвиняемого в суде создавала помехи в отправлении правосудия.

Меня погубила слепая уверенность в собственной правоте — и позже мы еще поговорим об этом подробнее. Я думал, что возвел вокруг своих действий настолько прочную нравственную ограду, что для меня *невозможно* совершить тяжкий моральный проступок, не говоря уже о преступлении. Моя внутренняя защита от нравственных и юридических ошибок уверяла меня, что я не могу быть неправ, даже когда я совершал уголовное правонарушение. Едва задумавшись об этом, я на глубочайшем уровне осознал, что изменил собственным принципам, но в тот момент я просто заблокировал все посылаемые мне совестью предупреждающие сигналы безоговорочной уверенностью в собственной невинности.

По иронии, репортер «Детройт Ньюс» так и не опубликовал предоставленные ему материалы, но зато это сделало издательство «Коупли Пресс», получив аналогичную информацию от кого-то из ФБР.

Я настоял на том, чтобы президент одобрил уголовное преследование Элсберга, рекомендованное Министерством юстиции, и

28 июня 1971 года (через две недели после первой публикации в «Нью-Йорк Таймс») ему было выдвинуто обвинение в незаконном завладении секретными документами государственного значения. Однако, из-за неправильного поведения представителей властей (включая меня) в апреле 1973 года дело было закрыто.

Дело Элсберга (в том числе незаконное проникновение «сантехников» в кабинет его психиатра для получения конфиденциальной врачебной информации) стало центральным элементом ужасного скандала, известного как «Уотергейт». Он разразился в июне 1972 года после того, как кто-то из тех же «сантехников» тайно проник в штаб-квартиру Национального комитета демократической партии. В результате ФБР и федеральная прокуратура немедленно начали расследование этого инцидента.

Я о проникновении ничего не знал, и обвинители на первых слушаниях дела признали мою непричастность. Но реальная суть Уотергейтского скандала заключалась в укрывательстве — в попытках защитить президента и его администрацию. Поначалу мы принимали довольно сдержанные меры, чтобы сбить прокуратуру со следа, но в течение нескольких месяцев наши усилия переросли в полномасштабное укрывательство. В результате, весной 1974 года тем из нас, кто оказывал наиболее активную помощь президенту, были выдвинуты обвинения.

В мае 1974-го я согласился с тем, что действительно виновен во вмешательстве в дело Элсберга, хотя ранее отклонил предложение о смягчении приговора в обмен на свидетельские показания против Никсона. Посоветовавшись с ближайшими друзьями, я решил признать свою вину по одному пункту обвинения (создание помех правосудию) и был приговорен к трем годам лишения свободы.

Я признал, что разработал «схему получения компрометирующей информации о Даниэле Элсберге, дабы очернить и разрушить его общественную репутацию и авторитет ... а также повлиять на проведение и результаты расследования по делу Элсберга, создавая для него помехи и препятствия».

Глубоко проанализировав свои действия, я пришел к заключению о справедливости этого обвинения и собственноручно составил его формулировку. Попытавшись опубликовать компрометирующую информацию о личных качествах Даниэля Элсберга (что мне почти удалось), я надеялся лишить его возможности справедливого суда. Как юрист, я должен был понимать, что, опорочив его в прессе, настрою против него всю страну, а значит — и любой возможный состав присяжных на суде. На меня самого ежедневно клеветали репортеры из «Вашингтон Пост» Вудворд и Бернстайн, и я знал, что это такое.

Восьмого июля 1974 года мой друг Грэм Перселл отвез меня в обшарпанный отель в Балтиморе, где меня уже ожидали четверо вооруженных судебных приставов, чтобы доставить в тюрьму. Подобное место встречи было выбрано, дабы избежать присутствия прессы, но репортеры преследовали нас всю дорогу от самого моего дома в Маклине, штат Вирджиния. Я поцеловал на прощание мою жену Пэтти, после чего меня посадили в кузов полицейского фургона без опознавательных знаков и доставили в тюрьму на армейской базе в Форт-Холаберд.

По пути туда я не испытывал почти никаких эмоций. Я был полностью опустошен. У меня был тяжело болен отец (он умер через месяц), а Пэтти осталась один на один с огромной горой обязанностей. По мне проехали катком в национальной прессе, и в какой-то мере я чувствовал облегчение от того, что этот кошмар хотя бы отчасти завершен. И еще, как ни странно, я не испытывал страха. Я даже помню, что в тот день по пути в Балтимор размышлял о том, почему мне не страшно, хотя знал, что жизни высокопоставленных должностных лиц в тюрьме зачастую грозит опасность со стороны озлобившихся заключенных. Тем не менее, в день прибытия в Холаберд я чувствовал подобие покоя. Я знал, что должен пройти через это, и обязательно пройду. Как бывшему морскому пехотинцу, жизнь в тюрьме не казалась мне чем-то непереносимым. Конечно, я очень досадовал, что оказался вдали от семьи, и, кроме того, я был серьезно опозорен. Я не представлял, что ожидает меня в будущем, но был готов отбыть свой срок день за днем.

Форт-Холаберд напоминал город-призрак. Окна его кирпичных домов и закопченных дощатых хибар были заколочены. Потрескавшиеся стены поросли бурьяном. Посреди этой заброшенной военной базы возвышался трехметровый забор из металлической сетки, поверх которой была протянута колючая проволока. Внутри ограды находилось деревянное здание. Меня удивило, что пояс колючей проволоки наклонен наружу, как будто было важнее сдерживать не заключенных, а тех, кто находился вне тюрьмы. Вскоре я узнал — почему.

В Холаберде содержались важные свидетели, большинство из которых подвергались большой опасности, поскольку относились к

Самым сокрушительным
в тюремном заключении
была мысль о том,
что отныне я уже
никогда в жизни
не смогу совершить
что-либо значимое

числу «свидетелей государственной важности»: мафиози, участвующие в федеральной программе защиты свидетелей, бывшие криминальные авторитеты, выторговавшие смягчение приговора в обмен на показания против своих боссов, и другие. Одним из обитателей Холаберда был профессиональный киллер, убивший двадцать восемь человек. Среди заключенных также находились участники известной наркоторговой сети «Французский связной», а также те, кто предоставил улики против судей. Я узнал, что большинство из содержащихся в Форт-Холаберде на свободе рискуют быстро расстаться с жизнью. Именно поэтому все охранники были вооружены до зубов, а колючая проволока наклонена наружу ограды. Было странно, что люди больше подвергались опасности за стенами тюрьмы, чем внутри нее.

Холаберду также предстояло стать пристанищем для всех ключевых фигур Уотергейтского скандала, дававших показания перед судом присяжных. Когда меня доставили в тюрьму, там пока что был только Герб Калмбах. Джона Дина и Джеба Магрудера привезли позже.

Тюремное здание разительно отличалось от шикарной обстановки Белого дома. Краска на грязных стенах отслоилась, а трубы парового отопления тянулись просто вдоль длинного коридора, который проходил через центр строения и освещался только тусклыми лампочками, свисающими с потолка через каждые десять метров.

Надзиратель ввел меня в комнату досмотра, где у меня взяли отпечатки пальцев, сфотографировали на «Polaroid» и тщательно проверили личные вещи на предмет наличия наркотиков и контрабанды, после чего я заполнил несколько бесконечно длинных анкет.

Наконец, завершив все процедуры, меня препоручили Джо — смуглому заключенному, едва говорившему по-английски. Он показал мне мою камеру: комнату размерами три на четыре метра, втиснутую под стреху крыши на втором этаже. Ее обстановка состояла из деревянной кровати, обшарпанного комода и маленького деревянного стола, испещренного надписями, оставленными несколькими поколениями прежних обитателей — от юных армейских лейтенантов до заключенных федерального значения. Температура в комнате была под сорок градусов. В Балтиморе в тот момент как раз стояла жуткая жара.

В ту ночь, лежа на кровати, я пытался не столько заснуть, сколько нормально дышать посреди знойной духоты. Мне не было страшно — по крайней мере, не физически. За время службы в морской пехоте мне приходилось жить в самых разных условиях, и я всегда отличался выносливостью. Меня не беспокоили мысли о будущем или о том, чем я буду зарабатывать на жизнь, когда выйду на свободу.

Я был уверен, что смогу найти неплохую работу в какой-нибудь частной компании или вернуть свою адвокатскую лицензию – по крайней мере, для некоторых областей юрисдикции. Конечно, меня тяготило осознание того, что следующие три года мне придется провести в подобной обстановке, но наиболее болезненно я переживал разлуку с семьей и собственное чувство беспомощности.

Но самым сокрушительным в тюремном заключении была для меня мысль о том, что отныне я уже никогда в жизни не смогу совершить что-либо значимое. Я всегда был патриотом, и именно поэтому пошел добровольцем в морскую пехоту. Затем, движимый идеалистическими побуждениями, я занялся политикой. Я верил, что могу сделать что-то полезное для своей страны. Когда президент предложил мне стать его сотрудником, я охотно отказался от шестизначного годового дохода (в шестидесятые годы это была очень серьезная сумма), поскольку считал своим долгом служить миру, изменяя его к лучшему. И вот, мое собственное правительство бросило меня в тюрьму, и это пятно будет сопровождать меня до конца моих дней. Я навсегда останусь бывшим заключенным. Мне были известны высоты власти, помогавшие формировать политический курс самой могущественной нации на земле, но в будущем мне было запрещено даже голосовать на выборах, не говоря уже о том, чтобы вернуться в политику, которую я очень любил. Все, о чем я мечтал, теперь было для меня навсегда потеряно.

Повесть моей жизни развалилась на части, и я не мог найти даже тень дальнейшего сюжета. Мое будущее выглядело пожизненным заключением. Действительно, тогда я размышлял об успехе в материальном смысле: власть, деньги, слава, уверенность в будущем... Но я также видел успех в том, чтобы совершать поступки, положительно влияющие на жизнь людей. Как теперь я мог достичь всего этого, будучи навеки меченным, бывшим заключенным, опозоренным государственным деятелем?

Великие парадоксы

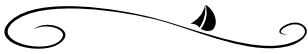
Тюрьма оказалась одним из лучших периодов моей жизни. Именно поэтому в передаче «60 минут», посвященной двадцатой годовщине Уотергейта, я сказал тележурналисту Майку Уоллесу, чем немало удивил его: «Я благодарю Бога за Уотергейт». Тюрьма не только радикально преобразила мои взгляды на жизнь, но и предоставила мне практическую возможность того, на что я уже не надеялся — по-настоящему служить другим. В моем случае это стало служение заключенным в разных уголках мира.

Мой пример ярко иллюстрирует тот факт, что в самом сердце тайны под названием «жизнь» лежит следующий парадокс. То, за что мы боремся, зачастую оказывается нам менее всего нужным. То, чего мы больше всего боимся, может оказаться для нас величайшим благословением.

Гилберт Честертон определяет парадокс как «истину, поставленную на голову, чтобы привлечь внимание».¹ Поиск счастливой жизни невозможен без столкновения с парадоксами, которые поначалу кажутся противоречивыми, но затем оказываются истиной.

Прежде, чем моя жизнь восстановилась, все мои прежние ожидания, несомненно, перевернулись с ног на голову. Именно так я обнаружил первый из великих жизненных парадоксов: *страдания и поражения зачастую ведут к победе*.

Выдающийся романист XIX века Федор Достоевский усвоил этот парадокс на своем неожиданном и драматичном опыте. Очарованный французским утопическим социализмом, этот молодой русский интеллектual начал посещать собрания тайного кружка, который царь считал антиправительственным заговором. За это До-

Страдания и поражения
зачастую ведут к победе

стоевский был приговорен к восьми годам каторги. Проведя некоторое время под стражей, он узнал, что его приговор сменили на смертную казнь через расстрел.

Унылым зимним днем Достоевского вместе с несколькими другими заключенными провели по снегу и поставили перед расстрельной командой. Пока военный чиновник громко зачитывал смертные приговоры, священник по одному выводил осужденных вперед, предоставляя им возможность поцеловать крест, который держал в руке.

Наконец, троих заключенных привязали к столбам, и Достоевский, наблюдавший за всем этим, осознал, что следующим будет он. Солдаты натянули осужденным на глаза колпаки, и Достоевский почувствовал, как его желудок сдавил спазм. Расстрельная команда подняла ружья, прицелилась и замерла, готовая спустить курки.

Достоевский напряженно застыл. Ожидание, казалось, длилось целую вечность, как вдруг опять зазвучала барабанная дробь. Но это был сигнал отбоя! Ошеломленный Достоевский наблюдал за тем, как расстрельная команда опустила свои ружья, и солдаты сняли с осужденных колпаки. Их, включая и Достоевского, помиловали.²

Сразу же после случившегося Достоевский написал письмо своему брату о тех переменах, которые произвел в нем этот инцидент: «Как оглянуться на прошедшее да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в неумении жить; как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа, — так кровью обливается сердце мое. *Жизнь — дар...* Теперь, переменяя жизнь, перерождаюсь в новую форму. Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте. Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя, все утешение мое».³

Близкая казнь и восемь ужасных лет в сибирской тюрьме предоставили Достоевскому уникальный дар: возможность взглянуть на жизнь, находясь у ее последней черты. Большинство из нас никогда не сможет так же, как он, понять, что на самом деле является самым важным. Этот взгляд стал его платформой для создания великолепных романов, наполненных невероятными откровениями о человеке и борьбе добра и зла.

Романы Достоевского помогали сохранить огонек христианской веры в течение семидесяти лет советских репрессий. Александр Солженицын — диссидент, книги которого, удостоенные Нобелевской премии, вскрыли ужасы советского ГУЛАГа, — почерпнул многие из своих идей именно из трудов Достоевского. Благодаря Солженицыну и другим диссидентам, высоко ценившим произведения Достоевского, страдания последнего оказали не прямое, но сильное влияние на процесс свержения советского режима. Страдания и поражения ведут к победе.

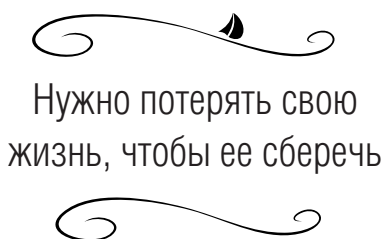
Этот парадокс также проявился в XX веке в жизни одного американца с Уолл-Стрит. В «бурные двадцатые» Уильям Уилсон сколотил себе состояние как биржевой аналитик. Он был одним из первых, кто начал заниматься персональной аналитикой для компаний, кося по восточному побережью США на мотоцикле с коляской, в которой сидела его жена. Оказавшись на грани разорения, Уилсон купил пару акций таких компаний как «General Electric» и «Alcoa», — достаточно, чтобы, представляясь владельцем акций, рассчитывать на обязательное в таких случаях внимание руководства компаний.⁴ Знаменитые биржевики Фрэнк Шо и Джо Хиршхорн, высоко оценив отчеты Уилсона, начали за них щедро платить и одалживать ему деньги, чтобы он мог и сам покупать акции тех компаний, которые рекомендовал им.

Вскоре Уилсон и его жена купили две смежные квартиры в престижном районе Бруклина и, выбив общие стены, создали шикарные апартаменты. Однако у Билла Уилсона была одна пагубная привычка: он слишком много пил. Из-за этого пристрастия он скоро лишился всего, что имел, и глубоко увяз в долгах. Дошло до того, что его нью-йоркский врач предупредил Уилсона, что если тот не бросит пить, то скоро умрет.

Полагая, что разбирается лучше врача, Билл Уилсон не оставил свою пагубную привычку и трижды попадал в больницу прежде, чем, наконец, воззвал о помощи. «Если Бог есть, то пусть Он сейчас явит Свою силу!»⁵

Чувство покоя и облегчения, пережитое Биллом Уилсоном, как только он воззвал к Богу, даровали ему силы навсегда покончить с пьянством. Вместе с доктором Робертом Смитом («Доктором Бобом») он основал сообщество «Анонимные алкоголики», принципы которого содержат парадоксальную идею о том, что «достижение дна» является основанием для новой жизни. Благодаря работе «Анонимных алкоголиков» миллионы мужчин и женщин по всему миру теперь знают, что поражения и страдания порождают победу. Это не подразумевает какой-то перевернутой системы ценностей, когда мы должны потакать своим личным недостаткам, дабы из этого получилось что-то хорошее.

Многие люди могли бы рассказать о преобразивших их переживаниях, не имеющих ничего общего с саморазрушающим поведением. Прежде, чем выйти замуж за бывшего участника группы «The Beatles» Пола Маккартни, Хэзер Миллс была одной из британских супермоделей. Во время поездки на лыжный курорт в бывшую Юго-

славию она стала свидетелем первых вооруженных столкновений в Хорватии. Хэзер сразу же организовала кампанию в помощь жертвам войны. Позже она была сбита полицейским мотоциклистом в Лондоне, в результате чего получила травму, приведшую к ампутации левой ноги почти до колена. Вместо того, чтобы замкнуться в своем несчастье и думать только об утрате, Хэзер избрала другой путь. Она сказала прессе: «Этот несчастный случай обязательно приведет к чему-то хорошему. Кажется, судьба просто пытается сказать мне, что уготовила для меня нечто большее».⁶ Движимая тем же состраданием, что подтолкнуло ее откликнуться на нужды жертв войны, Хэзер направила свою энергию на приобретение протезов конечностей для бедных. Затем, вместе с мужем Полом Маккартни, она начала кампанию по запрету применения противопехотных мин. Благодаря своим трудным обстоятельствам, она смогла отождествить себя с нуждающимися людьми. Поражения и страдания ведут к победе.

Что общего у этих историй? Учат ли они нас тому, что преодоление кризисных ситуаций каким-то волшебным образом изглаживает наши слабости? Вряд ли. Достоевский, оказавшись на грани расстрела и пройдя каторгу, хоть и давал себе слово вести безукоризненный образ жизни, но все же серьезно пристрастился к азартным играм. Билл Уилсон до конца своих дней страдал от депрессии. Что касается меня, то я также далек от того образа, который люди представляют, читая мои книги.

Более того, все реагируют на бедствия по-разному. Несметное число людей оказывается в тюрьме, страдает от какой-нибудь зависимости, они становятся свидетелями ужасов войны, но остаются прежними – или их пороки еще больше усугубляются. Пережитые испытания не даруют нам каких-то особых добродетелей. Результат зависит лишь от того, как *мы* решаем отреагировать на кризис. Важны не столько сами события, сколько наша на них реакция.

Описанные выше ситуации объединяет их способность открыть глаза на *реальность*. Если вы еще не пережили подобный момент и умеете молиться, то молитесь о том, чтобы это произошло. Лично я обнаружил, что жизнь после этого становится несравненно богаче, поскольку кризисы способны показать нам, какими мы есть на самом деле.

Когда несколько лет назад я был в Австралии, меня пригласили выступить в «Национальном пресс-клубе», который проводил еженедельные официальные завтраки в столице, Канберре. Моя речь и

последовавшие после нее вопросы транслировали в прямом эфире на всю страну. В течение двадцати минут я поделился своей историей, а оставшиеся полчаса отвечал на вопросы. Если до этого я считал представителей американской прессы жесткими, то только потому, что ни разу не сталкивался с австралийской прессой. Это был настоящий сеанс избиения. Ближе к концу встречи поднялся какой-то репортер из Аделаиды и, попросив слова, сказал: «Мистер Колсон, вы — единственный человек на земле, проживший две жизни. Опишите в двух словах, какой урок вы для себя извлекли».

Взглянув на настенные часы, я увидел, что до завершения трансляции осталось меньше полминуты. В поисках быстрого ответа я просто повторил слова, некогда сказанные Иисусом: «Кто хочет спасти свою жизнь, ее потеряет, а кто свою жизнь потеряет ради Меня, тот ее спасет».

В этот момент минутная стрелка на часах коснулась цифры 12, и прямой эфир завершился. Я представил себе, как люди по всей Австралии озадаченно чешут в затылках. Ох уж эти янки! — вечно приезжают и говорят загадками...

Я же обнаружил в своей жизни истинность второго великого парадокса: *нужно потерять свою жизнь, чтобы ее сберечь*. Потерять свою жизнь — это значит самоустранить, убраться с дороги. Это крайне радикальное послание для современной массовой культуры, породившей целую индустрию, главная задача которой — научить нас, как «обрести себя». Однако счастливая жизнь — не в том, чтобы обрести, а в том, чтобы *потерять* себя. Как только наше «я» оказывается в подчинении, мы обнаруживаем, что способны по-новому отождествиться с другими и обрести новое понимание того, кто мы есть на самом деле.

Мой тюремный опыт помог мне увидеть, каков я в действительности. Когда из Форт-Холаберда меня доставили в федеральную колонию на базе ВВС Максвелла в Монтгомери, штат Алабама, я пережил несколько гнетущих моментов. Вид этой большой одноэтажной казармы старой постройки, плотно заставленной внутри койками, навевал тоску. В воздухе повсюду висела пыльная мгла. Грязные полы, одеяла, шкафы — все было бежевым или тускло-коричневым

Свобода заключается не в приспособлении к ожиданиям этого мира и даже не в осознании того, что мы считаем своими глубочайшими желаниями. Она состоит в том, чтобы следовать своему жизненному призванию.

от пыли. Когда мне показали мою койку, я вынес матрас на улицу, снял с него чехол и встряхнул. Ветер поднял в воздух целый столб грязи.

Заключенные в этой тюрьме представляли собой самую разношерстную публику: от мелких жуликов, наподобие контрабандистов, растратчиков и торговцев наркотиками, до матерых убийц и участников вооруженных ограблений.

На третий день моего пребывания в Максвелле задождило, и мою бригаду, которой дали наряд на уборку территории, освободили от работ. Я нашел в рабочем помещении тихий уголок и устроился в нем, чтобы спокойно почитать Библию. Вскоре я натолкнулся на стих, который поразил меня до глубины души. В нем сказано, что Христос стал человеком, чтобы не стыдиться называть нас Своими братьями.⁷

Для меня это был важный момент озарения, откровение свыше. Я вдруг увидел жизнь другими глазами. Люди вокруг меня не были «убийцами», «грабителями» и «наркоторговцами». Если даже Христос не стыдился их, то они были моими братьями, такими же людьми, как и я. Безусловно, некоторые из них совершили ужасные злодеяния, но и я – тоже. Возможно, у меня есть какие-то таланты, которые общество оценивает выше, чем таланты этих людей, но эти способности были даны мне при рождении. Да, я развивал их – это правда, но также я время от времени и злоупотреблял ими. Я осознал, что если меня что-нибудь и отличало от этих людей, то лишь количественно, но никак не качественно. Все мы были в чем-то одаренными и в чем-то порочными, и я больше не мог притворяться, что наделен правом судить кого бы то ни было. Если Иисус не стыдится меня, то кто я, чтобы обособляться? Я был убежден – вернее, *обличен* в том, что в Божьих глазах мне, как и другим заключенным, посчастливилось стать одним из тех, кого Иисус не стыдится.

Достоевский тоже пережил нечто подобное. Пребывая в сибирской тюрьме, он понял, насколько запала в его сердце одна давняя встреча с добродушным крестьянином. Находясь в своем бараке, Достоевский вспомнил о том, с какой огромной, отеческой любовью посмотрел на него тогда этот крестьянин. Позже он написал в своем «Дневнике писателя»: «И вот, когда я сошел с нар и огляделся кругом, помню, я вдруг почувствовал, что могу смотреть на этих несчастных совсем другими глазами и что вдруг, *каким-то чудом*, исчезла совсем всякая ненависть и злоба в сердце моем».⁸ В том же «Дневнике писателя» Достоевский пишет, что обнаружил в своих взаимоотношениях с другими заключенными «братское соединение в общем несчастье». По его словам, он осознал, что был с ними «сравнен и даже приравнен к самой низшей ступени».⁹

Я никогда по-настоящему не понимал людей, пока сам не оказался раздавлен. Пока не лишился всего, что имел, и не оказался в тюрьме, я никогда не умел искренне сопереживать. Мое поражение предоставило мне возможность ощутить неведомое мне прежде сострадание. Потеряв свою жизнь, я начал обретать более искренние взаимоотношения с окружающими и через них – с самой жизнью.

Сотни людей говорили мне, что, впервые услышав о моем обращении в христианство и работе в тюрьмах, отнеслись к этому скептически, если не сказать цинично. Многие решили, что я пытаюсь вернуть себе расположение общества, доказать, что я на самом деле – хороший парень, а не такой, каким меня показал Уотергейт. Другие же считали, что таким образом я пробиваюсь обратно в политику. Осознав, что полмира верят в это, я только рассмеялся. Вторая половина, наверное, просто думала, что я сошел с ума.

По правде говоря, мне было совершенно все равно, считает ли кто-то меня сумасшедшим или уверен, что я «зондирую почву» для возвращения симпатий общества. Я уже не был узником чужих ожиданий, а просто решил, что буду поступать так, как считаю правильным. Мы должны потерять свою жизнь, чтобы сберечь ее. Не укладывающийся в голову парадокс, но он дарует самое освобождающее из всех воображимых переживаний.

Он привел меня к открытию третьего великого парадокса: *свобода заключается не в приспособлении к ожиданиям этого мира и даже не в осознании того, что мы считаем своими глубочайшими желаниями. Она состоит в том, чтобы следовать своему жизненному призванию.* Большинство из нас считают, что свобода – это отсутствие ограничений или устранение ответственности. Но это совсем не так. Каждый из нас призван совершить в жизни нечто, и ощущение величайшей радости, чувство удовлетворенности – да, свобода – приходят в нашем послушании этой миссии.

После освобождения из тюрьмы 31 января 1975 года я планировал дописать книгу, работу над которой начал в заключении, а затем возобновить юридическую практику в Массачусетсе. У меня появилось также несколько хороших вариантов в сфере бизнеса. Свою помощь предложил даже бывший президент Никсон. Однажды

Свобода куда менее зависит
от того, находишься ты в
тюрьме или за ее стенами,
чем от умения отказаться
жить в погоне за ложными
ожиданиями

он позвонил мне из своего калифорнийского изгнания, чтобы поздравить с возвращением домой. После обмена любезностями Никсон сказал: «Я слышал, ты занялся религиозной работой. Надеюсь, ты не думаешь делать себе в этом карьеру». Я ответил, что еще не принял решения, что мне нужно немного времени, чтобы адаптироваться к жизни на свободе. Никсон сказал: «Что ж, ты знаешь о своих выдающихся способностях. Ты можешь подняться на самую вершину в бизнесе и заработать миллионы. Только дай мне знать — и я позвоню своим друзьям. Я уверен, что Боб Абпланалп, Джек Малкахи, да и еще многие с радостью возьмут к себе на работу такого парня, как ты. Просто сообщи мне, когда решишь».

Звонок от Никсона был не единственным. Я получал и другие — как от бывших клиентов, так и от друзей. Но в тот момент ни одно из предложений, некогда казавшихся весьма соблазнительными, меня не привлекало. У меня не выходили из головы люди, с которыми я познакомился в заключении. Я уже понимал, что свобода куда менее зависит от того, находишься ты в тюрьме или за ее стенами, чем от умения отказаться жить в погоне за ложными ожиданиями.

Мне не давал покоя один случай из моего тюремного прошлого. Однажды вечером я устроился в зоне для собраний, расположенной в конце барака, чтобы написать письмо Пэтти. Многие из заключенных в этот момент толпились возле назойливо галдящего телевизора или играли в карты. Ранее я уже заприметил одного высокого, вечно сердитого чернокожего парня, который был кем-то вроде лидера. Кроме того, Арчи выполнял функции тюремного юриста. Вдруг (не знаю, что его побудило так поступить) он встал и громко окликнул меня: «Эй, Колсон! А что ты сделаешь для нас, когда освободишься?»

Удивленно посмотрев на него, я на мгновение задумался и ответил: «Арчи, после того, как я выйду отсюда, я всегда буду помнить о тебе и об остальных парнях».

Неожиданно схватив колоду карт, Арчи швырнул ее в мою сторону, и карты, протанцевав по полу, застыли хаотической россыпью. «Да, все вы, важные ‘шишки’, так всегда говорите, а потом забываете о такой ‘мелюзге’, как мы».

После освобождения я несколько месяцев постоянно вспоминал эти слова Арчи, и постепенно мне становилось совершенно очевидно, что я оказался в тюрьме с определенной целью. Я встретил там людей, потерявших всякую надежду, у которых не было никого, кто мог бы позаботиться о них. Некоторых заключенных за многие годы, проведенные в тюрьме, так никто ни разу и не посетил. Они нуждались в заступнике.

У меня ушло полтора года на борьбу с этим решением, но летом 1976 года мы с Пэтти, наконец, признали, что забота о за-

ключенных – это мое призвание. Таким образом, как это ни парадоксально, тюрьма открыла для меня новые перспективы, которые, как оказалось в дальнейшем, принесли больше радости, чем я мог себе когда-нибудь представить. Свобода заключается в послушании нашему призванию.

Еще лучший пример данного парадокса в действии – это жизнь моей драгоценной дочери, с которой вы познакомились во введении. Эмили была удивительным ребенком – даже в бунтарские подростковые годы. Я ею всегда очень гордился. После колледжа Эмили вышла замуж за человека, у которого была отличная работа. Я видел, как формируется образцовая жизнь моей дочери: счастливый брак, успех в бизнесе, утвержденная в церкви семья, дети...

Но после рождения сына-аутиста, Макса, их жизнь изменилась. Напряжение внутри семьи привело к разводу. Когда это случилось, Эмили была почти парализована страхом, а я погрузился в глубокую депрессию, скорбя о таком повороте в жизни дочери.

Тем не менее, Эмили не сдалась (и по-прежнему не сдается). Она с боями, сантиметр за сантиметром прокладывала путь к дополнительным средствам на обучение Макса в спецшколе. Она прошла через все муки, с которыми сталкивается мать-одиночка, воспитывающая ребенка в особо сложных обстоятельствах.

Однако в процессе этого с Эмили произошло нечто воистину необычное. Сегодня она – сияющий человек, исполненный радости и восторга, хотя и обладающий твердым, как сталь, характером. Ее личная вера стала настолько глубокой, что порой мне становится стыдно за свои сомнения. Несмотря на то, что Эмили – талантливая художница и писатель, она посвящает почти все свое время сыну. За все эти годы я ни разу не слышал, чтобы она жаловалась. Наоборот, она постоянно говорит о той радости, которую ей доставляет воспитание Макса. И он, действительно, очень милый ребенок. Описывая свою жизнь, Эмили говорит, что ей была доверена шкатулка с невероятной ценности алмазом внутри. Сама шкатулка не особо привлекательна, но, открыв ее, вашему взору открывается нечто ослепительно прекрасное.

Жизнь Эмили – это не просто очередная история человека, преодолевающего невзгоды. Она иллюстрирует, как можно обрести настоящую радость в своем призвании – даже если это призвание стало следствием трудных обстоятельств. Призвание не обязательно заключается в том, чтобы достичь вершины корпоративной лестницы

Мы должны признать зло
в самих себе прежде, чем
сможем по-настоящему
обрести в жизни добро

или прослыть самой гламурной дамой светских вечеринок. Оно может подразумевать смену подгузников у взрослого ребенка и служение тому, кто способен разве что на то, чтобы дарить в ответ свою любовь. Свобода приходит от послушания призванию.

Мысль о том, что призвание поначалу может выглядеть непривлекательно и не сулить особых выгод нашему положению, способна заставить нас отшатнуться. Как мы выясним далее в этой книге, поиск счастливой жизни часто побуждает нас поступать вопреки собственной интуиции и общественному мнению.

Это приводит меня к четвертому великому парадоксу: *мы должны признать зло в самих себе прежде, чем сможем по-настоящему обрести в жизни добро*. Пока мы не признаем собственную склонность к злодеяниям, мы никогда не достигнем способности совершать правильные вещи.

Даже если мы понимаем, что является правильным, нечто внутри нас, некая упрямая сила ему противится. Это отражено в одном запо-

минающемся эпизоде из старого фильма, снятого по мотивам классического романа Льва Толстого «Война и мир». В нем мы видим многие грани масштабных наполеоновских войн глазами крайне незадачливого персонажа по имени Пьер Безухов. У него все шло наперекосяк гораздо чаще, чем складывалось благополучно. В кульминационный момент фильма Пьер, осознав свою несостоятель-

Мы можем обрести
хорошую жизнь, только
признав себя плохими

ность, поднимает лицо к небесам и, потрясая кулаками, спрашивает: «Ну почему я знаю, как поступать правильно, но всегда поступаю неправильно?»¹⁰ И, как подсказывает мне мой опыт, он вполне мог бы добавить: «...А, поступая неправильно, я этого никогда не признаю».

Этот парадокс наводит на мысль, которая многим покажется оскорбительной. Мы, по своей сути, – падшие существа, склонные поступать неправильно из-за первородного греха. Для исследования данного тезиса в нашем совместном путешествии момент еще не настал, поэтому пока просто отмечу, что игнорирование такого явления, как грех, было бы умышленным отрицанием реальности. Достаточно лишь оглядеться по сторонам на тот парад ужасов, с которыми мы ежедневно сталкиваемся в выпусках новостей.

Почему же мы знаем, как поступать правильно, но поступаем неправильно? Почему нам так трудно различать добро и действовать в его интересах?

За свою жизнь я немало размышлял над этими вопросами. Я получил хорошее образование и был прекрасно подготовленным юристом. Я усердно трудился в своей профессии и считал, что придерживаюсь безупречного морального кодекса. Если бы вы спросили меня в 1969 году, отличаю ли я добро от зла и обладаю ли силой воли поступать правильно, то я был бы оскорблен. Ну, конечно же! Отец преподавал мне хорошие уроки о правде и справедливости, о добре и зле.

Тем не менее, в самый критический момент своей жизни я, хотя и знал, как поступать правильно, поступил неправильно, а затем потратил два года на попытки оправдать свои действия. Нам сложно поступать правильно, но признавать свою ответственность зачастую еще сложнее.

Способность увидеть, какие мы на самом деле, — это, наверное, величайший из даров, которые мы выносим из серьезных личных поражений. Люди, пытающиеся справиться с зависимостью или восстанавить свою жизнь после тюрьмы, знают, что они *не* невинны, и являются частью того, что не так с этим миром.

Верите вы или нет, но мы все являемся частью этого.

К сожалению, многие люди действительно живут, отрицая реальность. Один из феноменов администрации Никсона, о котором мало говорят, заключался в том, что многие из ведущих советников президента были последователями учения «христианская наука», и это, на мой взгляд, значительно поспособствовало Уотергейтскому скандалу. Среди них были глава администрации Боб Холдемэн и советник по вопросам внутренней политики Джон Эрлихман. Я не пытаюсь очернить чужие убеждения. Как я уже сказал в начале, все мы — в процессе поиска, и я знаю последователей «христианской науки», ведущих очень достойную, благочестивую жизнь. И все же, в их системе верований присутствует один большой изъян. Они считают зло иллюзией, отрицая существование греха или зла, которое, на их взгляд, реально только в том случае, если мы позволяем ему вторгнуться в наш разум.

Шаткость подобного убеждения наиболее очевидно проявилась в интервью, которое один из тех самых «сантехников» дал журналу «Christian Science Sentinel» спустя тридцать лет после Уотергейта. Эджил Крог, объяснив, какие законы нарушил и в каких преступлениях был обвинен, сказал: «Но истина состоит в том, что я на самом деле никогда не был виновен. Человеческий опыт воспринимал это так, что я прошел через тот жизненный период: работу на мистера Никсона и все, что последовало дальше. ... Но фундаментальная идея состоит в том, что моя невиновность никогда не была затронута. Дабы внести полную ясность, я искренне сделаю все, что в моих силах,

чтобы дать объяснение в рамках человеческого разума. В процессе всего этого моя невиновность стала еще более очевидной. Осознание своей невиновности придало мне сил предпринять необходимые шаги, чтобы взять на себя ответственность за свои действия... Моя духовная природа ничуть не изменилась».¹¹

Вина – это невиновность? Не признав свои собственные ошибки или грех, мы никогда не избавимся от них. Как это ни парадоксально, мы можем обрести хорошую жизнь, только признав себя плохими. Отрицание зла неизбежно порождает трагедии – в нашей собственной жизни и в обществе в целом. Прежде, чем мы сможем по-настоящему обрести в жизни добро, мы должны признать зло в самих себе.

Понимание жизненных парадоксов – это ключ к счастливой жизни. Без осознания парадоксальной природы жизни мы окажемся неготовыми к ее неожиданным крутым поворотам, позволим людям, вещам и обстоятельствам сбивать нас с курса. Нам будет казаться, что мы бежим вверх по эскалатору, пущенному вниз.

Нам нужно познавать, каким образом страдания и поражения могут привести к победе, и как мы теряем свою жизнь, чтобы сберечь ее. Мы должны быть послушны своему призванию – и тогда мы станем свободными. Наконец, нам необходимо признать собственное зло, чтобы обрести добро. Эти на первый взгляд перевернутые истины противоречат нашей интуиции и уж тем более общественному мнению. Они таят в себе мудрость, превосходящую понимание.

Милая вечеринка в большой теплой компании

28 октября 2003 года присяжным Верховного суда штата в Манхэттене была показана любительская видеозапись с вечеринки, устроенной Деннисом Козловски в честь сорокалетия его второй жены Карен. На организацию этой вечеринки на острове Сардиния близ побережья Италии, ушло более 2,1 миллиона долларов – по 28 тысяч на каждого гостя. Помощник окружного прокурора Кен Шалифу предоставил видеозапись в качестве улики по делу об одном из крупнейших в истории корпоративных скандалов. Козловски, бывший генеральный директор конгломерата «Тусо International», и Марк Шварц, бывший финансовый директор «Тусо», были обвинены в огромных хищениях и участии в коррупционных схемах, в результате которых они, по неофициальным данным, украли у «Тусо» около 600 миллионов долларов.¹

Празднования в честь дня рождения Карен длились почти неделю, и их апогеем стал заключительный банкет у бассейна в отеле «Cala di Volpe». Когда Козловски и гости собирались, девушки в тогах и с россыпями драгоценностей в волосах бросали им под ноги лепестки роз. Там были и мужчины-модели, переодетые римскими воинами и гладиаторами. Они, демонстрируя публике совершенство телосложения, предлагали дамам руку, провожая их за столики, а временами – и бесцеремонные объятия.

В ходе празднования звучали песни в исполнении поп-звезды Джимми Баффета, за что ему было щедро заплачено четверть миллиона долларов. Среди прочих, Баффет спел хит Ван Моррисона «Brown eyed girl», под который Деннис Козловски от души выплясывал. Кульминацией вечеринки стали лазерное шоу в честь Карен,

огромный именинный торт в форме женского тела со снопами выле- тающих из груди искр и высеченная из льда скульптура – анато- мически точная копия «Давида» Микеланджело, – мочившаяся на гостей струей «Столичной» водки.

Наиболее грандиозным событием вечеринки стало балетное шоу вокруг бассейна. Первыми появились нимфы в прозрачных нарядах, а затем под бой барабанов на них набросились культуристы в костю- мах крылатых кентавров. Они окружили бассейн, красуясь перед ним- фами и гостями. Наконец, эти полубоги и полубогини слились в па-де-де, воспевая в своем танце молодость, красоту и эротизм – их собственные божественные силы.

Прокурор предоставил эту видеозапись потому, что, на его взгляд, она наглядно демонстрировала одно из множества излишеств, которые позволял Козловски предположительно за счет денег, об- маном выуженных у своей компании и ее акционеров. Он оплатил только половину расходов на вечеринку, а все остальное списал со счетов «Тусо», хотя никаких бизнес-мероприятий в течение этого недельного празднования не проводилось. Козловски объяснил это тем, что половина гостей были сотрудниками «Тусо», и потому по- ловину расходов на вечеринку должна была взять на себя компания. Правительство с ним не согласилось.

По сравнению с инкриминируемой ему кражей 600 миллионов долларов «Великое ограбление поезда» 1963 года выглядело просто детской забавой. Размах аферы поражает воображение – особенно если учесть, что *законный* доход Денниса Козловски за десять лет его работы на посту генерального директора «Тусо» составил более 500 миллионов долларов. Каким же образом Козловскому в паре со Шварцем удалось повернуть такое дело? И зачем?

За этими двумя вопросами скрывается еще один, более глубо- кий. *Кто* мог быть способным на такое?

Деннис Козловски вырос в бедном районе Ньюарка, штат Нью- Джерси. У его семьи никогда не было достаточно денег на покупку жилья. Его отец работал частным детективом. Поступив в распо- ложенный неподалеку Университет Сетон-Холл, Деннис был вынужден параллельно работать, чтобы оплатить учебу. В качестве специаль- ности он выбрал бухгалтерское дело и учился довольно средне. Полу- чать более высокие оценки Деннису мешало не столько отсутствие способностей, сколько нехватка времени и смещение приоритетов. В дополнение к своим занятиям и подработке, он участвовал в деятель- ности двух студенческих организаций.

В 1975 году Козловски познакомился с Джозефом Газиано – президентом и генеральным директором компании «Tusco Laboratories» в Эксетере, штат Нью-Хэмпшир, основанной в 1960 году как научно-исследовательская лаборатория. В те времена ее часто путали с одноименным подразделением «Mattel», которое занималось выпуском пластиковых игрушек, но к 1970-м годам «Tusco International» в результате слияний и поглощений выросла до большого конгломерата.

Газиано, который специализировался на принудительном поглощении компаний, был человеком огромных размеров с не менее огромными аппетитами. У него был собственный реактивный самолет, вертолет и три роскошные квартиры. Газиано нанял Козловски для работы в «Тусо» в качестве специалиста по реструктуризации, в обязанности которого входило преобразование приобретенных Газиано компаний в эффективные источники прибыли.

В начале 1980-х, когда дела «Тусо» пошли на спад, Газиано сменил Джон Форт III, который был полной противоположностью своего предшественника. Форт, будучи экономным и осмотрительным уроженцем Новой Англии, избавился от корпоративного самолета и летал эконом-классом. Льготы, наподобие служебных машин и членства в загородных клубах, оказались под запретом. Форт сказал парням с Уолл-Стрит: «Мы живем на этой земле только для того, чтобы увеличивать чистую прибыль на акцию».²

Козловски продемонстрировал, что способен объединить в себе напористость Газиано с прагматичностью мышления Форта. Он урезал базовые ставки оплаты труда, но каждый менеджер мог заработать приличные премии за выполнение и перевыполнение плана. В результате они начали получать гораздо больше, чем при старой системе. Козловски увольнял менеджеров за низкую продуктивность, причем иногда устраивал из этого целый спектакль. Кроме того, он учредил ежегодный банкет, на котором представлял к наградам как лучших, так и худших менеджеров в сфере продаж. Те обидные призы, которыми Козловски награждал отстающих, были для них настоящим испытанием. «Когда такого парня вызывали на сцену, на него было жалко смотреть, – вспоминал Джерри Конклин, бывший руководитель компании «Grinnell». – Можно было подумать, что его приговорили к смерти».³

В 1987 году Козловски вошел в состав совета директоров «Тусо», а через два года был назначен президентом и исполнительным директором. В 1992 году, сместив Джона Форта, он занял пост генерального директора.

К тому моменту Козловски уже пожинал плоды своего труда. Еще до того, как стать генеральным директором «Тусо», он вместе с

женой Энджи и двумя дочерьми переехал в дом стоимостью 900 тысяч долларов, расположенный в элитном Норт-Хэмптоне на побережье Нью-Хэмпшира. Казалось, у них – идеальная семья, но вскоре после того, как Козловски оказался на вершине, его брак стал давать трещины. В начале 1990-х он познакомился с Карен Ли Майо – высокой красивой блондинкой, которая к тому моменту также была замужем. Со временем она стала второй женой Козловски, что, впрочем, ничуть не охладило его увлечение прекрасным полом. Говорят, что у него было множество и других любовных связей.

Став генеральным директором, Козловски сразу же занялся самым слабым звеном «Тусо». Конгломерат выглядел хорошо диверсифицированным, но на самом деле 80 процентов прибыли компании поступало от строительства коммерческой недвижимости – сферы бизнеса, сильно подверженной циклическим изменениям. Достаточно было немного упасть спросу на коммерческую недвижимость – и доходы «Тусо» могли стремительно скатиться вниз.

Козловски предложил вывести «Тусо» на рынок услуг здравоохранения, в которых люди нуждаются всегда – и в хорошие времена, и в плохие. Он сразу же приобрел компанию «Kendall International», производящую одноразовые медицинские принадлежности. Как показало будущее, эта покупка стала огромной победой. Компания «Kendall» вскоре сформировала ядро группы «Тусо Healthcare Group», которая посредством дополнительных приобретений превратилась во второго крупнейшего после «Johnson & Johnson» американского поставщика товаров медицинского назначения. В 1995 году это приобретение удвоило доходы «Тусо», и ее акции взлетели до небес. Совет директоров поднял Козловски зарплату до 2,1 миллиона долларов и наградил его большим пакетом акций по новому плану выпуска ценных бумаг с ограничением обращения.

Основным компонентом руководящего стиля Козловски был найм и продвижение людей, похожих на него самого. Он искал умных, бедных и жаждущих богатства. После сделки по «Kendall» Козловски назначил финансовым директором «Тусо» Марка Шварца, который до этого возглавлял подразделение, занимавшееся вопросами слияний и поглощений. Шварц не имел диплома университета из Лиги Плюща, равно как и степени по деловому администрированию, но он умудрился всего за двадцать четыре часа перелопатить ключевой отчет по финансовым показателям «Kendall».

Кроме продвижения людей голодных и алчных, Козловски также поддерживал вокруг себя узкий круг посвященных. Их преданность очень долго оберегала его от подозрений. Каждому, кто работал с ним, Козловски предлагал одно и то же: ты можешь стать богаче, чем в самых диких своих мечтах, или же ты можешь уйти.

Совет директоров был так доволен неизменным успехом Козловски в построении компании через слияния и поглощения, что предоставил ему полную свободу действий. Все остальные преданно молчали, покоренные управленческим стилем генерального директора. В середине 1995 года Козловски убедил совет директоров в том, что штаб-квартира «Тусо» должна переехать из Эксетера в Нью-Хэмпшире на Манхэттен. Компания сняла роскошные офисы на 43-м этаже дома на 57-й улице, выходящего окнами на Центральный парк. Личный кабинет Козловски включал в себя частную ванную и отдельную кухню площадью с двухкомнатную квартиру.⁴

С переездом в Нью-Йорк Козловски в своих излишествах стал неудержим. Когда совет директоров «Тусо» уже утвердил план переноса штаб-квартиры, Козловски вместе со своим директором по персоналу предложил гораздо более затратный план, который, как утверждают, включал в себя и аренду квартиры на Пятой авеню стоимостью 264 тысячи долларов в год на период с 1997 по 2001 год. Кроме того, Козловски приобрел по беспроцентному кредиту квартиру на Парк-авеню стоимостью семь миллионов долларов. Позже сообщалось, что он выплатил только чуть более пяти миллионов займа, а об остальной сумме задолженности просто «забыл». В 2001 году он купил еще более роскошную квартиру за 16,8 миллиона долларов, после чего потратил три миллиона на ее реконструкцию и еще одиннадцать миллионов на мебель.⁵ Получив эти сибаритские льготы, Козловски тем не менее считал, что не должен платить с них налоги, и потому распорядился, чтобы их «включили в общую сумму», то есть фактически организовал для себя дополнительную надбавку, покрывающую его налоговые обязательства.

В 1997 году Козловски заработал 8,8 миллиона долларов. В июле этого же года он получил 3,3 миллиона опционов на акции. Благодаря этому, его доходы в 1998 году увеличились до 67 миллионов, а в 1999 году достигли отметки 170 миллионов, что подняло его на вторую строчку в мировом рейтинге богатейших генеральных директоров.⁶

Законные доходы, какими бы огромными они ни были, не могли удовлетворить финансовые потребности – или аппетиты – Козловски, поэтому он превратил в свой «банкомат» еще одну программу «Тусо»: займы для наиболее ценных работников, предназначенные для поддержки сотрудников компании. По данным, изложенным в иске «Тусо», Козловски одолжил в рамках этой программы более четверти миллиарда долларов! За эти деньги он купил гоночную яхту «Endeavor» стоимостью 30 миллионов долларов, построил и реконструировал несколько своих резиденций и приобрел произведений искусства на общую сумму свыше 15 миллионов.

С того момента, когда Козловски из норт-хэмптонского семьянина превратился в нью-йоркского воротилу, его страсть к перемене мест требовала все больше «временных пристанищ». Кроме квартир в Нью-Йорке, он приобрел дома в Нантакете, штат Массачусетс, и Бивере, штат Колорадо. Козловски также хотел, чтобы у него под боком всегда были его любовницы. Как выяснилось из свидетельских показаний во время судебного процесса, его организатор мероприятий Барбара Жакс и секретарь Мэри Мерфи в периоды своих «романов» с боссом жили бесплатно в квартирах «Тусо». В конечном итоге Козловски выплатил Барбаре Жакс миллион долларов из фондов «Тусо», а Мэри Мерфи за год своих развлечений с ним «заработала» 765 тысяч долларов. Кроме того, обеим женщинам были погашены банковские займы и пожалованы щедрые выходные пособия.⁷

Неприятности в «Тусо» у Козловски начались после того, как он убедил совет директоров приобрести свою собственную «свинью-копилку» — финансовую компанию, известную как «CIT Group». Многие конгломераты, попытавшись управлять работавшими на них финансовыми структурами, едва не пошли ко дну. Среди наиболее заметных примеров можно назвать «Westinghouse», «AT&T», «ITT» и «Tectron».

Тем не менее, Козловски был полон энтузиазма в отношении покупки «CIT Group». Один из членов совета директоров «Тусо», Фрэнк Уолш, познакомил Козловски с президентом и генеральным директором «CIT», Альбертом Гэмпером. В результате этой встречи в июне 2001 года компания «CIT Group» была куплена «Тусо» за 9,2 миллиарда долларов.

В знак благодарности Козловски заплатил Уолшу 20 миллионов долларов за посреднические услуги. По данным «Тусо», затем они договорились скрыть этот платеж от остальных членов совета директоров.

Испытав эйфорию от триумфа после сделки по «CIT Group», Козловски нанял PR-фирму и начал рекламную кампанию, призванную осуществить его самую главную мечту: прославиться в веках. Он начал превозносить себя, как корпоративную суперзвезду XXI века. Козловски хотел, чтобы его запомнили, как «симбиоз достижений Джека Уэлча в 'General Electric'... и весьма эффективных идей Уоррена Баффета в работе с держателями акций».⁸

Совет директоров «Тусо» узнал о премии Уолшу за посредничество в приобретении «CIT» 9 января 2002 года. Когда финансовый

директор Шварц указал в отчетах для акционеров несанкционированную премию, руководство компании, наконец-то, забило тревогу. Совет директоров поставил Уолша перед фактом, но тот отказался возвращать деньги и был исключен из членов правления. (Компания сразу же подала на Уолша в суд с требованием вернуть незаконно полученную премию.)

Чтобы оправдаться перед советом директоров, Козловски вынужденно признал, что выплата Уолшу была ошибкой. При этом он заверял, что первоначально Уолш требовал 40 миллионов, так что он даже заплатил наполовину меньше, чем мог бы. Для расследования обстоятельств этого инцидента и других злоупотреблений в выплате компенсаций правление «Тусо» наняло юридическую фирму «Boies, Shiller & Flexner».

Тем временем над Козловски начали сгущаться тучи с той стороны, откуда он их не ожидал. Ирвин Нэк, советник по следственным вопросам при главе банковского департамента штата Нью-Йорк, обратил внимание на ряд необычных денежных переводов. В течение нескольких дней на банковский счет манхэттенского торговца произведениями искусства Александра Апсиса поступило несколько безналичных платежей на миллионы долларов.⁹

Нэк решил, что имеет дело со случаем «отмывания» денег. Один из платежей на 3,95 миллиона долларов поступил с банковского счета «Тусо» в Питтсбурге. Нэк ничего не знал о «Тусо» и потому изучил досье этой компании. Он посоветовался с одним знакомым адвокатом, и тот предположил, что этот платеж может свидетельствовать об уклонении от налогов.

После того, как окружная прокуратура по официальному запросу получила из банка данные о переводе, выяснилось, что деньги от «Тусо» поступили за покупку картин. Однако, по данным обвинительного заключения, выдвинутого впоследствии Козловски правительством штата, компания не заплатила более миллиона долларов налога, причитающегося за эти картины. Покупки, сделанные в Нью-Йорке нерезидентами штата для использования за пределами штата, не облагаются налогом с продаж. Правительство пришло к заключению, что Козловски воспользовался этой лазейкой, чтобы обманным путем уклониться от уплаты налогов штату Нью-Йорк. Он заказывал доставку картин по адресу офиса «Тусо» в Нью-Хэмпшире, откуда быстро переправлял их в свои квартиры в Нью-Йорке.

Столь явное уклонение гендиректора компании от уплаты налогов побудило окружную прокуратуру изучить весь спектр расходов

Козловски. В конце концов были выявлены все факты, приведшие к обвинению Козловски и Шварца в хищении корпоративных средств в размере 600 миллионов долларов.¹⁰

Когда замысловатая паутина Козловски начала распутываться, он разработал стратегию отхода. 16 января 2002 года он предложил совету директоров «Тусо» разбить компанию на четыре части и продать. Этот наспех составленный план дробления «Тусо» не на шутку всполошил Уолл-стрит. Инвесторы испугались, что компания оказалась на грани банкротства. Фирме «CIT Group» был закрыт доступ на рынок коммерческих ценных бумаг, являющийся основным источником наличности для любого кредитора. В результате для покрытия неотложных затрат «Тусо» пришлось одолжить более 13 миллиардов долларов.

Когда юридическая фирма, ведущая расследование, начала задавать вопросы о денежных выплатах генеральному директору «Тусо», полученные ответы открыли новые направления для следствия. Вскоре этот ящик Пандоры распахнулся настежь, и в начале мая прокуратора Нью-Йорка выдала ордер на доступ к документации «Тусо», имеющей отношение к денежным выплатам Козловски и его покупкам произведений искусства.

По мере развития этих событий Козловски чувствовал себя все больше загнанным в угол. Он, наверняка, осознавал, что его стратегия выхода была фатальной ошибкой. Для разделения компании на части независимые аудиторские команды должны были выполнить двойную проверку финансового состояния всех дочерних структур «Тусо». Подобное расследование может вскрыть не только «теневые» схемы Козловски, но и неприглядный стиль его руководства.¹¹

В апреле Козловски отказался от своего плана по разделению компании, проинформировав общественность о том, что продана будет только фирма «CIT Group». Ему пришлось признать, что ее покупка была ошибкой.¹²

Козловски старался не падать духом и внешне держался bravо. Во время одной из бесед с редакторами «BusinessWeek» в начале мая он утверждал, что ни за что не подаст в отставку с поста гендиректора «Тусо». Неделью спустя, выступая с речью на церемонии вручения дипломов в колледже Св. Ансельма (небольшой католической школы в Манчестере, штат Нью-Хэмпшир), Козловски сказал выпускникам: «Шагая дальше по жизни, вы ежедневно будете сталкиваться с вопросами, испытывающими вашу нравственность. Эти вопросы будут становиться все более сложными, а последствия решений – все более серьезными. Хорошенько взвешивайте каждый шаг и, ради самих себя, выбирайте то, что правильно, а не то, что легко».¹³

Неужели он мыслил двойными стандартами до такой степени, что мог одновременно превозносить добродетель и практиковать во-

ровство? Или же, говоря: «ради самих себя», он подразумевал то падение, которое ожидало его впереди?

Наконец, в пятницу 31 мая Козловски сообщил совету директоров о том, что против него со дня на день выдвинут обвинение. Правление «Тусо» потребовало от него до воскресенья подать в отставку, и Козловски сделал это без малейших возражений. Два дня спустя телезрители увидели, как его ввели под конвоем в зал суда, чтобы привлечь к ответственности за уклонение от налогов.

Является ли Деннис Козловски очередным монстром жадности и запросов, превосходящих всяческое понимание? Или же в его истории есть что-то, касающееся каждого из нас?

Безусловно, у Козловски были непомерные аппетиты, но их первопричиной стали желания, общие для всех нас. Деннис Козловски стремился к судьбе, за которой гоняются многие. Он любил повторять, что деньги – это мерило всего. Но было бы ошибкой прийти к заключению, что Козловски двигали одни лишь деньги. Будь это так, то ему было бы достаточно и 500 миллионов законных доходов, полученных за время его пребывания на посту гендиректора «Тусо».

Козловски стремился получить гораздо больше, чем деньги. Он хотел стать известным, – помните? – чтобы его запомнили как симбиоз Джека Уэлча из «GE» и знаменитого инвестора Уоррена Баффета. Козловски видел себя прославленной суперзвездой бизнеса начала XXI века. Он хотел почитания, статуса иконы своей культуры. Деньги для него были лишь дорогой к славе.

Впрочем, даже славы было недостаточно, чтобы удовлетворить его стремления. К славе Козловски добавил остроту ощущений от преступления. Ему нравилось устанавливать собственные правила, а затем отменять их и начинать все сначала, когда вздумается. Это касалось как его сексуальных походов, так и взаимоотношений в бизнесе. Козловски хотел делать все, что ему хочется, и как ему хочется, и притом – чтобы ему за это еще и аплодировали.

Кто пользуется подобными привилегиями?

Только боги.

Та вечеринка на Сардинии стала предметом многих обсуждений из-за ее эротической окраски. Некоторые телекомментаторы сравнивали ее с римскими оргиями. Однако в действительности она была вдохновлена не Римом, а Грецией – не пирами Калигулы, а сладострастной горой Олимп. Барбара Жакс – бывшая любовница Козловски, спланировавшая эту вечеринку, – хорошо знала мужчину, который некогда на короткое время принадлежал ей. Она видела его

в образе пьяного Диониса, гоняющего за нимфами с кубком вина в руке. Козловски был самым воплощением разгула. Он был олицетворением счастливой жизни из рекламы пива «Будвайзер», только в соответствующем мифологическом контексте. «Милая вечеринка в большой теплой компании», – сказал Козловски об этом мероприятии, и в более широком смысле – о всей своей жизни.

В наши дни напевы «Пей! Гуляй! Зажигай!» – звучат изо всех ниш культурологического спектра. Разве нет? Кто не хочет того же, что и Козловски?

Кто не слышал внутри себя голоса, говорящего: «Я могу делать все, что мне нравится, как захочу и когда захочу, и меня за это еще и будут любить»?

Потому что я... бог. «Ну, может, не *настоящий* бог, – как заявил персонаж Билла Мюррея из фильма «День сурка», – но *в каком-то смысле* бог – это точно».¹⁴

То, что мы видим в Деннисе Козловски, – всего лишь дьявольские величие и ужас этого голоса внутри нас, когда он *побеждает*.

В магазин за святым Граалем

История Денниса Козловски – это притча из реальной жизни о тех, кто считает, что счастье заключается в вине, женщинах и веселье, когда обладаешь властью пополнять любые запасы простым щелчком пальцев. Хотя масштабы appetитов Козловски делают эту историю гротескной, однако его непомерные запросы позволяют нам легче видеть, каковы в действительности наши общие стремления. Козловски хотел быть богатым. Он считал, что богатство приведет к безграничным удовольствиям, а достижения – к славе. Он стал одержим удовлетворением своих желаний, невзирая на последствия для других людей. Таким образом, Козловски – это воплощение стремления многих современных людей к личной независимости, определяемой как свобода от любых ограничений с дополнительным «бонусом» в виде пренебрежения законом. Его конечная цель заключалась в том, чтобы делать все, что ему заблагорассудится, – быть самому себе богом.

Наверное, где-то существуют святые, обладающие иммунитетом к песням этих сирен, но я к их числу не отношусь, да и вы, подозреваю, тоже. Несмотря на всю экстравагантность истории Козловски, я вполне могу отождествить себя с ним. Мы оба – выходцы из небогатых семей. На мое мировоззрение сильно повлияли образы очередей за хлебом в период Великой депрессии, и я поклялся себе, что ничего подобного со мной больше никогда не произойдет.

У нас обоих было огромное стремление к успеху. При поступлении в колледж я победил в конкурсе на получение стипендии, и с того момента был полон решимости преуспевать. Однажды вечером, уже будучи студентом выпускного курса, я обсуждал с одним из одноклассников наше будущее. Это происходило в разгар Корейской войны, и мы оба вступили в армию: я – в морскую пехоту, а мой друг – в военно-морской флот. Когда мы обсуждали, чем займемся

по окончании службы, мой друг сказал: «Я хочу жить ва-банк. Лучше взлететь к солнцу, рискуя упасть опаленным, чем вообще никогда не попытаться в жизни счастья». Я по натуре был тоже рискованным парнем, и потому принял эту идею с энтузиазмом. Мы пожали друг другу руки и сказали: «Мы оба добьемся больших успехов и будем зарабатывать по десять тысяч долларов в год». В 1952 году это была огромная зарплата.

После службы в морской пехоте я начал взбираться по карьерной лестнице, окончив вечернюю юридическую школу и параллельно работая на одного из сенаторов США. Затем, в возрасте всего лишь тридцати лет я стал соучредителем адвокатской конторы, как оказалось, очень успешной. Спустя восемь лет я уже работал в офисе, смежном с кабинетом Президента Соединенных Штатов. Я сдержал слово, данное моему однокашнику.

И все же, находясь на пике власти, я понял, что так называемая «счастливая» жизнь пуста и бессмысленна. Думаю, и Козловски на пике своего богатства и славы, окруженный полуобнаженными нимфами, вином и песнями, ощущал точно такую же пустоту и бессмысленность. Что делать, когда вечеринка подходит к концу?

В глубине души каждый из нас понимает, что в жизни должно быть что-то большее, чем деньги и слава. Нам нужно увидеть эти подделки в истинном свете, понять, что они – лишь мишура, а не то, чего на самом деле жаждет наша человеческая природа. Но это весьма непросто признать в нашей потребительской культуре, так высоко превозносящей расточительность.

За одно поколение Америка пережила драматическую трансформацию из общества производителей в общество потребителей. Тридцать лет назад мы оценивали нашу экономику по объемам того, что производим. На текстильных фабриках Юга работали сотни тысяч человек, а наибольшей проблемой крупных промышленных центров были вредные выбросы из гигантских дымовых труб. Америка была двигателем мировой экономики. Сегодня же мы оцениваем нашу экономику по тому, сколько тратят потребители. Посмотрите, как экономисты строят свои прогнозы, опираясь на результаты соц-опросов потребительской уверенности, насколько рынок оправдает ожидания рождественских распродаж.

Преобразившись из общества производителей в общество потребителей, мы совершенно отвернулись от протестантской трудовой этики, которая подпитывала бурный экономический рост в нашей стране в XIX веке. Ее основной тезис заключался в том, что человек

должен усердно трудиться, быть бережливым, экономить и производить. Отсрочка удовольствий считалась добродетелью.

Но сегодня отсрочку удовольствий рассматривают как нарушение какого-то неотъемлемого, естественного права, чуть ли не конституционного, по убеждению многих. Покупай, даже если это тебе не по карману. В 2004 году совокупный потребительский долг достиг рекордной отметки в 2,03 триллиона долларов. За период с 1989 по 2001 годы долги среднестатистической американской семьи по кредитным картам* возросли на 53 процента. Количество личных банкротств увеличилось на 125 процентов.¹ Выражаясь простым языком, это означает, что очень многие привыкли тратить больше, чем у них есть.

Консюмеризм оказал огромный трансформирующий эффект не только на характер трат, но и на убеждения и ценности американцев и европейцев. Образцовым представителем потребительского века вполне можно было бы назвать молодую стилистку по прическам из Вашингтона по имени Джеми Гавиган, историю которой описывала газета «Washington Post».² Джеми работает по девять часов в день, пять дней в неделю в тесной комнатухе одного из модных салонов красоты. Ее клиенты платят целых 285 долларов за то, чтобы она промелировала им локоны, и по полтора месяца ожидают своей очереди. Заработок Джеми измеряется солидным шестизначным числом.

Она тратит свои деньги на дорогостоящие покупки. Каждый год Джеми совершает осенний шоппинг-тур по нью-йоркским магазинам «Barney», «Gucci», «Louis Vuitton» и обязательно наведывается в свой персональный рай – обувной бутик «Manolo Blahnik» на западной стороне 54-й улицы. Цены на обувь «Manolo Blahnik» колеблются от 445 долларов за замшевые туфли-лодочки до более чем 1100 долларов за ботинки. Личная коллекция Джеми Гавиган составляет 37 пар «Manolo Blahnik», которые в общей сумме, по скромным оценкам, обошлись ей более чем в 20 тысяч долларов. Во время одного из своих последних туров она заплатила 900 долларов за вечернюю сумочку из белого меха и 1700 – за замшевую куртку от дизайнера Майкла Корса. За каждый свой «налет» на Нью-Йорк Джеми «сбрасывает» тысячи долларов.

Менталитет супер-шоперов, подобных Джеми, хорошо описала Кристина Келли Симко – пятидесятилетняя вице-президент одной рекламной компании. Она говорит о чувстве безопасности, которое испытывает, наполняя свой дом разными вещами. Кристина поддерживает контакт со многими торговыми сетями, включая «Neiman

* Это долги по текущим расходам; они не включают в себя ипотеку, кредиты на автотранспорт, образование и проч. – *Прим. ред.*

Marcus», «Sacks» и «Nordstrom», где ее очень ценят как постоянную клиентку. «Ты живешь словно внутри маленького мира, в окружении людей, которые буквально опекают тебя. Они стараются угодить твоим желаниям, подбирают туфли твоего размера и беспокоятся о том, чтобы сразу позвонить тебе, как только приглянувшаяся тебе сумочка ‘Chanel’ появится в бежевом цвете».³ Любимое приобретение Кристины – прошитая золотыми нитками сумочка от «Chanel». «Это – мое сокровище... – говорит она. – Мой маленький святой Грааль».⁴

Эйприл Уитт, автор статьи о Джеми Гавиган и других супершоперах, отмечает: «Консюмеризм одержал триумфальную победу в идеологических войнах XX века, отвоевав территорию одновременно у религии и у политики. Теперь миллионы американцев следуют по этому пути в надежде обрести в жизни цель, смысл, порядок и трансцендентный восторг».⁵

Один из теоретиков потребительского общества, Джеймс Твитчелл, видит в этом «покупательском просветлении» некое подобие спасения: «Люди переживают те же самые чувства: ‘Вот оно! Я нашел! Я спасен!’» Он защищает консюмеризм как систему верований: «Походы по магазинам куда справедливее старых систем, где ранг определялся происхождением и, в основном, был незыблемым. Если же говорить о конкурентном консюмеризме, то он гораздо менее кровавопролитный, чем эпические сражения из-за споров о том, чей бог более велик».⁶

Мы пришли к тому, что рассматриваем деньги как ключ к удовольствиям, а удовольствия считаем ключом к счастью. Это определение счастья превратилось в *summit bonum* – величайшую добродетель американцев. Как выразилась одна журналистка: «Если вы не гонитесь за деньгами, тогда за чем вы гонитесь? ... Счастье – вот новое мерило всего».⁷

Это убеждение настолько слилось с американской культурой, что запутались даже те, кто должен был бы понимать, что к чему. Согласно недавним исследованиям, более половины евангельских христиан согласны со следующим утверждением: «Цель жизни – это радость и личное счастье».⁸

Но действительно ли консюмеризм *действует*, как некая система верований? Можно ли достичь счастья, став богатым директором корпорации или приобретая дорогие вещи? Мне задали этот вопрос, хотя и в несколько иной форме, на одном собрании в Хоб-

Саунде, штат Флорида, – укромном уголке для самых богатых. Одна моя знакомая, которая живет там, устроила вечеринку и пригласила меня поделиться с ее гостями историей моей жизни.

Прибыв в тот вечер, я увидел огромный белый навес, натянутый над большой лужайкой позади роскошного дома моей знакомой, который стоял прямо у моря. Это было потрясающе красивое зрелище. В пять часов вечера начали неторопливо собираться гости – большинство из них в вечерних нарядах. Выпив коктейли и прослушав мое короткое выступление, все они должны были разъехаться по своим клубам, ужинам и вечеринкам. Я часто бывал в обществе влиятельных и богатых людей. Многие из них, включая некоторых из присутствовавших на том мероприятии, вели себя так, словно Бог сотворил мир исключительно для них и им подобных.

В лучах закатного солнца я рассказывал свою историю, а люди слушали – в основном, с безразличием, по большей части, деланным. На вечеринках в Хоб-Саунд нечасто можно было услышать подобные разговоры, посягающие на человеческие удовольствия. Если люди и проявляли хоть какой-то интерес к моим словам, то уж точно не намеревались показывать это перед остальными гостями.

Окончание моего выступления встретили уважительными, но лишенными всякого энтузиазма аплодисментами. По совету пригласившей меня хозяйки я сказал, что готов ответить на вопросы. Несколько человек спросили меня об Уотергейте, Никсоне и политике, и ни один – о моем обращении в христианство или о тюремном опыте.

Через несколько минут вперед вышла хозяйка дома и мило-стиво объявила: «Еще один, последний вопрос». Какой-то мужчина, который стоял с коктейлем в левой руке, небрежно облокотившись на столб навеса, махнул рукой в сторону моря и сказал: «Мистер Колсон, как видите, все мы живем здесь очень хорошо». Бухта Хоб-Саунда была заполнена большими, элегантными яхтами. «Никому из нас, конечно же, не пришлось пережить то, что пережили вы, переехав из Белого Дома в тюрьму. Что бы вы сказали таким людям, как мы, у которых в жизни нет проблем?»

Несколько секунд я пристально смотрел на него, а потом ответил этому мужчине, что еще не встречал тех, у кого не было бы проблем. И если присутствующие на вечеринке действительно таковых не имеют, то позже я хотел бы побеседовать с ними, чтобы выяснить, как им удалось этого достичь. Я согласился с тем, что окружающая обстановка – действительно царская, и гости явно обладают всеми так называемыми жизненными благами. «Тем не менее, – добавил я, – хочу поставить вашу предпосылку под сомнение. Например, о чем вы будете размышлять на смертном ложе, осознавая, что вот-вот лишитесь всего этого?»

Вид мужчины напомнил мне внезапно сдутые мехи. Его лицо съезжилось, отражая внутренние терзания. Над собранием повисла неловкая тишина, и я был признателен хозяйке, объявившей о завершении моего выступления. Следующий час я провел, выслушивая рассказы про людские горести – разводы, семейные ссоры, гражданские иски, проблемы с наркотиками, своевольные дети и тому подобное. Никто не откликнулся на мое предложение объяснить, каким образом можно достичь беспроблемной жизни. Никто из присутствовавших под тем наветом так не жил. Вся их безмятежность была чисто показной.

Многолетние наблюдения подтвердили старую поговорку о том, что счастья за деньги не купишь (люди так говорят, но на самом деле едва ли в это верят). Возьмем, к примеру, тех, кто выиграл в лотерею, – обычных людей, вроде заводских рабочих, мелких бизнесменов и студентов. Ни с того ни с сего, они срывают куш, превышающий их самые смелые ожидания, и теперь им принадлежит весь мир, он лежит у их ног. Однако журналистские расследования снова и снова показывают, что такие «счастливчики» или становятся затворниками, или лишаются денег из-за каких-нибудь аферистов, или превращаются в отчаявшихся алкоголиков.

Аналогичная судьба постигла и многих из тех, кто выжил или стал героем во время знаменитой аварии 2002 года на шахте в Сомерсете, штат Пенсильвания. После того, как девятеро шахтеров оказались заблокированными под землей, город и вся страна напряженно наблюдали за организацией спасательных работ. Для точного определения точек бурения вентиляционных скважин был избран тридцатисемилетний геодезист Боб Лонг. Если бы он ошибся в расчетах, то люди под землей погибли бы, но, благодаря своим спутниковым геодезическим инструментам, Лонг нашел точное место. Всех девятерых шахтеров благополучно подняли на поверхность, и он мгновенно стал героем.

Как только стало известно об успешном завершении спасательной операции, церкви зазвонили в колокола, и люди вознесли Богу благодарственные молитвы. Однако вскоре все пошло наперекосяк. Наводнившие город представители национальной прессы за один день превратили обычных людей в знаменитостей, ссорящихся из-за времени в эфире. Некоторые из спасенных шахтеров получили солидные суммы за телевизионные права на освещение их истории и, обласканные всенародным преклонением, бросили работу.

Боба Лонга, который вмиг стал героем, ожидали съемки в фильме и телевизионный контракт, скрепленный чеком на 150 тысяч долларов – больше, чем он когда-либо видел в жизни.

Вскоре окружающие начали негодовать на Лонга. Кто-то из спасенных шахтеров пережил депрессию, потерю памяти, головные

боли и бессонницу, а жизни Боба Лонга ничего не угрожало. За что это, спрашивается, ему уделялось столько внимания?

Из-за внезапно свалившегося на него богатства, статуса знаменитости и гнева и недовольства общества Лонг сорвался в штопор. Однажды вечером его жена, вернувшись домой, увидела, что муж спит на диване в гостиной. Когда она разбудила Боба, тот не на шутку разозлился, что не может найти свои носки. Не успела жена понять, что происходит, как Лонг направился к своему потрепанному пикапу, достал оттуда девятимиллиметровый полуавтоматический пистолет «Glock» и приставил его к своей голове. Жена, которая вышла следом за ним на улицу, закричала: «Пожалуйста, не делай этого!» – но Лонг спустил курок, застрелившись прямо на глазах у потрясенной супруги.

Такое же разрушительное падение может постигнуть каждого, кто становится одержим деньгами. Несколько лет назад я навел на одного старого друга, с которым не виделся лет десять. Дэвид начинал с нуля. Уволившись из армии, он устроился работать на завод. Хотя у него не было специального образования, Дэвид обладал поразительным чутьем на потенциальные выгоды в каждом деле. Он занялся торговлей недвижимостью и вскоре сколотил целое состояние. При этом Дэвид всегда проявлял большую щедрость, жертвуя на самые разные достойные проекты. Когда я навел своего друга в его прекрасном доме на океанском побережье Флориды, ему было уже под восемьдесят.

Расположившись на террасе, мы пили кофе и любовались вздымающимися волнами океана – завораживающее зрелище! Я поинтересовался у Дэвида, как он проводит здесь дни. «Я работаю над своими инвестициями», – ответил он. Когда я спросил, уделяет ли он время путешествиям, спорту или какому-нибудь хобби, он отрицательно покачал головой.

Когда я уже собирался уезжать, Дэвид пригласил меня взглянуть на его кабинет. Это была расположенная в задней части дома полутемная комната с единственным маленьким окном. В центре стоял массивный письменный стол, когда-то украшавший его кабинет в небоскребе, из окна которого открывался вид на его недвижимые владения в Атланте. На столе не было ничего, кроме простенького компьютерного монитора в окружении листов бумаги с инвестиционными расчетами.

«Ты что, сидишь здесь целый день?» – спросил я.

«Ага, – кивнул Дэвид. – Пока не закроются рынки».

Тогда я поинтересовался, зачем он дни напролет проводит в темном кабинете. У него, вне всякого сомнения, было достаточно денег для комфортной жизни и любой благотворительности. Дэвид

ответил: «У меня есть цель. Я хочу удвоить свое состояние прежде, чем умру», – и впервые за время нашего разговора он улыбнулся.

Ответ друга опечалил меня, хотя он и объяснил, что все его деньги после его смерти будут переданы на благотворительные проекты. Неужели такой должна быть цель? Неужели в этом состоит счастье?

Как это ни парадоксально, жажда имущества и денег – тех самых вещей, которые, как мы думаем, принесут радость и счастье, – в действительности лишают нашу жизнь смысла. Мы превращаемся в циничных материалистов. Жизнь становится банальной. Наши величайшие стремления оказываются пустотой, как это было в случае с Джеком Уэлчем – бывшим генеральным директором «General Electric», достигшим статуса культовой личности, чего так сильно жаждал Козловски. Уэлч постоянно повышал котировки акций «GE» ради прибыли ее акционеров, в том числе и своей, так что не случайно его собственный совокупный доход составил почти полмиллиарда долларов.

Когда он ушел на пенсию, компания предоставила ему право бесплатно пользоваться корпоративным самолетом, служебной квартирой в Нью-Йорке и другими привилегиями. Уэлч был очень популярным спикером, читал лекции в Гарвардской школе бизнеса и не только. Это была идеальная история американского успеха, которую омрачали разве что два неудачных брака.

После того, как Уэлчу сделали операцию на открытом сердце, один репортер спросил у него, не посетило ли его во время этого испытания какое-нибудь новое откровение. «Я не тратил достаточно много денег», – ответил Уэлч. Движимый этим «откровением», он дал себе зарок, что на его столе больше никогда не окажется вино дешевле, чем по сотне долларов за бутылку.⁹ Какая яркая иллюстрация пустоты материального успеха!

Жизнь стала лучше,
но мы чувствуем
себя хуже

Конечно же, деньги сами по себе не являются злом. В Библии сказано, что их оскверняет только любовь к ним.¹⁰ Нет ничего плохого в том, чтобы усердно трудиться, зарабатывать на жизнь, копить средства, повышать благосостояние собственной семьи, инвестиро-

вать в будущее и, кроме всего этого, жертвовать на благо окружающего нас мира. Все мы хотим, чтобы наши дети жили лучше, чем мы. Если мы достигли успеха, смогли избавиться от кредитных долгов, отложили что-то себе на старость, не забывали о помощи нуждающимся, и после этого у нас еще и остались в запасе какие-то деньги, то мы необычайно благословлены.

У меня много друзей, построивших успешный бизнес и скопивших немалое состояние, но я заметил, что самые счастливые из них — это те, кого не контролирует собственное богатство. Один из таких людей — мой близкий друг Дойс Россер, автомобильный дилер из Тайдуотера, штат Вирджиния. В возрасте шестидесяти пяти лет, когда большинство мужчин уже уходят на покой, Дойс на собственные средства основал служение и начал строить по всему миру церкви — от Кубы до Вьетнама, от Индии до Африки. Прошло уже почти двадцать лет, но он все так же продолжает перелетать с континента на континент.

После одного особо изнурительного путешествия Дойс решил, что настало время обсудить будущее со своей семьей, и потому они с женой пригласили к себе на выходные своих троих дочерей с мужьями. В первый же вечер Дойс объявил, что определился со своими планами в отношении имущества и объяснил дочерям, на какую часть наследства может рассчитывать каждая из них, если только они не решат оставить все благотворительному фонду, чтобы служение их отца могло работать и дальше.

Для принятия решения хватило единственного семейного собрания. Дочери и их мужья единодушно согласились с тем, что все состояние отца должно быть пожертвовано на строительство церквей.

Никто и никогда не смог бы сказать, что Дойс одержим деньгами или что они контролируют его. Ему доставляло удовольствие умножать богатство, но еще больше ему нравилось отдавать это богатство нуждающимся людям. Деньги, власть и слава — это лишь инструменты, которые можно применить как на добро, так и на зло. Только в том случае, если мы считаем их самоцелью, они подавляют нашу человечность.

В пользу утверждения о том, что материализм не может породить истинное счастье, есть множество доказательств. Современные американцы — самая процветающая нация в истории человечества. Следовательно, если деньги открывают путь к удовольствиям, а удовольствия порождают счастье, то мы должны были бы считаться самым счастливым народом из всех когда-либо живших на нашей планете.

Но факт заключается в том, что это не так. В чем же причина?

Именно этот вопрос рассматривает в своей провокационной книге «Парадокс прогресса: Когда жизнь становится лучше, но людям становится хуже» редактор журнала «New Republic» Грег

Истербрук. Он отмечает выдающийся прогресс, достигнутый со времен наших прапрадедов. Значительно увеличилась средняя продолжительность жизни; мы стали намного здоровее и забыли об угрозе таких ужасных болезней, как полиомиелит и оспа; покупательная способность среднестатистического американца в два раза превышает ту, которой обладали его родители в 1960-е годы, при этом несравнимо повысилось качество жизни.¹¹ Нам бы следовало быть очень счастливыми – приходит к заключению Истербрук, – тем не менее, по данным одного из социологических исследований, американцы занимают лишь шестнадцатое место в списке самых счастливых народов на земле. (На первом месте оказались нигерийцы.)¹² Американцы сказали интервьюерам, что страна движется ошибочным курсом, что их родители жили лучше, что они испытывают невероятные стрессы. Все больше людей глотает таблетки «прозака», «золофта» и других антидепрессантов. За период после Второй мировой войны число клинических случаев депрессии возросло в десятки раз. Помните, мы с вами говорили о парадоксах? Что ж, вот вам еще один. Жизнь стала лучше, но мы чувствуем себя хуже.

В корне этого парадокса лежат наши ошибочные убеждения об источнике счастья, что подтверждается одним потрясающим исследованием. В 2003 году профессор психологии из Гарварда, Даниэль Гилберт, при поддержке других исследователей: психолога Тима Уилсона из Виргинского университета, экономиста Джорджа Лоэнштайна из Университета Карнеги-Меллон и психолога, лауреата Нобелевской премии по экономике Даниэля Канемана из Принстона, – провел научное исследование, призванное выяснить, что же является источником счастья. Перед учеными стояла задача понять, каким образом мы принимаем решения, формирующие наше благополучие; что мы считаем средством обретения счастья и что, в действительности, ощущают люди, достигая намеченных целей. Другими словами, исследование должно было ответить на вопрос: «Насколько эффективно наши жизненные решения приводят к ожидаемым эмоциональным результатам?»

Выводы исследователей, опубликованные в нашумевшей статье в журнале «New York Times Magazine», заставили их всерьез задуматься, «что все ваши представления о жизненных решениях и о счастье были в лучшем случае наивными, а в худшем – в корне ошибочными».¹³ Гилберт и его помощники обнаружили, что люди завышают ожидания о силе и длительности эмоциональных реакций. В качестве примера исследователи приводят уверенность некоторых людей в том, что покупка автомобиля «BMW» сделает их жизнь идеальной. Подобные приобретения всегда приносят меньше радости, чем вы ожидали, и восторг от обладания такой вещью длится меньше,

чем вы предполагали. По словам Гилберта, проблема не в том, что вы не всегда получаете желаемое. Достижение желаемого зачастую не приносит той радости, которую вы предвкушали. Кроме того, вы «не всегда *знаете*, чего хотите», поскольку ваши желания имеют мало отношения к тому, что действительно ведет к счастью.¹⁴

По данным исследования, все больше свидетельств указывают на тот факт, что количество накопленных денег, превышающее уровень комфорта среднего класса, никак не влияет на наше счастье. Материальные приобретения не порождают счастья, а вот социальное взаимодействие и дружба, как обнаружили исследователи, приносят долговременное удовольствие.

Исходя из этого, можем ли мы сделать вывод о том, что наша человеческая природа сформирована особым, уникальным образом? Исследователи явно согласны с этим, доказывая, что наше поведение следует предсказуемой модели. Вот почему для нас так важно понимать, в чем заключается эта модель, которую данная книга называет естественным порядком жизни.

Все мы осознаем присутствие сражения внутри себя. Одна часть нашей природы говорит, что у жизни есть некая высшая цель, а другая хочет потакать всем нашим прихотям. Мы жаждем мгновенного удовлетворения желаний. В наш потребительский век, когда счастливую жизнь неизменно определяют в терминах имущества и благ, эти искушения оказывают на нас сильное давление.

Проблема в том, что, уступая своим примитивным желаниям, мы все глубже скатываемся в сибаритство, — и при этом чувствуем себя все хуже и хуже. Это то же самое, что пить соленую воду: чем больше вы пьете, тем сильнее жажда. Если вы не понимаете, как натрий влияет на человеческий организм, то не сможете разобраться, что происходит. Вы будете продолжать пить, считая, что еще больше жидкости сможет утолить жажду, но, вместо этого, соленая вода в конечном итоге убьет вас. Чем больше, тем для нас хуже.

Наша жизненная задача — смирить свою низменную природу и руководствоваться природой возвышенной, о присутствии которой, готов поспорить, все мы интуитивно знаем. Затем нам необходимо заново определить для себя и нашей культуры, что же такое, в действительности, счастье. Это — не гедонизм и не потакание своим прихотям. Стремление к счастью, как записано в Декларации неза-

Правда заключается в том, что счастье требует гораздо большего и намного меньше, чем общая сумма наших владений и удовольствий

висимости, – это Богом данное право. Однако в нашей коммерциализированной культуре слово «счастье» полностью утратило тот изначальный смысл, который в него вкладывали основатели США. Классическое значение этого слова – то, что греки называли «eudaimonia», добродетельная жизнь. И достичь ее можно только посредством честности, порядочности, благородства, добрых поступков. Вот каково определение и понимание счастья, которое необходимо возродить в жизни современной цивилизации.

Поразмышляйте об этом. На мгновение представьте себя на месте Козловски или какого-нибудь другого корпоративного захватчика, овладевшего роскошным имуществом. Вы действительно считаете, что, воруя сотни миллионов долларов, живя во дворцах и распивая дорогие вина, они испытывали покой? Все это могло принести разве что чувственные удовольствия, которых требует низменная природа, но я не верю, что они могли когда-нибудь дать ощущение настоящего удовлетворения и наполненной смыслом, целеустремленной жизни.

Правда заключается в том, что счастье требует гораздо большего и намного меньше, чем общая сумма наших владений и удовольствий. В действительности мы не жаждем несметных богатств. Мы хотим обрести ощущение своей значимости и полезности – чувство человеческого достоинства.

Смеясь в лицо смерти

Вечером 30 августа 1966 года Ньен Чен сидела одна в своем кабинете, читая книгу «Взлет и падение Третьего Рейха». Стояла сырая, прохладная шанхайская ночь. Через открытые окна в комнату проникал аромат магнолии. В доме было необычайно тихо. Он словно замер в ожидании какого-то катаклизма. Если не считать двоих слуг, то Ньен была дома сама. Ее дочь Мейпин еще не вернулась с работы на Шанхайской киностудии, где ей приходилось посещать пропагандистские собрания.¹

Около полуночи Ньен услышала, как по улице прогрохотал и остановился возле ее дома грузовик. Затаив дыхание, она замерла в ожидании. Через мгновение кто-то начал настойчиво звонить и стучать в калитку, выкрикивая революционные лозунги.

Красногвардейцы наконец пришли и за ней.

Вызвав служанку по имени Ляо Жао, Ньен попросила ее открыть калитку и схватила экземпляр Конституции Китайской Народной Республики. Ее сердце едва не выскакивало из груди, хотя она понимала, что внешне должна любой ценой сохранять спокойствие. Они явно будут ее запугивать, и страх только подзадорил бы нападавших.

В парадную дверь ворвалась группа из тридцати-сорока красногвардейцев. Большинство из них были юношами в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. Трое их наставников – мужчин постарше – наблюдали за происходящим со стороны.

К Ньен Чен подошел командир красногвардейцев: «Мы, Красная Гвардия, пришли, чтобы свершить революционное правосудие!»

Ньен Чен, подняв томик Конституции, посмотрела командиру прямо в глаза: «Врываться в частный дом без ордера на обыск – это нарушение Конституции».

Тот, выхватив книгу, швырнул ее на пол: «Конституция отменена. Она была написана ревизионистами внутри Коммунистической

партии. Мы признаем только учение нашего великого председателя Мао».

Один из красногвардейцев ударил палкой, которую держал в руках, по зеркалу, висящему над деревянным сундуком в прихожей. Оно разлетелось на куски, и другой юноша повесил вместо него доску с цитатой Мао Цзэдуна: «Когда уничтожены вооруженные враги, все еще остаются враги без оружия, и мы не должны их недооценивать».²

В следующее мгновение юные красногвардейцы принялись громить все вокруг, круша мебель, сбрасывая на пол книжные полки, исполосовывая ножом бесценные картины Линь Фэнмянь и Ци Байши. В своем неистовстве ревностные последователи Мао выворачивали содержимое шкафов и комодов, раздирая на куски одежду и постельное белье Ньен Чен. Они сбрасывали с кроватей и кромсали ножами матрасы, топтали ногами грампластинки с музыкой. Добравшись до кухни, красногвардейцы принялись выворачивать на кучи изодранной одежды муку, сахар и консервацию. Откупорив несколько бутылок красного вина, они полили им месиво на полу.

Когда красногвардейцы достигли третьего этажа, где Ньен Чен хранила большую часть своей коллекции антикварного фарфора, они подняли такой грохот, что, казалось, дом не просто громят, а сносят. Ньен поспешила наверх, чтобы выяснить, что там происходит, и вошла в комнату как раз в тот момент, когда незваные гости доставали из обитых тканью ящиков дорогостоящий коллекционный фарфор. Один из юношей, выставив в ряд набор из четырех чаш для вина, когда-то принадлежавших императору Канси, начал топтать первую из них.

Ньен бросилась к его ногам. Этому набору было триста лет! Она ухватила за ногу красногвардейца, уже занесенную над второй чашей, из-за чего они оба повалились на пол. Быстро поднявшись, юноша сильно пнул Ньен в грудь. На ее крик сбежались другие красногвардейцы, чтобы узнать, что происходит.

Ньен попыталась воззвать к их разуму и как-то умиротворить их: «Ваш визит в мой дом уже поднял мою социалистическую сознательность. Я была неправа, единолично пользуясь всеми этими красивыми и ценными вещами. Они по праву принадлежат народу. Умоляю вас, передайте их в Шанхайский музей».³ Но красногвардейцы, наученные тому, что ничто из прошлого не имеет ценности, решили, что Ньен Чен хитрит.

Особенно она переживала о статуэтке богини милосердия Гуаньинь из белого китайского фарфора. Это была работа знаменитого скульптора Чен Вэя, жившего в XVII веке в период правления династии Мин. Кремово-белое лицо статуэтke было выполнено настолько искусно, что казалось живым.

«На одном из ваших транспарантов написано: ‘Да здравствует мировая революция!’ – сказала Ньен. – Если вы хотите понести красный флаг нашего великого председателя Мао по всему миру, то вам для этого понадобятся деньги».⁴ Она объяснила, что стоимость ее коллекции антикварного фарфора составляет не менее миллиона юаней – это более, чем полмиллиона долларов.

Услышав волшебное слово «миллион», наставники красногвардейцев начали совещаться со своими юными подопечными. Наконец, они решили вернуть фарфор обратно в ящики и представить вопрос о дальнейшей судьбе коллекции на рассмотрение своих предводителей.

На следующий день, когда дом Ньен Чен все еще был оккупирован красногвардейцами, приехал представитель городской администрации Шанхая, чтобы разъяснить суть долгосрочных последствий акта революционного правосудия. Он сказал Ньен, что ей и ее дочери оставят только две комнаты в их доме, а остальные будут отданы другим семьям. «Вам не будет позволено жить в условиях лучших, чем у обычного рабочего, – сказал представитель администрации. – Диктатура пролетариата не ставит перед собой цель физически вас уничтожить. Мы хотим спасти вашу душу, реформировав ваш образ мышления».⁵

Когда красногвардейцы, наконец, покинули ее дом, Ньен Чен обнаружила, что они повесили на входе плакат с надписью: «Здесь живет иностранный шпион». Кем-кем, а уж шпионом она точно не была, хотя условия ее жизни для Китая действительно были нетипичными...

Ньен Чен родилась в богатой семье землевладельцев. Со своим будущим мужем она познакомилась в Лондоне, где они оба учились в университете. Поженившись в 1939 году, супруги вернулись в Чунцин, выполнявший роль столицы Китая на период войны. Муж Ньен стал дипломатическим чиновником в правительстве Чан Кайши, лидера партии «Гоминьдан». Он возглавлял шанхайское представительство Министерства иностранных дел, когда в 1949 году к власти пришел Мао Цзэдун, и партии «Гоминьдан» пришлось спасаться бегством на Тайвань. Супруги не убежали из страны, надеясь, что коммунисты будут придерживаться умеренной политики. Муж Ньен даже помогал в передаче дел новому правительству, неся службу советника по международным отношениям при новом мэре Шанхая.

На следующий год ему позволили уволиться с государственной службы и стать главным управляющим офиса компании «Shell International Petroleum» в Шанхае. Мао Цзэдун нуждался в услугах «Shell». Это была единственная крупная нефтяная компания, согласившаяся вести бизнес в Китае. Благодаря этому, представители коммунистической партии относились к чете Чен благосклонно.

После того, как муж Ньен умер в 1957 году от рака, его на посту генерального управляющего сменил специалист из Великобритании. Он нуждался в помощи в некоторых вопросах взаимодействия с китайским правительством, и потому компания «Shell» предложила Ньен работу консультанта. Она выполняла роль связующего звена с профсоюзом «Shell» и курировала ведение учетной документации. Ньен занимала эту должность до весны 1966 года, когда компания закрыла свой офис в Шанхае после того, как власти национализировали фонды «Shell». С благословения китайского правительства Ньен Чен работала на капиталистическую фирму вплоть до первых дней Культурной революции.

Коллективное мнение руководителей Китая постоянно менялось, переводя в фавориты то одну, то другую фракцию. Цель Культурной революции Мао Цзэдуна заключалась в том, чтобы обеспечить полную гегемонию его политики. Особенно ему мешал Лю Шаоци, который придерживался более умеренных взглядов. В ходе Культурной революции члены Коммунистической партии судорожно пытались подстроиться под политику Мао или, по крайней мере, уклониться от необходимости противоречить ей. Партийные фракции стремились расширить свое влияние, демонстрируя, что их конкуренты придерживаются антимаоистских взглядов. Их политические игры объединяли в себе тактику «разделяй и властвуй» с обвинениями «по принадлежности».

Ньен Чен была отведена роль главной жертвы. С ее помощью некоторые влиятельные люди рассчитывали дискредитировать своих оппонентов – цель, которой они хотели достичь любой ценой. Погром в доме Ньен стал лишь первым шагом в реализации их планов.

Через несколько недель после конфискации ее дома красногвардеец и один пожилой революционер привезли Ньен Чен в здание школы на так называемое «противостояние», которое по сути представляло собой бутафорский суд, состоящий исключительно из красногвардейцев и более опытных революционеров. Прокурор объявил собранию, что эта женщина происходит из семьи землевладельца, получила образование в Англии, была замужем за пособником партии «Гоминьдан», который, к тому же, работал на компанию «Shell International Petroleum», а значит все ее интересы связаны с капиталистами. Она и сама была на хорошем счету в «Shell», и потому автоматически является врагом китайского вождя Мао Цзэдуна и его великой Культурной революции. Наконец, прокурор объявил суть обвинения. Поскольку компания «Shell» занималась сбором разведанных для Великобритании, засылая своих агентов вглубь Китая под

предложением продажи керосина крестьянам, Ньен Чен, наверняка, — главный агент британской разведки.

«Вы выслушали выдвинутые против вас обвинения, — обратился к ней прокурор. — Ваше преступление против китайского народа чрезвычайно серьезно, и вы сможете искупить свою вину только чистосердечным раскаянием. Вы готовы во всем признаться и рассказать, каким образом вошли в тайный сговор с британскими империалистами, чтобы вести подрывную работу против народного правительства? Будете сознаваться?!»

Ньен сочла этот вопрос оскорбительным. «Я никогда не совершала ничего против китайского народа и правительства, — заявила она. — Компания 'Shell' работала здесь только потому, что этого хотели руководители страны. Разрешение на открытие шанхайского офиса 'Shell' было выдано государственным советом и подписано ни кем иным, как премьер-министром Чжоу Эньлаем».

Услышав это, заполненный людьми зал начал кричать: «Признавайся! Признавайся!!»

«Мы не позволим классовому врагу спорить с нами!» — завопил прокурор. Вокруг Ньен, трясая перед ее лицом кулаками, столпились красногвардейцы. «Грязная шпионка! — орали они, дергая Ньен за одежду и оплевывая ее. — Мерзкая прислужница Запада! Мы убьем тебя!»⁶

«Я ни в чем не виновата! — сказала Ньен так твердо, как только могла. — Мне не в чем раскаиваться».⁷

27 сентября 1966 года Ньен Чен была доставлена в СИЗО №1, в котором находились под стражей большинство важных политзаключенных Шанхая. На тот момент она не виделась с дочерью уже несколько недель. Мейпин жила в «коровнике» Шанхайской киностудии — казарме, в которой содержали под домашним арестом людей, объявленных «классовыми врагами».

Картина, представшая перед Ньен, когда она впервые увидела тюремный коридор, запомнилась ей на всю жизнь: длинный ряд дверей с тяжелыми засовами и висячими замками, дальний конец которого терялся во мраке, пугающем своей неопределенностью.

Ее камера была невообразимо грязной. Стены, еще хранившие следы побелки, пожелтели от времени и были испещрены темными полосами. С потолка свисала лампочка без абажура. На сыром цементном полу повсюду виднелись черные пятна плесени, а в один из углов был встроены открытый унитаз. В камере было единственное маленькое окно, защищенное железной решеткой. Когда Ньен с трудом

удалось открыть его, порыв ветра окатил ее облаком пыли и осыпавшейся краски. Обстановку камеры составляли только три узких, сколоченных из досок койки. Одна из них стояла под стеной, а из двух других сбили двухъярусные нары. Выходная дверь была цельнометаллической, если не считать окошко с железной шторкой, через которое передавали пищу и другие необходимые вещи.

Скомкав несколько кусков туалетной бумаги, которую ей разрешили взять в камеру, Ньен попыталась отчистить свою койку. Ей казалось, что она никогда не сможет заснуть в настолько грязном месте, поэтому она попросила, чтобы ей принесли веник.

«Уже два часа ночи! – крикнул ей через дверь охранник. – Ложись спать!»⁸

Ньен все-таки попыталась заснуть, но из-за тучи комаров сделать это было совершенно невозможно. Так она просидела до зари, когда лампочку, наконец-то, выключили, и через окно в камеру проникли лучи рассвета.

Первый тюремный завтрак Ньен подали в измятом алюминиевом котелке. Как выяснилось, теперь ей предстояло питаться водянистой рисовой кашей с несколькими кусочками соленых овощей.

Вскоре после завтрака Ньен попросила встречи с каким-нибудь официальным лицом – с кем-то, кто мог бы объяснить ей, за что она оказалась в тюрьме. Ньен настаивала на том, что это какая-то ошибка. Она не совершила никакого преступления.

На это охранник ответил, что ее оправдания бесполезны. Власти никогда не отправили бы в СИЗО №1 невинного человека.

Однако Ньен не упала духом и сосредоточилась на более насущных вопросах. Ей нужно было как-то привести в порядок камеру, и она опять попросила, чтобы ей дали веник. Охранник сообщил, что обычно заключенным веники выдают только по воскресеньям, но, поскольку Ньен была из новоприбывших, он все-таки выполнил ее просьбу.

Вскоре после того, как Ньен начала уборку, охранник передал ей через окошко в двери какой-то бумажный листок. Это была квитанция за четыреста юаней, – деньги, которые у нее были при себе в момент ареста. Ньен планировала отдать их своему садовнику, как последний платеж за его услуги. Охранник сообщил, что эти деньги положили в банк на ее имя, и Ньен может приобрести на них предметы первой необходимости. Она сразу же попросила купить для нее таз, две эмалированных кружки (одну – для пищи, другую – для питья), несколько катушек с нитками, швейные иглолки, мыло, полотенца, зубную щетку и пасту, и несколько рулонов туалетной бумаги.

На обед опять принесли вареный рис, но на этот раз – с капустой. Ньен сделала из риса клейстер и с его помощью приклеила туа-

летную бумагу по кромке, где край койки примыкал к грязной стене. Благодаря этому барьеру, Ньен почувствовала себя значительно лучше. Кроме того, она использовала для уборки немного питьевой воды. Обычно заключенным не разрешалось производить в камере даже малейшие изменения. Для того чтобы оправдать свои действия, Ньен процитировала Мао Цзэдуна: «Соблюдение гигиены – это слава, несоблюдение гигиены – позор».⁹ Так она физически приспособилась к окружающей обстановке.

Ньен решила, что не будет делать никаких ложных признаний. Она видела, как многие люди – даже бывалые члены коммунистической партии – совершали ритуал покаяния в надежде, что это облегчит их страдания. Твердая решимость Ньен пред лицом ужесточающихся преследований была настоящим чудом и непостижимой тайной.

Позже она напишет: «Когда меня привезли в следственный изолятор, я не видела будущего. Мне не было страшно. Я верила в справедливого и милосердного Бога и ожидала, что Он выведет меня из этой преисподней».¹⁰

Официальные допросы Ньен Чен в СИЗО начались только через несколько месяцев. Ее отвели в дальний конец огражденной тюремной территории, где на большом деревянном щите красовалась надпись: «Мягкое обращение – тем, кто честно сознается. Суровое наказание – тем, кто упорствует. Вознаграждение – тем, кто демонстрирует похвальное рвение».¹¹

Поначалу допросы проводили два человека: главный следователь и секретарь, записывавший все, что она говорила. Ньен Чен также обратила внимание на узкое, решетчатое окошко, через которое, вне всякого сомнения, за ходом допросов наблюдал какой-нибудь более высокий чин.

Главный следователь объявил: «Это следственный изолятор №1, тюрьма для политзаключенных. Здесь содержатся и допрашиваются контрреволюционеры, совершившие преступления против народного правительства».

«В таком случае, меня здесь быть не должно», – сказала Ньен.

«Вы здесь именно потому, что совершили преступление против народного правительства», – продолжал «давить» следователь.

«Это, несомненно, какая-то ошибка», – ответила Ньен.

«Народное правительство не ошибается».

«Вы же – представитель власти, – не сдавалась Ньен. – Как вы можете выдвигать столь абсурдные обвинения?»

«Это не абсурдные обвинения».

«В таком случае вам придется предъявить доказательства».

«Разумеется, у нас есть доказательства», – солгал следователь.

«Тогда предъявите их, – саркастически бросила Ньен. – Я не верю, что у вас есть хоть какие-то улики против меня ... потому что ни у вас, ни у кого-либо другого не может быть того, чего попросту не существует».¹²

Ньен годами противостояла разным следователям, пытавшимся доказать, что у народного правительства есть доказательства ее шпионской деятельности. Они снова и снова просили ее написать автобиографию, надеясь уловить ее в каких-нибудь расхождении. Следователи ссылались на дружбу Ньен с британскими дипломатами и другими, кого они подозревали в шпионаже, но не могли доказать выдвинутых против нее обвинений.

В ходе допросов позиция Ньен оставалась неизменной: «Разве я не должна ожидать от народного правительства справедливости?»

«Справедливости! Что такое справедливость? – насмешливо спросил один из следователей. – Пустой звук. Абстрактное слово, лишенное объективного смысла. Каждый класс подразумевает под справедливостью что-то свое. Капиталисты считают, что вполне справедливо эксплуатировать трудящихся, хотя последние придерживаются прямо противоположного мнения. В любом случае, кто вы такая, чтобы требовать к себе справедливости? Когда вы сидели в своем теплом доме в то время, как другие дрожали на снегу, вы разве думали о справедливости?»

«Вы путаете социальную справедливость с юридической, – возразила Ньен. – Могу сказать, что мы с моим покойным мужем остались в 1949 году здесь, а не последовали за ‘Гоминьданом’ на Тайвань, именно в надежде, что народное правительство улучшит условия жизни в Китае».

«Как бы там ни было, абстрактная концепция справедливости нас не интересует, – сказал следователь. – Армия, полиция и суды – это репрессивные инструменты, используемые одним классом против другого. Они не имеют никакого отношения к справедливости. Во времена реакционного правительства ‘Гоминьдана’ в той камере, в которой сейчас сидите вы, содержались члены Коммунистической партии. И вот, уже диктатура пролетариата применяет те же самые репрессивные инструменты против своих врагов».¹³

И все же, Ньен была убеждена, что тщательное и честное расследование ее дела приведет к торжеству правосудия. Она была настолько уверена в этом, что бросила своим оппонентам вызов. Однажды она вручила следователю следующее заявление: «Я – патриотка Китая и законопослушная гражданка. Я никогда не совершала никакого преступления против народного правительства. Если следо-

ватели народного правительства найдут во всем Китае хоть кого-нибудь, от кого я пыталась получить конфиденциальную информацию, то я готова принять смертную казнь. В завершение расследования по моему делу, когда я буду найдена совершенно невиновной, народное правительство должно меня полностью реабилитировать – в том числе, публично извиниться передо мной в газетах».¹⁴

В марте 1969 года революционеры, желая сломить Ньен, устроили для нее еще одно «противостояние». Ее перевезли из СИЗО в ту самую школу, где ранее она уже подверглась нападкам. Там Ньен, не снимая с нее наручников, швырнули на пол перед собранием из бывших сотрудников «Shell». Последние два года их содержали под стражей именно в этой школе, «перевоспитывая» в соответствии с учением Мао Цзэдуна.

Стены зала, в котором проходило собрание, были увешаны большими плакатами, изобличающими Ньен, как шпионку. Одного за другим, ее бывших коллег вынуждали выходить вперед и разоблачать ее, как агента британской разведки. В завершение, главный бухгалтер «Shell» – мужчина по имени Тао – «признался», что был завербован мужем Ньен для шпионажа в пользу Великобритании. Он также обвинил Ньен в том, что она предлагала ему большую взятку за его молчание о подрывной деятельности компании.

Потрясенная всей нелепостью этого шутовского суда, Ньен запрокинула голову и громко расхохоталась. Ее смех, эхом отразившись от стен зала, вернулся к ней тихим хихиканьем ее бывших коллег. Тюремщики тут же схватили ее и вернули обратно в СИЗО №1.

Ньен сразу же подвергли еще одному допросу, потребовав, чтобы она объяснила, как можно смеяться, будучи обвиняемым в столь тяжком преступлении. «Если вы разыгрываете комедию, то не должны удивляться, что зрители будут смеяться. Это естественная реакция», – ответила Ньен.¹⁵

На стороне народного правительства не было правды или доказательств, но зато было в избытке власти над жизнью Ньен Чен. Однажды, когда ее привели на очередной допрос, Ньен обступили пятеро охранников – как мужчин, так и женщин, – которые начали толкать ее друг к другу. «Ты – пособница империалистов! – кричали они. – Грязный эксплуататор рабочих и крестьян!»¹⁶

Один из охранников, схватив Ньен за лацканы куртки, швырнул ее на стену. Не успела она упасть, как он подхватил ее и снова толкнул на стену – еще сильнее, чем в первый раз. Он повторял это снова и снова.

Наконец, обессиленную Ньен усадили на стул, и охранники начали осыпать ее градом ударов и пощечин, крича: «Ты будешь признаваться? Признавайся!»¹⁷

Когда Ньен в очередной раз отказалась, на нее надели наручники. «Это тебе в наказание за твое упрямство. Будешь ходить в них, пока не согласишься признаться. Как только сделаешь это, мы их сразу снимем. Признаешься сейчас – снимем сейчас. Признаешься завтра – снимем завтра. Если не признаешься год, то будешь ходить в них целый год. Если не признаешься никогда, то так и умрешь в наручниках».¹⁸

Максимально туго затянув наручники, женщина-конвоир отвела Ньен в карцер без окон размерами два на два метра. Из-за сдавленных запястий, которые распухли и мучительно болели, Ньен провела бессонную ночь. При этом к ней то и дело приходили охранники, спрашивая, готова ли она признаться.

Проведя сутки в карцере, Ньен подверглась еще одному допросу, в ходе которого обвинители заверили, что впившиеся в ее запястья наручники могут причинить серьезный и необратимый вред рукам. «Вы переживаете о своих руках, и совершенно правы, – сказал следователь. – Руки очень важны для любого человека, но особенно для интеллектуалов, которые много пишут. Вы непременно должны постараться сохранить свои руки невредимыми, и сделать это очень просто. Всего лишь признайте свою вину».¹⁹

Ньен вернули обратно в обычную камеру, но наручники не сняли. Вскоре они протерли ей кожу до костей. Ньен могла хотя бы немного отдохнуть от мучительной пульсации и жжения в опухших руках, только положив их на свернутое одеяло, когда она пыталась спать сидя. Наутро одеяло было покрыто пятнами гноя и крови, а тело Ньен пылало от высокой температуры.

Из-за наручников она не могла держать ни ложку, ни кружку. Все, что ей удалось сделать, чтобы подкрепиться, – это вывернуть миску с рисом и капустой на полотенце и затем есть без помощи рук, как животное.

Охранники снова и снова предпринимали попытки добиться от нее признания. Вскоре их голоса начали все больше отдаляться от нее, и Ньен окончательно лишилась чувств.

Придя в сознание после обморока, она увидела, что лежит на полу, а над ней стоит группа охранников. «Вставай! Поднимайся! – крикнул ей один из них. – Хватит притворяться мертвой! Тебе никто не даст так просто отделаться!»

В голове Ньен немного прояснилось, и она поняла, что ее руки, хотя и связаны за спиной, уже не закованы в наручники.

«Давай, поднимайся!» – крикнула женщина-охранник.²⁰

Ньен провела в наручниках одиннадцать дней.

Из-за отсутствия отопления в камере она дважды в течение суровой зимы попадала в госпиталь с воспалением легких, которое, по мнению врачей, могло убить ее. Из-за скудного питания у нее сильно воспалились десны и открылось менструальное кровотечение.

Впрочем, ни болезнь, ни пытки не причиняли Ньен столько страданий, как желание увидиться с дочерью. Что случилось с Мейпин? Ньен постоянно ожидала, что получит от нее весточку в каком-нибудь гостинце. Другие заключенные время от времени получали от родных передачи с туалетными принадлежностями и другими предметами первой необходимости, но Ньен ничего не приносили. Долгое время она говорила себе, что дочь просто не рискует выходить с ней на связь из соображений безопасности. Как-никак, Ньен была объявлена иностранной шпионкой.

К ноябрю 1971 года та одежда, которую охранники предоставили Ньен пятью годами ранее, совершенно износилась. Она нуждалась в новых вещах и особенно – в куртке на подкладке, потому что из старой куртки уже выпала почти вся набивка. Власти пообещали, что как-то решат этот вопрос.

И вот, однажды Ньен принесли большой сверток. Развязав его, она обнаружила куртку на подкладке, подшитое флисом зимнее пальто, два свитера и пару шерстяного нижнего белья. Все эти вещи красногвардейцы позволили Мейпин оставить себе еще после первого набега на дом семьи Чен. В сверток также было вложено зимнее одеяло Мейпин. Ньен посмотрела на синюю куртку с подкладкой из темно-бордового шелка. Она купила ее для дочери в 1966 году. Эта куртка выглядела такой же новой, как в тот день, когда Ньен сняла ее с вешалки в магазине.

Ньен начала лихорадочно исследовать каждую вещь. Было видно, что ни одну из них не носили дольше одного сезона. Ньен не могла прогнать мысль о том, что ее дочь претерпела высшую степень насилия Культурной революции. Как еще можно было объяснить, что ее одежда почти не ношена?

Вдруг, Ньен со всей ясностью осознала: ее дочь мертва. Эта мысль ударила ее с такой силой, что у нее бесконтрольно затряслись ноги. Не воспользовались ли тюремщики ее потребностью в одежде, чтобы нанести ей сокрушительный психологический удар? Если это так, то они достигли своей цели.

Вызвав охранника, Ньен спросила, что случилось с Мейпин, но тот отреагировал так, словно ничего не услышал. Она опять позвала его, но на этот раз он вообще не отозвался. На протяжении последующих дней Ньен обращалась то к одному, то к другому охраннику,

спрашивая, может ли она послать открытку Мейпин, но ей неизменно отказывали. Тогда она спросила, может ли Мейпин хотя бы передать ей открытку с надписью «Да здравствует председатель Мао?» но охранник сказал, что заключенным запрещено передавать сообщения от родственников.

Тревога Ньен Чен о судьбе дочери была настолько велика, что она начала чахнуть и впала в горячку. Ее отправили в госпиталь, но все же, несмотря на утрату воли к жизни, Ньен не умерла и перед самым Рождеством вернулась в СИЗО № 1.

С каждым годом, проведенным в тюрьме, она уделяла все больше времени молитве. Хотя Ньен выросла в традиционной буддистской семье, в подростковом возрасте она стала христианкой. Ньен не хотела, чтобы охранники видели, что она молится, и потому открывала книгу с цитатами Мао Цзэдуна (труды Мао были единственными книгами, которые разрешалось читать заключенным) и склонялась над ней, мысленно обращаясь к Богу. В молитвах она находила утешение в своей скорби. Они навевали Ньен воспоминания о тех взаимоотношениях любви, которые были у них с дочерью, и о счастливых событиях их совместной жизни. «Я все чаще вспоминала те дни, когда она была жива, — пишет Ньен, — и все реже сосредоточивалась на трагедии ее смерти».²¹

В феврале 1972 года, невзирая на публикацию в «New York Times» «Бумаг Пентагона», тщательно продуманный секретный план президента Никсона принес свои плоды. Он посетил Пекин — первым из американских президентов. Хотя маоисты трубили о визите Никсона, как о великой победе Мао Цзэдуна и сокрушительном поражении скрывающейся на Тайване партии «Гоминьдан», это событие, как Никсон и надеялся, оказало смягчающее действие на политику Китая. Оно укрепило позиции таких людей, как Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин, которые отдавали предпочтение прагматическим решениям проблем Китая, а не идеологии Мао Цзэдуна и его бесконечной анархии.

Как ни странно, визит Никсона повлиял и на политическое соперничество, приведшее к аресту Ньен Чен. Культурная революция была средством, с помощью которого Мао Цзэдун пытался взять верх над Лю Шаоци, Чжоу Эньлаем и другими приверженцами умеренной политики. За арестом Ньен Чен, скорее всего, стоял кто-то из радикалов Мао Цзэдуна.²² Если бы она «призналась», что занималась шпионажем, то это доказало бы безрассудность «умеренных» шанхайских политиков, санкционировавших присутствие «Shell» в Китае.

В результате радикалы и их союзники смогли бы заменить своими сторонниками государственных деятелей, поддерживавших умеренный политический курс Чжоу Эньлая.

Визит Никсона помог утвердить понимание руководством страны того, что дипломатические и торговые отношения с другими государствами были в интересах Китая. Поскольку теперь Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай объединились в своей поддержке международной торговли, отпала политическая выгода доказывать, что бывшее присутствие в Шанхае компании «Shell» являлось ошибкой. Международная дипломатия сделала Ньен Чен бесполезной пешкой. Более того, сам факт, что она подвергалась постоянным преследованиям, теперь выглядел весьма неблагоприятно.

27 марта 1973 года охранник приказал Ньен собрать все свои вещи, и ее привели к какому-то чиновнику, который сказал, что в ее деле поставлена точка. Народное правительство пришло к заключению, что ее арест был оправдан, поскольку она отстаивала интересы предателя Лю Шаоци и однажды рассказала людям в Англии об отсутствии хлеба в Шанхае. Однако, за шесть с половиной лет тюремного заключения взгляды Ньен заметно улучшились, и народное правительство решило продемонстрировать ей «пролетарское великодушие», сняв с нее обвинения и позволив покинуть следственный изолятор.

«Вы не хотите ничего сказать? — спросил чиновник. — Разве вы не благодарны? Вы не рады тому, что теперь можете жить, как свободный человек?»

Ньен была настолько разгневана, что ее била дрожь. «Я не принимаю такого решения», — сказала она.

Правда была настолько важна для Ньен Чен, что она потребовала публичного извинения в шанхайских и пекинских газетах. До тех пор, пока этого не будет сделано, она намеревалась оставаться в тюрьме.

Следователь поднялся из-за стола: «Никогда еще не видел заключенного, отказывающегося покинуть изолятор. У вас, наверное, повредился рассудок. В любом случае, если правительство хочет, чтобы вы покинули тюрьму, то вам придется это сделать. Ваши родственники ожидают вас с раннего утра».²³

От надежды увидеться с дочерью гнев Ньен мгновенно испарился. Неужели снаружи тюрьмы ее ожидала Мейпин? Ради встречи с ней Ньен была готова отказаться от своих требований и немедленно выйти на свободу.

У вторых ворот на выходе из тюрьмы ее возле синего такси ожидала какая-то молодая женщина, но ростом она была ниже, чем Мейпин. Это была Хин, крестница Ньен.

Помогая Ньен Чен с переездом в двухкомнатную квартиру, выделенную ей правительством, Хин неохотно объяснила, что по официальной версии Мейпин «покончила жизнь самоубийством» вскоре после тюремного заключения Ньен. Утверждали, что она выпрыгнула из окна на девятом этаже здания шанхайской Ассоциации легкой атлетики.

Как только Ньен Чен удостоверилась в смерти своей дочери, она решила покинуть Китай. Впрочем, она не могла эмигрировать до тех пор, пока не было проведено тщательное расследование обстоятельств гибели Мейпин и свершено правосудие. Ньен справедливо считала, что девятнадцатилетние девушки, полные сил и желания жить, не выпрыгивают из окон просто так.

Кроме того, Ньен требовалось некоторое время, чтобы восстановить здоровье. Из-за запущенного периодонтита ей пришлось удалить все зубы. Скудное питание и стрессы тюремной жизни привели к острому гормональному дисбалансу, вызвавшему у нее внутреннее кровотечение.

Ньен расследовала смерть Мейпин не спеша и не поднимая шума, поскольку по-прежнему оставалась под надзором своих политических врагов. Все же, она смогла убедиться в обоснованности своих подозрений. Прежде всего, окна на девятом этаже здания шанхайской Ассоциации легкой атлетики были попросту слишком малы для того, чтобы кто-то мог через них выпрыгнуть. Со временем Ньен выяснила, что следователи, которые вели дело Мейпин, хотели, чтобы она отреклась от матери и дала свидетельские показания о ее шпионской деятельности. Когда Мейпин отказалась, ее подвергли пыткам. Следователи не собирались убивать ее, но, как это часто бывает, пытки в конце концов привели к летальному исходу.

Ньен обратилась к правительству с заявлением, требуя своей полной реабилитации (в коммунистическом Китае это было заменой принесению извинений), а также – тщательного расследования обстоятельств смерти Мейпин. В ноябре 1978 года, спустя двенадцать лет и два месяца после своего ареста, Ньен была официально реабилитирована и объявлена жертвой незаслуженного преследования и тюремного заключения.

Вскоре после этого Шанхайской киностудии разрешили провести гражданские панихиды в память о ее сотрудниках, погибших в

результате гонений. Церемонию в честь Мейпин посетили более двухсот ее друзей и коллег по творческому цеху.

Некоторое время спустя один молодой человек был отдан под суд и признан виновным в смерти Мейпин, но получил отсрочку в исполнении приговора. Политические оппоненты в Китае по-прежнему проявляли осторожность в том, чтобы создавать новые проблемы, которые позже могли им дорого обойтись.

Взаимоотношения между Китаем и Соединенными Штатами в конце концов сыграли свою роль и в эмиграции Ньен Чен. После смерти Мао Цзэдуна в 1976 году главные зачинщики Культурной революции оказались в тюрьме. Бразды правления постепенно перешли в руки Дэн Сяопина, и Соединенные Штаты начали рассматривать Китай как одного из наиболее выгодных торговых партнеров. Соглашения, регулировавшие эти торговые взаимоотношения, в частности открывали границы Китая для граждан обеих стран, чтобы те могли воссоединиться со своими родственниками.

Ньен Чен с присущей ей непреклонностью и упорством доказала свое право на визит к ее двум сестрам, живущим в США. Ее не остановило даже то обстоятельство, что среди предметов, конфискованных в ходе Культурной революции, обнаружилась ее коллекция антикварного фарфора. Ньен просто подарила все Шанхайскому музею. В любом случае, она не могла взять с собой в Америку ничего, кроме своего нестигаемого чувства человеческого достоинства.

Важнее, чем сама жизнь

Истории Ньен Чен и Денниса Козловски кажутся диаметрально противоположными. Тем не менее, их объединяет одна важная истина: они оба пожали последствия материалистического мировоззрения. Козловски исповедовал материализм. Как он любил говорить: «Деньги – это мерило всего». Преследователи Ньен Чен не менее страстно верили в то, что человек действительно живет лишь хлебом единым. Разница между Козловски и маоистами состояла в том, кто что получает – и как, но отнюдь не в важности приобретения как такового. Для материалистов начало и конец реальности – это деньги и та власть, которую они дают. Как мы увидели в этих двух историях, материализм – это закрытое, механистическое мировоззрение, превращающее людей в бесчеловечных монстров.

Материалисты всех мастей убеждены, что достоинство человека определяется тем, чем он владеет. Наше классовое происхождение, образование, наша ценность для рынка труда – все это определяет нашу значимость. Все Козловски этого мира (и такой Козловски живет внутри каждого из нас) считают, что, благодаря богатству и власти, они лучше других – настолько лучше, что начинают верить в свое верховенство над законом. Коммунисты же еще больше упрощают это уравнение, просто заявляя, что те, кто у власти, и есть закон.

В западном мире люди обычно проводят различие между *статусом* и *ценностью*. Богатство и власть дают одним привилегии, которых нет у других, и даже могут принести славу. Такой человек, безусловно, обладает в нашем обществе высоким *статусом*. Но мы не хотим думать, что он *лучше* нас.

Или все же хотим? Судя по популярному телешоу «Американский идол», очень даже хотим. Наш внутренний Козловски считает,

что деньги, власть и слава открывают какую-то более высокую *сущность* человека, делая его достойным поклонения. В самом деле, некоторые люди справедливо полагают, что современные знаменитости стали своеобразной заменой греческих богов. Возможно, мы думаем, что наше восхищение «звездами» — это всего лишь забава, что его не стоит воспринимать всерьез, но сколько людей направляют всю свою

жизнь на обретение статуса знаменитости?

И сколько тех, кто завидует достигшим этой цели? Мы куда более склонны оценивать достоинство человека по его социальному статусу, чем признаемся себе в этом.

Характер определяется
не обстоятельствами, а
нашей реакцией на них

Учение Маркса, Ленина и Мао Цзэдуна полностью подтверждает эту формулу. Оно даже заявляет, что социальное положение человека определяет его самосознание,

как человеческого существа. Вот почему мучителей Ньен Чен настолько изумляла ее способность противиться ложному признанию. Она ведь была типичным представителем загнивающего капитализма. Маоисты были уверены, что для человека, пользующегося такими привилегиями, как Ньен Чен, содержание в грязной камере должно стать невыносимым испытанием. Ее дух должен был сломиться, как только она лишилась всех материальных опор своей прошлой жизни.

Но имущество не было для Ньен Чен мерилom жизни, и учение Мао Цзэдуна совершенно не подготовило ее мучителей к пониманию этой реальности. Она имела твердую решимость сохранить свое человеческое достоинство, смысл которого были совершенно не в силах постичь маоисты.

В мышлении Козловски также нет ничего, что помогло бы понять Ньен Чен. Она не является американским идиолом, но лучшая часть нашего «я» признает в ней личность, на которую хочется равняться.

Истории Ньен Чен и Козловски изображают два обезумевших мира. Юные революционеры уполномочены правительством вламываться к людям в дома, круша все на своем пути? Кому-то недостаточно законного дохода в 500 миллионов долларов за десять лет? «Это безумие», — думаем мы.

Мучители Ньен Чен задействовали все средства, чтобы вынудить ее присоединиться к этому безумию. Но одна лишь мысль сохранила ее в здравом уме, и эта единственная идея способна уберечь нас также и от безумия Козловски. Ньен Чен верила в истину. Посвятив себя правде, она никогда не теряла своей человечности. Маоисты имели власть забрать у нее все остальное, но они ни за что не смогли бы лишить ее того, в справедливости чего она была уверена.

Благодаря тому, что она крепко держалась за правду, человеческая сущность Ньен Чен оставалась незатронутой ужасающими переменами ее обстоятельств. Она продемонстрировала своим гонителям, что можно пребывать в состоянии совершенной свободы несмотря на радикальную перемену обстановки. И опять мы видим великую парадоксальную истину: наш характер определяется не обстоятельствами, а нашей реакцией на них.

Приверженность Ньен правде также позволяла ей предвидеть, что справедливость все равно восторжествует и, таким образом, зло обернется добром. Она смотрела злу прямо в лицо, не мигая и не колеблясь. Она твердо стояла на своем посту, сотрясая кулаком и смеясь над своими мучителями. Как мы ясно видим из истории Ньен Чен, бедствия не только не должны погубить нас, но способны даже укрепить, если мы встречаем их, твердо держась своих принципов.

В этом отношении серьезным подкреплением для Ньен Чен стала ее христианская вера. Среди всех великих мировых религий только она наделяет зло и страдания значимостью и смыслом. Британская романистка Дороти Сэйерс хорошо уловила суть этой природы веры: «В отличие от ‘христианской науки’, для которой зло вообще не существует, или буддизма, согласно которому добро состоит в отказе воспринимать зло, христианство утверждает, что совершенство достигается посредством активных и позитивных усилий извлечь настоящее добро из настоящего зла».¹ Именно в этом заключается смысл того, что в христианстве называют искуплением и подчеркивается обнаруженный нами ранее парадокс: мы должны признать зло в самих себе прежде, чем сможем по-настоящему обрести в жизни добро.

Я впервые встретился с Ньен Чен в 1987 году во время ужина, организованного в ее честь в Рестоне, штат Вирджиния, в офисе служения «Тюремное братство», которое я основал после освобождения из тюрьмы. Я завязал переписку с Ньен сразу же после выхода в свет ее замечательной книги «Жизнь и смерть в Шанхае». Книга произвела на меня настолько глубокое впечатление, что я сразу же решил написать ее автору. В ответном письме Ньен Чен рассказала, что моя автобиография «Рожденный заново» была первой книгой, подаренной ей сестрой после выхода на свободу. В ходе переписки, которая и привела к тому памяtnому вечеру в Вирджинии, выяснилось, что наши истории имеют много общего.

Ньен Чен – изящная, утонченная женщина. Единственное видимое свидетельство зверств, пережитых ею в тюрьме, – это шрамы на запястьях. Мучения и невероятные трудности, выпавшие на долю Ньен, совершенно никак не повлияли на ее благородство и спокойное достоинство, с которым она себя держала. Эту очаровательную жен-

щину можно было без труда представить разливающей чай гостям в ее элегантной шанхайской гостиной, обставленной дорогостоящими произведениями искусства.

Вечер, устроенный в честь Ньен Чен, посетили не менее дюжины сенаторов, правительственные чиновники и шестьдесят друзей нашего служения. После ужина госпожа Чен поведала нам свою историю. Она рассказала о своем непримиримом противлении комму-

Счастливая жизнь
постигается в нашей
способности твердо
держаться истины и
в покаявшемся на ней
человеческом достоинстве

низму, который, невзирая на рыночные реформы, все еще остается очень влиятельным в Китае. В завершение своего обращения Ньен, улыбаясь, сообщила аудитории, что с нетерпением ожидает следующей недели, когда наступит самый волнующий момент в ее жизни – день, о котором она мечтала в тюрьме. Расправив свои хрупкие плечи и сверкая глазами, она объявила, что ее пригласили в федеральный окружной суд для принятия присяги гражданина Соединенных Штатов. Когда толпа зака-

ленных в боях вашингтонских ветеранов поднялась на ноги (многие – вытирая глаза), чтобы встретить слова Ньен долгой овацией, она на какой-то миг едва сдержалась, чтобы не потерять самообладание.

Слушая в тот вечер рассказ госпожи Чен, я проникся к ней еще большим уважением. Примечательно, что она была наполнена бьющим через край чувством благодарности, и в первую очередь – Богу. Ньен уверена, что только вера помогла ей выстоять пред лицом семи лет тюремных издевательств и потери дочери. Во-вторых, она благодарна Соединенным Штатам за то, что они остаются маяком свободы. Даже в самые мрачные мгновения ее жизни само существование нашей страны давало Ньен Чен надежду на то, что однажды она будет свободна. Ее признательность стала ключом к выживанию и даровала ей способность вернуться к полноценной жизни после нескольких лет тюремного заключения и пыток.

Как мы видим на примере Ньен Чен, счастливая жизнь обусловлена не роскошными вечеринками на Сардинии и другими сиюминутными удовольствиями. Что не менее важно, ее невозможно лишиться даже посреди ужасных испытаний. По сути, мы зачастую постигаем истинный смысл жизни и обретаем цель именно во времена лишений, когда оказываются сорванными все отвлекающие факторы современного мира. Счастливая жизнь постигается в нашей способности твердо держаться истины и в покаявшемся на ней человеческом достоинстве.

Имущество и статус определяют значимость человека настолько несущественно, что наше врожденное чувство собственного достоинства не может быть стерто даже целой жизнью, проведенной в бедности. Многие из тех, кто произвел на меня самое глубокое впечатление, жили в крайней нищете.

Несколько лет назад я осознал, что не смог привить своим детям адекватное понимание жизни. Конечно, я брал их с собой в поездки, но мы всегда останавливались в хороших гостиницах. Они бывали в некоторых из самых известных мест на планете, включая Белый дом и Букингемский дворец. И вот, однажды меня пронзила мысль, что мои дети видели, как живет горстка привилегированной элиты, но совершенно ничего не знают о том, как страдает от бедности значительная часть мира.

Поэтому я пригласил их составить мне компанию в поездке в перуанский город Лиму, где «Тюремное братство» активно занимается служением в одних из наиболее суровых тюрем на земле, а мой коллега Майк Тиммис претворяет в жизнь проекты по микрокредитованию предприятий для беднейших из бедняков.

Мои трое детей не представляли, чего ожидать. Впрочем, Уэндел и Крис ни о чем особо не переживали, а вот Эмили упаковала чистую наволочку, потому что не знала, где ей придется преклонить ночью голову, и взяла с собой десятки медикаментов для защиты от всевозможных бактерий, свирепствующих в странах третьего мира.

Это был один из лучших уик-эндов, которые я когда-либо провел со своими детьми. Мы посетили четыре тюрьмы, в которых я проповедовал, а Эмили, Уэндел и Крис побывали в объятиях незнакомцев, хлопающих в ладоши и размахивающих Библиями. Мои взрослые дети проникались духовным энтузиазмом заключенных даже в тех исправительных учреждениях, где воздух был отравлен ужасными запахами. Страх перед неизвестностью быстро сменился искренней радостью.

Но наиболее памятным стал наш визит на одно из предприятий, организованных благодаря микрокредитованию. Как и большинство крупных городов Латинской Америки, Лима быстро росла за счет притока крестьян из сельской местности, сооружающих себе дома в предместьях. Каждый квадратный метр земли на равнинах и бесплодных склонах холмов вокруг Лимы занят кем-то из тысяч переселенцев, которые присматривают себе участок и тут же начинают возводить самострой.

Издаലെка эти пригороды выглядят удручающе и отталкивающе, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что перуанцы – большие

специалисты в вопросах сооружения домов из шлакоблоков. Причем у большинства из строений нет крыш, что стало потрясением для моих детей. В Лиме уже лет сорок нет дождей, а климат круглый год умеренный. Зачем же беспокоиться о крыше? В большинстве предместий отсутствуют водопровод или какие-либо другие источники воды, поэтому городские власти доставляют воду в баки, установленные перед каждым домом. Все здания находятся на разных этапах никогда не прекращающегося строительства. Соорудив первый этаж, хозяин поднакапливает денег и сразу начинает строить второй. Чтобы внести какое-то разнообразие, поселенцы окрашивают свои дома в разные цвета – как правило, яркие.

Мы с детьми проехали по грунтовке несколько миль мимо этих самодельных сооружений, громоздящихся друг над другом маленькими скоплениями по обе стороны от дороги. Майк привез нас в одну общину, обосновавшуюся в буквальном смысле на мусорной свалке. Этот участок еще не был никем занят, и переселенцы сразу же начали его обживать. Мы немного пообщались с семьей, получившей в учрежденном Майком банке стодолларовый кредит, с помощью которого отец семейства начал успешный бизнес по переработке мусора. Этот мужчина большую часть дня занимается тем, что ходит по улицам предместья, собирая пустые бутылки, металлолом и макулатуру, а затем приносит все это к себе во двор, сортирует в отдельные кучи, упаковывает и раз в неделю продает в пункте сбора утильсырья. Благодаря такому бизнесу, он смог обеспечить себе приличный заработок, питание и одежду для своей семьи, а также оплатить учебу детей в школе.

Когда мы вышли из машины у его дома, нам пришлось лавировать между горами бытовых отходов и макулатуры, которые находились в процессе сортировки. Поприветствовав нас, хозяин дома схватил кусок тряпки, чтобы вытереть руки, но, поняв, что отчистить их не удастся, подал нам локоть, который мы с радостью пожали.

Сердечность, с которой нас принимали, просто ошеломляла. Обстановка дома была примитивной: земляной пол, отсутствие водопровода, туалет на улице в виде ямы в земле. В маленькой комнате ютились не только хозяин с женой, но еще и их четверо дочерей с мужьями и детьми. Они жили в крайней тесноте, но были исполнены радости, восторгаясь по поводу нашего визита. У Эмили с собой был фотоаппарат, и она хотела сделать снимок очаровательных девочек этого семейства, но, как только она навела на них объектив, между нею и детьми стала их мама. Подняв вверх палец, как сигнал ожидания, она подвела девочек к баку, зачерпнула ковш драгоценной воды и умыла детям лица, чтобы подготовить их к съемке. Этот простой жест стал незабываемым проявлением ее обоснованной материнской гордости своими дочерьми – символом их безграничной ценности.

В тот день мы увидели не трущобы, не сражающихся за жизнь, измученных нищетой потомков перуанских индейцев. Мы увидели семью, стремящуюся показать себя с лучшей стороны. Они демонстрировали достоинство и порядок, хотя жили в невообразимых для большинства из нас условиях. Они гордились своим домом, своей работой, своей самообеспеченностью, своей семьей – и для семейства Колсонов это стало потрясающим уроком.

Современный потребительский век склонен питать иллюзию, что жизнь заключается в восполнении наших животных потребностей: еде, питье, деньгах, власти, сексе и развлечениях. Чарльз Малик, который одно время был заместителем Генерального секретаря ООН, видел, насколько далеко все это от *настоящей* человеческой потребности. Ратуя за включение пунктов о свободе совести и вероисповедания, он, обращаясь к Комиссии по правам человека ООН, говорил: «Все, кто делает акцент на элементарных экономических правах и потребностях человека, в своем большинстве озабочены его чисто животным существованием... Это материализм, как бы вы его ни называли. Но до тех пор, пока мы не выведем на передний план истинную человеческую природу, пока мы не начнем акцентировать внимание на разуме и духе человека, отстаивая и стимулируя именно их, борьба за человеческие права – это фикция и фарс».²

Малик четко видел огромную опасность материализма, лишаящего человека смысла жизни, достоинства, значимости и, тем самым, отвергающего все основания для защиты его прав.

Какой-то внутренний голос говорит нам, что люди обладают уникальным статусом, уникальной ценностью. Во время долгих, напряженных слушаний по делу о назначении президентом Рейганом Роберта Борка членом Верховного суда США разгорелись дебаты о том, чем же мы все-таки руководствуемся: неким естественным законом или записанной Конституцией, как нашим единственным ориентиром. Борг упорно настаивал на том, что, хотя, возможно, и существуют какие-то естественные законы, судьи должны быть ограничены исключительно толкованием Конституции.

В один из моментов слушаний Борку бросил вызов Джозеф Байден, умеренно либеральный сенатор из Делавэра. Обычно за поддержку естественного порядка более активно, по сравнению с современными либералами, ратуют консерваторы. Но Байден в своем

вступительном слове прежде, чем оспорить точку зрения Борка, сделал меткое замечание о фундаментальных основах прав человека: «Я уверен, что мои права берут свое начало не в Конституции. Их не учреждает какое-то правительство. Мои права не устанавливаются мнением большинства. Они существуют только потому, что существую я. Они были дарованы мне и всем моим согражданам нашим Творцом и отражают сущность человеческого достоинства».³

Наша жизнь имеет смысл и цель только потому, что мы существуем. Само наше понимание того, что значит быть человеком, включает в себя достоинство и права. Эта истина записана на наших сердцах, о чем мы еще поговорим позже.

Если об этом как следует поразмыслить, то мы увидим, что в некоторых обстоятельствах наши человеческие достоинство и самоуважение не только важнее удовольствий и статуса, но даже ценнее самой жизни. Эта мысль прекрасно отражена в романе Грэма Грина «Десятый человек», по мотивам которого позже сняли фильм.

В одном из эпизодов там показана нацистская тюрьма во Франции в период Второй мировой войны. Активисты Сопротивления убили в местном городке троих человек: военного советника, сержанта и девушку. Молодой немецкий офицер, войдя в барак к заключенным, объявил, что за каждого из погибших от рук подпольщиков будет расстрелян один пленный, и они должны сами выбрать из своей группы троих для казни.

После горячих споров заключенные решили бросить жребий. Порвав на клочки старое письмо, они нарисовали на трех из них крестики. Кто вытащит крестик, тот и отправится на расстрел. Клочки сложили в ботинок, и заключенные начали тянуть жребий в соответствии со своими фамилиями – в обратном алфавитном порядке от Я до А. Наконец, два крестика уже вытащили, и напряжение все нарастало. Люди начали подсчитывать, насколько велика вероятность, что третий крестик достанется именно им. И вот, ботинок дошел до мсье Жана-Луи Шавеля, состоятельного адвоката. Взяв один из трех оставшихся клочков бумаги, Шавель, не глядя, бросил его обратно в ботинок и схватил другой, – как оказалось, именно тот, на котором и был нарисован последний смертоносный крестик.

Охваченный паникой, Шавель предложил сто тысяч франков тому, кто согласится занять его место. Когда никто не согласился, он начал увеличивать сумму. Наконец, Шавель предложил все, что у него было: деньги, земельный участок и прекрасный дом в Сен-Жан-де-Бриньяке. Другие заключенные, смущенные его трусостью, посоветовали ему принять свою судьбу достойно.

Тем не менее, предложение было высказано, и, в конце концов, его принял один юноша по имени Мишель Манжо. Хотя его разоча-

ровала новость о том, что дом в Сен-Жан-де-Бриньяке довольно старый, все же он был рад, что оставит своей матери и сестре хоть какое-то наследство. Теперь его смерть будет ненапрасной. Почти все оставшееся до расстрела время Шавель и Манжо провели, готовя передачу имущества семье юноши после его казни.

На следующее утро Манжо и двух других заключенных вывели во внутренний двор тюрьмы. Когда раздался залп ружей расстрельной команды, мсье Шавель сидел в бараке, размышляя над тем, во что же теперь превратилась его жизнь.

По окончании войны Шавель не находил себе покоя и, наконец, будучи уже не в силах переносить чувство вины за свою смертоносную трусость, решил покончить жизнь самоубийством. Но прежде, чем это сделать, он навестил семью Манжо, поселившуюся в его старом доме в Сен-Жан-де-Бриньяке. Он пришел под видом просящего подавания нищего, представившись Жаном-Луи Шарлотом, который сидел вместе с Мишелем и мерзавцем Шавелем в немецком концлагере.

Неожиданно для мсье Шавеля, младшая сестра Манжо, движимая состраданием, предложила ему остаться в их доме в качестве слуги. Впрочем, ее сочувствие обратилось трусу не на пользу, поскольку он обнаружил, что лишил девушку не только брата, но еще и радости. Хотя она теперь жила в достатке, ее снедало чувство неутолимой ненависти к неизвестному ей мсье Шавелю. Как ее брат мог быть настолько глуп, чтобы подумать, что его семья предпочтет губительное богатство его несравнимо более ценному присутствию рядом с ними?

Жизнь стала для мсье Шавеля настолько невыносимой, что, когда очередной проходивец попытался добиться руки мадемуазель Манжо, он ценой собственной смерти, наконец-то, открыл правду. В заключительной суматошной сцене он подставляет себя под пулю мошенника, чтобы тот не смог использовать семью Манжо в своих корыстных целях. Шавель, помня, как он однажды злоупотребил недалекостью Мишеля, не мог допустить, чтобы его сестра стала жертвой обмана. Таким образом, мсье Шавель принес наивысшую жертву, наконец-то искупив свою вину и осознав то, что должен был понимать всегда: сколь бы велика ни была цена, она не в состоянии оценить жизнь, потому что в любом случае не сопоставима с безграничной ценностью последней.

Как уже было отмечено ранее, цель книги «Счастливая жизнь» — найти ответы на вопросы, которые не дают покоя каждому

из нас. Как мы обретаем смысл жизни? Что придает ей значимость? Какую жизнь можно назвать по-настоящему счастливой?

Простое удовлетворение физических инстинктов и потакание своим животным желаниям не дают нам ответ. Гораздо важнее то, что утверждает наше врожденное чувство собственного достоинства и значимости. Вне всякого сомнения, как обнаружил мсье Шавель, это важнее самой жизни.

Но, в таком случае, как проявляется человеческое достоинство? В чем оно находит свою полноту и удовлетворение? И куда оно хочет нас направить?

Значимость жизни

Ранее я уже признался, что, оказавшись в тюрьме, больше всего боялся, что уже никогда не смогу вести жизнь, исполненную значимостью. Я всегда был идеалистом. В политике меня привлекала не просто власть, но возможность воплощать свои идеалистические стремления всей жизни.

В школьные годы во время Второй мировой войны я организовал сбор средств, который принес достаточно денег, чтобы купить «джип» для армии. Первые шаги в политике я сделал, как волонтер, еще даже не имея права голосовать на выборах. В колледже я изучал политическую философию и с головой погружался в труды Берка и Локка. Я вступил в ряды морской пехоты, потому что хотел сделать что-то значимое для своей страны. Моя работа в Белом доме была не просто средством удовлетворения личных амбиций, но и возможностью сделать жизнь людей лучше.

Моя тревога в тюрьме, как я сейчас понимаю, была обусловлена тем, что я путал значимость с властью и славой. Значимость жизни не зависит от прерогатив, присущих высокому положению, и уж тем более – от мнения и похвалы других людей. Наполненная смыслом жизнь заключается просто в принятии ответственности и исполнении вверенного нам дела – каким бы оно ни было. Сама природа труда соединяет нас с нравственным порядком (и сотворившим его Богом, о чем мы еще поговорим позже). Верстак, кухонный стол, компьютер – любое рабочее место – это алтарь. Хорошо сделанная работа обладает внутренним смыслом, и, не осознав этого, мы становимся «пустышками».

Мне пришлось столкнуться с этим в тюрьме, когда было нечем заняться, кроме самых примитивных работ, которые я получал по разнарядке. Перед тем, как меня отправили за решетку, один друг подарил мне книгу Дитриха Бонхёффера «Письма и заметки из тю-

ремной камеры». Бонхёффер был немецким пастором и богословом, мужественно противостоявшим Гитлеру. После нескольких лет в тюрьме он принял мученическую смерть, казненный нацистами. Бонхёффер боялся, что бесцельная тюремная жизнь повлияет на его привычки, дисциплинированность и мышление. В течение трех лет заключения в берлинской тюрьме Тегель он следовал строгому режиму, заставляя себя ежедневно подниматься в пять часов утра для молитвы и чтения Библии. Для того чтобы проснуться, Бонхёффер решительно принимал бодрящий холодный душ, а затем организовывал свой день, распределяя время на различные занятия: чтение, написание книг и молитву.

Когда я прибыл в тюрьму, приставленный ко мне социальный работник сказал: «Просто прими этот факт и свыкнись с мыслью, что теперь ты живешь здесь. Не думай о доме». Но книга Бонхёффера убедила меня поступать в точности наоборот. Мне предстояло провести три года в тюрьме, и я не хотел «привыкать» к ней, поэтому, последовав примеру Бонхёффера, максимально загрузил себя работой. Я каждый день трудился над написанием книги, занимался самообразованием, работал в тюремной прачечной, упражнялся в спортзале и помогал другим заключенным. Я редко давал себе отдых, потому что больше всего на свете боялся праздности.

В тюремной прачечной я следил за стиральными машинами, а рядом со мной на сушилке работал бывший председатель правления Американской медицинской ассоциации. В наши обязанности входили стирка, сушка и сортировка одежды по ящикам, которые в конце дня забирали другие заключенные. Самым трудным в этой работе было как раз то, что она была совсем нетрудной. Собственно, стиркой мы занимались только один час из восьми, а все остальное время наблюдали за работой машин; я еще мог занять себя чтением или размышлениями о том, как начну новую жизнь. По иронии, прочитанное в книгах подтвердило важность моего опыта в той прачечной — что любая работа может быть значимой и приносить удовлетворение.

Я видел, как часы безделья высасывают из многих заключенных жизнь. Они разводили вокруг своих коек страшный беспорядок и грязь, игнорировали даже простейшие правила гигиены, наподобие хранения в чистоте зубной щетки и бритвенных принадлежностей. Получая наряд, обычно вместо работы они праздно слонялись, обсуждая свои обиды на предателей, других личных врагов и «систему». Те же, кто не был занят работой, проводили большую часть дня лежа на койке в полуоцепенении, пытаясь сбежать от действительности в пустоту своих мыслей. Они в буквальном смысле просыпали свою жизнь.

Я понял, насколько суровым наказанием является тюрьма. В то время как для общества предельное наказание – это лишение преступника жизни, тюремное заключение отбирает *часть* человеческой жизни.

Насколько сильно на меня повлияли Уотергейт и тюрьма, я осознал только после освобождения, проведя небольшой отпуск вдвоем с Пэтти. Я был с ней необычайно резок, часто срываясь на нее безо всякой причины. Все это объяснялось физическим и эмоциональным истощением. Поразмышляв о своем душевном состоянии, я пришел к выводу, что Уотергейт объяснял мою проблему лишь отчасти. Я успешно справлялся с политическими сражениями, даже когда находился под прицелом общественности. На самом деле, меня истощили усилия постоянно занимать себя чем-то полезным и работать вопреки летаргической атмосфере тюрьмы. В заключении меня больше всего изматывало вынужденное бездействие и порожденная им тревога о родных и друзьях. Это состояние настолько неестественно, что приводит к крайнему стрессу. Поскольку в тюрьме я находился в состоянии постоянного напряжения, первая же возможность расслабиться больше напоминала «выпуск пара».

И все же, в тюрьме можно преодолеть даже самые тяжелые обстоятельства, что нам продемонстрировала Ньен Чен. Это же я увидел в жизни одного необыкновенно «успешного» человека утром пасхального воскресенья в тюрьме штата Миссисипи в Парчмене. После выступления перед общережимными заключенными я по обыкновению навестил приговоренных к смертной казни. Переходя из камеры в камеру, я беседовал с каждым, кто был согласен поговорить. «Смертники» – это особая «каста неприкасаемых», которая не участвует в повседневной жизни тюрьмы и не имеет права посещать никакие мероприятия. Эти заключенные отчаянно одиноки. Они словно зависли во времени, ожидая отклонения своих апелляций и назначения даты казни.

В тот пасхальный день, подойдя к одной из камер, я заметил высокого чернокожего парня, который сидел за письменным столом, заваленным Библиями и книгами. Его взгляд сквозь очки был прикован к странице какой-то книги, но, завидев меня, он вскочил на ноги и, поспешив к решетке, поприветствовал меня с широченной улыбкой. Назвавшись Сэмом, мужчина с восторгом объяснил, что прочитал все мои книги и был очень вдохновлен моим служением.

Когда люди праздны,
у них отсутствует цель,
и они «ржавеют», как
списанный станок

Как выяснилось, Сэм, который был убежденным христианином, использовал свое время в камере смертников для изучения богословия. «Когда я выйду отсюда... – начал он с улыбкой, но на мгновение осекся. – То есть, *если* я выйду отсюда, то стану проповедником. Хочу быть служителем, как вы».

Хотя Сэм был приговорен к смертной казни и содержался в одиночной камере размерами два на три метра, откуда его выпускали только на час в день для прогулки и принятия душа, он был не менее энергичен, чем любой из моих знакомых. Он напоминал мне адвоката, готовящегося к серьезным прениям в суде. Сэм точно знал, чего хочет достичь в жизни, и усердно продвигался к этой цели.

Оглядев камеру, я увидел, что в отличие от всех остальных смертников у него не было телевизора, хотя я знал, что таким заключенным было разрешено его иметь. «Вижу, у вас нет телевизора, – сказал я Сэму. – Я охотно организую его для вас».

«Нет, спасибо, Чак, – ответил Сэм. – Я вам очень признателен, но предпочитаю обходиться без телевизора. На подобные штуки можно впустую потратить уйму времени».

Человек находился в камере смертников, отсчитывая дни до своей казни, но хотел продуктивно использовать каждый час? Когда мы двинулись дальше, мой товарищ пожал плечами: «Не воспользоваться таким предложением может только ненормальный».

«Да нет, он-то как раз вполне нормален, – повернулся я к нему. – Это мы с тобой ненормальные». Сэм восполнял свое стремление к значимости – пусть даже судьи в это время назначали дату его смерти.

Думаю, вы будете рады узнать, что апелляцию Сэма удовлетворили. Его перевели из камеры смертников на общий режим, где он сразу же пустил в ход свои богословские познания, рассказывая другим заключенным о своей вере. Сэм умер своей смертью в 2000 году. Даже за решеткой его жизнь была наполнена смыслом и значимостью.

Мы нечасто слышим, чтобы люди говорили об исполнении великой американской мечты в терминах труда и ответственности – в основном, о ней говорят прямо противоположное. В детстве я думал, что цель жизни – подняться из бедности, в которой я рос, заработать много денег и отложить достаточное их количество на старость. С наступлением же волшебного 65-го дня рождения я мог отказаться от трудовых обязанностей и свить себе гнездышко в каком-нибудь солнечном раю, бесконечно развлекаясь игрой в гольф и рыбалкой.

Праздная жизнь – это не просто мечта. Большинство обитателей состоятельного западного мира считают ее правом. Европейским работникам их трудовые контракты обычно гарантируют шесть недель отпуска плюс от девяти до двенадцати дополнительных дней отгулов. В августе жизнь в Европе замирает. Период отпусков становится апогеем года. Количество рабочих часов у немцев, французов и британцев неуклонно сокращается. Даже американцы, которые в сфере трудовой этики значительно превосходили большинство европейцев, все чаще говорят о свободном времени и отдыхе как аспектах более высокого качества жизни.¹

Живя во Флориде в прекрасном поселке для пенсионеров, я снова и снова наблюдал одну и ту же картину: вышедший на пенсию генеральный директор покупает себе квартиру и загородную виллу с черепичной крышей, расстаётся с суматохой и стрессами бизнеса, вешает на плечо сумку с клюшками и отправляется на поле для гольфа. Я раз за разом видел, до чего быстро угасает первоначальный всплеск радости. Его хватает максимум на полгода, и вскоре на смену приходит скука. Как разочарованно спросил у своего друга один бывший директор: «Я что, должен играть в гольф *каждый день*?» Пенсионеры начинают тосковать по тем временам, когда они занимались чем-то значимым, когда другие брали с них пример.

Я видел, насколько разрушительным может быть отсутствие стимулирующей работы. Один мой знакомый – человек, достигший значительного успеха, – рано оставил юридическую практику, чтобы насладиться путешествиями со своей женой и поездками то в один, то в другой из своих четырех домов. У него было все, ради чего мы должны жить, если верить «американской мечте», но он не занимался ничем значимым. В течение десяти лет я наблюдал за тем, как он деградировал – умственно, эмоционально и физически. Я твердо уверен, что попытки выглядеть нормально в обстоятельствах, когда он не мог ничего предложить другим, когда не было чего-либо, что восполнило бы его желание чувствовать себя значимым, привели к истощающему стрессу, который довел его до точки разрушения. Когда люди праздны, у них отсутствует цель, и они «ржавеют», как списанный станок.

Я навел достаточно пожилых людей в домах для престарелых (некоторые называют их «Царством праздности»), чтобы понимать, что подобные учреждения – совсем не рай, хотя зачастую в них действительно есть необходимость. Некоторые старики обнаружили, что цель жизни не в том, чтобы праздно проводить время, а в том, чтобы продолжать работать – даже когда тебе за семьдесят, за восемьдесят, за девяносто. Корреспондент передачи «60 минут» Морли Сэйфер навел вместе со съемочной группой компанию «Vita Needle» в

Нидхэме, штат Массачусетс. Там на небольшой фабрике работают 35 сотрудников пенсионного возраста.² Одна из них – девяностолетняя Роза Финниган, которая по-прежнему трудится по 37 часов в неделю. Когда Сэйфер спросил ее о причинах, Роза ответила: «Потому что я умерла бы от скуки, если бы сидела сиднем и ничего не делала. Кроме того, я бы совершенно одряхла и утратила ловкость пальцев. Нет уж! Я попробовала, что это такое, и мне это не понравилось».

Билл Фризон приходит на свое рабочее место в шесть утра пять дней в неделю. Он вышел на пенсию в возрасте 69 лет, но вскоре понял, что это не для него... и не для его жены. «Жена не привыкла видеть меня дома дополнительные восемь часов в день, а я не знал, чем себя занять». С тех пор Фризон проработал в компании еще 14 лет. Сейчас ему 83.

Владелец «Vita Needle» обнаружил, что пожилые работники в высшей мере продуктивны, и это позволяет компании оставаться необычайно конкурентоспособной.

После этого Сэйфер начал колесить вместе со своей съемочной группой по стране в поисках похожих случаев. Он нашел 97-летнего парикмахера в Мэнинге, штат Южная Каролина; 87-летнего мэра в Потсдаме, штат Нью-Йорк; и ученого Рэя Криста, по-прежнему работающего по девять часов в день, пять дней в неделю в возрасте 102 лет. «Разве это можно назвать работой? – искренне удивляется ученый. – Это же так интересно! Вы только посмотрите: я исследую, что происходит в этом мире».

Один из тех, у кого Сэйфер брал интервью, подвел следующий итог: «Люди живут все дольше и дольше, и среди них все больше тех, кто приходит к пониманию: если вы достигли своего 60-го или 65-го дня рождения, то это не значит, что ваш поезд ушел... В прошлом году среднестатистический пенсионер проводил у телевизора по 43 часа в неделю, и для многих это стало настоящей пустошью».

Если бы им дали выбор, то многие, несомненно, предпочли работу в компании «Vita Needle» дому престарелых. Люди, ставшие героями программы Сэйфера, ощутили на себе, что труд удовлетворяет потребности самой их природы. Он укрепляет их самоуважение и дает ощущение завершенности. Труд предоставляет им возможность согласовать свою жизнь с требованиями человеческой природы.

Наше потребительское общество учит, что источник счастья – это приобретение благ и обладание ими. Однако факты о самой нашей природе утверждают прямо противоположное. Изю дня в день нам говорят, что работа – это необходимое зло, а отдых, то есть свобода от труда и продуктивности – великая цель потребительского общества. Но глубоко внутри мы понимаем, что праздность сама по себе неспособна удовлетворить.

Если наша природа требует осознания собственного достоинства и самоуважения, то эти потребности могут быть восполнены только после того, как мы отыщем свое предназначение, включающее в себя также и нашу работу, и обязанности. Мы нуждаемся в том, чтобы использовать свои дары и творческий потенциал – будь то на рабочем месте или заботясь о близких (а это – *очень* серьезная работа). Безусловно, мы «запрограммированы» на труд, и, как следствие, неизбежно находим в нем великое удовлетворение.

Возможно, вы скажете: «Для вас, писателей, это действительно так. Вы – по природе творческие натуры, и ваш труд может быть увлекательным. Но как насчет обычных работяг, выполняющих самую черную и часто монотонную работу?»

Бизнесмен Говард Батт как-то рассказал замечательную историю о том, как его друг заехал с пробитым колесом на станцию техобслуживания. Он наблюдал за тем, как механик снял с помощью монтировки колпак, выкрутил ключом болты и закрепил колесо на станке. Под его руководством станок быстро превратил старую шину в новую. Не прошло и десяти минут, как механик уже затягивал последний болт восстановленного колеса. В завершение он сказал, обращаясь не столько к клиенту, сколько к отремонтированному колесу: «Ну вот, моя очередная классно сделанная работа». Вспоминая об этом человеке, Батт отметил: «Его определяло не то, что он менял шины, а хорошая работа, которую он делал с удовольствием».³

Каждый, у кого не было подобного опыта, кто не выполнял поставленную перед ним задачу хорошо, получая от этого искреннее удовольствие, вне всякого сомнения прожил несчастную жизнь. Простая фраза, брошенная механиком: «Вот, моя очередная классно сделанная работа», – отражает взаимосвязь между трудом и по-настоящему ценными вещами в жизни, которую ощущает каждый из нас.

Мне тоже известны радости рутинной работы. Для меня, как автолюбителя, хорошее субботнее времяпрепровождение – это помыть и натереть воском свою машину. Я тщательно мою ее кузов мыльной водой, а затем ополаскиваю из шланга и насухо вытираю замшей. После этого я частенько применяю воск, втирая его до появления зеркального блеска. Натерев одну часть, я отступаю назад,

Настоящее счастье
обретается в следовании
зову нашей высшей природы,
приведении жизни и ее
обстоятельств в соответствие
с нашим внутренним
глубинным устройством

с восхищением осматриваю результат, и перехожу к следующей части, повторяя весь процесс сначала. Для вождения всей машины требуется немало мышечных усилий, но мне эта работа доставляет необычайное удовольствие – точно такое же, как написание хорошей главы для книги. В завершение я обычно захожу в дом, зову Пэтти и показываю ей машину, чтобы она тоже могла повосторгаться. Я обхожу вокруг машины, осматривая ее под разными углами, чтобы увидеть красоту сверкающей на солнце поверхности.

В последние годы у меня все меньше времени для работы по дому, и потому я часто нанимаю кого-нибудь, чтобы помыть и отполировать мою машину. Мне нравится, когда она чистая, но, если ее моет кто-то другой, я уже не осматриваю ее со всех сторон и не зову жену, чтобы та взглянула на результат. Сверкающая поверхность кузова не вызывает у меня былого внутреннего восторга.

Не все ли мы в этом одинаковы? Разве не получаем мы удовольствие от хорошо сделанной работы – какой бы она ни была? Не все мы композиторы, написавшие великие произведения, или архитекторы, спроектировавшие великолепные здания, но каждый из нас – мастер и умелец в какой-то сфере, и мы высоко ценим свою качественно выполненную работу.

Английская романистка Дороти Сэйерс часто затрагивала в своих произведениях вопросы труда – особенно во взаимосвязи с христианским богословием. Она отметила, что труд является «естественной задачей и функцией человека как творения, созданного по образу Творца».⁴ Сэйерс подводит итог в емком высказывании: «По самой своей природе, человек не трудится, чтобы жить. Он живет, чтобы трудиться».⁵ По утверждению Сэйерс, труд – это мерило человеческой жизни, и истинное удовлетворение приносит не столько он сам, сколько восполнение потребностей нашей природы и созерцание совершенства своей работы.

Думаю, люди чувствуют себя несчастными главным образом потому, что общество говорит нам одно, а наша истинная природа диктует иное. В таких случаях мы сталкиваемся с дисфункцией человека в самом полном смысле этого слова. Как мы увидим позже, важно найти естественный порядок – и не только в нашей работе, но и во всех сферах жизни, – а затем, не заботясь о мифах окружающего общества, привести свою жизнь в согласие с этим порядком.

Итак, что мы выяснили о счастливой жизни к этому моменту? Состоит ли она в том, чтобы есть, пить и веселиться, ведя себя так, словно завтра не наступит никогда? Или, может, она состоит в от-

дыхе, развлечениях и потакании всем чувственным желаниям? Нет, настоящее счастье достигается не через материальный комфорт и удовлетворение appetitов. Оно обретается в следовании зову нашей высшей природы, приведении жизни и ее обстоятельств в соответствие с нашим внутренним глубинным устройством.

Этого невозможно достичь в вакууме, будучи обособленным индивидуумом. Здесь мы сталкиваемся с еще одним распространенным мифом нашего общества, который гласит, что можно жить исключительно для себя и самим по себе. Как я выяснил в результате незабываемой встречи с одним из трагических фигурантов Уотергейта, истина заключается в том, что жизнь невозможно прожить в одиночестве или только для себя самого. Что бы нам ни твердила культурная среда, мы обитаем в сообществе и живем ради других. Мы – не боги самим себе, как многие хотели бы думать.

Безмолвное прощание

Мы живем в эпоху личной независимости, когда каждый делает то, что ему хочется. По мнению общества, — с этим согласны и суды, — его роль сводится к тому, чтобы никоим образом не ограничивать наш выбор. Как выразился один ученый муж, мы живем в «республике имперского ‘я’» и освобождены от любых ненужных ограничений в погоне за тем, что, как мы думаем, принесет нам счастье.

Исходные предпосылки, на основании которых мужчины и женщины строят свою жизнь, обычно проявляются в конце земного пути. Так как же выглядит в конце жизнь, прожитая ради личного счастья и могущества? И что это говорит нам об идеалах преследования исключительно собственных интересов? Драматический ответ на этот вопрос я получил во время незабываемой встречи с одним из моих бывших коллег по Белому дому.

Политика — это, пожалуй, идеальная сфера для того, чтобы исповедовать индивидуализм как основополагающий принцип. Политики никогда не знают, кто будет их оппонентом во время следующих выборов, поэтому не могут доверять никому. Они все больше убеждаются в необходимости держать свои планы в секрете, что способно привести к дезориентирующей изоляции. Их сотрудники также пробиваются наверх любой ценой, сражаясь за доступ к власти и дополнительным привилегиям: зарплатам повыше, офисам побольше и лимузинам с личным шофером. В этом мире, живущем по принципу: «Кто выше, тот и прав», — каждому приходится быть постоянно начеку.

Когда я впервые прибыл в Белый дом, Брайс Харлоу — мой друг, порекомендовавший меня президенту Никсону, — дал мне следующий совет: «Чак, ты приступаешь к работе в самом могущественном мировом правительстве. Здесь каждый — примадонна, поэтому

первое, что ты должен усвоить: никому не доверяй. Ходя по этим коридорам, всегда держись спиной к стене».

В период президентства Никсона игра, в которую играли все в Белом доме, называлась «стань поближе к президенту». Совет Брайса Харлоу отразил всеобщее кредо. Мы все друг другу не доверяли, что отчасти было обусловлено личными качествами президента, а отчасти – просто политикой.

Впрочем, атмосфера взаимного недоверия в администрации Никсона не мешала мне искренне восхищаться многими из тех, с кем я работал. Одним из них был Джон Эрлихман – «правая рука» Никсона в вопросах внутренней политики. В конкурентной среде все действующие лица знают сильные стороны своих соперников, а Джон обладал выдающимися талантами.

Вспоминая об Эрлихмане, я вижу его в роскошном кабинете Белого дома, расположенном прямо над Овальным. Окна позади его рабочего стола выходили на южную лужайку, за которой возвышался Монумент Вашингтона. Входя к нему в кабинет, я ощущал некоторый трепет. Джон сразу же производил сильное впечатление человека авторитетного и проницательного. Когда он смотрел на тебя поверх очков, его темные глаза, казалось, пронзали тебя насквозь. Джон говорил со властью. Это был нестигаемый и решительный человек, блестящий юрист.

Джон Эрлихман чувствовал себя в роли советника президента, как рыба в воде, и действительно, он был просто создан для такой должности. У них с женой Джиной – умной, уравновешенной женщиной, – было трое детей: Питер, Джоди и Ян. Джон и Джина любили бывать на виду у общества, посещая премьеры в театрах и кино, а также – всевозможные гала-представления. Ему доставляло удовольствие, когда объявление о его присутствии в зале встречали громом аплодисментов.

Вместе с Бобом Холдеманом и Генри Киссинджером Джон составлял мощный триумvirат, охранявший врата Овального кабинета. Эрлихман был дотошным педантом, и нередко – единственным голосом разума на заседаниях администрации Никсона. В то время как остальные были склонны к быстрым суждениям, Джон зачастую усматривал мудрость в том, чтобы выяснить мнение максимального числа людей. Во времена кризисов ему всегда удавалось сохранять спокойствие и ясность мышления.

Работать с Джоном мне было проще, чем со многими в президентской администрации. Он демонстрировал коллегиальность и благосклонность. В нас обоих отзывался юрист.

Тем не менее, Джон оставался слеп к тем проблемам, которые могло спровоцировать подразделение «сантехников». Курировать их

работу президент поручил Эрлихману и Киссинджеру, которые должны были остановить утечку правительственных документов. Они же, в свою очередь, делегировали эту ответственность своим заместителям: Эгилю («Баду») Крогу и Дэйвиду Янгу. Один из самых неприятных моментов во всей этой истории заключался в том, что вину за действия «сантехников» возложили всецело на Эрлихмана, хотя в действительности замешан был не он один.

В ходе Уотергейта Джон действительно принял ряд безответственных решений. Именно его подпись стояла на единственной обнаруженной в процессе расследования служебной записке, санкционирующей противозаконные действия — проникновение в офис психиатра Элсберга.

Джон обладал непреклонной волей, решимостью и влиянием, но вряд ли он понимал, что эти же качества, возвеличившие его, могут привести и к падению. Будучи убежденным последователем учения «Христианской науки», он, как и Круг, о котором мы упоминали ранее, верил, что реальность такова, какой мы ее себе представляем, и что мы можем избежать отрицательных последствий, просто изменив свое мышление. Глава администрации президента, Боб Холдeman, разделял убеждения Джона. Эти люди не верили в реальность зла как деструктивной силы внутри каждого человеческого сердца. Думаю, именно поэтому оба были уверены в том, что их тайная схема не обнаружится, — ведь реальность будет такова, какой они ее сделают.

Во время судебных слушаний Эрлихман решительно защищал администрацию Никсона, противостоя следователю из Комитета Эрвина, созданного для расследования Уотергейта. Не собираясь признавать свою вину, он вел себя враждебно, что совершенно отличалось от его обычной манеры поведения. Как ни странно, Боб Холдeman, управленческий стиль которого в Белом доме напоминал повадки доберман-пинчера, наоборот, пытался умиротворить Комитет.

В тот день, когда президенту Никсону все-таки пришлось уволить Эрлихмана, Джон задал в высшей степени горький и обличающий вопрос: «Мистер президент, не окажете ли вы мне еще одну услугу? Посоветуйте: что мне сказать моим детям?» Я точно знал, что беспокоит Эрлихмана. Он был успешным политиком и потому никак не смог бы объяснить своей семье причины увольнения. Джон был глубоко задет. Думаю, уже в тот момент он принял твердое решение однажды вернуть себе доброе имя.

Пока Джон Эрлихман находился под судом за участие в Уотергейте, его жизнь начала разваливаться на части. Он завел роман на стороне, который также получил огласку. Это привело к разрушению

их, казалось бы, хрестоматийно счастливого брака с Джиной. Любовные интриги были настолько не в характере Джона, что я пришел к выводу: он просто сломался под невероятным давлением, оказываемым на него из-за Уотергейта.

Эрлихман и Холдеман оба были осуждены за свои действия во время Уотергейта, а Джона еще и признали виновным по делу Элсберга, после чего его отправили в колонию Свифт Трейл – федеральную тюрьму общего режима к югу от Саффорда, штат Аризона. Там он провел 18 месяцев и был освобожден, хотя и отбывал срок заключения от четырех до восьми лет.

Джон мне нравился, и я не хотел терять с ним контакт. Я написал ему в тюрьму, а затем – еще раз после его освобождения, но в его ответах ощущалась горечь. Я никогда не давал прямых показаний против Джона, но в ходе расследования Уотергейта честно свидетельствовал о его роли. Кроме того, именно я порекомендовал ему нанять Говарда Ханта, который позже стал одним из инициаторов незаконного проникновения в кабинет психиатра Элсберга. Уверен, Джон мне этого так и не простил.

После выхода из тюрьмы Эрлихман написал несколько книг, включая «Власть глазами очевидца. Годы правления Никсона» и два очень неплохих романа – «Вся правда» и «Китайская откровение». Я в письмах поздравил его с этими публикациями и получил вполне дружелюбные ответы, но в публичных высказываниях Джона обо мне по-прежнему чувствовалась горечь. Как мне часто казалось, причина была в том, что я стал христианином и начал новую жизнь, в то время как он по-прежнему оставался связан своим прошлым.

Со временем Джон повторно женился и переехал в Нью-Мексико, где мы с Пэтти навестили его в 1984 году. Он жил на склоне горы в красивом доме, выполненном в испанском стиле, с массивными каменными террасами, с которых открывался прекрасный вид на холмы. Джон отрастил бороду и одевался очень неформально (я бы даже сказал – богемно). Консервативный профессионал-политик превратился в очаровательного чудака-писателя. Мы познакомились с его молодой женой, от которой у него был сын Майкл. Джон обожал этого ребенка, которого позже назвал «родственной душой». Было видно, что он опять собрал свой мир воедино. Во время нашего визита мы снова явственно ощутили его былую властную индивидуальность.

Я подарил Джону экземпляр моей только что опубликованной книги «Любить Бога», ставшей для меня уже третьей. «Вот как! 'Лю-

бящий Бог'?* – горько усмехнулся он. – Да, любящий Бог – это то, в чем мы очень нуждаемся».

«Нет. В ней я говорю, как раз-таки, об обратном – о нашей любви к Богу, а не о Его любви к нам».

Взгляд Джона дал мне понять, что, невзирая на свою новую жизнь, он все еще носит в себе кровоточащие, открытые раны прошлого.

На короткое время я потерял Джона из виду, а затем в середине 1990-х услышал, что он переехал в Атланту, а его второй брак распался. К тому моменту он опять женился, на этот раз – на женщине, которая владела рестораном.¹ Вскоре после того, как я узнал о местопребывании Джона, мне на глаза попалось интервью, в котором он возложил большую часть вины за Уотергейт на меня. «На том собрании никто не предпринял никаких действий в отношении Брукинкса. Наконец, Никсон нашел того, кто сначала отсалютовал ему, а потом вынес приговор – Чарльза Колсона».²

По прошествии короткого времени мне позвонил один кинопродюсер, чтобы узнать, не соглашусь ли я дать интервью для документального фильма об Уотергейте, съемки которого организовал Эрлихман. Я ответил отказом, поскольку хотел оставить Уотергейт в прошлом. Тогда Джон позвонил мне лично. Сделать это ему, наверное, было непросто, потому что он мог лишь догадываться, насколько сильно меня разозлили его высказывания в мой адрес. Во время беседы я понял, что для него этот проект очень важен. Джон видел этот фильм, как исчерпывающий отчет об Уотергейте, и явно считал его главным делом своей жизни. Сейчас я осознаю, что для него это была возможность реабилитироваться и оставить после себя след. Джон пообещал относиться ко мне справедливо и не критиковать без лишней необходимости. Он действительно был готов на все – лишь бы привлечь меня к съемкам фильма. Наконец, я согласился дать это интервью, чтобы попытаться восстановить отношения с Джоном.

Я вылетел на съемки в Атланту. Человек, финансирующий фильм, встретил меня в аэропорту и затем привез в Международный университет. После двухчасового интервью на камеру Эрлихман пригласил меня к себе в гости. Он был очень оптимистично настроен в отношении своей жизни, считая, что, наконец-то, нашел настоящую любовь в лице третьей жены Карен. Джон был в восторге от ее ресторана. Они только что вернулись с полуострова Баия Калифорния,

* Оригинальное название книги – «Loving God» – допускает обе интерпретации. – *Прим. ред.*

где наблюдали за китами во время их ежегодной миграции. «Никогда в жизни не испытывал ничего подобного, – рассказывал Джон. – Наблюдать за этими китами было для меня настоящим духовным переживанием».

Я попытался заговорить о его духовной жажде. «Природа может открывать удивительные вещи, – сказал я. – Небеса проповедуют Божью славу, но именно Бог – источник истинной духовности, Джон. Внутри каждого сердца есть созданная Им пустота...» – и я начал рассказывать ему о христианской вере и о тех переменах, которые она произвела в моей жизни.

«Нам надо будет еще как-нибудь встретиться, – сказал Джон. – Мне бы очень хотелось обсудить все эти вещи поподробнее». Хотя это была просто отговорка, чтобы отделаться от меня, я почувствовал, что Джон прислушался.

В конечном итоге, желание Эрлихмана реабилитироваться навредило фильму – он выглядел как *апология*, и потому не вполне заслуживал доверия. Джон постоянно пытался исправить то, что уже произошло, но прощение, к которому он стремился, невозможно было найти в общественной реакции на фильм, в определенном смысле ставший демонстрацией его гордости. Он всеми силами пытался заново сформировать свою подорванную репутацию. Если чувство человеческого достоинства приходит от принятия истины, то ценность произведения искусства определяется тем, насколько оно отражает истину. Любые попытки манипулировать правдой ради ложных целей всегда производят нечто ущербное.

Летом 1998 года мне позвонила Патрисия Талмедж, подруга Эрлихмана. Она была в отчаянии. «Джон серьезно болен, – сказала Патрисия. – У него почти нет друзей, а все родственники далеко. Я – единственная, кто пытается присматривать за ним. Вы не могли бы навестить его?» Патрисия начала проявлять к Джону интерес после того, как они познакомились на одной вечеринке. Ее бывший свекор, сенатор Герман Талмедж, был одним из инквизиторов Эрлихмана в Комитете Эрвина, который занимался расследованием Уотергейта, но лично против нее Джон ничего не имел. Из разговора с Патрисией я узнал, что третья жена Джона ушла от него, а его дети живут на Западном побережье.

Я отправился в Атланту, чтобы навестить его в доме престарелых. Прибыв на место, я невольно отметил, насколько сильно это учреждение отличалось от роскошного дома на горном склоне в Нью-Мексико. Патрисия, встретив меня, отправилась в комнату

Джона, чтобы подготовить его к моему визиту. Он страдал от почечной недостаточности, вызванной диабетом.

Войдя в комнату, я увидел этого некогда могущественного, горделивого, незаурядного человека сидящим в кресле-каталке. На Джоне был кардиган, а его ноги были закутаны в одеяло. Хотя ему было лишь немного за семьдесят, его здоровье серьезно пошатнулось. Джон похудел на тридцать килограмм. Кожа на его лице обвисла дряблыми складками, а борода была неухоженной.

Меня вдруг охватил порыв сочувствия к Джону. Никсон предал его. Он лишился своего могущества, был опозорен и оказался в тюрьме. Женщины, которых он любил, оставили его. Рядом не было даже его детей. Этот человек, с мнением которого когда-то считались самые влиятельные люди планеты, и пожелания которого были обязательными к исполнению сотнями окружающих, оказался безнадежно больным и практически совершенно одиноким. Его мир от кабинета, расположенного прямо над президентским, деградировал до унылого дома престарелых.

Мы долго беседовали. Я спросил Джона о детях, избегая упоминать о его третьей жене, а затем рассказал о том, чем занимаюсь сам. Я пытался объяснить, что меня мотивирует моя вера, и благодаря ей жизнь обретает значимость и смысл.

Джон смотрел на меня с тем же задумчивым выражением, которое я видел много раз прежде. Вдруг он прищурился, и в его глазах блеснул огонек. «Врач говорит, что может отправить меня к праотцам

единственным уколом морфия, — внезапно сказал он. — Я не почувствую никакой боли — просто засну. До меня все равно никому нет дела. Зачем же мне жизнь? Скажи: зачем?» Джон говорил медленно и равнодушно, как будто уже смирился со своей судьбой.

По моей спине пробежал холодок. Он не шутил, и мне хотелось дать ему самый лучший ответ, на который я только был способен. На кону стояла жизнь, и потому, тщательно подбирая слова, я сказал Джону, что его жизнь ему не принадлежит, что она — дар от Бога. Я заверил его, что он создан по Божьему образу, и потому наделен внутренним достоинством, которое неподвластно никаким обстоятельствам. Я напомнил Джону, что он должен заботиться о своей жизни ради собственных детей, что он подаст им ужасный пример, решившись на самоубийство. Я также сказал, что в остав-

Логика индивидуалистов,
посвящающих жизнь
самосовершенствованию и
самоутверждению, как ни
парадоксально, в конечном
итоге толкает к самоубийству

шееся ему время он еще мог успеть близко познать своего Творца, обрести взаимоотношения с Богом и даже испытать радость вопреки страданиям.

Не знаю точно, какой эффект произвели на Джона мои слова, но он не стал просить о сверхдозе морфия. Позже Патрисия Талмедж сказала, что на него возымел действие мой аргумент о дурном примере для его детей. После той встречи я навестил Джона еще раз прежде, чем узнал от Патрисии, что его кончина близка.

В начале 1999 года он решил прекратить диализ. Для прощания с Джоном в лечебницу были вызваны его дети. Патрисия позвонила мне с просьбой приехать и помолиться с ним перед смертью. Я в тот момент как раз восстанавливался после серьезного гриппа, и врач велел мне никуда не выходить из дому. Кроме того, я боялся заразить Джона, и потому попросил одного из моих близких друзей и соратников Пэта Макмиллана навестить его и оказать ему всю необходимую помощь.

Пэт еще раз рассказал Джону о любви Христа и помолился вместе с ним. Джон ничего не говорил, а только смотрел и кивал головой. Надеюсь, что мысленно он тоже молился.

Джон Эрлихман умер в 1999 году на День святого Валентина. У человека, который когда-то обладал огромной властью, не было даже погребальной церемонии. Никто не приехал, чтобы оплакать его смерть. Джон предупредил Патрисию, что хочет «безмолвного прощания». Его кремировали, а пепел доставили сыну Питеру.

Пытаясь самостоятельно
творить свою жизнь и
собственные реалии, мы
входим в невыгодную
для нас конфронтацию с
самой реальностью

Последние годы жизни Джона Эрлихмана – это своеобразная притча о том, как личная независимость превращается в кошмар. Если мы живем для самих себя, заботясь лишь о собственном счастье, то почему кому-то должно быть до нас дело, когда наше счастье сменится болезнью и печалью? И зачем нам продолжать пекся о своей жизни в таких обстоятельствах? Логика индивидуалистов, посвящающих жизнь самосовершенствованию и самоутверждению, как ни парадоксально, в конечном итоге толкает к самоубийству.

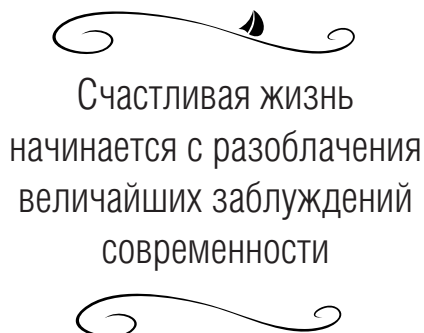
Если мы принадлежим лишь самим себе, то, как только жизнь станет слишком тяжелым бременем, для нас останется единственный выход – переход в небытие. Но что-то подсказывает нам, что это не-

правильно. В корне неправильно. А значит ошибочна и логика жизни самосовершенствования, самоутверждения и своеволия как таковая.

Чему нас учит история Эрлихмана? Джон был воспитан в религиозной традиции, считающей, что греха и зла не существует, что они – всего лишь иллюзии нашего разума. Он жил счастливо в рамках этой системы убеждений до тех пор, пока не столкнулся со злом внутри самого себя. Джону следовало признать существование этого зла, но его образ мышления не оставлял возможности для подобного признания. Как признать реальность иллюзии? Нет другого пути, кроме как доказать: то, что другие считают реальностью, таковой вовсе не является. Думаю, именно поэтому Джон усиленно пытался реабилитироваться с помощью своих книг и документального фильма. Впрочем, несмотря на все его старания, нельзя доказать существование несуществующего. Он оказался пленником бесконечного цикла эгоцентризма и трагического саморазрушения. История Джона напоминает об одной молитве, которую иногда приписывают Блаженному Августину: «Господи, избавь меня от похоти самооправдания».

Джон Эрлихман не мог не только обрести прощение для самого себя, но и простить других, а значит чужие грехи он вынужден был унести с собой в могилу. Его система убеждений с каждым разом все больше укрепляла гордость, от которой страдаем все мы – желание быть богом для самого себя. Последние события в жизни Джона показывают, что, пытаясь самостоятельно творить свою жизнь и собственные реалии, мы входим в невыгодную для нас конфронтацию с самой реальностью. Все знали, что Эрлихман попал в передрагу, и каждому было ясно, что в этом виновен не он один. Джон не мог признать собственные ошибки, как и простить чужие. В итоге, у него не осталось ничего, кроме собственных иллюзий.

Возможно, моя оценка звучит слишком сурово, и кто-то усмотрит в ней нотки самооправданности. Все-таки, мне удалось пережить Уотергейт, а Эрлихману, в некотором смысле, – нет. Но я поспешу сказать, что сам ничем не отличаюсь от Джона. Меня переполняли те же самые желания оправдаться, которые в конце концов поглотили его. За первые два года после Уотергейта я даже собрал обширное досье в попытке доказать причастность ЦРУ к падению президентства Никсона. Мне пришлось признать, что некоторые из моих действий были неверными, и я отчаянно хотел вернуть себе доброе имя.

Ключевое различие между мной и Джоном Эрлихманом заключалось не в том, что я был чем-то лучше него. Вовсе нет. Я и сегодня не лучше. Единственное отличие – это Божья благодать. Только и всего. Именно Божье вмешательство позволило мне найти прощение и покой. Здесь мы снова сталкиваемся с двумя великими парадоксами: *чтобы по-настоящему обрести в жизни добро, нужно прежде признать зло в самих себе, и мы должны потерять свою жизнь, чтобы сберечь ее.*

Гипертрофированный индивидуализм – где бы он ни проявлялся: в ярких лучах софитов на публике или в тени приватной жизни, – ведет к одиночеству, изоляции и отчаянию. Личная независимость поначалу выглядит привлекательно, но на ней нет предупреждающей наклейки с перечнем последствий. Счастливая жизнь начинается с разоблачения величайших заблуждений современности, и на вершине списка находится личная независимость, которую в наши дни чуть ли не боготворят.

Счастье любой ценой

Альбер Камю – французский философ-экзистенциалист, труды которого пользовались огромной популярностью у американских студентов в 1960-е годы, – называл самоубийство первым философским вопросом. Казалось бы, чего еще можно ожидать от французского философа? И все же, это вопрос из реальной жизни – ведь в конце концов, именно его задал мне Джон Эрлихман. Этот вопрос можно было бы перефразировать следующим образом: «Чем хороша жизнь? Если мы уже не можем найти в ней ничего доброго, то почему бы просто не покончить с ней?»

Прежде, чем мы сможем обрести счастливую жизнь, необходимо выяснить, что хорошего в самой жизни. Почему большинство из нас держится за нее – особенно, если учесть, сколько в этом мире зла и страданий? С этим вопросом придется столкнуться каждому искателю истины, и характер данного столкновения зависит от наших исходных предпосылок.

Я уверен, что Джон Эрлихман задал этот вопрос в столь отчаянном унастроении по той причине, что считал свою жизнь исключительно *своей*. Только он имел полномочия делать с ней что-либо. Джон думал, что обладает абсолютным правом самоопределения, и посвятил себя тому, чтобы стать известным человеком. Во многом ему удалось достичь этой цели.

Впрочем, когда люди пускаются в погоню за величием, реальность беспощадно указывает им на их ограниченность. Величие требует, чтобы мир соглашался с их мнением. Когда же общественное

Прежде, чем мы сможем
обрести счастливую
жизнь, необходимо
выяснить, что хорошего
в самой жизни

мнение восстает против выдающихся мужчин и женщин, их гордость требует оправдания. Те из них, кто упрямо настаивают на своем, в конце концов отвращают от себя не только своих врагов, но и друзей, а порой даже членов семьи.

Именно в этом и заключалась трагедия Джона Эрлихмана. Он стал изгнанником на остров собственного самоопределения.

Идею о том, что мы можем сами определять свою жизнь, то есть самостоятельно выбирать, по каким правилам жить, редко представляют в столь негативном свете. По сути, постмодернистское общество твердит нам о том, что наивысшая цель жизни – это личная независимость, когда мы свободны от всех ограничений и вольны стремиться к своему счастью. Как следствие, сегодня правят бал сиюминутные удовольствия и амбиции. Наша культура утверждает, что никто, кроме нас самих, не в силах сделать нас счастливыми; что жизнь состоит исключительно в том, чтобы узнать, чего же мы хотим на самом деле, и потом никому не позволять становиться на пути к исполнению желаний нашего сердца.

Именно такую точку зрения демонстрирует фильм «Часы», получивший премию «Оскар». Эта глубокомысленная экранизация одноименного романа Майкла Каннингема, удостоенного Пулитцеровской премии, открывает нашему взору пересечение жизней трех женщин из трех различных эпох. В фильме показана Вирджиния Вулф (ее сыграла Николь Кидман), которая в 1923 году приступает к работе над книгой «Миссис Дэллоуэй». Мы также видим Лору Браун (Джулианна Мур) – беременную домохозяйку из Лос-Анджелеса 1950-х годов, – которая читает «Миссис Дэллоуэй», пока готовит торт к дню рождения своего мужа. В современном Манхэттене пятидесятилетняя Кларисса Воган (Мерил Стрип) устраивает вечеринку для поэта-гомосексуалиста Ричарда Брауна (Эд Харрис) – своего бывшего любовника, который во время их короткого романа в колледже называл ее «миссис Дэллоуэй».

Каждая из этих женщин сталкивается с вопросом: «Чем же хороша жизнь?»

Вирджиния Вулф страдает от галлюцинаций и сокрушительных депрессий, и потому ее муж, Леонард Вулф, перевозит ее из Лондона в провинциальный Ричмонд в надежде, что тихая жизнь поспособствует улучшению ее эмоционального состояния. Для Вирджинии, которая приступила к работе над «Миссис Дэллоуэй», тишина становится настолько невыносимой, что она в панике выскакивает из дома и бежит на железнодорожную станцию с намерением уехать в Лондон, чтобы развеяться. Обнаружив, что она пропала, муж мчится следом за ней на вокзал, опасаясь, что в большом городе от переизбытка эмоций его жена понаделает глупостей. Вирджиния уже дважды пыталась покончить с собой.

Найдя жену на железнодорожной станции, Леонард начинает уговаривать ее вернуться домой, но та противится. «Моя жизнь не принадлежит мне, — в отчаянии говорит Вирджиния, имея в виду болезнь и те перемены, к которым она привела. — Я живу в городе, в котором не хочу быть. Я живу жизнью, которой не хочу жить».¹ Она признается, что отчаянно желает вернуться в Лондон. «Это мое право. Это право каждого человека... У самого бессловесного пациента, самого ничтожного есть право знать, что для него самого лучше. У него есть право человека... Если выбор встанет между Ричмондом и смертью, я выберу смерть».

Перед всеми персонажами фильма стоит одна и та же дилемма. Им необходимо решить, что сделает их счастливыми, невзирая на последствия. Пытаясь объяснить своей дочери, в чем смысл жизни, Кларисса Воган говорит, что, только находясь рядом с Ричардом, живет по-настоящему. В противном случае жизнь выглядит банальной и глупой.

Тут же осознав, что ее комментарий обесценивает взаимоотношения с дочерью и партнершей-лесбиянкой, Кларисса пытается исправить свою оплошность. Она быстро добавляет, что имеет в виду, что переживала самые счастливые моменты, наполненные величайшими возможностями, во время романа с Ричардом, когда они учились в колледже. Кларисса с тоской вспоминает, как несколькими десятилетиями ранее вышла на пляж из старого дома на берегу залива Кейп-Код. Ричард догнал ее, поцеловал в плечо и сказал: «Доброе утро, миссис Дэллоуэй».

«Помню, как я тогда думала, что вот это и есть мое счастье... или его начало, — говорит Кларисса. — И впереди будет больше. Я не поняла, что это было не начало. Это и *было* мое счастье. В тот момент — и только».

Как и Вирджиния Вулф, Кларисса формирует свою жизнь решениями, вытекающими из ее потребности культивировать «совершенные мгновения», которые придают ее жизни значимость. Однако она подозревает, что времена ее большого счастья уже позади. От него остались лишь обломки, доступные для Клариссы в ее заботе об умирающем от СПИДа Ричарде.

Между Клариссой и Ричардом состоялся разговор, подобный тому, который у меня был с Джоном Эрлихманом. (Этот эпизод, сыгранный двумя прекрасными актерами — Мерил Стрип и Эдом Харрисом, — является кульминацией фильма.) Пока Кларисса погружена в хлопоты дня, готовя вечеринку в его честь, сам Ричард размышляет над тем, хочет ли он жить дальше. Приехав к нему пораньше, чтобы помочь одеться, Кларисса застала Ричарда разбрасывающим мебель, которая мешала проходу к окну. Подняв створку, он сел на подокон-

ник, объяснив Клариссе, что «тянул жизнь» только ради нее, и что ей пора отпустить его.

Кларисса не раз напоминала Ричарду, что, по мнению врачей, он может прожить еще много лет. Она умоляет его не убивать себя: «Надо верить в лучшее и жить друг для друга. У тебя же случаются и хорошие дни. Ты же знаешь».

«Ну, едва ли, – возражает Ричард. – В самом деле, очень мило с твоей стороны часто говорить это, но... не совсем так». Потом он просит Клариссу рассказать ему, как прошел ее день.

Отчаянно пытаясь удержать Ричарда от самоубийства, она упоминает о том, каким свежим выдалось утро. Он сразу же связывает ее слова с теми днями, когда они были счастливы вместе, – о том совершенном мгновении на пляже залива Кейп-Код. «Мне было девятнадцать лет, и я в жизни не видел ничего прекраснее. Ты вышла через застекленную дверь еще сонная ранним утром. Странно, правда? Для других это было самое заурядное утро».

Однако воспоминаний о невероятной красоте того обыденного утра оказалось недостаточно, чтобы уговорить Ричарда согласиться на многие тягостные часы, которые ему пришлось бы пережить из-за болезни. Он поворачивается к Клариссе и говорит: «Ты была так добра, миссис Дэллоуэй. Я люблю тебя. Не думаю, что были люди счастливее, чем были мы».

С этими словами Ричард выпрыгивает из окна. Счастья, пережитого в совершенное мгновение, оказалось недостаточно.

Готовясь к похоронам Ричарда, Кларисса звонит его матери, и та приезжает в Нью-Йорк. Выясняется, что это – Лора Браун, та самая домохозяйка из Лос-Анджелеса.

Оказывается, Лора однажды также столкнулась с вопросом о том, стоит ли жить. В одном из эпизодов фильма она показана в гостиничном номере с книгой «Миссис Дэллоуэй» и смертельной дозой снотворного рядом на тумбочке. Она задыхалась от своей жизни. В конечном итоге, Лора решает, что вместо самоубийства она бросит свою семью, и без единого слова объяснений осуществляет задуманное. Причину, по которой она чувствовала себя несчастливой, объясняет лесбийский поцелуй с одной из ее соседок на глазах у маленького сына Ричарда.

Кларисса Воган знает, что решение Лоры Браун бросить семью сильно навредило Ричарду, считавшему свою мать монстром. Она принимает Лору у себя дома холодно, с подозрительностью. Та сознается, что оставила семью: «Я бросила обоих своих детей. Говорят, это худшее, что может совершить мать. – Лора произнесла эти слова со слезами на глазах, терзаемая желанием оправдаться и обратить время вспять. – Что значит сожалеть, если у тебя не было выбора?

Такое можно пережить, и я так и сделала. Никто не простит меня. Это была смерть, а я хотела жить».

Из сюжета становится ясно, что Лора прощена или, по крайней мере, принята, когда дочь Клариссы, Джулия, сердечно обнимает ее с пожеланиями доброй ночи. Фильм «Часы» не предлагает никакого нравственного императива, кроме поиска личного счастья. И, если Лоре для того, чтобы стать счастливой, требовалось бросить семью, то она не только имела на это право, но и доказала собственное *благогородство* своим поступком. Фильм предполагает, что Ричард просто неверно понял свою мать. В действительности, она не сделала ничего плохого.

В своей рецензии на «Часы» феминистка Глория Стайнем, говоря о показанном в прологе самоубийстве Вирджинии Вулф, отзываясь об этой драматической смерти, как о «радикальном акте самоизбавления».² Многие люди классифицировали бы суицид Ричарда Брауна и решение его матери предать свою семью точно так же – как радикальные акты самоизбавления.

«Такое можно пережить, и я так и сделала», – говорит Лора Браун. Другими словами это звучит так: «Мое счастье – любой ценой». Центральная идея фильма «Часы» (и, пожалуй, основной посыл современной культуры) заключается в том, что мы живем ради обретения личного счастья. Если же цель становится недостижимой, то мы вольны положить конец своей жизни. В конечном итоге, такой поступок является наивысшим проявлением человеческой независимости. «Это *моя* жизнь, и я сделаю с ней все, что посчитаю нужным».

Люди, придерживающиеся подобной точки зрения, сказали бы, что я дал Джону Эрлихману неверный совет. Они бы заявили, что я не только не должен был поощрять его дожидаться естественного конца, но был обязан – и в этом заключался мой моральный долг – сделать все возможное, чтобы врач побыстрее сделал ему смертельную инъекцию морфия. Если вы думаете, что я слишком сгущаю краски, то вспомните, сколько кинофильмов и телешоу показывают, как мужественные и благородные медсестры и те, кто ухаживают за неизлечимо больными, помогают последним свести счеты с жизнью. Разве в сценариях такие персонажи не изображаются всегда чуть ли не героями?

Лейтмотив фильма «Часы» заключается в непреклонном следовании принципу: «Все, что есть в жизни, – это поиск личного счастья». Однако снимавшиеся в нем актеры слишком профессио-

нальны, чтобы полностью втиснуть действительность в рамки такого понимания. Они очень точно отразили в этой киноленте реальность, тем самым радикально изобличив несостоятельность собственного мировоззрения. По иронии судьбы, в фильме «Часы» нет *ни одного* счастливого персонажа. Невзирая на похвалы из уст многих критиков, его кассовый успех был весьма скромным, и немудрено. Этот фильм — настоящее приглашение в депрессию, и досмотреть его до конца сможет разве что большой любитель душераздирающих драм.

Итак, вопрос остается открытым: Почему жизнь ради самого себя неизменно ведет к депрессии и, возможно, даже к самоубийству?

Реальность дает нам два подтверждения того факта, что личное счастье никогда не должно становиться конечной жизненной целью. Первое из них заключается просто в наших эмоциях. У меня в жизни было множество «совершенных мгновений» (и у вас, наверное, тоже), но случались и гораздо более обыденные. Я также переживал часы глубокого разочарования и депрессии, присущие каждому из нас. Мы живем в очень напряженном мире. Для того чтобы впасть в депрессию, достаточно посмотреть вечерний выпуск новостей. Мы сталкиваемся со всевозможными видами давления и страха. Сколько сегодня на наших улицах террористов и безумцев, похищающих детей? Стресс может влиять на нас как эмоционально, так и физически. Мы становимся раздражительными. Мы впадаем в депрессию. У нас развиваются обусловленные стрессом болезни. Таким образом, если жизнь имеет ценность только когда мы счастливы, только когда она отмечена «совершенными мгновениями», то нас обязательно постигнет глубокое разочарование — таково уж мировоззрение, отраженное в фильме «Часы».

Во-вторых, что-то внутри нас говорит о том, что приобретать счастье за счет других — неправильно. Однако влияние общества и наш собственный эгоизм настолько успешно учат нас забывать обо всех остальных, что для нас становится нормой игнорировать наше влияние на окружающих.

Я убедился в этом на одной из вечеринок, устроенной в роскошном доме на берегу Мексиканского залива в городке Нейплс, штат Флорида. Гости, которые собрались перед самым закатом, стояли перед огромными, обращенными к океану окнами. Все ожидали так называемый «зеленый луч» — момент, когда над линией горизонта остается только узенькая полоска света, которая вдруг становится ярко-зеленой. Зеленый луч можно наблюдать в лучшем случае только раз в несколько месяцев. Мы все стояли у окон в ожидании этого явления, развлекая себя обычными, незатейливыми разговорами.

Хозяин дома недавно вышел на пенсию с поста президента одной крупной корпорации. Он много путешествовал вместе со своей женой, и с ними всегда было интересно поговорить. Их новый дом был наполнен произведениями искусства из разных уголков мира.

В тот вечер хозяйка была одета по-царски. Ее руки сверкали крупными бриллиантами. Она была самым воплощением изысканности. Случилось так, что во время ужина я сидел по правую руку от нее, и она рассказала мне, что недавно вернулась с увлекательного семинара по программе «Семинары-тренинги Эрхарда» – так называемого «эст», которым все повально увлекались в 1970-е и 1980-е годы.

Заинтригованный, я спросил у собеседницы, что она узнала на том семинаре. Хозяйка объяснила, что «эст» учит тому, как освободиться от комплексов, мешающих проявиться нашему подлинному «я». По словам этой женщины, она достигла больших успехов, избавившись от множества ранее угнетавших ее чувств.

Мне стало любопытно, и я поинтересовался, как же все это происходит. Она ответила: «Ну, вы переходите от одного человека к другому и высказываете все, что о нем думаете, не заботясь о том, насколько это политкорректно, вежливо или уместно. Вы просто говорите все, что придет вам в голову. Я подошла к одному парню и крикнула ему прямо в ухо: ‘Ты – тупой – – !’ – и моя собеседница прибавила тираду смачных ругательств, которые было совершенно дико услышать от женщины столь благородного вида.

«И что вы после этого почувствовали?» – спросил я, отказываясь верить своим ушам.

Она закрыла глаза и запрокинула голову: «О, это было удивительно! Я освободилась от всего внутреннего напряжения».

Еще больше охваченный любопытством, я спросил: «А что почувствовал тот парень?»

Собеседница посмотрела на меня так, как будто я сказал что-то в высшей мере невежливое и грубое. В ее взгляде читалось: «А какое это имеет значение?» Ничего не ответив, она просто засмеялась и отвернулась к соседу слева.

Эта женщина так и не поняла, что тот эпизод вскрыл ее внутреннее презрение и полное равнодушие к другим людям. Соприкоснувшись со своим внутренним «я», она лишь показала, насколько в действительности жалкой и никчемной натурой является. Возможно, после этого она действительно ненадолго почувствовала себя хорошо, но задумайся она по-настоящему над своим поступком, то, уверен, от ее эйфории не осталось бы и следа.

Как мы вообще оказались в столь плачевном состоянии, что неограниченное право крикнуть ругательство на ухо незнакомцу стало

восприниматься, как нечто хорошее? Во что мы превратились, если считаем своим *долгом* удовлетворять необузданное эго, ничуть не заботясь о чувствах других людей?

Современная вера в то, что мы в самом деле можем достигать личного счастья любой ценой, является следствием фундаментальных изменений в представлениях людей о мире и о месте человечества в нем. До эпохи Просвещения XVIII века и научной революции жители Запада верили, что мы – Божьи творения, которые живут в мире, задуманном и созданном всемогущим, разумным, личностным Богом. Достижение счастливой жизни было вопросом правильного понимания «инструкций по эксплуатации» для человечества, данных Создателем, и надлежащей реакции на них. Эти инструкции познавались благодаря способностям разума и дару воображения, с помощью «книги природы», а также по мере расширения границ разума и воображения через Божье откровение, записанное в Библии.

После того, как Просвещение укоренилось в XIX веке, многие пришли к пониманию, что вселенная – это вовсе не Божье творение, а некое подобие механизма, который появился сам по себе, и работает по каким-то собственным законам или по случайному стечению обстоятельств. Другие же по-прежнему верили в то, что вселенная была сотворена, но отводили Богу роль эдакого часовщика – мол, Он завел пружину этого мира и оставил его работать, как получится.

Оба эти предположения исключают какую-либо роль Бога в делах людей. Механистической вселенной нечего сказать о наших стремлениях, включая желание вести счастливую или наполненную смыслом жизнь. Но как же тогда людям обрести смысл жизни? В чем может заключаться счастливая жизнь?

После Второй мировой войны группа философов, известная как «экзистенциалисты», предложила следующий ответ. Поскольку люди, как они любили выражаться, «обречены на свободу», им следует не искать, а *творить* счастливую жизнь. В процессе этого они «изобретают себя», поскольку сами определяют, как хотят жить: ценности, цели и критерии, по которым должна оцениваться их жизнь. Мысль о том, что мы – творения, изобретающие сами себя, вызвала у людей безумный восторг.

Как сказала бы Вирджиния Вулф: «У каждого пациента есть человеческое право самому *определять* свою идентичность, и что для него лучше», – самостоятельно принимая решения о жизни и смерти в совершенной свободе.

О перемене в западном мировоззрении было объявлено в 1966 году, когда журнал «Time» опубликовал статью с кричащим заголовком «Бог умер?» Эта статья задавала вопрос: «Жизнеспособна ли еще религия в жизни Америки, или же свершилось то, о чем провозгласил Фридрих Ницше: ‘Бог умер’?» Независимо от того, прав Ницше или нет, американцы (и в еще более агрессивной манере – европейцы) начали вести себя так, словно Бог действительно мертв. Движущей силой стало желание героическими усилиями преодолеть пустоту и открыть собственный смысл человеческой природы. В результате, 1970-е превратились в десятилетие «меня», а в 1980-е возникла индустрия самосовершенствования, призванная помочь нам изобрести самих себя. Идея, некогда считавшаяся авангардистской, стала господствующей.

Массовая культура всегда питается из меню философских рекомендаций. Чистый экзистенциализм для большинства людей оказался слишком мрачным, поскольку настаивал на том, что у нас, на самом деле, нет вообще никаких ориентиров правильной жизни. Поэтому массовая культура нашла более подходящую альтернативу. Самое значительное влияние на формирование этой новой идеи оказали труды немецкого философа XIX века Гегеля, а также – пантеизм восточных религий. Мысль Гегеля заключалась в том, что Бог – это синоним самой вселенной, которая представляет собой развивающийся процесс, достигающий в человеческом самосознании своего наивысшего уровня. Таким образом, люди являются главным достижением этого «бога-мироздаия»; мы и есть самосознание Бога. Как следствие, если нам хочется познать, кто мы такие, и как обрести счастливую жизнь, то достаточно просто заглянуть внутрь самих себя, чтобы обнаружить там Бога и направление, в котором Он развивается. В конечном итоге, это привело к рождению «Нью Эйдж» – модной религии «нового века».

Сколько раз вы слышали предложение самим стать творцами своего счастья, открыть свое истинное внутреннее «я», обнаружить бога внутри себя? Именно это предписывает индустрия самосовершенствования для достижения счастливой жизни, которая почему-то снова и снова оказывается недостижимой.

Могу сказать вам, что, по-настоящему заглянув внутрь себя, я был потрясен и испытал чувство отвращения. Я обнаружил самодовольного лицемера, считавшего себя непогрешимым, потому что родители когда-то научили его этике, и он получил прекрасное образование. Моя самоправедность привела к краху первого брака, что было всецело моей виной. Она же подталкивала меня максимально близко к опасной черте, когда дело дошло до грязных игр в политических кампаниях. Из-за самоправедности я оказался неспо-

собен увидеть тот факт, что совершаю преступление, показывая репортеру собранные ФБР данные. Когда я делал что-то доброе для людей, она говорила мне, что я – хороший, заботливый человек. Но, взглянув на все это повнимательнее, я совершенно не увидел «бога внутри себя». Я обнаружил свою порочность и, что еще страшнее, – *желание оставаться порочным*. Если не считать тех страданий и беспокойства, которые причиняли мне неудачи, я был вполне доволен собой и не думал, что хочу каких-либо перемен. В течение двух лет после Уотергейта я был дерзким и слепым гордецом, настроенным на самооправдание не менее решительно, чем Джон Эрлихман.

Искренне исследовав свою жизнь, мы сталкиваемся с мучительной пропастью между тем, какими нам надлежало бы быть, и кто мы есть на самом деле. Сегодня так много говорят о честности. Почему же мы никогда не бываем честными в отношении самих себя? Единственные, кто не ощущают этого напряженного диссонанса между добром, которое мы хотим совершать, и злом, которое практикуем, – это социопаты. Именно отсутствие укоров совести позволяет им идти на поводу своих желаний насиловать, мучить и убивать. Подобные мрачные страсти существуют внутри каждого из нас. Вспомните, как вы отреагировали в последний раз, когда кто-то предал вас или обманул, или оскорбил словесно. Если вы похожи на большинство людей, то вам хотелось причинить обидчику боль, что является символическим эквивалентом того, что практикуют социопаты.

Избежать этой тьмы можно только лишь все отрицая («на самом деле мы этого не делаем»), ища оправданий («мы не хуже других»); умертвив свою совесть («мы так часто практиковали порок, что уже привыкли к нему») или заявляя о своей невинности, назначив себя богом.

В своей недавней книге «Пророки. Кем они были в прошлом? Кто они сегодня?» Норман Подхорец утверждает, что древнееврейские пророки, обличая Израиль в идолопоклонстве, подразумевали, что народ предался самообожествлению – подмене Божьей воли собственными желаниями. Подхорец считает, что в точности то же самое все сильнее проявляется в современном западном мире. Безудержное самолюбование неизменно ведет в данном направлении, как мы увидели на примере вечеринки, устроенной Деннисом Козловски в честь дня рождения жены. Они были такими богатыми, такими могущественными, настолько неподвластными общепринятым моральным стандартам. Даже сама атрибутика их вечеринки предполагала, что они живут на Олимпе – как боги.

Большинству людей, обитающих в более скромных условиях, притворяться богами куда сложнее. Вот почему движение любителей заглянуть внутрь себя породило огромную индустрию самосовершен-

ствования. Ее гуру, Тони Роббинс, учит нас, как «разбудить в себе исполина и мгновенно получить контроль над нашей умственной, эмоциональной, физической и финансовой судьбой», а также открывает тайны «беспредельной власти». Поскольку мы живем в напряженном диссонансе между тем, какие мы есть, и кем нам следовало бы быть, гуру самосовершенствования могут бесконечно внушать нам ложь о возможности самим заполнить этот пробел. Такое предложение в высшей степени привлекательно, но только совершенно не соответствует истине.

Как отметил в своей книге «Потерянные в космосе. Последняя книга о самосовершенствовании» католический философ и романист Уокер Перси, «это не может помочь самому себе». Это плохая новость, общий знаменатель всего человечества и определяющий элемент трагедии современности. Парадокс неизменен: те, кто пытаются сберечь свою жизнь, потеряют ее. Любое мировоззрение, не считающееся с этой трагедией, не может быть истинным и неспособно дать надежду. Тех, кто упрямо продолжают верить, что это способно помочь самому себе, в конце концов ожидает отчаяние, потому что они доверились иллюзии.

Осознание этого факта дает нам возможность выйти за рамки эгоцентризма и помогает увидеть крайнюю важность взаимоотношений. Для обретения счастья мы должны понять, насколько сильно наша жизнь принадлежит другим, и какое это великое благо.

Чья это жизнь?

Позвольте задать вопрос. Кто говорит: «Это моя жизнь»? Где вы раньше слышали эту фразу? Конечно же, от подростков, сражающихся за утверждение своей самостоятельности. Тем не менее, мы все чаще слышим, как взрослые говорят по сути то же самое: «Никто не будет указывать мне, как поступать с *моей* жизнью».

Подобные заявления – чистой воды глупость. Вы только присмотритесь к тому, как на самом деле устроен этот мир. Никто из нас не живет обособленно от других людей. Хотим мы это признавать или нет, но мы нуждаемся друг в друге.

Иногда действительности приходится пробиваться сквозь нашу гордость и даже сбивать с ног, чтобы мы, наконец, согласились обратить на нее внимание. Одному из моих молодых коллег, Роберто Ривера, пришлось пережить жестокое падение, чтобы увидеть, насколько он нуждается в других людях.

Роберто – одаренный человек с выдающимся диапазоном интересов и талантов: от древнегреческой философии до баскетбола в команде университетской лиги, от приготовления кулинарных деликатесов до классического блюза. Кроме того, он – отец-одиночка, воспитывающий сына-аутиста. Если кто-то и имеет право гордиться собой, то это – Роберто. Гордость, однако, привела к тому, что он превратил самодостаточность в фетиш, всячески противясь помощи друзей и родственников.

Однажды на Рождество, будучи в гостях у сестры в Нью-Джерси, Роберто споткнулся на лестнице и серьезно упал, порвав связки на левой ноге. Младший брат и зять отвезли его в пункт неотложной помощи, где он провел ночь. Когда Роберто отпустили домой, родные продолжали заботиться о нем, помогая утром подняться с постели, добраться до ванной и одеться. Спустя несколько

недель после этого инцидента Роберто узнал, что ему требуется операция, после которой придется провести месяц в гипсе, а затем еще полтора посещать физиотерапевта.

Когда Роберто вернулся в Вашингтон, близкий друг забрал его на железнодорожной станции, свозил за покупками и проследил, чтобы у него было все необходимое. В течение следующих нескольких недель, пока Роберто восстанавливался, пытаясь при этом еще и заботиться о своем сыне-аутисте, друзья привозили ему продукты и помогали в куче других вещей по дому.

Все это вдребезги разбило иллюзии Роберто о самодостаточности и нанесло удар по его эгоизму. Позже он сказал: «Невозможно оставаться гордым, когда кто-то видит тебя не одетым». Благодаря этому периоду полной зависимости от других, Роберто увидел изъяны в своих представлениях о личной независимости и самодостаточности.

Вера в собственную независимость – это фикция, и чем дальше, тем меньше от нее пользы. Все мы живем, окруженные обширной сетью друзей, родных, коллег и невероятно сложных взаимосвязей, составляющих общество. Младенцы зависят от своих родителей, студенты – от профессоров и тоже – от родителей, которые помогают оплачивать учебу. На рынке труда сложно найти хоть какую-нибудь полностью обособленную профессию. Мы зависим от поставщиков услуг, торговцев, снабженцев, бухгалтеров, консультантов и юристов, и это – лишь начало списка. Даже охотник на самом отдаленном пушном промысле Аляски в какой-то мере зависит от внешнего мира и очень сильно – от гармоничного взаимодействия с миром природы. Однако наша гордость зачастую ослепляет нас, и мы неспособны признать свою зависимость от других.

Эта гордость просачивается во многие сферы нашей социальной жизни, всецело охватывая и такой вопрос, как «достойная смерть». Поборников эвтаназии больше всего беспокоит унижение достоинства, с которым якобы сталкиваются те, кто оказывается зависимым от других людей. Они не хотят, чтобы чья-то забота лишила их иллюзии полной независимости. Однако мир, в котором пожилых родителей считают бременем для своих детей, жесток и уныл. Он наполнен умирающими в одиночестве людьми, о которых никто не заботится, которых никто не любит, а впоследствии – никто не оплакивает. Но такой мир нежизнеспособен, потому что взаимозависимость встроена в естественный порядок вещей. Мы созданы, чтобы жить вместе.

Я увидел реальность этого в тюрьме, и иногда – в крайних формах. Несколько лет назад во время посещения федеральной женской колонии в Алдерсоне, штат Западная Вирджиния, в спортзал послушать мое обращение собрались практически все обитательницы

тюрьмы. Женщины были очень радушны, оживлены и восприимчивы. Они сидели парами, многие – держась за руки и проявляя явные знаки симпатии друг к другу. С горем пополам мне удалось сохранить невозмутимый вид и поделиться тем, что говорит Библия, даже несмотря на неприкрытое пренебрежение этих женщин к Божьему Слову.

То же самое я увидел и в других тюрьмах. В тюремных администрациях это считают естественным явлением. Когда женщины оказываются в заключении, после того, как их регистрируют, обыщут и заберут все их вещи, они переживают отчаянное желание снова обрести хоть какое-то чувство принадлежности. Инстинкт обустройства гнезда быстро приводит к тому, что женщина привязывается к другой заключенной, и от двух до четырех таких «супружеских пар» обычно составляют закрытое мини-общество. Обитатели мужских исправительных учреждений склонны формировать банды «мачо», связи в которых не настолько эмоционально глубоки, но не менее крепки.

Я также видел, как тюрьмы используют принудительную, неестественную изоляцию в качестве наказания. Строптивых заключенных сажают в «нору» – так на тюремном языке называют одиночный карцер. В некоторых тюрьмах по миру я сталкивался с крайностями, когда одиночное содержание из формы наказания переходит в лучшем случае в разряд нравственных пыток, а в худшем – физического варварства. Я видел «норы», куда заключенным приходилось вползать на четвереньках, и такие, где месяцами не включали свет. Человек, прошедший слишком много времени в таком карцере, может получить необратимые умственные и эмоциональные травмы.

Человеческую потребность в общении подчеркивают и истории, дошедшие до нас из главной тюрьмы северного Вьетнама, в которой во время войны содержались американские военнопленные. Они называли ее с мрачным юмором «ханойский Хилтон». Большинство заключенных сидели в одиночных камерах, но они разработали собственную систему связи, воспользовавшись азбукой Морзе. Закодированные послания передавали из одной камеры в другую, постукивая по стенам. Благодаря этому, многие военнопленные выжили и остались в здравом уме. Больше всего на свете они ценили те краткие минуты, когда их собирали вместе – пусть даже для грубых допросов и сеансов «промывки мозгов».

Ньен Чен во время своей изоляции находила отдушину в том, чтобы разглядывать через окошко в железной двери камеры сотрудника «Трудового перевоспитания», который иногда приносил ей еду. За годы ее заключения он был одним из немногих, кто ей улыбался, и даже краткий взгляд на эту улыбку нес в себе укрепляющую силу.

Утверждение о том, что люди нуждаются друг в друге, подтверждается практическими исследованиями. Группа из тридцати трех ученых, изучив взаимосвязь между развитием человека и уровнем его общения, опубликовала результаты исследований в 2003 году под заголовком «Запрограммированы общаться».¹ Отчет доказывает, что все дети нуждаются в авторитетных сообществах, призванных передать им некую модель нравственного поведения. Без взаимоотношений любви с людьми и социальными институтами, дающими ребенку моральные и духовные наставления, он становится более склонным к психическим расстройствам, которые развиваются в позднем подростковом возрасте. Сложное взаимодействие между детьми, их семьями и обществом реально влияет на характер развития их врожденных качеств. В отчете сказано, что мы на биологическом уровне «запрограммированы» на поиск смысла жизни во взаимоотношениях с другими людьми.

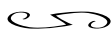
Исследователи отмечают, что стремление к нравственной осмысленности и интерес к трансцендентной реальности берет начало «в нашей базовой биологии и в особенностях развития нашего мозга». Вопрос о том, как все это появилось – по некоему разумному замыслу, или случайно, – я пока что оставляю открытым, однако вышеупомянутый отчет дает ясные эмпирические доказательства того, что жажда истины и наполненной смыслом жизни коренится в нашем биологическом устройстве.

Большинство из нас понимает важность взаимоотношений и без подтверждающих научных изысканий. Эта истина быстро проявляется во времена кризиса. Когда 11 сентября 2001 года террористы атаковали Всемирный торговый центр и Пентагон, я находился во Флориде, занимаясь перевозкой книг в новый дом, который мы с Пэтти только что купили в попытке сократить семейные расходы. В нем еще не было подключено ни телевидение, ни радио, и потому я пребывал в полном неведении о случившемся. Вдруг, с криком: «Атакованы Всемирный торговый центр и Пентагон!» – в дом ворвался один из грузчиков. Когда я спросил, кем атакованы, он только пожал плечами и выбежал на улицу. В тот момент я знал только одно: произошла ужасная катастрофа. Первое, что я сделал, – схватил мобильный телефон и позвонил Пэтти и нашим троим детям. Только удостоверившись, что с ними все в порядке, я попытался выяснить подробности случившегося.

Последние несколько лет я часто спрашивал у людей, что они делали 11 сентября, когда узнали о теракте. Подавляющее большинство поступили точно так же, как и я. Разумеется, то же делали и те многие, кто стали жертвами террористов. Они звонили из самолетов

и башен-близнецов, наспех писали записки и отправляли последние, полные отчаяния, письма по электронной почте. Модные философии приходят и уходят, но в глубине своего естества мы *знаем*, что нуждаемся друг в друге. Мы чувствуем себя безопасно, только живя во взаимодействии с разнообразными личностями, когда учимся помогать ближним и формируем динамичную общину. Наш современник, ученый Кен Боа пишет: «Мы не сможем стать подлинными собой, не будучи органически встроены в сообщество».²

Тем не менее, в Америке исторические основы человеческого взаимодействия сильно пошатнулись, когда мы стали в высшей мере мобильным обществом. Несколько десятилетий назад, если кто-то и поступал в колледж, то выбирал тот, что поближе к дому, а затем старался найти работу в своем родном городе. Сегодня же мы не видим никаких проблем в том, чтобы переехать на другой конец страны или даже мира, навсегда расставшись с родными и со своими корнями. Некоторые люди, сколотив состояние, построили роскошные особняки на Лонг-Айленде или в Палм-Спрингс и совершенно забыли о местах, где прошло их детство.

Впрочем, кое-где в Америке еще сохранились конструктивные общины, которые держатся за счет людей, реинвестирующих плоды своего успеха. Это города, для которых традиции, история и культура – не пустой звук. Один из них – Гранд-Рапидс в штате Мичиган. Люди здесь, – по большей части, воспитанные в традициях строгой протестантской культуры, – с готовностью реинвестируют в нее свои силы и средства.

Несколько лет назад я навестил Гранд-Рапидс, чтобы помочь в открытии Центра искусств и поклонения, основанного Ричем и Хелен Девос при городской христианской школе. Это выдающееся учебное заведение, которое когда-то окончил сам Рич, – один из виднейших предпринимателей и спикеров-мотиваторов Америки. В свое время он основал в Гранд-Рапидсе бизнес, имевший огромный успех и выросший в международную корпорацию, сегодня известную под названием «Alticor Inc.» (в прошлом – «Amway»).

В отличие от многих директоров, которые, создав компанию и заработав кучу денег, перебираются в роскошный пентхаус наверху небоскреба в одной из престижных точек планеты, семейство Девосов осталось верным Гранд-Рапидсу. Более того, большую часть своей жизни они прожили в одном и том же доме. Рич никогда не утрачивал любви к родному городу, которую выражал в щедрой благотворительности.

И он в этом не одинок. Проезжая через Гранд-Рапидс и пригороды, населенные потомками голландских эмигрантов, я видел бесчисленное множество зданий, названных в честь семейств, внесших свой вклад в освоение этих мест: Институт медицинских исследований имени Ван Анделя; Конференц-центр Принса при Колледже Кальвина; Центр имени Девицца; Центр искусств имени Дэпри; общежитие имени Кука при Колледже Хоупа... Эти семейства основателей Гранд-Рапидс оставались верными своей общине на протяжении нескольких поколений. Многие из них основали весьма успешные бизнесы, но не рассматривали свои корпорации как возможность набить собственные карманы. Основатели этих компаний, — такие люди, как Герман Миллер, — поддерживали разумный баланс в соотношении зарплат руководства и обычных рабочих на производстве. Они относились к своему бизнесу, как к инструменту, который служит на благо городу и производит что-то полезное для потребителя — идеал, о котором мечтал экономист-классик Адам Смит.

Верность своей «малой родине» на протяжении нескольких поколений помогает нам знать, кто мы есть, — и удерживает от желания притворяться теми, кем не являемся. Подобное посвящение также подразумевает, что мы по достоинству оцениваем достижения предков. Один из величайших ученых современности, Рассел Кирк, не только отмечал в своих поздних трудах важность корней и традиций, но и демонстрировал это в жизни. Я навестил Кирка в его доме в Мекосте, штат Мичиган, незадолго до его смерти в 1994 году. Он жил в старом особняке викторианского стиля, при взгляде на который сразу же посещала мысль о привидениях. В определенном смысле этот дом был действительно полон ими — здесь прожили шесть поколений семейства Кирков. Особняк, о котором Рассел часто упоминал в своих эссе, был наполнен коллективными семейными воспоминаниями. Мекоста — это маленький поселок с населением не более пятисот человек на равнинах в центральной части Мичигана, что создавало для Кирка неудобства ввиду его частых поездок за рубеж. И все же, он не покидал свой семейный дом, понимая ценность общности и сопричастности.

«Именно исполнение наших обязанностей в общине учит нас рассудительности, эффективности и благотворительности»³, — писал Кирк. Он верил в «традиции, соглашения и преемственность», но для него это не значило по-страусиному прятать голову в песок. Скорее, он осознал, что вековая мудрость и опыт тех, кто прошел свой путь до нас, — это гораздо более надежные жизненные ориентиры, чем утопические идеи мечтателей из кофеен. Кирк признавал существование непреходящего нравственного порядка, который «сотворен для человека, и человек сотворен для него: людская природа так же не-

изменна, как и нравственные истины».⁴ Социум является крайне важным элементом этого порядка, а с ним – и счастливой жизни, – потому что без него мы одиноки и утрачиваем способность передавать другим ценности, развивать характер и упражнять совесть.

Это чувство ответственности перед обществом – гражданский долг – когда-то считалось крайне важной добродетелью. Алексис де Токвиль, которого часто цитируют как одного из наиболее проницательных обозревателей событий в Америке, утверждал, что человеческая личность не может существовать, заточенной «в уединенную камеру собственного сердца».⁵ Де Токвиль также отмечал, что во всей Франции не смог найти и десяти человек, которые делали бы то же самое, что американцы делают ежедневно, как нечто само собой разумеющееся: сообща строят амбары, кормят голодных, заботятся о сиротах...

Я вырос, наблюдая за насыщенной жизнью общины в действии. Некоторые из моих самых ранних детских воспоминаний хранят образ мамы, разносящей продукты соседям, которые потеряли работу во время Великой депрессии 1930-х годов. Зачастую мои родители даже толком не знали этих людей, но для них было достаточно того факта, что те оказались в нужде. И для мамы это была естественная реакция на чью-то нужду.

Именно такое чувство долга перед окружающими подпитывает настоящий патриотизм, а вовсе не бездумный национализм, провозглашающий, что Америка – величайшая в мире страна. Нет, истинный патриотизм возникает из желания оплачивать добром тому обществу, в котором ты живешь.

Вот почему я записался в морскую пехоту в разгар Корейской войны. Я чувствовал себя в долгу перед теми, кто посвятил свою жизнь построению самой свободной страны на земле. По этой же причине святой Фома Аквинский в своем трактате «Сумма теологии» поместил доктрину о справедливой войне под заголовком «Христианская любовь». Готовность людей жертвовать собой ради защиты и обороны своих ближних – это величайшее проявление любви. Именно поэтому работу военных, пожарных и полицейских считают благороднейшими из профессий.

Патриотизм и жизненная важность социального взаимодействия проявились вместе в одной потрясающей истории. Во время недавней войны в Ираке сержант Дастин Таллер получил четыре пулевых ранения, и медики полевого госпиталя сомневались, что он выживет. После ампутации обеих ног Таллер, наконец, смог вер-

Счастливую жизнь можно
обрести только в общине и
взаимоотношениях любви

нуться домой в Милтон, штат Флорида. Будучи отцом четверых детей, Дастин должен был учиться жить с титановыми ногами, снабженными встроенным компьютером.

Местная община сержанта Таллера хотела выразить ему признательность за его жертву. Сто двадцать волонтеров закупили за свой счет материалы и построили для Дастина новый дом, специально приспособленный для нужд инвалида. Один из волонтеров сказал: «Этот парень пострадал, стараясь защитить устои нашей страны, и не сделать что-нибудь для него было бы верхом неблагодарности».⁶ По иронии, человек, от которого исходила эта инициатива, жил во Флориде в городке под названием Багдад.

Что меня во всей этой истории больше всего впечатлило, так это настрой, продемонстрированный как сержантом Таллером, так и его общиной. Дастин не терял бодрого расположения духа – и даже чувства юмора, – сосредоточившись на своей семье и будущей жизни. В свою очередь, его соседи искренне считали, что на их месте так поступил бы каждый.

Клайв Льюис отметил, что мы не можем любить весь мир, но, несомненно, можем любить ближних. У нас есть врожденное понимание этого долга, ибо отчасти он и делает нас людьми. Это прекрасно продемонстрировали сержант Таллер и его соседи в Милтоне, штат Флорида.

Миф о личной независимости – позиция «прав я или нет, все должно быть по-моему» или «счастье любой ценой» – это всего лишь подделка того, в чем мы с вами действительно нуждаемся. Он подменяет иллюзией самодостаточности укрепляющую реальность благотворных взаимоотношений внутри сообщества. Счастливая жизнь? Мы не находим ее в одиночестве, к которому ведет современная увлеченность самовыражением и самоудовлетворением. Счастливую жизнь можно обрести только в общине и взаимоотношениях любви.

Но даже они, несмотря на всю их значимость, не ведут нас к счастью. Есть нечто большее – вопрос сердца, и мы видим это в жизни человека, на месте которого мог бы оказаться любой из нас.

Человек, достойный подражания

Счастливая жизнь становится возможной, когда мы вскрываем некоторые обманы современной культуры: уверенность в том, что деньги и имущество даруют нам счастье, а также соблазнительную идею о том, что мы — сами творцы своей жизни и способны наслаждаться полной независимостью. Впрочем, даже осознав, что счастье коренится не в богатстве, а в человеческом достоинстве, даже ведя полноценную семейную и общественную жизнь и принося пользу окружающим, мы по-прежнему можем чувствовать, что нам чего-то не хватает. Должно быть нечто еще — то, что вытряхивает нас из комфортной рутины повседневности, некий момент пробуждения, когда мы задаемся вопросом о собственной значимости.

Эта мысль отражена в кинокартине «О Шмидте», которая начинается с того, что у главного героя отбирают пресловутую «конфетку». В завязке фильма показан Уоррен Шмидт, который уходит на пенсию, покидая офис страховой компании «Woodmen» в Омахе, штат Небраска. Весь остальной сюжет посвящен его попыткам найти смысл жизни, если таковой вообще существует.¹ (Роль Шмидта блестяще сыграл Джек Николсон, который был номинирован за нее на премию «Оскар».) Подобные мгновения кризиса постигают многих людей по самым разным причинам: потеря работы, смерть ребенка, развод или неизлечимая болезнь. Лично я пережил такой момент, когда был отстранен от должности в Белом доме. Как только я перестал гнаться за тем, чего, как мне казалось, всегда хотел, мне пришлось задаться вопросом: «В чем же, на самом деле, смысл моей жизни?»

На устроенном для Шмидта прощальном ужине его друг Рей, который уже вышел на пенсию, пытается подытожить жизненный путь

Уоррена, призывает молодежь брать с него пример, как с человека, достигшего в жизни многого. Более полусотни коллег Шмидта с супругами собрались за круглыми столами в банкетном зале кафе «У Джонни», наслаждаясь бифштексами, в то время как сам виновник торжества восседает на почетном месте на возвышении.

По словам Рея, он знает, что такое пенсия. Весь этот ужин, подарки и даже ежемесячные чеки от службы социального обеспечения вкупе с пенсией, выплачиваемой компанией, ничего не значат. Единственное, что имеет ценность – это посвящение своей жизни чему-то важному: делать свою работу, и делать ее хорошо; заботиться о семье, заслужить уважение у коллег и общества. Только так можно обрести долговечную дружбу.

По мнению Рея, Уоррен достиг всего этого. Он обрел единственное, что действительно имеет значение в жизни. Именно поэтому Уоррен является человеком, достойным подражания.

Пока гости аплодировали, поднимая бокалы в знак согласия с этим тостом, сам Уоррен не был уверен в том, что Рей прав. Извинившись, он выходит из банкетного зала и направляется в бар ресторана, где заказывает себе водку.

Уоррен одну за другой ставит под сомнение те идеи, которыми он руководствовался в жизни. Навестив своего молодого преемника в страховой компании, он обнаруживает, что тот меньше всего на свете нуждается в его помощи. По пути из офисного здания Уоррен замечает, что возле мусорного контейнера бесцеремонно свален в кучу архив, над составлением которого он работал всю свою жизнь. Его труд в буквальном смысле слова превратился в мусор.

Наутро первого пенсионного дня жена Уоррена, Хелен, приглашает его в их новый жилой автофургон «Winnebago Adventurer», который настолько велик, что едва помещается во дворе. Рядом с ним даже дом Уорренов кажется не таким уж и большим. Хелен приготовила завтрак-сюрприз: яичницу, бекон, нарезанную дыню и другую еду, – подав ее на столик внутри кухни автофургона.

«Разве не забавно? – спрашивает она и поднимает стакан с апельсиновым соком. – За новую главу в нашей жизни».

По правде говоря, праздная жизнь Уоррена почти не интересует – особенно, если учесть, что ему теперь придется проводить больше времени с Хелен. Его раздражает все, что делает жена. Она выбрасывает хорошие продукты только потому, что прошел срок их использования на упаковке. И в то же время, отказывается купить себе новые тапочки вместо стоптанных старых. Кроме того, ей нужно обязательно побывать в каждом новом ресторане, и она постоянно покупает эти проклятые фарфоровые статуэтки под старину. Когда Уоррен, просыпаясь среди ночи, смотрит на лежащую

рядом округлую фигуру, он задает себе единственный вопрос: «Кто эта женщина?»

Посреди своего разочарования Шмидт совершенно неожиданно обретает источник утешения. Подчинившись мимолетному порыву, он решает стать опекуном для бедного африканского мальчика по имени Ндугу Умбо через благотворительную организацию «Childreach». Ее сотрудники предложили Уоррену прилагать к его ежемесячному чеку еще и письмо. Детям нравится больше узнавать о тех, кто им помогает.

Уоррен нескладно начинает свое первое письмо к Ндугу, объяснив, что ему 66 лет, и что он только что вышел на пенсию с руководящей должности в страховой компании «Woodmen». Фраза за фразой, его рассказ начинает идти легче, и, наконец, слова полились потоком. Уоррен понял, что может поделиться с Ндугу тем, что не рассказал бы никому другому. По правде говоря, он в ярости от того, что его вывели из компании. Он не выносит свою жену Хелен, но любит их взрослую дочь Дженни, а та собирается выйти замуж за эгоистичного болвана. Уоррен никогда не думал, что его жизнь обернется вот так. После окончания колледжа он был уверен, что станет одним из тех, кто заправляет в этом мире. Он чувствовал в себе что-то особенное, считал, что в нем, несомненно, есть какая-то искра.

Это излияние чувств Ндугу потрясло самого Уоррена, и прежде, чем отправить письмо, он выбрасывает из текста многие чересчур эмоциональные фразы. Он и дальше продолжает поддерживать Ндугу, описывая ему последние события своей жизни.

Через несколько недель после выхода Уоррена на пенсию умирает его жена. Он обнаружил ее лежащей на полу в кухне рядом с включенным пылесосом, яростно всасывающим воздух.

Пару месяцев спустя, Шмидту пришлось заняться вещами покойной жены. Ему надо было упаковать ее одежду, сложить в коробку косметику и решить, как поступить с украшениями. Уоррен приступает к делу, и мы слышим, как он мысленно составляет письмо к Ндугу. Возможно, предполагает он, по его рассказам у мальчика могло сложиться неверное впечатление о Хелен. Уоррен считает, что ему повезло с такой хорошей женой. Он вдыхает аромат духов Хелен, и так сильно желает, чтобы она опять оказалась рядом, что наносит себе на лицо ее крем.

Наконец, Уоррен приводит себя в порядок, смывает крем — отчасти вместе со своими эмоциями — и заходит в гардеробную жены, где нежно проводит рукой по платью в горошек, которое когда-то подарил Хелен. Потянувшись к верхней полке за обувными коробками, он неосторожным движением сваливает несколько стопок вниз,

те образуют на полу большую неряшливую кучу. Одна из коробок при падении выбрасывает на свет большую пачку писем.

По почтовым маркам Уоррен видит, что они датированы первыми годами их брака. Письма адресованы «Дорогой Хелен», «Моей милой Хелен», «Моей любимой», – и это явно почерк не Уоррена. Он быстро открывает одно из писем, чтобы увидеть подпись. Рей. Его лучший друг Рей! Этот вероломный мерзавец, который совсем недавно призывал других брать с Уоррена пример!

Гнев, вызванный пустотой его жизни, толкает Шмидта на рискованную авантюру. В одну из ночей, наполненных бессонницей и тревогой, Уоррен садится за руль своего новенького дома на колесах и выезжает в Денвер, чтобы увидеться с дочерью Дженни. По телефону он сообщает ей, что решил какое-то время пожить у нее и помочь с подготовкой к свадьбе, даже невзирая на свою неприязнь к ее жениху Рэндаллу. Но Дженни не ждет его так рано. Она рассчитывала, что отец придет лишь за день-два до бракосочетания, и поэтому отклоняет его план.

Шмидт пишет Ндугу, что решил, не теряя зря времени, посетить места своей юности. Уоррен приезжает в город, где он родился – Холдриджд, штат Небраска, – но обнаруживает, что по адресу Локаст-авеню, 12 на месте дома, в котором прошло его детство, теперь стоит магазин автошин. Далее он отправляется в свою альма-матер, в Канзасский университет, где видит свою фотографию на стенде, посвященном членам студенческого братства. Неужели этот худощавый, темноволосый, энергичный юноша – действительно он? Тогда ему казалось, что перед ним – весь мир...

В один из вечеров своего странствования Шмидт паркует «Adventurer» у реки. С наступлением темноты он чувствует странное побуждение забраться на крышу автофургона и посидеть под звездным небом. Шмидт расставляет перед собой несколько свечей и новый набор фарфоровых статуэток под старину, купленный им безо всякой видимой причины. Он сидит, закутавшись в одеяло, перед этим импровизированным алтарем, и смотрит в усыпанное звездами ночное небо.

Путешествие смягчило сердце Уоррена. «Был ли я тем мужчиной, с которым ты хотела прожить всю жизнь? – спрашивает он у жены Хелен. – Был ли я таким? Или ты разочаровалась, но была слишком добра ко мне, чтобы показать это? Я прощаю тебя за Рея. Я прощаю тебя. Это было так давно, и, потом, я ведь не всегда был на высоте. Я недооценивал тебя. Мне так жаль, Хелен. Ты простишь меня? Ты простишь меня?»

В этот момент по небу промелькнул метеор. Знак прощения? Высвободив из-под одеяла правую руку, Уоррен поспешно осеняет себя крестным знамением.

На следующее утро Шмидт чувствует себя преобращенным. Настало время поспешить в Денвер, и теперь он видит, что готов к этому. Уоррен пишет Ндугу, что его путешествие превратилось в миссию. Отныне он будет жить смело, и уже ничто не сможет помешать ему в этом. На смену руководящим мифам о романтике и карьере, которые сначала поддерживали, а после подвели его, пришла совершенно новая идея. Уоррен решил, что будет абсолютно и безупречно честен с самим собой, поступая так, как считает правильным, невзирая на последствия. Он намерен высказать Дженни все, что думает о ее приближающемся браке.

Прибыв в Денвер, Уоррен приезжает к будущей свекрови Дженни, Роберте, у которой должен остановиться на ближайшую неделю. Она живет в маленьком, обшарпанном каркасном доме посреди небогатого пригорода.

На пороге Уоррена приветствует сама Роберта – стареющая хиппи в необъятном платье-балахоне. Стены ее безвкусно обставленного жилища увешаны китчевыми картинами модернистов, где у персонажей если не один глаз, то обязательно три, а с поделок из макраме на стенах так давно не вытирали пыль, что они уже заросли паутиной.

Эта женщина – суший кошмар. Она сразу же пускается в разговоры об интимных подробностях ее недавней операции. Она подробно рассказывает Уоррену о том, как кормила его будущего зятя грудью до пяти лет.

Наконец, приезжает Дженни – разумеется, в сопровождении Рэндалла, который с порога развязно бросает: «Как делишки, папа?!» Шмидт сразу же просит дочь о разговоре наедине. Совершенно не придав его просьбе значения, она проشمывает мимо с туманным обещанием: «Давай, может, после ужина».

Ужин в доме Роберты посетил отец Рэндалла, Ларри, со своей второй женой-китайкой Сандрой, а также – брат Рэндалла, Дункан. Никто из них не демонстрирует хороших манер. Дункан, которому двадцать с чем-то лет, запикивается едой, уставившись в одну точку заплаканными глазами, словно под гипнозом. Роберта, обглодав кости цыпленка, с прищмокиванием облизывает пальцы.

Именно она портит мирное пиршество, с ругательствами одергивая Ларри, который хочет произнести тост. Ее грубые выпады звучат так же неприятно, как удары кулаком по клавишам рояля. Эта стычка эхом затихает в неловкой тишине, ставя точку в застолье.

Наконец, Шмидту удается уединиться с Дженни на веранде дома Роберты. «Ты совершаешь большую ошибку, – говорит он дочери. – Эта свадьба, твое будущее... Не выходи за этого парня замуж. Слышишь, не делай этого».

Дженни отступает шаг назад и скрещивает руки на груди, упершись в отца холодным, угрюмым взглядом. «С каких пор тебя стало интересоваться, что я делаю? *Теперь* у тебя появилась своя точка зрения на мою свадьбу?»

Как это понимать? Уоррен не знает, что сказать.

Тем временем, Дженни продолжает: «Ну хорошо, а теперь послушай меня. Я выхожу замуж послезавтра, и ты придешь на мою свадьбу. Ты будешь сидеть за столом, пить и желать мне счастья. Или можешь разворачиваться и прямо сейчас уматывать обратно в Омаху».

Стремительно пройдя мимо отца, Дженни присоединяется к ожидающему ее у машины Рэндаллу. Застывший на веранде Шмидт оцепенело наблюдает за тем, как дочь садится в свой выдавший виды «Saturn», и ночную тишину вспарывает рык дырявого глушителя.

С трудом выдержав церемонию бракосочетания, Уоррен едва не лишился дара речи, когда во время банкета его пригласили сказать счастливой паре напутственное слово. Остановившись рядом со столом, за которым сидят молодожены, он изо всех сил старается подобрать правильные слова. Уоррен, сопя, смотрит на беспроводной микрофон. Его гнев на Дженни грозит достичь опасной точки кипения.

«Я плохо спал этой ночью, так что простите меня, если буду немного сбивчив», – начинает Шмидт. Его щеки вздуваются от едва сдерживаемой злости. Наконец, вспомнив о правилах хорошего тона, он глубоко вздыхает и начинает говорить о своей покойной жене Хелен. «Мне кажется, я должен сказать сегодня о том, как она была счастлива, что Дженни нашла человека, с которым захотела разделить жизнь: друга, партнера».

Шмидт начинает благодарить родных Рэндалла за их сердечное гостеприимство, лестно отзываясь о каждом из членов семьи. Он настолько разошелся, что даже называет Дункана – глупого брата Рэндалла – весьма проницательным молодым человеком.

Когда в завершение Шмидт добавляет, что он очень счастлив, отец жениха восклицает: «Ура!» – и все начинают аплодировать. Только Дженни понимает, с каким трудом ее отцу дали эти слова.

Уоррен поспешно выходит из банкетного зала, чтобы скрыться в туалете. Тяжело дыша и весь покрытый испариной, он стоит, ссутулившись под тяжестью своего бремени, опершись на холодную, покрытую плиткой стену.

На обратном пути в Омаху Шмидт наведывается в городок Карни, штат Небраска, где на 80-й автостраде находится арка и музей в честь пионеров-первопроходцев. Он пишет Ндугу о впечатляющих экспозициях. Люди, прошедшие земной путь задолго до по-

явления на свет Уоррена Шмидта – пионеры, которые отправлялись в своих громоздких повозках на Запад и преобразали эту страну, делая такой, какую мы ее знаем сегодня – сталкивались с невероятными трудностями. Размышляя об их судьбах, Уоррен осознает, насколько незначительна его жизнь в исторических масштабах. «Что в этом мире стало лучше благодаря мне?» – задает он вопрос.

Шмидт ожидал, что его поездка в Денвер, с целью объяснить Дженни, какую большую ошибку она совершает, станет для него началом новой жизни. Но его вера в справедливость собственных притязаний ни к чему не привела. Дженни все равно вышла замуж за этого болвана.

Открывая дверь своего дома в Омахе, Уоррен продолжает мысленное письмо к Ндугу: «Я слаб, – признается он. – Я проиграл. С этим уже ничего не поделаешь. Думаю, что я скоро умру. Может, через 20 лет, а может, и завтра. Это не имеет значения. Однажды я умру, – как и все, кто меня знает, – и в мире все будет так же, как будто меня никогда и не существовало. Что я изменил в этом мире? Кажется, ничего. Совсем ничего».

Шмидт собирает с пола в прихожей почту, которую ему набросали через щель в двери, и относит ее в свой кабинет. Среди счетов и рекламных буклетов он видит какой-то необычный конверт с красно-синими полосками по краям.

Оказалось, что это – письмо от сестры-монахини Надин Готье. Она пишет от имени шестилетнего Ндугу, который еще не умеет ни читать, ни писать. Мальчик хочет передать своему опекуну признательность за оказанную помощь. Не так давно у Ндугу случилось инфекционное заболевание глаза, но ему купили лекарство за пожертвованные Шмидтом деньги, и он пошел на поправку. В знак своей благодарности Ндугу нарисовал рисунок, который, как он надеется, понравится его опекуну.

Развернув вложенный в письмо листок, Шмидт видит двух нарисованных карандашами человечков: большого и маленького. Они держатся за руки под сияющим солнцем и оба улыбаются, но улыбка ребенка – особенно широкая.

Бумага в пальцах Уоррена задрожала. Запрокинув голову, он крепко зажмуривает глаза, испытывая одновременно горечь и радость от своего единственного в жизни акта милосердия, совершенного, по сути, случайно. Похоже, одно хорошее дело Уоррен все-таки сделал. Одно-единственное, но все же... От осознания этого его бросило в дрожь, тело покрылось испариной, а судорожно хватающие воздух губы искривились, словно от боли. Наконец, его безмолвный душевный всплеск вырвался наружу первыми слезами. Шмидт не понимает, что происходит с его сердцем – это агония или начало исце-

ления? Наконец, победу одерживает радость с привкусом печали. Слезы на лице Уоррена уступают место улыбке, а горечь в душе — робкому чувству удовлетворенности. Все-таки, его жизнь что-то да значит.

ЖИТЬ
ради
других

Живое наследие

Возможно, вы удивляетесь: зачем я рассказал вам эту странную историю об Уоррене Шмидте? Дело в том, что Шмидт – это прообраз многих из нас: обычный человек с искаженными взглядами на семью, общество, работу и даже веру. Множество людей переживают то же самое отчаяние и панику от осознания жизненной пустоты. Достаточно лишь вспомнить, сколько раз нам приходилось сидеть, безучастно уставившись в свой рабочий стол, или насколько мучительны для многих семей празднования Дня благодарения и Рождества. Не случайно пиковое число самоубийств приходится именно на это «самое чудесное время года».

Фильм «О Шмидте» изобличает губительный эгоизм, который зачастую превращает нечто хорошее – например, семью – в источник печалей и угнетения. Супруги пренебрегают друг другом или, что еще хуже, обманывают. Отцы бывают настолько поглощены работой – как было со Шмидтом, – что не замечают, как на самом деле проходит жизнь их детей, пока не становится слишком поздно. Там, где заложен огромный потенциал для счастья, существует и вероятность разрухи. Когда наши глубочайшие надежды не оправдываются, это причиняет боль. Шмидт похож на многих из нас, оказавшихся в ловушке эгоцентричных, рутинных жизненных устремлений и неспособных увидеть какую-нибудь более высокую цель.

Несмотря на всю свою неоднозначность, фильм «О Шмидте» – это, в конечном итоге, история тихого искупления. Ко Шмидту оно пришло в последний момент, благодаря его искреннему жертвованию Ндугу, которое стало актом чистого великодушия. Решив ока-

Там, где заложен
огромный потенциал
для счастья, существует
и вероятность разрухи

зять мальчику финансовую помощь, он ничего не ожидал взамен. Та картинка, что Ндугу нарисовал для своего опекуна, становится для Уоррена бесценным подарком, осветив его мрачную жизнь неподдельной радостью от того, что он сделал добро другому человеку только потому, что счел это правильным. Это единственный момент, когда Шмидт абсолютно уверен в том, что поступил верно. Он знает, что его поступок привел к положительным переменам в чьей-то жизни. Единственный акт доброты, благотворительности и любви вдохнул смысл в его жизнь. В этот момент Шмидт впервые по-настоящему ощутил себя счастливым.

Как он убедился, жизнь совершенно не зависит от пафосных откровений о смелых поступках, о полноте решимости следовать собственным путем, невзирая на последствия. Один из обнаруженных мной великих парадоксов заключается в том, что каждый элемент счастливой жизни зависит от искреннего и зачастую жертвенного даяния, когда мы отказываемся от своего «я». Идея жертвенности и жизни ради других в наше время, наверное, кажется радикальной, но каждый, кто является частью крепкой семьи, знает, что ее успех заключается именно в этом.

Пэтти была для меня невероятно посвященным партнером в служении. Я знаю, что без ее неизменной поддержки никогда не достиг бы того, что имею сейчас. Я всегда мог посвятить ее в любые конфиденциальные вопросы, будучи уверен в том, что она никоим образом не нарушит эту конфиденциальность. Она — мой самый близкий друг.

И разве нам не радостно, когда мы видим, что наши дети более успешны, чем мы, а внуки, в свою очередь, успешнее своих родителей? Когда мои дети достигают большего, чем я, мне это доставляет неопишемую радость. Оба моих сына очень успешны в своем деле и стали прекрасными отцами и мужьями. В этом они превзошли меня. Моя дочь Эмили — настоящий духовный гигант. Ее жизнь, наполненная заботой о сыне, является для меня источником вдохновения. Я по праву горжусь своими детьми, и меня, как любого дедушку, не нужно долго упрашивать показать последние фотографии моих внуков.

Мои дети формировали мою жизнь точно так же, как я формировал их. Я никогда не принимал ни одного важного решения в отношении моей карьеры, не обсудив его прежде с детьми. Когда мне нужно было ответить на предложение работать в Белом доме, они дали мне очень дельный совет. Уэндел сказал, что я должен согласиться, потому что в противном случае всегда буду жалеть об утраченном шансе. (Неплохо, как для пятнадцатилетнего парня, правда?) Эмили и Крис также давали мне потрясающие советы во время

Уотергейта, когда я решал, признавать себя виновным или нет. В тот период, когда я подвергался грубым нападкам в прессе, мои трое детей и Пэтти неизменно подкрепляли и поддерживали меня. Я нуждаюсь в своей семье и их помощи точно так же, как нуждаюсь в пище и воде.

Живя ради своей семьи, мы обретаем взаимную поддержку. Семью не зря часто называют «школой благотворительности». Именно в ней нам проще всего научиться жертвовать ради других.

Иногда при этом нам приходится делать то, на что мы едва бы отважились сами по себе. Мой соавтор, Гарольд, — мужчина средних лет. У него есть взрослый сын и двое детей поменьше. Недавно девятилетний сын Гарольда, Уилл, уговорил его посетить лагерь бойскаутов под названием «Папа и парень». Им пришлось переночевать в палатке в Кемп-Пертле, расположенном глубоко в лесах Пайни-Вудс в восточном Техасе. В ту пору года в Пайни-Вудс не менее жарко и влажно, чем в тропических джунглях.

Гарольд не относится к любителям палаточного отдыха. В его представлении, идеальное место для отпуска — это курорт на побережье северной Калифорнии, где ты можешь уединиться с хорошей книгой в руках на приватном балконе, откуда открывается отличный вид на океан. Гарольд не ходил в походы с ночевкой сорок лет — с того времени, как был в возрасте Уилла, — и ни разу в жизни не ставил палатку. Сам он считал себя одним из наименее «мастеровитых» людей на земле.

И все же, Уилл очень хотел поехать в лагерь. Пытаясь растянуть удовольствие, он за несколько месяцев до поездки начал составлять длинные списки всего, что нужно взять. Перед тем, как лечь спать, Уилл часто говорил с отцом, как это будет здорово: разговоры у костра, жаренные на огне сосиски и истории о привидениях под бездонным, усыпанным звездами небом!

Обычно подобные перспективы вызывали у моего соавтора оскмину, но желание его сына было настолько сильным, что он согласился отправиться на эту ночевку и даже обсуждал с Уиллом детали, хотя ни разу не уделил достаточно внимания списку необходимых вещей.

Когда приблизился день выезда, прогноз погоды предупредил о том, что выходные будут отмечены сильными грозовыми дождями, — и не ошибся.

Гарольд и его сын приехали в Кемп-Пертл в пятницу вечером и даже успели дотемна установить свою маленькую палатку, в которой

Жизнь ради других
наполнена смыслом

едва помещались вдвоем. Другие отцы развернули большие брезентовые навесы и распаковали керосиновые лампы, портативные телевизоры, походные кухонные плиты и шезлонги. У Гарольда же и Уилла все пожитки поместились в небольшую сумку на колесиках наподобие тех, которые берут с собой в самолет в качестве ручной клади. Другие отцы и их сыновья смотрели на этот чемоданчик и трогательно маленькую палатку с большим сочувствием и добродушной насмешкой. Один из мужчин даже любезно предложил Уиллу и Гарольду, если они захотят, переночевать в его просторном навесе.

Как оказалось, Уиллу и его отцу в их маленькой палатке было вполне удобно и уютно, даже несмотря на начавшийся проливной дождь. И вот, где-то в три часа ночи прямо над Кемп-Пертлом разразилась гроза, о которой предупреждали синоптики. Когда засверкали молнии, палатка Гарольда и Уилла, казалось, растворилась в воздухе, превратившись в тонкую оболочку из белого света. Гроза была настолько свирепой, что гром не утихал ни на минуту. Казалось, что с каждым его ударом мир не просто вздрагивает, а испуганно подпрыгивает. Высокие деревья над лагерем трещали и стонали, раскачиваясь под завывания ветра.

«Папа! Мы умрем! — начал кричать испуганный Уилл. — Мы погибнем! Папа! Погибнем!!»

Гарольд недоумевал: как его угораздило оказаться посреди этого бедствия? Подумать только: он приехал в этот дикий лес в восточном Техасе, в глухомань под названием Кемп-Пертл, чтобы... Что? До смерти напугать своего сына и, в добавок ко всему, еще и подвергнуть опасности их жизни? «Это просто ужасно», — подумал Гарольд, но вслух сказал: «Не переживай, Уилл. Все будет хорошо, иначе я никогда не привез бы тебя сюда. С нами ничего не случится. Давай я тебя обниму».

На самом деле, Гарольд не был уверен, что с ними таки «ничего не случится», но несколько часов утешал своего напуганного ребенка и отсчитывал секунды между вспышками молнии и ударами грома, пытаясь оценить, насколько далеко эпицентр бури от Кемп-Пертла. Несколько раз он успевал досчитать только до одного, как над головой раздавался оглушительный треск.

Наутро, когда гроза утихла (чего нельзя было сказать о дожде), Гарольд в разговоре с одним из отцов, который работал в лесной службе, спросил, насколько большой опасности они подвергались этой ночью. «Ну, подойди гроза еще немного ближе — и без жертв не обошлось бы», — ответил мужчина.

Жертвы? Ради ночевки в бойскаутском лагере?

Конечно, эти два дня совершили настоящие чудеса во взаимоотношениях Гарольда и его сына. Они вместе прошли через опас-

ность и выжили! Уилл пришел к убеждению, что его отец – человек невероятной отваги, и только сам Гарольд знал, до чего был напуган в ту ночь. Он сохранял спокойствие только потому, что в этом нуждался его сын.

Ради супругов и детей мы порой совершаем экстраординарные поступки, и по мере того, как усваиваем уроки благотворительности, мы обнаруживаем, что жизнь ради других наполнена смыслом. Кроме того, мы выявляем в самих себе неожиданные способности.

Как человек, всегда ставящий работу на первое место, я был глубоко тронут, когда узнал, что Робертсон Макквилкин отказался от своей карьеры президента семинарии. Он был на пике успеха, издавая книги, читая лекции и возглавляя прекрасное учебное заведение, когда у его жены обнаружили болезнь Альцгеймера. Большинство коллег Робертсона ожидали, что он наймет медсестру для ухода за Мюриэл или поместит ее в хорошее медучреждение, но он решил сам ухаживать за женой. Он показал, что в первую очередь посвящен ей, а карьера для него на втором месте. Объявив о своем преждевременном выходе на пенсию, Робертсон произнес эмоциональную речь, в которой сказал, что Мюриэл заботилась о нем более сорока лет, и теперь – его очередь позаботиться о ней. Этот любящий муж ухаживал за супругой до самой ее смерти, хотя значительную часть этого периода она его даже не узнавала. Макквилкин познал радость жизни ради других.¹

Даже в современной эгоцентричной культуре многие из нас находят больше радости в чужих успехах, чем в собственных триумфах. Некоторые из самых счастливых мгновений в своей жизни я пережил, обучая сослуживцев или просто наблюдая за тем, как люди расцветают в организации, созданной при моем непосредственном участии. Я был необычайно благословлен, поработав с сотнями бывших заключенных, жизнь которых преобразилась. Одной из тех, кто пережил особенно драматичные перемены, стала Мэри Кей Бирд. Она входила в список десяти наиболее разыскиваемых ФБР преступников, и в конце концов была арестована и отбыла восьмилетний срок. После выхода из тюрьмы она стала сотрудницей нашего офиса в Алабаме.

Потрясенная нуждами трехсот детей женщин, содержащихся в тюрьме имени Джулии Тутвайлер, Мэри Кей создала социальный проект под названием «Ангельское дерево». Она предлагает семьям в церквях «принять» ребенка и дарить ему на Рождество подарки.

Этот проект, который начался всего лишь с нескольких церквей и одного супермаркета, сегодня действует в пятидесяти странах по всему миру. За последние двадцать лет в одной только Америке рождественские подарки получили шесть миллионов детей, родители ко-

торых находятся в тюрьме, а по праздникам их навещают члены церквей. Ежегодно помощь оказывается более чем шестистам тысячам детей, многие из которых посещают христианские лагеря и получают личное духовное попечение. В результате, оставляя банды, наркотики и насилие, они вовлекаются в жизнеутверждающие занятия.²

Но мой опыт не ограничивается теми, кто прошел через тюрьму. На протяжении многих лет я слежу за появлением молодых, одаренных писателей. В 1986 году я подыскивал ассистента, который помог бы мне составлять черновики редакционных колонок и комментариев. Один друг отправил мне статью, написанную студентом Уитонского колледжа по имени Майкл Джерсон. Эта статья, посвященная Матери Терезе, была написана в блестящем стиле, хорошо аргументирована, очень оригинальна и свежа. Она произвела на меня настолько большое впечатление, что я помню ее содержание по сей день.

Я попросил одного из моих сотрудников позвонить в Уитонский колледж и навести справки о Джерсоне. Как выяснилось, он учился на выпускном курсе и летом должен был получить диплом. Тогда я договорился с ним встретиться во время моего ближайшего визита в Чикаго.

Такая возможность выпала через несколько месяцев. Я летел куда-то через Чикаго, у меня было достаточно времени, чтобы встретиться с Джерсоном в аэропорту. На нем был темный костюм-тройка, шелковый галстук и накрахмаленные французские манжеты с черными ониксовыми запонками. В этом наряде Майк выглядел так, словно явился из Викторианской эпохи. «Кто это? – подумал я в тот момент. – Что случилось со студенческой модой?»

Побеседовав с ним двадцать минут, я быстро понял, что Майк – необыкновенно талантливый юноша. Он был чрезвычайно понятлив, глубокомыслен и эрудирован, поэтому я сразу же предложил ему работать у меня. Майк объяснил, что был принят в Фуллеровскую теологическую семинарию и намерен серьезно изучать богословие.

Тогда я сказал ему: «Нет. Ты готов к тому, чтобы войти в высшую лигу борцов за истину. Я был бы рад, если бы ты приехал в Вашингтон и стал моим сотрудником в писательском деле». Майк, ошарашенный моей напористостью, ответил, что подумает и будет молиться об этом. Вскоре он принял мое предложение.

Майк был настоящим сокровищем. Прибыв в Вашингтон, он со своей внешней строгостью и официозом поначалу не вполне вписывался в атмосферу, царившую в «Тюремном братстве». По-моему, никто из нас ни разу не видел Майка на рабочем месте без пиджака. Но для всех было очевидно, что он – блестящий писатель и феноме-

нальный интеллект. Через четыре месяца Майк уже выдавал тексты, которые почти не требовали моих правок. Он был невероятно одаренным человеком, который глубоко разбирался в богословии, хорошо знал Библию и любил Господа. Наше сотрудничество продолжилось чудесных два с половиной года, в течение которых Майк оказал на меня значительное влияние, посоветовав перечитать труды Рассела Кирка, Эдмунда Берка и других выдающихся писателей классического консерватизма.

Однажды, после избрания в 1988 году Дэна Куэйла на пост вице-президента США, Майк позвонил мне и сказал, что хочет поговорить о своем обязательстве работать на меня в течение четырех лет. Он попросил меня освободить его от этого обязательства, чтобы получить возможность наняться к Дэну Коутсу – также бывшему выпускнику Уитонского колледжа и конгрессмену, только что занявшему в Сенате опустевшее кресло Куэйла. При этом Майк, в своей обычной манере, добавил, что если я буду против, то он останется верным своим обязательствам. Такую удивительную преданность встретишь нечасто – особенно если учесть, что я даже не просил его брать на себя какие-либо обязательства. Поскольку Дэн Коутс был моим хорошим другом, я сделал даже больше, чем просил Майк. Я сказал ему, что позвоню Дэну и приложу все силы к тому, чтобы он получил эту должность. После очень успешного периода работы в штате Дэна Коутса Майк перешел в подчинение Джека Кемпа. Со временем этот одаренный молодой человек стал репортером журнала «U. S. News & World Report».

Я с радостью наблюдал за тем, как Майк женился на девушке-корейке и стал отцом двух чудесных мальчиков. На протяжении всего периода своего пребывания в Вашингтоне он неизменно свидетельствовал о своей христианской вере.

Когда Джордж Буш, который в то время был губернатором, пригласил Майка на должность своего спичрайтера, он приехал ко мне и спросил: «Соглашаться или нет?» Я посоветовал ему воспользоваться такой хорошей возможностью.

Именно Майк был автором основных речей Джорджа Буша на партийных съездах, а со временем – инаугурационной речи президента. Этот молодой писатель стал одним из старших советников президента Буша и его главным спичрайтером. Его авторству принадлежит знаменитое обращение Буша к Конгрессу после террористических атак 11 сентября 2001 года, внесшее значительный вклад в единение страны.

Отдавая, мы зачастую
приобретаем больше,
чем отдаем

Когда президент произносил эту речь, Майк сидел дома в своей гостиной, ожидая, когда все закончится. Его напряжение было слишком велико, чтобы наблюдать за событием лично.

Когда после выступления в Конгрессе Буш вернулся в Белый дом, он первым делом позвонил Майку, чтобы поблагодарить за подготовку речи. Тот был достаточно смел, чтобы в ответ сказать: «Господин президент, думаю, что Сам Бог поставил вас на этот пост в такое время». На это Буш ответил: «Майк, в такое время Бог *всех нас* поставил на этот пост».

Тридцать лет назад я вошел в Белый дом, чтобы оказывать влияние на жизнь людей и на важнейшие события нашего времени, но из-за Уотергейтского скандала мне это не удалось. А вот Майк Джерсон смог сделать для нашей страны многое из того, что надеялся совершить я, и у него это получилось лучше, гораздо лучше, потому что он укоренен в вере. Он является автором некоторых из самых известных речей, когда-либо произносимых президентами. Кроме того, Майк создает наследие политических идей, затрагивающих всевозможные нравственные и другие вопросы, — в частности, биоэтику. Я вижу, как в жизни Майка Джерсона исполняются многие из моих надежд и мечтаний. И все, что для этого требовалось, — дать очень талантливому юноше стартовый толчок, распознать момент, когда его следовало отпустить в самостоятельное «плавание», и поставить его благополучие выше тех выгод, которые он приносил моей организации. Жертвуя ради других, мы обнаруживаем следующую неизбежную истину: отдавая, мы зачастую приобретаем больше, чем отдаем.

Люди, на которых мы оказываем положительное влияние, — это и есть настоящий и непреходящий памятник нашей жизни. Я усвоил этот урок двадцать лет назад, когда приехал с лекциями в Англию.

Одна из исторических личностей, которой я глубоко восхищаюсь, — это британский парламентарий XVIII века Уильям Уилберфорс, начавший кампанию против работорговли. Его соратниками были еще несколько христиан — политиков и бизнесменов, — посвятивших свою жизнь друг другу и искоренению страшного зла — рабства. Все они поселились в домах по соседству в пригороде Лондона под названием Клэпхем и со временем стали известны как «Клэпхемская секта».

Эти аболиционисты сражались в течение двадцати лет. В один год Парламент отклонял их законопроект, но они снова подавали его на рассмотрение на следующий. Они, казалось, достигали не-

значительного прогресса в сборе голосов, но затем два года подряд их постигали неудачи. Работоторговля приносила Британской империи огромные прибыли. Пятьсот парусных судов из Ливерпуля курсировали между Африкой, Вест-Индией и Америкой, торгуя человеческим товаром. Из тысяч фунтов стерлингов, заработанных работоторговцами, значительная часть оседала в карманах парламентариев. Незвзирая на большое неравенство сил, Уилберфорс и его друзья не отступали. Они проводили ежедневные трехчасовые встречи для молитвы и изучения Библии, распространяли по Англии памфлеты и брошюры и раз за разом выступали на заседаниях Палаты общин, ратуя за справедливость и нравственность.

Наконец, в 1807 году после двух десятилетий борьбы Парламент большинством голосов запретил работоторговлю. Рабство же, как таковое, было поставлено в Британской империи вне закона только в 1833 году, когда Уилберфорс уже лежал на смертном одре.

По приезде в Англию я знал, что в один из вечеров после лекций у меня будет свободное время, и потому попросил пригласившего меня человека организовать экскурсию в Клэпхем. Я хотел увидеть дома, в которых жили члены «Клэпхемской секты», церковь, в которой они поклонялись Богу, и все памятники, воздвигнутые в честь их невероятных достижений.

Мой английский друг привез нас с Пэтти в Клэпхем, давно ставший частью города. Проглоченный мегаполисом, сегодня это самый обычный район на окраине Лондона. Когда мы прибыли на место, уже смеркалось. Темные, тесные улицы были затянуты туманом. Свернув на дорогу, петляющую вверх по склону холма, мой друг сказал: «Мы подъезжаем к тому месту, где жили члены ‘Клэпхемской секты’».

Не видя ничего, кроме ряда унылых, однообразных домов, я спросил: «А где усадьба Торнтон?» – имея в виду одну из основных резиденций «Клэпхемской секты».

«О, я забыл вам сказать, – спохватился мой друг. – Все эти усадьбы сравнивали с землей в период промышленной экспансии и построили на их месте городские дома». Это меня разочаровало, но не так сильно, как то, что последовало дальше. Мы подъехали к зданию англиканской церкви, которое возвышалось посреди большого сквера. К этому моменту туман превратился в морозящий дождь, и уже почти полностью стемнело. В ответ на стук в церковную дверь на пороге появился пастор.

«Я хотел бы увидеть, где проповедовал Уилберфорс, – сказал я после обмена приветствиями, – и все памятки, посвященные ему и его группе. Он для меня – великий герой», – объяснил я.

Пастор, который был предупрежден о нашем приезде, ответил: «Конечно, конечно. Проходите вот сюда».

Мы вошли в церковное здание, прошли по каменному полу мимо потертых деревянных скамей и остановились перед алтарем. Пастор с гордостью указал на витраж внутри апсиды: «Вон там».

В зале было довольно темно, поэтому я прищурился, пытаюсь рассмотреть, на что он указывает. Пастор догадался, что у меня возникли трудности. «Что, не видите? Вон там, в центре. Это профиль Уилберфорса». Портрет этого знаменитого человека, вмонтированный в центральную часть одного из витражей, был не более тридцати сантиметров в ширину. Под окном располагалась полка с несколькими буклетами и табличкой, которая гласила: «Информация о 'Клэпхемской секте'. 50 пенсов».

Пытаясь не выказать своего разочарования, я поблагодарил пастора и заплатил пару монет за два буклета, но я был совершенно ошарашен. Уилберфорс изменил курс западной цивилизации. Проявив незаурядное упорство и святую решимость, он победил самое отвратительное зло своей эпохи. Этот выдающийся человек положил конец работорговле, и все, чего он заслужил в память о себе, – единственная вставка в витраже? Я не верил своим глазам.

Поблагодарив пастора, мы с Пэтти вышли на улицу и в сопровождении нашего друга направились напрямик через лужайку к тому месту, где припарковали машину. Посреди сквера я попросил на минуту остановиться, чтобы собраться с мыслями. И тогда я пережил потрясающий момент озарения. Перед моим внутренним взором предстала длинная вереница рабов в изодранных набедренных повязках. Они шли через сквер, и с их рук падали оковы. «Ну, конечно же! – подумал я тогда. – Конечно, – вот оно! Наследие Уилберфорса – это не памятники и храмы с витражами. Оно заключается в освобожденных жизнях. Чернокожие мужчины и женщины, которым уже никогда не будет грозить рабство, – вот живые монументы Уильяму Уилберфорсу и его делу. За свои преобразенные судьбы его могут благодарить целые поколения людей».

Недавно я размышлял о том, какое из моих жизненных достижений является для меня самым значимым. Какие события могли бы стать для меня утешением на смертном одре? Прояснить этот вопрос мне помог один эпизод.

В 1993 году я узнал, что меня удостоили Темплтоновской премии, вручаемой за достижения в сфере духовной жизни. Среди лауреатов этой награды такие люди, как Билли Грэм, Мать Тереза и Александр Солженицын – безусловно, очень достойная компания! Новость об этом удивила и взволновала меня. Даже в самых смелых

мечтах я не представлял, что могу быть удостоен такой награды. Я сразу же понял, что Темплтоновская премия стала символом всемирного признания нашего служения, и это окажет нам огромную помощь. Ее денежное выражение составляло миллион долларов, который я, ни на миг не задумываясь, пожертвовал «Тюремному братству». Эту награду вручили лично мне, но в действительности ее были удостоены все, благодаря кому наше служение достигло столь широкого признания.

Я прилетел в Лондон, где в Букингемском дворце принц Филипп вручал эту премию. Вместе со мной на церемонии присутствовали Пэтти, а также Крис и Уэндел. Все это происходило в мае, и Букингемский дворец был окружен плотным кольцом туристов, наблюдающих через ограду за сменой караула Королевской гвардии.

Когда наш караван лимузинов приблизился к воротам, полицейские освободили от толпы проезд, и часовые вскинули руки в воинском приветствии. Туристы, которые присутствовали в тот день возле дворца, не зная, кто мы, заглядывали в машину и восторженно махали руками.

Наш водитель сказал, чтобы мы помахали им в ответ. У меня это вызвало неприятные чувства. Есть люди, которые любят играть на публику и знают, как с величавым видом вознаграждать восторгающуюся ими толпу. Но сам я уже не отношусь к категории хороших политиков, и не могу поступать подобным образом, поскольку всегда помню, насколько далек от того образа, который мне приписывают окружающие.

Войдя во дворец, мы в сопровождении референтов и полицейских преодолели лабиринт коридоров и оказались в Китайской комнате – просторной, богато украшенной гостиной, расположенной в передней части здания. В нашей группе было более пятидесяти человек: члены Палаты лордов, представители правительства, Темплтоновские лауреаты прошлых лет, а также высокопоставленные священнослужители, бизнесмены и финансисты. Мы выстроились в ряд согласно протоколу. Я стоял в начале, и принц Филипп должен был обмениваться рукопожатиями со мной первым, а затем пройти вдоль всей шеренги, поздравившись с людьми, стоящими справа от меня.

Референт, отвечающий за соблюдение протокола, объяснил, что, как американскому гражданину, мне кланяться перед королевской особой не обязательно, но какой-либо знак почтения будет весьма уместен. Кроме того, он сказал, чтобы я ничего не говорил Его Королевскому Высочеству до тех пор, пока принц Филипп не обратится ко мне сам, и что мне ни при каких обстоятельствах не следует к нему приближаться. Принц должен был проводить меня к

центру комнаты для вручения премии. Референт повторил это дважды: «Мы никогда не приближаемся к членам королевской семьи. Это *они* приближаются к нам». Я лишь кивнул головой в знак согласия.

После нескольких минут ожидания разговоры вдруг утихли, и через огромные позолоченные двери в сопровождении своей свиты вошел принц Филипп. Как и предполагалось, он направился прямо ко мне, пожал руку и двинулся вдоль шеренги, любезно приветствуя каждого из гостей.

Затем принц Филипп вышел к центру комнаты и кивнул мне, явно приглашая подойти. Референт, отвечающий за соблюдение протокола, вытянувшись в струну, стоял у него за спиной. Повернувшись ко мне, он отрицательно покачал головой. Мне казалось, принц пытается дать мне знак, что я должен подойти к нему, но референт своим видом всячески опровергал эту идею.

Принц Филипп, взглянув на меня, снова кивнул. Я метнул взгляд на референта, но тот снова отрицательно покачал головой. Сложилась совершенно нелепая ситуация. Наконец, решив, что все происходящее – полный абсурд, я направился к центру комнаты.

Мне сказали, что у меня две минуты на речь по поводу полученной награды, и я собирался в них вложиться. Но принц Филипп почти сразу же начал задавать вопросы о нашей работе, проявляя особый интерес к программам для малолетних преступников. Мне представилась чудесная возможность, и между нами завязалась оживленная беседа, в ходе которой меня не покидала мысль: «Я стою здесь только потому, что тысячи заключенных, к жизни которых смогло прикоснуться наше служение, рассчитывают на меня».

Вернувшись в свой офис в штаб-квартире «Тюремного братства», я положил медаль Темплтоновской премии перед собой на стол и углубился в размышления о том, что теперь с ней делать. Я вызвал свою многолетнюю помощницу Нэнси Нимайер, чтобы обсудить с ней, куда эту награду лучше пристроить. Как только грандиозная церемония, устроенная в Букингемском дворце, осталась позади, эта медаль стала для меня не более чем бесполезной побрякушкой. Что я должен был делать? Каждый день смотреть на нее, повторяя самому себе: «Я – лауреат Темплтоновской премии»? Взяв медаль со стола, я несколько мгновений повертел ее в руке, рассмотрев с обеих сторон. У нее был красивый дизайн. Медаль была искусно выполнена в современном стиле, но все же представляла собой всего лишь кусок металла. Передав ее Нэнси, я сказал: «Найдите для нее какое-нибудь подходящее место. Хорошо?»

Когда, забрав медаль, Нэнси вышла, я открыл ящик стола и достал оттуда письмо, полученное тремя годами ранее от нескольких

заклученных, отбывающих срок в Сибири. Их тюрьма была полна диссидентов, которых не выпустили на свободу даже в последние годы перед падением Советского Союза. Это письмо тайно вынес кто-то из миссионеров, посетивших колонию в Магадане, на дальнем сибирском рубеже, в краю вечного холода, серости и выматывающей душу заброшенности.

Я точно знал, как выглядит эта тюрьма, и что переживали эти люди, поскольку в 1990 году мне выпала уникальная возможность (одна из первых, предоставленная кому-либо с Запада) посетить лагерь «Пермь-36» – знаменитую тюрьму для диссидентов. Этот лагерь, расположенный у подножия Уральских гор за полторы тысячи километров на восток от Москвы, – одно из самых безотрадных мест, которые я когда-либо видел. Его камеры представляли собой холодные, сырые бетонные норы. Чтобы добраться до лагеря, нам пришлось пробиваться сквозь снежные заносы, настолько высокие, что, казалось, мы находимся внутри огромного ледяного кратера. Путь занял более четырех часов по заполненным талой водой рытвинам. За все это время я не увидел вокруг никаких признаков жизни.

Держа в руках письмо, переданное миссионером, я думал об условиях, в которых содержали этих людей. Они написали мне в ответ на мою книгу «Любить Бога», которая была переведена на русский язык, по личным каналам доставлена в Советский Союз и в конце концов оказалась в руках заключенных. Вот, что было в этом письме.

12 июня 1990 года

Вы прислали нам книгу «Любить Бога», но тюремное начальство не отдавало ее нам целый месяц. Узнав о ее существовании, мы пожаловались в Москву, и, наконец, нам разрешили ее прочесть.

В нашем лагере около трех тысяч заключенных, и каждый из них прочитал вашу книгу. Точнее, по вечерам кто-нибудь читал ее вслух, а 15-20 человек слушали. Это хорошо, что вы написали нам о ее авторе, Колсоне. Узнав, что он тоже прошел через тюрьму, мы поняли, что он знает цену свободы. Иначе говоря, мы, которые ненавидели и думали, что подобные чувства переживают все живущие на земле, узнали, что можно научиться любить Бога и других людей.

Пожалуйста, передайте Чаку Колсону привет. Мы хотели бы, чтобы все люди в Советском Союзе про-

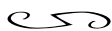
читали эту книгу. Она была бы полезной для каждого. Чак, пожалуйста, напишите нам, а мистер Моргулис переведет ваше письмо на русский. Или, если возможно, навестите нас! Мы здесь нуждаемся в таких людях, как вы. Также, было бы чудесно, если бы нам передали другие ваши книги.

*Семен Горохов
Валентин Суконин
и еще 3000 заключенных*

Читая это письмо, я испытывал огромное чувство благодарности Богу за то, что Он позволил мне сделать какой-то вклад в жизнь этих людей. Я представил, как они собираются группами по 15-20 человек, и кто-то читает вслух «Любить Бога» – возможно, при свете свечи – посреди сибирского холода и мрака. Благодаря этой книге, они ощутили Божье прикосновение и обрели надежду на будущее, а в их сердцах пробудились прощение и любовь к их гонителям.

Когда я писал «Любить Бога», мне даже в голову не могло прийти, что Бог может использовать эту книгу, чтобы прикасаться к людям подобным образом. И в этом, конечно же, присутствует очередной парадокс. За годы работы в Белом доме я пытался как-то повлиять на «холодную войну» – с весьма незначительным успехом, – а вот моя книга проникла в советскую тюрьму и подарила надежду трем тысячам человек.

Металлический медальон Темплтоновской премии или письмо от Семена и Валентина и их трех тысяч товарищей по несчастью – что для вас было бы более ценным? Все, что я могу сказать: я даже не знаю, где в данный момент находится тот медальон, а вот письмо заключенных я ношу с собой в портфеле и достаю, чтобы еще раз перечитать, когда чувствую себя слишком уставшим, подавленным или разочарованным. Если перед смертью мне будет даровано немного времени для размышлений, то я уверен, что положу это письмо на тумбочку возле своей кровати.

Жертвуя ради других, мы испытываем величайшее удовлетворение. Одно дело – выписать чек, но иногда нам приходится отдавать *самих себя*. Я говорю в прямом смысле – то есть полностью, без остатка, включая саму жизнь. И когда мы поступаем так, то нет пределов тому, как могут в результате измениться жизни других людей вокруг, и как способно преобразиться общество.

Мы видим это в жизни тех, кто оказался посреди одной из величайших трагедий в истории человечества, — людей, которые, вопреки всему, нашли в себе силы ценить то, что воистину прекрасно в жизни. Это рассказ о личной жертвенности, которая направила целую общину людей, оказавшихся на грани смерти, к счастливой жизни.

Нет больше той любви...

В начале Второй мировой войны Япония достигла впечатляющих успехов на тихоокеанском театре военных действий. 7 декабря 1941 года – в тот самый день, когда японцы уничтожили военно-морской флот Соединенных Штатов в Перл-Харборе, – их авиация нанесла удар еще и по аэродромам на Филиппинах. В течение двух дней японские военно-воздушные силы вывели из строя более половины самолетов американского тихоокеанского корпуса, а также – военно-морскую верфь в филиппинской провинции Кавите.¹

Стратегия Японии заключалась в проведении 150-дневной кампании с целью овладеть оборонительным периметром, протянувшимся от Бирмы на западе до южных границ голландской Ост-Индии (сегодня – Малайзия) и до островов Гилберта и Маршалловых островов на северо-востоке. Они рассчитывали, что при любом контрнаступлении смогут удержать эту территориальную дугу, и союзники попросят о мире, что дарует Японии новую империю в западной части Тихого океана, включая Юго-Восточную Азию, а, со временем, – еще и весь Китай.

8 декабря японские бомбардировщики уничтожили британскую военную авиацию в Гонконге, а на Рождество вынудили сдаться британских и канадских защитников этого города. Гуам пал 10 декабря. Японцы сломили оборону австралийских и индийских войск, защищающих Малайю, а к январю 1942 года взяли под контроль всю Малайзию за исключением острова Сингапур.

К середине января союзники образовали единое Командование американскими, британскими, голландскими и австралийскими вооруженными силами (ABDACOM), задача которого заключалась в обороне Малайи, Суматры и Явы, а также – подходов к Австралии. Однако три японские дивизии высадились на остров Сингапур, и к 25 февраля ABDACOM прекратило свое существование.

Хотя в то время я был еще совсем ребенком, но все же помню, какую панику подняли в Америке эти события, потому что враг явно побеждал. Тысячи отборных британских и американских солдат после очередного поражения попадали в плен или поспешно отступали на безопасные позиции.

Именно в этот исторический момент, весной 1942 года, на запад по безбрежным просторам Индийского океана неспешно продвигался парусник «Setia Berganti». Экипаж этого маленького двухмачтового судна состоял из десяти британских офицеров. Они представляли собой смелую, хотя и разношерстную команду, собранную из моряков, вытесненных японцами из Сингапура. Они уже преодолели значительную часть своего маршрута от Суматры до Цейлона (сегодня – Шри-Ланка) длиной в 1200 миль, полагая, что этот остров даст им больше всего шансов на спасение.

Среди офицеров был Эрнест Гордон, прозванный своими сослуживцами Роза за то, что был розовощеким олицетворением крепкого здоровья: девяносто килограмм мускулов при росте метр восемьдесят пять. За годы учебы в университете Сент-Эндрю Гордон получил превосходную мореходную практику в заливе Ферт-оф-Клайд. Морская жизнь доставляла ему огромное удовольствие.

Война совершенно не повлияла на Гордона. После ее окончания он намеревался вернуться в Юго-Восточную Азию, чтобы служить в качестве военного инструктора в странах этого региона, совмещая увлекательные приключения с хорошим заработком. Гордон предвидел, что народы Юго-Восточной Азии, включая бывшие британские колонии, однажды обретут государственную независимость, и представлял себя в роли посредника в переговорах политических сил.

Но вот, на горизонте появились три черных столба дыма. Это были японские танкеры. Взяв экипаж «Setia Berganti» к себе на борт, японцы сказали британским морякам, что они будут казнены, как шпионы.

В конечном итоге, им все же пожаловали более медленную форму смерти через каторжный труд. В нарушение международных соглашений, Гордона и его товарищей сделали подневольными работниками на печально известной «Железной дороге смерти». Вскоре британских моряков перевезли в лагерь для военнопленных «Чунгкай», расположенный на севере Таиланда. Эрнест Гордон рассказывает эту историю в своей удивительной книге «Последняя война»*.

---

* Настоятельно рекомендую как эту книгу, так и снятый по ее мотивам одноименный фильм. Это, воистину, классическая история, память о которой останется в грядущих поколениях. – *Прим. авт.*

Японцы хотели вторгнуться в Индию, но их морской путь снабжения был уязвим для нападения подводных лодок, поэтому они решили построить железную дорогу, соединив две существующие ветки: одна – из Сингапура в Бангкок, и другая – в Бирме, от Рангуна до Е. Расстояние между этими двумя ветками составляло сотни километров. При этом рельсы нужно было проложить по джунглям и горам Таиланда.

В обычных условиях на реализацию подобной задачи требовалось пять-шесть лет, но японцы вынуждали пленников завершить прокладку железной дороги менее, чем за год. Их били бамбуковыми палками, кормили двумя мисками риса в день и заставляли трудиться до полного изнеможения.

Широко практиковались пытки. Некоторым заключенным японцы ломали в тисках ладони, других же подвешивали на деревьях за большие пальцы рук или закапывали живьем в землю.² Малейшие признаки бунта вызывали у японских солдат ярость. В подобных лагерях погибло двадцать семь процентов военнопленных.

С утра до ночи бросая землю тяжелыми лопатами, заключенные возводили в джунглях железнодорожную насыпь. Проходы в горах пробивали с помощью динамита, который использовали так неосторожно, что многие погибали из-за несчастных случаев, которых вполне можно было избежать. Когда железная дорога вышла к реке Кхвэяй (Квай), заключенные занялись постройкой моста (это показано, хотя и чересчур романтизировано, в кинофильме «Мост через реку Квай»). Сваи для него вырубали в джунглях, а затем сплавляли к месту постройки и вбивали в дно реки с помощью копера на ручной тяге. Столь примитивным способом заключенные строили мост высотой с пятиэтажный дом. Они старались при малейшей возможности саботировать работу, даже при ее непосредственном выполнении. Занимаясь тяжелым трудом по двенадцать часов в день на скудном пайке, на жаре, которая нередко достигала 50 градусов, они быстро превратились в ходячие скелеты.

Ужасные условия дополняло отчаяние заключенных. Все были одержимы самосохранением. Каждый самозабвенно взбирался наверх по чужим головам – лишь бы не погибнуть. Это был микрокосм теории Дарвина в действии. Выживание сильнейших – или умнейших, или хитрейших, или откровенно злейших – стало повседневной реальностью. Тех, кто заболел, относили в госпиталь, который все называли «моргом», и быстро забывали. Заключенные проявляли интерес к умершим только в том, что обшаривали их карманы в поисках денег, часов или зажигалки. Подобные вещи можно было незаметно

выменять на еду у тайцев за оградой лагеря. Дополнительные калории давали больше шансов на выживание.

Заключенные также обворовывали своих живых товарищей. Так, у друга Гордона, Иэна Стюарта, мешочек с вещами выдернули из-под головы во время сна. Он лишился фотографии своей невесты, перочинного ножа и блокнота. После того, как японцы лишили Иэна свободы и всего, что у него было в жизни, он держался за эти немногие вещи с яростной цепкостью, но был ограблен такими же пленными солдатами, как и сам. Это оскорбление было куда хуже, чем издевательства врага.

Заклученные набрасывались на ведра с едой, которые японские охранники выставляли каждый вечер после того, как поужинают сами. Гордон видел, как какой-то человек выбрался из давки, сжимая в ладонях месиво из риса с тушенкой. Сквозь его пальцы капала подлива. Мужчина, съездившись подобно напуганной собаке, пробежал мимо Гордона и забился в укромный угол, где ему никто не мог помешать разделаться с едой.

После полутора месяцев в плену Эрнест Гордон, крепыш Розы, исчах до такой степени, что оказался в «морге» – длинном бараке, сооруженном на дальнем конце лагеря в низине возле реки. С началом муссонных дождей его пол затопило жидкой грязью, смешанной с содержимым переполненных уборных. Люди лежали рядами вплотную друг к другу, головами к ногам. В их плоть и кости вгрызались тропические язвы. В непроветриваемом бараке стоял невообразимый смрад. По больным ползали миллионы клопов, жируя на остатках плоти истощенных тел.

Гордон страдал от повторяющихся приступов малярии, амебной дизентерии, последствий операции по удалению аппендицита и разновидности дифтерии, приведшей к параличу ног, которые были сплошь усеяны язвами. Кроме того, он голодал, потому что японцы не выделяли паек для больных. Гордон понимал, что скоро умрет, став жертвой своих болезней, как многие вокруг него, умиравшие каждый день десятками.

Но вдруг, самым непостижимым образом он оказался среди первых, кого коснулись жертвенное участие других заключенных и помощь, со временем преобразившая всю лагерную жизнь. Однажды Гордона пришли навестить двое его товарищей с «Setia Berganti». Капитан корабля, Эдвард Хупер, и еще один член экипажа, Джо Аллен, хотели узнать, как он себя чувствует, но прошли мимо койки Гордона, сразу его не узнав. Из-за отека гортани Гордон едва говорил, но все же ему удалось привлечь внимание своих товарищей. Когда Хупер проходил мимо, Гордон схватил его за руку. Все еще не узнавая товарища, капитан наклонился к больному, видя, что тот

хочет что-то сказать. Когда Гордон прошептал ему свое имя, Хупер не мог поверить своим глазам.

«Боже милостивый! – воскликнул он. – Не может быть! Это ты, Роззи?»

Услышав новость от Хупера и Аллена, товарищи Гордона сразу же взялись за дело и соорудили для него лачугу рядом со своим бараклом. Они понемногу таскали материалы, пока не смогли построить комнату, достаточно обособленную, чтобы не подвергать опасности собственное здоровье, и в то же время – чистую и тихую, чтобы Гордон мог спокойно провести свои последние дни. С одной стороны лачуги был устроен дверной проем, через который он мог наблюдать за лагерной жизнью. Вид из открытой двери, подкрепленный запахом свежесрезанного бамбука и пальмовых ветвей, сразу же помог Гордону немного взбодриться.

Основной груз обязанностей по уходу за ним взяли на себя двое мужчин: Дасти Миллер и Динти Мур. Динти, один из однокурсников Гордона, старался выглядеть опрятно даже в набедренной повязке. Его усы были аккуратно подрезаны, а волосы тщательно причесаны. Дасти Миллер, бывший садовник с севера Англии, обладал мягким и заботливым характером. Оба товарища Гордона были верующими: Динти – католиком, а Дасти – из методистской церкви. Динти помогал Гордону по ночам после долгого рабочего дня, а Дасти, который сам еще не до конца поправился после дифтерии, присматривал за больным другом в течение дня.

Миллер помог Гордону помыться – впервые за полтора месяца! Снова ощутить себя хотя бы относительно чистым было невероятно приятно. Дасти очистил язвы на ногах Гордона, затем начал массировать ему ноги, чтобы восстановить кровообращение и побороть парализующее действие дифтерии.

Товарищи Гордона совместными усилиями собрали немного дополнительной еды, чтобы улучшить его рацион, а 31 мая 1943 года, на его 26-й день рождения, даже умудрились приготовить торт из вареного риса, лайма, бананов и пальмового сахара.

Понемногу, благодаря помощи Дасти и Динти, к Гордону начала возвращаться чувствительность в ногах. Со временем он уже мог самостоятельно сидеть на краю своей лежанки и упражняться, приподнимая руками то одну, то другую ногу. Поначалу Гордону хватало сил сделать это только раз или два, но массажи Дасти и упражнения возымели действие. Вскоре ему уже удавалось сгибать ноги в коленях и ступнях. Это намного улучшило циркуляцию крови и ускорило восстановление мышечного тонуса. Через короткое время Гордон уже начал ковылять, опираясь на бамбуковый костыль.

Вскоре он осознал, что в глазах других заключенных, которые прежде были совершенно подавлены, затеплился огонек надежды. Доброта, проявленная к Гордону его друзьями, стала одним из примеров тихой жертвенности, которая начала вытеснять из отношений волчьих законы. По лагерю быстро распространялись истории и о других, еще более впечатляющих поступках, что возымело удивительный эффект.

У каждого солдата в полку Гордона был «братишка» – товарищ, с которым он делил все поровну. Каждый из них должен был следить за благополучием другого. Когда у Ангуса Макджилливрея серьезно заболел его «братишка», все решили, что он умрет, но Ангус начал отдавать другу весь свой паек и укрывать его единственным одеялом, чтобы защитить от промозглых муссонных ночей. Более того, Ангус рисковал жизнью, выбираясь ночью из лагеря, чтобы выменять у тайцев утиные яйца и лекарства. В результате его «братишка» поправился, но, к сожалению, голод подорвал здоровье самого Ангуса. В один из дней этот крупный, некогда полный сил мужчина, просто упал ниц и умер.

Услышав рассказ о жертве Ангуса, Дасти вспомнил фрагмент из Евангелия от Иоанна: «Вот Моя заповедь вам: любите друг друга так, как Я вас полюбил. Нет любви выше той, когда жизнь отдают за друзей.». ³

История Ангуса вдохновила весь лагерь. Однажды вечером, когда рабочая команда выстроилась для возвращения в бараки, японец-конвоир, пересчитав лопаты, обнаружил, что одной не хватает. Уверенный, что кто-то из заключенных украл ее, чтобы позже продать тайцам, охранник потребовал признаться, кто это сделал. Он начал выкрикивать обвинения, и в конце концов довел себя до белого каления. Ярость прибавила решимости. Японец намеревался вернуть эту лопату любой ценой. Он опять потребовал от вора признаться в содеянном. Когда никто так и не сделал шаг вперед, охранник вскинул ружье и направил его на первого заключенного в шеренге.

«Убью! Всех убью!» – иступленно орал он, готовый перестрелять одного за другим всю команду, если никто не признается.

Когда эта ужасная угроза окатила пленников ледяной волной паники, вперед выступил один мужественный британский офицер. «Это я», – сказал он. Охранник, набросившись на него, повалил на землю и начал избивать кулаками, превратив лицо в кровавое месиво. Спокойная решимость заключенного только еще больше разъярила его истязателя. Неистово вскрикнув, охранник занес ружье над головой и ударом приклада по голове мгновенно убил британца, а затем продолжал избивать и пинать мертвое тело до тех пор, пока ярость, наконец, не улеглась.

Остальные военнопленные, подняв с земли своего убитого товарища, вернулись колонной в лагерь, где сдали лопаты в караульное помещение. Когда охранники еще раз их пересчитали, оказалось, что все лопаты на месте. Заключенные могли бы еще больше вознегодовать на жестокого охранника, но вместо этого они были вдохновлены жертвенной смертью офицера.

Некоторое время спустя японцы поймали одного рядового из Австралии, который пытался купить лекарство для своего больного друга. После быстрого расследования он был приговорен к смерти. Наутро, когда его вывели на казнь, все японцы-охранники собрались на зрелище. Заключенные тоже наблюдали за происходящим со стороны.

В качестве свидетелей, осужденного сопровождали командир его части и капеллан. Все заключенные обратили внимание, насколько спокойно и без малейшего страха шел этот австралиец к месту казни. Наконец, ему приказали остановиться, а сопровождавших его офицера и капеллана отвели в сторону. Оставшись один на один с палачом, сжимающим в руке меч, австралиец достал из своих потрепанных шорт цвета хаки маленький томик Нового Завета и что-то прочитал в нем, шевеля губами, но не издавая ни звука. Завершив, он вернул книгу обратно в карман и окликнул капеллана, на лице которого заметил тревогу: «Взбодритесь, падре. Все не так уж плохо. Со мной все будет в порядке».

Австралиец кивнул своему палачу и наклонился вперед, подставив шею, на которую через мгновение со свистом опустил самурайский меч.

Подобные случаи убеждали заключенных в том, что их «волчья» этика — или «закон джунглей», стремление выжить любой ценой — неприемлема для людей. Жизнь просто не имеет ценности, если человек не готов умереть за что-то более значимое, чем сама жизнь.

Выдающиеся проявления жертвенности в лагере для военнопленных мотивировали заключенных делать все возможное для поддержки товарищей. Британские офицеры согласились отдавать часть своей скудной платы на покупку дополнительных продуктов и лекарств для больных.

Чудесное выздоровление Гордона стало для всех впечатляющей демонстрацией пользы массажа и простейшей физиотерапии. Десятки заключенных посвятили себя тому, чтобы массировать ноги своим занемогшим товарищам.

Среди больных наиболее уязвимыми были те, кому ампутировали одну или обе ноги. Неспособность передвигаться по лагерю резко сокращала их шансы на выживание. Двое инженеров спроектировали и

смастерили из подручных материалов протез. С помощью жестяных полосок, вырезанных из старых консервных банок, они прикрепили вырезанную из деревянного бруска ступню к бамбуковой лодыжке с креплением, изготовленным из кожи и брезента.⁴ Это приспособление

Когда мы отдаем свою
жизнь, служа другим, теряем
ее ради спасения других, мы
обнаруживаем ее истинный
смысл среди братских
отношений и общения

даже было оснащено шарниром, позволявшим сгибать искусственную ногу в колене. Создав опытный образец, инженеры начали обучать инвалидов тому, как самим изготовить такой протез. Вскоре они основали кустарное производство, позволившее заключенным, которые ранее были недвижимы, вновь обрести возможность перемещаться по лагерю.

Среди военнопленных оказались ученые, включая ботаников, химиков и медиков. Они начали исследовать местную флору и собирать

растения и плоды, обладающие обезболивающими и анестезирующими свойствами. Такие доморощенные лекарства помогали в лечении дизентерии и болезней, вызванных авитаминозом, наподобие бери-бери и других. Теперь «морг» уже гораздо больше напоминал настоящую больницу.

По мере укрепления физического здоровья у заключенных начал оживать и дух, что выразилось в желании учиться. Многие из них тайно хранили среди своих скудных пожитков книги, которые теперь решили предоставить для всеобщего пользования. Так было положено начало лагерьной библиотеке и университету без стен, преподавать в котором попросили специалистов из числа заключенных. Со временем его учебная программа уже насчитывала курсы истории, философии, экономики, математики, естествознания и по меньшей мере девяти языков, включая латынь, греческий, русский и санскрит. Преподаватели зачастую составляли по памяти собственные учебники, а грамматические упражнения для курсов иностранных языков записывали на клочках бумаги.

Начался настоящий ренессанс в сфере искусств. Музыканты собрали оркестр, актеры и режиссеры ставили пьесы, а художники проводили выставки с десятками участников. Один из заключенных нарисовал своих детей, какими, по его представлению, они должны были стать за его трехлетнее отсутствие.

Когда эти обновляющие события набрали ход, люди начали задаваться вопросом: «А может, действительно существует любящий Бог?» К Эрнесту Гордону обратилась группа заключенных, проявив-

ших интерес к изучению Библии. Имела ли христианская вера какое-то отношение ко всему происходящему? Если они решат, что нет, — то сразу же отвергнут ее. Но прежде эти люди хотели искренне во всем разобраться.

Гордон колебался, поскольку не был настолько тверд в вере, чтобы учить о ней. Люди обратились к нему только из-за его университетского образования. Гордон начал свои библейские уроки с того, что честно признался в собственных сомнениях и неприязни к сектантству и классовым предрассудкам, которые нередко процветают в церкви.

Однако чтение записанных в Евангелиях историй о Христе изменило взгляды Гордона и его жизнь. Он познакомился с Иисусом, Который «не имел, где преклонить голову», часто голодал и никогда не был в почете у правящей элиты. Иисус в полной мере познал тяготы непосильного труда, отвержения, разочарования и организованного преследования. Он пережил на Себе почти все, с чем изо дня в день сталкивались военнопленные.

«Мы поняли, что любовь, которая настолько ярко выразилась в Иисусе, была Божьей, — пишет Гордон. — Это была та самая любовь, которую мы пережили сами — исполненная жертвенной доброты, сосредоточенная на других, а не на себе, превосходящая все человеческие законы. ... Мы увидели, что Распятие имеет самое непосредственное отношение к нашей ситуации. Мы не смогли бы принять Бога, безразличного к страданиям Своего творения. Распятие же подтверждало, что Бог пребывает посреди нас, страдая вместе с нами».⁵

Величайшие жертвы нескольких заключенных, подкрепленные повседневной жертвенностью многих других, превратили лагерь «Чунгкай» в наполненную жизнью общину. Обладая самыми ничтожными возможностями, заключенные совместными усилиями произвели то, что есть отличительными признаками любой цивилизации: забота о больных, научные исследования, разноплановое образование и искусство. В конечном итоге они увидели: все, что они сделали и чего достигли, берет свое начало в вере, и к ней же возвращается.

Гордон пишет: «Я осознал, что жизнь бесконечно сложнее и, в то же время, прекраснее, чем я себе представлял. Да, в ней есть ненависть, но в ней также есть и любовь. Не только смерть, но и жизнь. Бог не покинул нас. Он был с нами, призывая *вести божественную жизнь в братских отношениях*».⁶

Эрнест Гордон пережил Вторую мировую войну, но не вернулся в Юго-Восточную Азию, чтобы быть посредником в политических

переговорах. Основанием его жизни не стало стремление заработать. Вместо этого Гордон женился на своей возлюбленной, прошел обучение в семинарии, переехал в Америку и стал настоятелем часовни при Принстонском университете.

Хотя и менее драматичным способом, но Гордон построил еще одну общину верующих в Принстоне. В 1977 году Гарольд Хьюз, бывший либеральный демократ и сенатор от Айовы, и я, консервативный республиканец – некогда такое сочетание было едва ли возможным, но теперь мы стали по-братски близки благодаря нашей вере, – провели в главном соборе Принстона лекцию-диалог. Это был период, когда общество пожинало последствия 1960-х годов. В большинстве крупнейших университетов царил секуляризм, но в тот день зал принстонской часовни был заполнен людьми. В ходе знакомства с библейскими занятиями и жизнью этой общины, мы с Хьюзом встретили сотни студентов, серьезно относящихся к совмещению своей веры с учебой. Я собственными глазами увидел, сколь огромное влияние оказал Эрнест Гордон на Принстонский университет. Он и дальше продолжает оказывать влияние на студентов, уча их истинному смыслу жизни и отношений в общине.

Когда мы отдаем свою жизнь, служа другим, теряем ее ради спасения других, мы обнаруживаем ее истинный смысл среди братских отношений и общения. Впрочем, все это невозможно без жертвенности – она является основанием для общества и смысла самой жизни.

Эрнесту Гордону не нужно было спрашивать: «Был ли я достойным человеком?» Он сам был воплощением достойной жизни.

Полагаю за вас свою жизнь. Но зачем?

Мы рассмотрели два альтернативных представления о счастливой жизни. Первое из них определяет счастье в терминах самосовершенствования. Оно сосредоточено на удовольствиях, власти и личной независимости и верит в право на безграничное своеволие. Счастливую жизнь в такой, я сказал бы, фальшивой форме можно обобщенно описать следующим образом: «Будь все по-моему, любой ценой». Тем не менее, мы увидели, что полное посвящение своим желаниям ведет к несчастному и никчемному существованию.

Второе представление говорит о том, что цель жизни – это не отстаивание и не удовлетворение своего царственного «я», но посвящение себя служению другим людям. В эффективности такого подхода можно убедиться по его преображающему действию. Даже в экстремальных обстоятельствах, в которых оказался Эрнест Гордон на строительстве «Железной дороги смерти», это понимание превратило худший из концлагерей в мини-цивилизацию. История Эрнеста Гордона дает следующее обобщенное описание второго представления о счастье: «Жизнь полагаю за тебя».

Надеюсь, читая приведенные здесь истории, вы признаете, что люди, обнаружившие в жизни что-то по-настоящему ценное, придерживались именно второго принципа. Я обрел смысл жизни, только решив защищать интересы заключенных. Мэри Кей Бирд нашла счастливую жизнь в заботе о детях преступников, а Уилберфорс – в борьбе с рабством.

Но являются ли альтруизм и даже самопожертвование конечной целью? Можно ли их считать мерилем счастья? Наш мир наполнен террористами, охотно жертвующими своей жизнью. Люди,

управлявшие самолетами 11 сентября 2001 года, верили в важность самопожертвования и в то, что совершают правое дело. И все же, они жертвовали собой во имя зла.

Вспомним вопрос рядового Райана: «Достойный ли я человек?» Что отличает воистину достойных мужчин и женщин от террористов?

Существует ли вообще
истина и можем ли мы
познать ее?

Не должны ли мы прийти к заключению, что каждый из нас принимает свои индивидуальные решения, а история со временем определит значимость наших поступков на основании того, кто в конечном итоге выиграл, а кто – проиграл? Обладают ли слова «достойный» и «истинный» каким-либо трансцендентным смыслом или же их значение определяется одной культурой для террористов, а другой – для пожарных города Нью-Йорка?

Мучители Ньен Чен верили, что «достоинство» и «истина» – это всего лишь инструменты в руках тех, кто облечен властью. У революционеров не было трансцендентной концепции справедливости – первичного мерил добра и зла, достойной жизни, независимо от того, кто победит и проиграет в политических баталиях.

Ньен Чен, однако, считала, что истина познаваема, а справедливость можно определить вне рамок человеческих структур власти. Она верила в трансцендентную истину и в силу, которую несет жизнь в согласии с этой истиной. Ее история, несомненно, – более правомерный ответ на вопрос Райана, чем деяния китайских угнетателей или современных террористов.

Таким образом, жертвуя собой ради других, мы проходим лишь часть пути. Самый же главный вопрос звучит так: «Жертвуем ли мы ради истины?» Следовательно, нам нужно спросить себя: «Существует ли вообще истина и можем ли мы познать ее?» И если мы можем познать истину, то возможно ли для нас быть верными ей, как Ньен Чен? Где обрести силу принимать правильные решения, когда придут наши собственные времена испытаний?

Под словом «истина» я не подразумеваю одно из множества возможных мировоззрений. Я имею в виду *реальность* – фактическое положение вещей. Ранее я уже говорил, что эта книга предназначена для искателей, – тех, кто хочет познать истину. Пожалуй, будет лучше сказать, что она ориентирована на искателей реальности. Все мы слишком склонны думать об истине, как о предмете соглашения. Многие считают, что у каждого человека есть собственное представление об истине: у вас – свое, у меня – свое.

Стивен Кови, автор книги «Семь навыков высокоэффективных людей» и всемирно известный корпоративный тренер, пытается убе-

дить бизнес-лидеров в ошибочности идеи о том, что истина бывает одна – для меня и другая – для вас. Перед ним за столами сидят двадцать человек, и Кови говорит им: «Существует истина – абсолют, на который вы можете всецело положиться в жизни». Затем он признает, что многие из сидящих в комнате уверены, будто истина субъективна, и мы самостоятельно определяем, что является истиной, а что – нет.

Кови просит свою лекционную группу склонить головы и закрыть глаза, а затем поднять руки в направлении истинного севера. Все, конечно же, указывают в разные стороны. Кови говорит им открыть глаза, и они видят, что их руки протянуты в каких угодно направлениях. Тогда он спрашивает: существует ли *единственный* истинный север? Где он находится: там, куда указывают люди, или же там, где и положено быть северу? Слушатели вынуждены признать, что на этот вопрос можно дать лишь один-единственный ответ, и Кови призывает их точно так же признать существование однозначных, достоверных ответов на важные жизненные вопросы.

Истина – это абсолют; это то, что сообразуется с реальностью. Таково ее самое простое и элегантное определение.

Мы должны правильно воспринимать реальность. Помните, как моя дочь рисовала картинки для своего сына-аутиста Макса? Нарисуй Эмили их неправильно, – Макс так и остался бы в состоянии смятения и закатил бы истерику. Точно так же нашу жизнь начинает трясти, если мы имеем искаженную картину происходящего вокруг нас.

Мы должны быть искателями реальности, к которой причастен каждый из нас: как на самом деле устроены жизнь и этот мир? в каком направлении находится истинный север? С этой точки зрения, данная книга – вовсе не духовная. Она также не имеет никакого отношения к религии. Я не знаю ни единой причины, по которой человеку вообще должно быть дело до духовности или религии, если их опыт не раскрывает реальность. Вот в чем состоит мой интерес, и, надеюсь, что ваш – тоже.

Итак, можем ли мы найти какой-то способ познать настоящую истину и жить в соответствии с ней? Если нам надлежит жертвовать собой, мы должны знать, что полагаем жизнь за действительно стоящее дело. Я твердо убежден, что достойные начинания должны сообразовываться с действительностью, с реальным положением вещей. Полагая жизнь за ложь, мы жертвуем ради пустоты или, еще того хуже, – разрушения.

Если нам надлежит
жертвовать собой,
мы должны знать,
что полагаем жизнь
за действительно
стоящее дело

Многие из нас избегают этого сложного вопроса с помощью двойных стандартов в жизни. Мы стремимся рассматривать свою религию обособленно, вспоминая о ней лишь воскресным утром. Отдельное место мы отводим для увеселений, проводя рабочую неделю

Жить в согласии с полнотой истины, жить целостно — значит избегать двойных стандартов и поступать так, чтобы каждая грань жизни брала начало в ее истинном центре

в нетерпеливом ожидании выходных. Есть также сфера бизнеса, внутри которой мы вообще редко задумываемся об истине. А поздно вечером, когда семья уже уснула, мы включаем порнофильм или заходим на порнографический сайт, но об этом никому знать не обязательно. Мы — хорошие мужья и отцы, хотя в командировках допускаем легкий флирт. Может, раз или два мы и позволяли себе слишком увлечься, но потом — с

глаз долой, из сердца вон. Кто помянет старое, верно?

Однако, сегментируя таким образом свою жизнь, мы тем самым неизбежно нарушаем ее целостность. Окружной прокурор, расследуя покупки Деннисом Козловски дорогих картин, хорошо понимал, что человек, жульничающий в чем-то одном, обычно оказывается замешанным во многом.

Настоящая достойная жизнь подразумевает соответствие истине — истине во всей ее полноте. Жить в согласии с полнотой истины, жить целостно — значит избегать двойных стандартов и поступать так, чтобы каждая грань жизни брала начало в ее истинном центре. Именно в этом заключается секрет достойной жизни, о которой говорил рядовой Джеймс Райан. Это ключ к жизни добродетельной, без чего не можем преуспевать ни мы, ни наше общество.

В поисках
ИСТИНЫ

Путешествие в иллюзию

В ноябре 1954 года Альберт Шпеер, которому на тот момент было чуть меньше пятидесяти лет, решил отправиться в пеший поход. Для начала, он проложил по карте маршрут от Берлина до Гейдельберга. Чтобы извлечь максимальную познавательную пользу от похода, Шпеер прочитал всю литературу, которую только смог найти в местной библиотеке, описывающую особенности и достопримечательности этих мест. Решив провести еще более глубокое исследование, он заказал справочники и изучил культурную историю региона, по которому ему предстояло пройти. В походе Шпеер вел дневник, описывая свои открытия и наблюдения.

Достигнув Гейдельберга, он решил не останавливаться и отправился пешком в Мюнхен. Затем Шпеер настолько осмелел, что продолжил свой путь до Балкан, а оттуда – в Стамбул и через Афганистан в Индию. Повидав Азию, он пересек Китай и Сибирь, откуда переправился в Северную Америку. Пройдя на юг до Лос-Анджелеса, Шпеер перешел в Мексику, где написал в своем дневнике: «Немилосердное солнце на пыльных дорогах... Раскаленная земля обжигает подошвы ... где дорожные камни отмеряют мой унылый путь».¹

Моря и океаны не создавали препятствий для кругосветного похода Шпеера, потому что, на самом деле, в своем путешествии он никогда не покидал пределов тюрьмы Шпандау, где после Нюрнбергского процесса отбывал двадцатилетний срок за преступления против человечества. Начав свою карьеру как главный архитектор Гитлера, Шпеер в конечном итоге по некоторым оценкам стал вторым по влиятельности человеком нацистского режима. Этот бывший рейхсминистр вооружений и боеприпасов нацистской Германии совершил свое эпическое путешествие в далекие страны, ходя круг за кругом по тюремному двору. Шпеер вел фанатически точные подсчеты ко-

личества шагов, сделанных им за день, и сопоставлял пройденные километры с воображаемыми маршрутами. Прочитанные справочники и книги по истории стран создавали в его воображении картины тех мест, которые он «посещал», описывая в дневнике свои иллюзорные впечатления. В этом походе Шпеер был настолько упорен, что однажды его правая нога распухла, вдвое увеличившись в размерах, а еще раз его пришлось госпитализировать из-за инфаркта легкого.

Хотя ему и удавалось постоянно находить занятия для своего выдающегося разума, воображаемое путешествие Шпеера приносило ему мало удовлетворения. Он спрашивал сам себя: не был ли его пеший поход всего лишь проявлением безумия, которого он пытался избежать? «Я всегда смотрел свысока на других заключенных, которые не знали, чем себя занять, и не могли поставить перед собой хоть какую-то цель. Но каковы, в действительности, были *мои* цели? Разве вид мужчины, десятилетиями упрямо шагающего по кругу, не является куда более абсурдным и диким?»²

Альберт Шпеер вырос в привилегированной семье состоятельного архитектора и «светской львицы» в немецком городе Мангейм. Он был одаренным математиком, но не занялся научной карьерой по настоянию отца, который сказал, что должность профессора приносит мало славы и денег. Послушавшись его совета, Альберт, как и отец, стал архитектором.

Поколение, к которому принадлежал Шпеер, все еще пребывало под чарами Гегеля и Ницше. Философия Гегеля, представлявшая мир, как некий божественный, развивающийся процесс, направляла религиозные чувства людей к последним культурным достижениям. Они воспринимали литературные произведения Гете и Шиллера, музыку Вагнера и труды Юлиуса Лангбена и Пауля де Лагарда как некое новое откровение. Бессмертные творения культуры стали их библией.

Наверное, нам, рассматривающим сегодня культуру почти исключительно в терминах массовых развлечений, это трудно понять. Впрочем, религиозная связь с культурой, хотя и в очень секуляризированной форме, еще существует среди людей, которые часто называют себя «прогрессивистами». Прогрессивисты считают, что их политические, этические и культурные взгляды должны формироваться на основании последних достижений в сфере науки, искусства и политики, то есть культуры. Их кредо – это фраза: «Теперь мы знаем». «Люди привыкли думать, что этот мир сотворен Богом, но *теперь мы знаем...*». «Когда-то люди полагали, что все цивилизации функционируют по одним и тем же правилам, но *теперь мы знаем...*». Прогрессивисты среди нас – это сыновья и дочери Гегеля. Они поклоняются тому, что называют «процессом развития мира»: всему самому новому и лучшему.

Подобно современным прогрессивистам, Альберт Шпеер и его поколение отстаивали новомодное мышление «культуры», противопоставляя его старомодным подходам «цивилизации». Особенно они презирали индустриализацию, стремясь отождествлять себя с тем, что принимали как чистоту природы. Своей «зеленой» сосредоточенностью на охране окружающей среды они напоминали хиппи. «Мы постоянно мечтали об уединении, — писал Шпеер, — о поездках по тихим речным долинам и прогулкам по высокогорным пастбищам».³

В этом поколении неглубоко под поверхностью скрывался тот самый гипертрофированный национализм, который спровоцировал Первую мировую войну. Считая немецкую культуру авангардом мировой истории, они были уверены, что отождествиться с откровением о мировом прогрессе можно, только приняв эту культуру. Суть их прогрессивистской веры заключалась в поклонении культуре и природе.

Кроме того, поколение Шпеера все еще находилось под большим влиянием Ницше с его акцентом на выходе за рамки общепринятой морали ради великих достижений, что особенно привлекательно для людей искусства. Позже Шпеер отмечал, что всегда был уверен в том, что достигнет величия. Ближе к концу своей жизни он сказал, что променял бы всю свою власть на славу архитектора, спроектировавшего одно по-настоящему великое здание. Английский поэт Джон Мильтон говорил, что слава есть «последняя слабость блестящего ума».⁴ Точно так же, уязвимое место художника — это стремление создать шедевр, который компенсировал бы все его личные ошибки.

Шпеер никогда не думал, что в его будущем политика будет играть какую-то роль. Наоборот, поначалу он даже высмеивал ее. Поражение Германии в Первой мировой войне вынудило многих немцев провести четкую границу между их культурой, которая так и осталась беспрецедентной, и их цивилизацией, недостатки которой болезненно вскрылись. Принятие аполитичного мышления позволяло немцам сохранить свою национальную гордость даже в тот период, когда Веймарская республика, бывшая правительством Германии от момента окончания Первой мировой войны до прихода к власти Гитлера, показала свою неспособность справиться с гиперинфляцией и экономическим упадком. В то время, когда студенты эпохи Шпеера начали принимать идеи национал-социализма (фашизма), сам Шпеер считал себя выше любой политики. Он и представить себе не мог, что найдет что-то привлекательное в Гитлере и его замыслах.

Цивилизация того времени включала в себя обыденные миры власти и бизнеса, а также — все сложности, которые создала для

обоих миров индустриализация. Культура восстала против этого, апеллируя к коллективным идеалам аграрного прошлого и к состоянию чистоты, которое предположительно предшествовало самой цивилизации. Вот почему так много произведений искусства, высоко ценимых нацистами, были наполнены образами странных бесполох нимф, танцующих на лесных полянах. Поколение Шпеера хотело «озеленить» свой грязный, запутанный мир. Первым следствием расхождения между идеалами и окружающей со всех сторон жизненной реальностью стала гневная аполитичность. Молодежь времен Шпеера была слишком «правильной», чтобы принимать участие в непростом деле налаживания эффективной работы системы власти и экономики. Таким образом, они предпочитали просто указывать пальцем на недостатки, а не активную борьбу с тем, что считали насквозь прогнившим.

Также разрыв между гордостью немцев своей культурой и их отчаянием о состоянии власти в стране способствовал широкому распространению мышления двойных стандартов. Как поколение Шпеера, так и их родители не видели взаимосвязи между сферой труда и своими личными, этическими установками. Этика была для дома, а на рабочем месте царствовал прагматизм. Таким образом немцы, подобные Шпееру и его семье, продолжали потакать своим амбициозным натурам, мало заботясь о состоянии нации.

В 1930 году Шпеер жил в Берлине, где работал на хорошо оплачиваемой должности помощника архитектора Генриха Тессенова. К тому времени он уже женился и ожидал своего первенца. Впоследствии у него еще родилось пятеро детей. Несмотря на свою аполитичность, Шпеер согласился посетить собрание, на котором должен был выступать Адольф Гитлер. Позже он вспоминал, что именно на том собрании, когда он впервые услышал Гитлера, этот человек сразу же овладел его сознанием и уже никогда не отпускал. Шпеер был очарован.

Посреди отчаяния Веймарской республики Гитлер обрисовал грандиозную перспективу для немецкого народа – достижение кульминации в извечной вселенской борьбе добра со злом. Это будущее требовало от каждого немца абсолютной жертвенности на пути к цели. Оно также требовало распознать обструкционистские силы и устранить их влияние. Объединенная единством устремлений, Германия могла нанести поражение силам коммунизма и побороть экономический упадок, грозивший ей так и остаться всемирным мальчиком для битья. Идеалы, столь ценные для немцев, предстояло реализовать в новом государстве, где будет покончено с мелочными классовыми разделениями прошлого и господством неоправданных привилегий. Мрак текущего момента просто подразумевал, что Германия должна

воспрянуть для осуществления своего исторического предназначения.

Много лет спустя, когда в мае 1945 года Шпеера допрашивали представители антигитлеровской коалиции, капитан Берт Кляйн прервал бесконечные воспоминания подследственного о безумной истории нацистского режима. «Господин Шпеер, я не понимаю, – сказал он. – Вы говорите, будто заранее знали, что Германия проиграет войну. По вашим словам, вы годами наблюдали за ужасающими злодеяниями этих бандитов, окружавших Гитлера, – окруживших и вас. У них были личные амбиции гиен, методы убийц и нравственность подонков. Вы знали все это. И все же оставались рядом, – не просто оставались, а работали, строили вместе с ними планы и максимально поддерживали их. Как вы можете это объяснить? И как оправдать? Как все это может уживаться в вас?»⁵

Шпеер ответил не сразу. После паузы он сказал, что капитан не имеет ни малейшего представления о жизни под диктаторским режимом – сколько в нем страха, и какими опасными играми он сопровождается. Но прежде всего, капитан не имел ни малейшего представления о неотразимой харизме Гитлера.⁶

Эта харизма начала влиять на Шпеера еще сильнее после того, как он пережил ряд неудач в бизнесе. В 1932 году все более усугубляющийся экономический кризис в Германии не мог не отразиться на зарплатах, так что Шпеер оставил должность у Тессенова и переехал в Гейдельберг, чтобы работать над строительными заказами клиентов его отца. Впрочем, таких заказов было совсем мало, и в итоге Альберту пришлось согласиться на понижение до должности управляющего отцовской недвижимостью.

Его положение начало улучшаться, благодаря контактам с Национал-социалистической немецкой рабочей партией (НСДАП) – политической силой Гитлера, к которой Шпеер присоединился в 1931 году. Его попросили отреставрировать разрушенную виллу в Груневальде, которую НСДАП арендовала для своей штаб-квартиры. Затем ему поступил заказ на восстановление еще одного дома на Фоссштрассе. После этого Шпеер получил должность в только что созданном Йозефом Геббельсом в Берлине министерстве пропаганды.

По-настоящему нацистские лидеры обратили внимание на Шпеера в 1933 году после того, как он оформил первомайскую демонстрацию на поле у Темпельхофа. С этой постановки Шпеер начал совершенствовать вид и ритуалы массовых митингов Гитлера. Именно ему принадлежала идея разместить трибуну, с которой выступал Гитлер, на высоком деревянном помосте, окруженном бесчисленными знаменами со свастикой. По замыслу Шпеера, тот митинг прошел ночью. Гитлер стоял в свете прожекторов, что указывало на способ-

ность вождя превратить политическую ночь в день. Постановка была настолько эффектной, что присутствовавший тогда на митинге посол Франции Робер Колондре признал, что смесь «милитаристской магии, мистицизма и экзальтации даже его на какое-то мгновение превратила в национал-социалиста».⁷

Гитлер лично познакомился со Шпеером после реставрации официальной резиденции Геббельса, с которой архитектор ко всеобщему изумлению справился за два месяца. Его пригласили на встречу с Гитлером, чтобы обсудить предложения по организации первого съезда НСДАП в Нюрнберге после захвата власти фюрером. В тот раз Гитлер уделил Шпееру не слишком много внимания. Он как раз чистил свой пистолет и оторвался от этого занятия лишь на миг, чтобы взглянуть на планы и объявить, что со всем согласен, после чего вновь сосредоточился на оружии.

Позже Гитлер попросил Шпеера проследить за реставрацией его берлинской резиденции. Фюрер, который когда-то сам мечтал стать художником и архитектором, навещался в этот дом почти ежедневно, наблюдая за ходом работ. При этом Гитлер часто беседовал со Шпеером, и, наконец, пригласил его к себе на обед.

Шпеер приехал к фюреру прямо со строительной площадки в пиджаке, забрызганном цементным раствором. Не желая смущать архитектора, Гитлер одолжил ему один из собственных пиджаков. Когда Шпеер вошел в столовую, Геббельс заметил на пиджаке эмблему в виде золотого орла, которая могла быть только на одежде фюрера. Отмахнувшись от протестов Геббельса, Гитлер пригласил Шпеера сесть по правую руку от него. В скором времени он назначил Шпеера своим главным архитектором, с полномочиями, превосходящими даже власть местных чиновников и партийной верхушки.

Между ними установились близкие и довольно необычные взаимоотношения. Шпеер по-прежнему считал себя художником, человеком искусства, который «выше» политики. Однажды, за обеденным столом в присутствии Гитлера он признался, что считает идеи фашистов «глупостью». В то же время, он проявлял безграничную преданность Гитлеру. Тот пообещал, что Шпеер будет проектировать здания, равных которым не строили со времен древней Греции и Римской империи. Они оба были одержимы идеей превратить Берлин в *Germania* – полностью реконструированный столичный город, который превзошел бы современный Париж и древний Рим. Судя по всему, на отношения Гитлера со Шпеером влиял тот факт, что фюреру нравилось быть покровителем для выходца из состоятельной, интеллигентной семьи. Шпеер давал Гитлеру ощущение принадлежности к высшему сословию. Также, возможно, фюрер питал к архи-

тектору гомосексуальные чувства, что давало Шпееру свободу не соглашаться с партийным курсом нацистов.

Тот же обрел в Гитлере человека, высвободившего его незаурядные способности. Сам по себе он балансировал на грани краха, а в тандеме с ужасающей силой Гитлера — процветал.

Их совместные планы по реконструкции Берлина включали в себя величественную аллею, на одном конце которой должен был располагаться гигантский зал под куполом, а на другом — триумфальная арка. Промежуточное пространство отводилось под общественные здания: оперу, филармонию, драматический театр, кинотеатр на шесть тысяч мест, мюзик-холл и несколько бань. «Зал народа» с куполообразной крышей был бы настолько огромным, что по сравнению с ним величественное, царственное строение знаменитых Бранденбургских ворот выглядело бы просто собачьей конурой. Эти проекты были пропитаны так называемой гигантоманией. Невероятные размеры основных зданий объяснялись желанием впечатлить людей абсолютной властью и полным господством Третьего Рейха. Макеты этих строений, — ведь из них только проект здания рейхсканцелярии был воплощен в жизнь, — все, как один, напоминают гробницы. Для каких бы целей ни предназначались, они выглядят, словно огромные склепы — мертвые, холодные и совершенно нечеловеческие.

Чтобы построить новый Берлин, Гитлеру со Шпеером прежде пришлось бы снести старый центр города, переселив множество живущих там людей. Для обеспечения этого проекта Шпеер основал Центральное управление по переселению. Многие из домов в центре Берлина занимали евреи, которые когда-то специально переехали в эти квартиры, чтобы жить по соседству с другими евреями. Начался так называемый процесс их «выселения» и «локализации» в еврейских кварталах.⁸ В других же местах евреев выселяли по той причине, что их квартиры передавались неевреям. Такое перераспределение населения способствовало планам Геббельса по «очистке» Берлина от евреев. Управление Шпеера действовало в сговоре с министерством Геббельса в том, что они называли «эвакуацией» евреев из Берлина. Вместо переселения в другие квартиры их затапливали в вагоны для скота и вывозили в концентрационные лагеря. Реконструкция города быстро превратилась в Холокост.

Позже Шпеер утверждал, что не знал о Холокосте почти ничего, если не считать бездоказательных слухов, хотя по работе его собственного Управления можно было четко проследить, как «выселение» привело к «эвакуации». Впрочем, определенное правдоподобие этому утверждению придает управленческий стиль Гитлера, который следовал принципу «разделяй и властвуй». Третий Рейх едва ли демонстрировал высшую степень рациональной бюрократии.

Четких сфер ответственности просто не существовало. Гитлер часто возлагал на разных чиновников одни и те же или даже конфликтующие обязанности. Таким образом он целенаправленно вынуждал их плести интриги друг против друга. Гитлер хотел, чтобы они были настолько обеспокоены своим собственным положением, что никогда не задумывались бы о прямом бунте против него. Неудивительно, что представители нацистской верхушки были крайне скрытными. Они защищали свою власть, часто укрывая то, что знали. Так было и со Шпеером. Вскоре он выяснил, что его статусу главного архитектора Рейха угрожает конкурент в лице Германа Гислера, который также оказался в фаворе у Гитлера. Когда в 1942 году Шпеер поднялся до уровня рейхсминистра вооружений и военного производства, через короткое время часть его функций Гитлер демонстративно передал его заместителю, Карлу Сауру, чтобы немного сбить со Шпеера спесь.

На посту рейхсминистра вооружений и военного производства Шпееру пришлось бороться с Германом Герингом, который отвечал за «четырёхлетний план» – программу перестройки экономики Германии. Впрочем, Геринг практически не имел контроля над сырьевыми ресурсами, которые являются движущей силой экономики. Шпеер придумал Центральный плановый комитет, главой которого назначил самого себя и двух своих соратников, что обеспечило достаточный контроль над основными потоками товаров для фабрик, производящих оружие, патроны и бомбы. В конце концов ему удалось отобрать у ленивого пьяницы Геринга львиную долю власти над экономикой Германии. Шпеер также столкнулся с большими трудностями, когда вопрос коснулся Генриха Гиммлера, который оставался ответственным за «Люфтваффе» и всю необходимую для авиации инфраструктуру. Гиммлер и Шпеер постоянно воровали друг у друга сырьё и работников.

На своих заводах Шпеер принципиально не использовал рабочих и специалистов из евреев и других «нежелательных элементов». За поставку рабочей силы для него отвечал Фриц Заукель, который свозил в Германию для подневольного труда поляков, венгров и жителей других оккупированных территорий. Но даже этого Заукелю было недостаточно, чтобы выполнять свои обязанности, и Шпеер решил наладить работу заводов во Франции и других странах. При этом он объявил, что тех, кто трудится на военную машину Германии, трогать не будут. Вывод военной промышленности за пределы Германии на подчиненные территории эффективно лишил Заукеля его влияния, поскольку теперь не требовалось поработать много людей. Благодаря такой тактике и другим подобным ходам, Шпеер получал все больше и больше власти внутри нацистского режима.

Хотя по характеру он был скорее человеком искусства, на посту рейхсминистра вооружений и военного производства Шпеер достиг феноменального успеха. В те самые годы, когда страны антигитлеровской коалиции начали регулярно бомбить немецкие заводы, Шпеер удивительным образом наращивал производство военной продукции. Благодаря своим математическим способностям, он стал едва ли не лучшим управленцем в машине Третьего Рейха. Цифры стали для него утешением и убежищем. Даже осознав, что война проиграна, Шпеер еще долго убегал от реальности, с головой погружаясь в работу.

Однако в последние дни существования нацистского режима, когда Гитлер спрятался в бункере рейхсканцелярии, где и закончилась его жизнь, Шпеер, наконец-то, восстал против демонических чар фюрера. Когда войска антигитлеровской коалиции вплотную приблизились к Германии, Гитлер собирался прибегнуть к тактике выжженной земли. Он потребовал, чтобы чиновники на местах сжигали каждый город, каждую деревню и ферму на пути наступающих на Берлин врагов. Понимая, что ему суждено умереть, Гитлер хотел, чтобы Германия и немецкий народ умерли вместе с ним.

Многие из последних дней Третьего Рейха Шпеер провел, летая из одного города в другой и отменяя приказы фюрера. Нацистские предводители лелеяли мечту, что после смерти Гитлера страны коалиции вступят в переговоры о капитуляции Германии именно с ними. Они надеялись остаться у власти. Поскольку же Шпеер был одним из тех, кто мог стать преемником Гитлера, многие подчинялись его приказам, опасаясь впасть в немилость. Все понимали, что дни Гитлера сочтены.

Впрочем, во многих местах приказам о «выжженной земле» все-таки подчинились – причем, даже те немцы, которые питали отвращение к Третьему Рейху. Страну охватило безумие разрушения. Города и деревни предавали огню, и по дорогам потянулись вереницы миллионов немцев, ставших беженцами. Гитлер знал, чем занимается Шпеер, и все же сохранил ему жизнь, в отличие от многих других, кого он быстро отправлял на расстрел за малейшее неподчинение.

Альберт Шпеер был среди двадцати двух основных нацистских военных преступников, представших перед судом в Нюрнберге в 1946 году. В отличие от остальных подсудимых, он признал свою вину в том, что способствовал катастрофе, причиненной миру нацистским режимом, и даже не стал снимать с себя общей ответственности за преступления нацистов против человечества, включая Холокост. В то

же время, Шпеер настаивал, что не может быть обвинен в непосредственном участии в этих преступлениях, поскольку конкретно ничего не знал о концентрационных лагерях.

Два эпизода во время судебного процесса явно потрясли Шпеера. Американский генерал Уильям Донован показал суду документальный фильм о том, что обнаружили американские войска, когда вошли в концентрационные лагеря: разбросанные по земле или висящие на ограждениях из колючей проволоки изможденные тела; столб дыма из трубы крематория... Признание Шпеера в «общей ответственности» оказалось последним рубежом его самооправдания.

Увиденное сокрушило его. Если Шпеер действительно не ведал обо всем этом раньше, то теперь он, наконец-то, осознал весь смысл перехода от «выселения» к Холокосту. Его предположительную неосведомленность об «окончательном решении еврейского вопроса», безусловно, можно объяснить разве что крайней решимостью не замечать происходящего.

Притворное раскаяние Шпеера также было поставлено под сомнение, когда сэр Хартли Шокросс обвинил подсудимых в том, что именно они создали Гитлера, который без их поддержки никогда не смог бы управлять фабрикой ужасов Третьего Рейха. Назвав их «вполне заурядными убийцами», Шокросс зачитал отчет одного немецкого инженера, ставшего свидетелем массовой казни пяти тысяч евреев на территории Украины:

Из грузовиков выпрыгивали мужчины, женщины и дети всех возрастов. Затем по приказу какого-то эсэсовца с нагайкой в руках они разделись и разложили свою одежду по кучам — отдельно обувь, верхнюю одежду и нижнее белье. Я видел гору обуви, — наверное, от восьмисот до тысячи пар, — и огромные груды вещей. Без криков или плача, эти люди стояли обнаженными, сбившись в группы по семействам, и прощались друг с другом в ожидании приказа другого эсэсовца... Пожилая женщина с белыми как снег волосами держала на руках годовалого ребенка, напевая ему песенки и щекоча его. Ребенок радостно попискивал. За ними со слезами на глазах наблюдала супружеская пара. Отец держал за руку сына лет примерно десяти и что-то тихо ему говорил. Мальчик старался сдержать слезы. Указав пальцем в небо, отец погладил сына по голове, явно что-то ему объясняя. В этот момент меня окликнул эсэсовец, который стоял у рва... Обойдя кучу земли,

я оказался на краю огромной могилы. Она была настолько плотно набита телами, что рассмотреть можно было одни лишь головы. Почти из всех голов на плечи стекала кровь.⁹

Альберта Шпеера не повесили. Он был приговорен к двадцати годам тюрьмы. Суд признал попытки Шпеера противостоять гитлеровской политике выжженной земли смягчающим обстоятельством.

Во время многолетнего заключения он пытался найти духовное утешение. Шпеер прочитал все девять тысяч страниц «Церковной догматики» Карла Барта и стал близким другом тюремного капеллана Георга Касалиса. После выхода из тюрьмы в 1966 году Шпеер регулярно посещал принадлежащее ордену бенедиктинцев аббатство Мария Лаах, где нашел для себя духовного наставника. Но никто из тех, с кем он советовался, не смог помочь ему обрести Бога или прощение, или хотя бы искреннее раскаяние. Шпеер говорил, что если бы ему пришлось прожить жизнь сначала, то при тех же обстоятельствах он вряд ли смог бы избежать повторения своих решений.

Возможно, утверждение о том, что Шпеер по-настоящему так и не раскаялся, кто-то поставит под сомнение ввиду его книг «Третий Рейх изнутри» и «Шпандау. Тайный дневник», а также сотен интервью, в которых он открыто признавался в ужасах нацистского режима. За это его даже называли «титаном покаяния». Тем не менее, есть разница между признанием правды об исторических фактах и способностью осознать настоящую нравственную вину и лично отождествиться с ней. Иоахим Фест, один из биографов Шпеера, отмечает:

Это была какая-то «мертвая зона». Шпеер усиленно старался демонстрировать жесты смирения, соответствующие его роли грешника, и вместе с тем сосредоточенно повторял формулы, навязанные самооправданием. Но временами он напоминал марионетку, которую дергают за нитки, и, безусловно, в нем читалась гордость за свою историческую значимость, подтвержденную гневными голосами его обвинителей. У Шпеера было лишь поверхностное понимание фундаментальных норм, которые он нарушил; причин, по которым его признали виновным, и того, как можно было бы прожить те годы по-другому, оставшись незапятнанным...

Этот изъян всецело объяснялся тем, что для Шпеера была совершенно чужда духовная составляющая

жизни... Он не смог бы сказать, почему должен подчиняться тем или иным нравственным постановлениям или считать их универсальным законом. В этом отношении Шпеер действительно был «неполноценным». Невзирая на все его выдающиеся таланты, ему недоставало единственного элемента, делающего человеческое существо личностью.¹⁰

Путь, пройденный Альбертом Шпеером во дворе тюрьмы Шпандау, и круги, по которым он бежал как один из предводителей нацистского режима, имели одну и ту же природу – ужасающий отрыв от реальности, которая зиждется не только на физических, но и на нравственных законах.

Шпеер просто не обращал внимания на эту реальность и, по мнению его биографа Иоахима Феста, был в принципе не способен на это. Ему, однако, хватило совести признать ужасы, задокументированные во время судебного процесса над ним, и воспротивиться гитлеровской политике выжженной земли. Похоже, реальность нравственного закона находилась для Шпеера на горизонте, который он мог ощутить, но по-настоящему достичь — никогда. Так, он до самого конца продолжал свое воображаемое путешествие, все дальше уносившее его в чистую иллюзию.

Жить по правде

Едва ли многие из вас могут сразу отождествить себя с Альбертом Шпеером — художником и организатором, оказавшимся в водовороте одних из наиболее мрачных событий XX века.

Но я, как ни болезненно мне это признать, могу.

Подобно Шпееру, в юные годы я мечтал совершить что-то великое. Начиная со средних классов, я жил и дышал политикой. Я начал работать волонтером во время избирательных кампаний еще до того, как получил право голосовать. В колледже я специализировался в политической философии и любил дискутировать с выдающимся либеральным профессором Гаем Доджем. Изъяны, которые я видел в его позиции, лишь укрепляли мой консерватизм. Должен сказать, Додж был в высшей степени беспристрастным и поощрял мою приверженность другим взглядам. Иногда в завершение занятия он говорил: «Что-то сегодня мы не услышали точку зрения мистера Колсона. Может, предоставим ему возможность высказать альтернативное мнение?»

Мое образование заложило для меня хорошие основания в политической философии. Она подпитывала мой ура-патриотизм, подтолкнувший меня к вступлению в корпус морской пехоты, а затем — к работе помощника по административным вопросам в Сенате США.

Позже, в 38 лет, я занял кабинет рядом с кабинетом Президента Соединенных Штатов. Только представьте, как мне все это вскружило голову! Никто не обещал, что я реконструирую Берлин, но для меня открылась перспектива участвовать в создании поколения глобального мира. Не менее опьяняющая возможность!

В течение первого года работы в Белом доме я не был вхож во внутренний круг, но вскоре исправил это положение. Я начал исполнять для президента Никсона роль, аналогичную той, которую Карл

Роув играл для президента Буша. У нас с Никсоном сформировались близкие рабочие отношения. Разные авторы утверждали, что я пробудил его наихудшие инстинкты, а он сделал то же по отношению ко мне, что мы подыгрывали темным сторонам друг друга. Мы были единомышленниками. Будучи стратегом в команде Никсона, я получил возможность реализовать свои идеи в национальных масштабах. Я действительно мог заниматься тем, о чем говорил еще в школьные годы — и с воодушевлением занялся отсечением правительственных «перегибов», тем самым восстанавливая полноту свободы в жизни людей. Я работал над усилением армии и пытался уменьшить национальный дефицит.

Время, которое доставило мне больше всего удовольствия, пришлось на президентские выборы 1972 года. Наша избирательная кампания была сосредоточена на трех пунктах: борьбе с наркотиками, амнистии и запрете аборт. Мы начали формировать консервативный ответ на так называемую «культурную войну». Наша позиция в отношении «басинга»* также была жесткой, и не потому, что мы не верили в равные права и интеграцию, а потому, что проведение социальных экспериментов с детьми — ошибочный путь в достижении целей, понятных их мамам и папам. Мы выиграли у социально консервативных демократов с перевесом в сотни тысяч голосов.

Я часто задавал себе вопрос: мог ли я заранее распознать по каким-нибудь тревожным признакам, что назревают проблемы? Сигнализировала ли моя совесть о том, что что-то неладно? В последующие годы я пришел к выводу, что Белый дом администрации Никсона был отравлен жадой реванша, исходящей от самого Никсона, и я также внес в это свою лепту. Впрочем, такая токсичная моральная атмосфера не сформировалась за один день, и я ее не распознал.

Первым тревожным сигналом для меня должны были стать двойные стандарты Белого дома в отношении расходов. Два или три раза, входя в Западное крыло Белого дома, я был ошарашен видом плотников, передвигающих стены. Замысловатые реконструкции стали обычным делом. Я часто слышал шутку о том, что в своем кабинете лучше не спать, потому что можешь проснуться замурованным. Боб Холдеман не жалел средств на ремонт помещений, и меня тревожило, что он столь расточителен с деньгами налогоплательщиков.

Но затем, должен признать, мне это уже начало нравиться. Когда я переехал в более просторный кабинет, мне захотелось поменять декор стен. Я вызвал штатного оформителя Белого дома, и он

* От англ. *busing* — практика перевозки школьников на автобусах из района проживания в школу другого района для осуществления расовой и социальной десегрегации школьников. — *Прим. ред.*

быстро заказал шикарные картины из нескольких музеев и повесил их в моем кабинете. Мне также не нравился мой старый письменный стол казенного образца. «Наверное, у вас есть столы от ‘Knoll’», — намекнул я оформителю, и — вуаля! — я уже сижу за прекрасным овальным столом из палисандра. Затем настала очередь сервантов — естественно, тоже от «Knoll». Портьеры выглядели несколько выцветшими, поэтому мы заказали новые, ярко-желтые, гармонирующие с темно-синим ковром. Я, уроженец Новой Англии пуританских традиций, не устоял перед соблазном.

Столь потребительское использование средств налогоплательщиков было предвестником грядущих бед. Однажды вечером я был в президентском кабинете вместе с Холдеманом, когда нам сообщили, что копии некоторых «Бумаг Пентагона» хранятся в Брукингском институте у бывшего сотрудника Совета национальной безопасности. Мы знали, что этот человек — крайний либерал и противник войны во Вьетнаме. Никсон вспыхнул гневом, что с ним иногда случалось. Он грохнул кулаком по столу и разразился жуткими ругательствами. «Боб, я же говорил тебе, что надо создать группу, которая сможет вернуть все эти документы, и мне все равно, что им для этого потребуются. Придется вломиться к кому-то — пусть так и сделают. Мне нужна здесь такая группа!»

Честно говоря, в тот вечер, сидя в Овальном кабинете вместе с президентом, я был потрясен. Я никогда еще не слышал, чтобы Никсон так прямо и без обиняков говорил о подобных вещах. Ранее я догадывался, что он не против действий такого рода, но никак не ожидал, что он заговорит об этом открыто. Тем не менее, не могу сказать, что моя совесть возопила в знак протеста.

Ее ничего не потревожило отчасти еще и потому, что правительство в некоторых случаях действительно занималось такими делами. Я не раз взаимодействовал с ФБР и ЦРУ, когда госслужащие совершали несанкционированные «операции со взломом» — проникали в помещения для изъятия конфиденциальных документов. Правительство шло на это в экстраординарных случаях, чтобы защитить себя от сил зарубежных разведок. «Бумаги Пентагона» подвергали риску наши отношения с другими странами. На кону стоял вопрос национальной безопасности, — по крайней мере, я так рассудил.

Но шпионаж против враждебных стран — это одно, а незаконное проникновение в американское учреждение — совсем другое. Это более тонкая грань, чем может показаться. Она требует тщательно взвешивать все «за» и «против», поскольку, как обнаружила в 2004 году Комиссия по расследованию терактов 11 сентября, внешние дела не всегда можно четко отделить от внутренних. Но в тот вечер мы пересекли эту грань, а моя совесть молчала. Не взметнулись вверх

красные флажки тревоги. Я был настолько сосредоточен на прекращении утечки секретных правительственных документов, которая могла подорвать национальную безопасность, что ни на миг не задумывался о том, что это может быть неправильно.¹

Осенью 1971 года я узнал, что Говард Хант вместе со своими людьми взломал офис Даниэля Элсберга и похитил его документы. Именно в тот момент я почувствовал укол совести. Меня ужаснула мысль, что Белый дом оказался причастен к краже со взломом. Подобная тактика была слишком низменной. Я понимал, что взлом противозаконен, а группа Ханта не имеет никакого отношения ни к ФБР, ни к ЦРУ – они были *нашими* агентами. Все это выглядело скверно, и я не хотел иметь к этому никакого отношения.

Предполагая, что живу по строгому моральному кодексу, я мог перестать замечать, что нарушаю его

Когда Хант пришел ко мне, чтобы показать фотографии документов, я сказал ему, что не хочу ни видеть их, ни слышать или знать о них, равно как о чем угодно другом, что хотя бы отдаленно связано с этой операцией. Впоследствии я держал Ханта на расстоянии. Он вынуждал меня нервничать.

Хант как-то позвонил мне вскоре после уотергейтского взлома и избирательной кампании 1972 года. Я понимал, что не должен иметь с ним никаких контактов, но не мог не ответить на звонок, поскольку у него совсем недавно в авиакатастрофе по пути в Чикаго погибла жена.² Мы были знакомы с Говардом и раньше, помимо работы, и я чувствовал себя в ответе за то, что порекомендовал его Джону Эрлихману. Я очень сожалел, что вообще впутал его в махинации Белого дома. Поэтому я и ответил на его звонок.

Во время разговора – любой, кто послушал бы запись (я записывал этот звонок), мог без колебаний подтвердить, – Хант занимался откровенным шантажом. Он требовал деньги за молчание. Я был настолько уверен, что Хант не станет говорить на эту тему, – о чем я его уже раз десять предупреждал, – что даже не думал, насколько серьезны его намерения.

Записав наш разговор на пленку, я попросил секретаря напечатать его стенограмму, которую затем отправил советнику президента Джону Дину, прикрепив сопроводительную записку с единственным вопросом: «И что же, скажи на милость, мне теперь делать?»

Эта записка стала поводом для многих шуток и получила широкую огласку в период Уотергейта. Когда я передавал ее вместе со стенограммой Дину, мне и в голову не приходило, что я содействую

преступному сговору; я просто не знал о существовании сговора. Я думал, что Дин ни в чем не замешан. Тем не менее, впоследствии этой единственной записки было достаточно, чтобы причислить меня к уотергейтскому заговору. Оглядываясь назад, могу сказать, что мне следовало бы быть осмотрительнее. Постоянно прилагая усилия к тому, чтобы ничего не знать о происходящем, ты рискуешь попасть в серьезные неприятности.

К январю 1973 года, когда ко мне пришел адвокат Ханта, выдвинув ряд очень жестких требований, я понял, что дела совсем плохи. Я отправился к Никсону и прямо ему об этом заявил, что подтверждают записки из президентского кабинета. И все же, по-настоящему моя совесть пробудилась гораздо позже. Мне нравилась моя должность. И власть, которую она дает. И мне вовсе не хотелось отказываться от такой жизни.

Я стал слишком привязанным к комфорту, прельстившись внешним убранством, салютами охранников, персональным лимузином и самолетом, всегда готовым к моим услугам на военной авиабазе «Эндрюс». От такого закружится голова у кого угодно – особенно, если тебе едва за тридцать, а твое детство прошло в весьма скромных условиях.

От отца я унаследовал дух современного пуританства. Никогда не лги. Всегда говори правду, чего бы это ни стоило. Будь усерден в любой работе, которую тебе поручают. Ставь перед людьми посильные задачи и справедливо их оплачивай. Отец много учил меня о правде и честности, но кое-что я так и не усвоил. Предполагая, что живу по строгому моральному кодексу, я мог перестать замечать, что нарушаю его. Моя самоправедность вела к двойным стандартам: я стал способен верить, что поступаю правильно, соглашаясь при этом со злом, совершаемым рядом.

Как только вы скажете: «Ничего мне не рассказывай. Я не хочу ничего знать», – вы попались.

Моя ошибка отличалась по масштабности от ошибки Альберта Шпеера, но была идентична ей по сути. Сколько раз Шпеер, должно быть, говорил: «Я не хочу ничего знать!»? Сколько раз то же самое говорили немцы, когда евреев арестовывали и куда-то увозили, а потом ветер доносил пепел от Дахау и Бухенвальда? В своих дневниках «Шпандау» Шпеер сам признал, что уклонение от правды было преступлением.

Он до конца своих дней испытывал душевные муки. Универсальное свидетельство совести обличало Шпеера в том, что он поступает неправильно, но одной лишь совести было недостаточно, чтобы удержать его от содействия гитлеровскому злу. Пожалуй, наиболее трагичным аспектом жизни Шпеера было отсутствие критерия,

на основании которого он мог бы оценить ошибки Гитлера – даже после того, как они были уже совершены. На закате жизни он признавал, что был неправ, но не мог понять, как и за счет чего он мог бы избежать своей судьбы. «Да, конечно, я виноват, – говорил Шпеер, – однако вся проблема в том, что я не *чувствовал* этого. Но

Некоторые люди утверждают, что правда не важна, но они ошибаются. Правда – это единственное, что важно, когда нам приходится решать, как мы намерены жить и трудиться.

Поведать вам историю Шпеера меня отчасти подтолкнуло его последнее (как оказалось) появление на публике в 1981 году в передаче «Доброе утро, Америка» на телеканале «АВС». Ведущий Дэвид Хартман задал ему вопрос: «Однажды вы сказали, что вина никогда не может – и не должна – быть прощена. Вы до сих пор придерживаетесь такого же мнения?»

Никогда не забуду печали, отразившейся на лице Шпеера, когда он ответил: «Я провел в тюрьме двадцать лет и мог бы сказать: ‘Теперь я свободен. Моя совесть чиста, ибо я отбыл полный срок наказания’, – но я не могу этого сделать. Я по-прежнему несу на себе бремя случившегося с миллионами людей в период правления Гитлера и не могу от него избавиться». ⁵ Суть трагедии Шпеера заключалась в том, что он не мог обрести искупления, прощения за свои дела.

Ему с самого начала следовало поставить под вопрос гитлеровское понимание мира. В своих книгах Шпеер признает, что никогда не рассматривал программу Гитлера критически, никогда не давал оценку идеологии нацистов. Ему следовало бы задаться вопросом, – возможно ли *вообще* исполнить обещания Гитлера? Существуют ли основания для них в том, как на самом деле устроен мир? ⁶

Подобным образом, мне следовало бы видеть махинации в администрации Никсона в более широком контексте, чем переизбрание президента на второй срок или даже угрозы национальной безопасности. Мне следовало бы понимать, что на кон поставлены правдивость и уважение к закону.

почему? Был ли причиной моего непонимания Гитлер, и только он один? А может, – какой-то недостаток во мне самом? Или и то, и другое вместе? ³ «Я никогда не избавлюсь от этого греха», – приходит к заключению Шпеер. Можно предположить, что отчасти это объясняется отсутствием у него фундаментального понимания зла, как такового. ⁴ Он так и не смог познать взаимосвязь с духовным измерением реальности.

Некоторые люди утверждают, что правда не важна, но они ошибаются. Правда – это *единственное*, что важно, когда нам приходится решать, как мы намерены жить и трудиться.

Мы уже говорили ранее, что правда – это то, что соотнобразовывается с реальностью. Жизнь каждого из нас зависит от принимаемых нами решений, но зачастую мы неспособны увидеть, основан ли наш выбор на истине и справедливости. Отказ выбирать – сам по себе тоже выбор, идти за толпой – еще одно решение, а вера в субъективность истины утверждает собственную истину человека, как единственный, хотя и изменчивый, – если не сказать сумасбродный, – жизненный абсолютизм. Если, подобно Шпееру, вы выберете ложь, рядящуюся в одежды правды, то ваша жизнь потерпит крах. Если же вы выберете правду, – то есть решите жить сообразно с тем, как устроен мир, и посвятите себя служению истине и справедливости, – то обретете жизнь, наполненную удовлетворением, смыслом и значимостью, даже посреди самых сложных обстоятельств, что продемонстрировали Эрнест Гордон и Ньен Чен.

Верность тому, что истинно и справедливо, – это и есть определение честности, о чем мне однажды напомнили во время моего обращения к двум тысячам морских пехотинцев на базе «Кемп-Лэджен», где я служил командиром взвода в середине 1950-х годов. Когда подошло время вопросов, сержант с проседью в волосах поинтересовался: «Мистер Колсон, что важнее – верность или честность?» Он хотел узнать, можно ли иногда отодвинуть в сторону истину ради верности людям или человеческих взаимоотношений.

Вопрос сержанта задел меня за живое, потому что девиз корпуса морской пехоты звучит как «*semper fidelis*», что значит «всегда верны». Морпехи во всем исповедуют верность, только верность и ничего, кроме верности.

Этот вопрос вызвал во мне неприятные воспоминания. В январе 1974 года прокурор Леон Яворски, которому было поручено вести дело по Уотергейту, предложил мне возможность подать прошение о смягчении меры наказания в обмен на свидетельство против Никсона. Это означало, что я мог избежать тюремного заключения и сохранить лицензию на адвокатскую практику. Не будь я до конца верен Ричарду Никсону, то принял бы предложение Яворски, пусть даже будучи не согласным с его условиями. Но я по-прежнему был безоговорочно предан Никсону, а то, что хотел услышать от меня Яворски, не было правдой.

Меня предупреждали о том, что Никсон вряд ли проявит такую же лояльность по отношению ко мне. Посреди избирательной кампании 1972 года, когда Никсон был на высоте, и мы на всех парах неслись к победе, у нас с Холдemanом состоялся, казалось бы, досу-

жий разговор, но с того времени он не давал мне покоя. «Чак, я не хочу, чтобы ты пережил разочарование, – сказал мне тогда Холдеман. – Позволь кое-что объяснить тебе в отношении Ричарда Никсона. Этот человек воспользуется тобой, и когда ты исполнишь свое предназначение, он выбросит тебя, как использованную салфетку». Я был совершенно ошарашен. Я, хоть убей, не мог понять, почему Холдеман сказал мне такое. Это выглядело так грубо и цинично, что было совершенно не в его стиле. Он обронил это замечание без улыбки или смеха. Холдеман говорил убийственно серьезно.

Но я не мог в такое поверить. Я любил Ричарда Никсона, – как человека и Президента. Для меня он был очень уважаемым, выдающимся лидером и особенно – в сфере внешней политики. Придя на работу в Белый дом, я размышлял, что будет, если мои интересы пойдут в разрез с президентскими, и понимал, что на этой шахматной доске я – не король, а всего лишь конь. В кризисный момент меня разменяли бы ради того, чтобы спасти Никсона. Я работал, признавая этот факт, как должное, что во многом было обусловлено личным опытом военной службы.

Позже я понял, что Холдеман и Эрлихман сговорились выбросить меня за борт сразу же после выборов, чтобы я в процессе расследования Уотергейта отвлек внимание от Белого дома на себя. Думаю, это был благородный жест Холдемана, который попытался хоть как-то смягчить мое падение, честно предупредив о последствиях. Он хотел подготовить меня к неизбежности того, что после выборов я вместо прославленного героя стану козлом отпущения. Это очевидно из записей его разговоров.

Холдеман и Эрлихман, конечно же, просчитались. Они действительно думали, что могут возложить всю вину на меня, потому что пресса уже сделала это. Им казалось, что после моего ухода Уотергейт останется за порогом Белого дома, но своим заговором они погубили сами себя.

Никогда не забуду момент, когда президент Никсон глубоко меня разочаровал. Я наблюдал в тюрьме по маленькому черно-белому телевизору за тем, как он объявляет о своем уходе в отставку, и понимал, что он покидает поле сражения, оставляя своих израненных помощников без какой-либо поддержки. Это сильно уронило Никсона в моих глазах.

Тем не менее, я оставался верным. Во время судебных разбирательств я не свидетельствовал против Никсона и на людях продолжал отзываться о нем, как о своем друге, утверждая, что не обвиняю его в том, что я сделал, хотя и совершил преступление именно по его приказу. Я считал, что обвинять кого-то в своих проступках некорректно, поэтому и не делал этого. Все же внутренне, когда я наблю-

дал за тем, как Никсон уходит в тень, не заботясь о тех, кто оказался в тюрьме или должен был там оказаться из-за того, что находился у него на службе, наши дружеские узы ослабли.

Поэтому, когда морпех в «Кемп-Лэджене» спросил, что важнее – верность или честность, – печальные картины прошлого напомнили мне о том, что истина куда важнее преданности. Переставьте эти два слова местами – и ваш мир рухнет. Я сказал тому сержанту, что ответ на его вопрос – «честность», – и я сожалею, что не задумывался об этом много лет назад, когда работал в администрации Никсона.

Честность и поиск истины лежат в основе некоторых из самых радостных событий недавней истории. «Бархатная революция» 1989 года в Восточной Европе устремляет наш взгляд на позитивный потенциал таких исканий. Она воочию демонстрирует, что речь идет не о каких-то академических вопросах, а о стремлении внедрить в нашу жизнь самую могущественную силу человеческого бытия.

В конце 1970-х годов чешский драматург Вацлав Гавел написал эссе «Сила бессильных», как часть совместного польско-чехословацкого проекта, приведшего к созданию знаменитой декларации о правах человека, известной под названием «Хартия 77».⁷ Эссе Гавела вначале распространялось подпольно в виде самиздатовских копий, зачастую напечатанных на машинке под копирку. Их передавали из рук в руки, потому что люди жаждали истины, а добыть ее в странах социалистического лагеря можно было только по неофициальным каналам. За это эссе и другую деятельность Гавел провел в тюрьме четыре месяца в 1977 году, а также с 1979 по начало 1983 года.

В эссе «Сила бессильных» он не противопоставляет коммунизму какую-то грандиозную идеологию. Вместо этого Гавел использует пример из обычной жизни, иллюстрируя, как коммунизм пытается себя увековечить, и как его можно победить. Он изображает зеленщика, которому представители власти велют вывесить на витрине его магазина плакат с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В бывшем коммунистическом блоке восточноевропейских стран подобные плакаты висели повсюду – на заводах, в магазинах и на придорожных щитах.

Зеленщик должен решить, что ему делать с распоряжением властей. Подчиниться? Но он больше не верит в идеологию, отраженную

Достоинство человека
заключается в способности
знать правду и жить в
соответствии с ней

в лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Он не верит, что люди – это продукт экономической среды, в которой они находятся, и что рай на земле может быть достигнут через изменение социальных условий. После сорока лет советской гегемонии в Восточной Европе общество, безусловно, изменилось, – но только в худшую сторону. Людям приходилось идти на компромисс с совестью, продолжая поддерживать то, что, по их мнению, было ложью.

В то же время правительство боится, что люди могут обнаружить лживость коммунистической идеологии. Именно поэтому им так важно, чтобы зеленщик вывесил транспарант. Это связало бы его ложью, и он стал бы соучастником коммунистического гнета. Участвуя в обмане, зеленщик отверг бы свое человеческое достоинство и сделал бы себя слугой лживой, порабощающей идеологии. Кроме того, он стал бы правительственным инструментом угнетения других, поскольку его пример подразумевал бы, что противоречить властям слишком рискованно. После каждого участия во лжи зеленщиком было бы все проще манипулировать.

В своем эссе Гавел показывает, что великую ложь коммунизма можно поддерживать только с помощью миллионов маленьких обманов, выуженных у таких зеленщиков. Советский Союз со своими сателлитами стал огромным миром кажущегося, лишенным реальности. Каждому, кто содействовал работе этой системы, приходилось вести себя, *как будто*: как будто экономика определяет судьбу, как будто правительство защищает интересы трудящихся, как будто поддерживается верховенство закона, как будто уважаются права человека, как будто практикуется свобода вероисповедания... Возникла хитроумная система ритуальных жестов, включая политические плакаты в витринах магазинов, позволяющая государственным деятелям притворяться перед самими собой и другими, что коммунизм *есть* источник смысла и значимости жизни.

Для большинства людей это подразумевало крайнюю раздвоенность. Они были одними в общественной жизни, и совершенно другими – в частной. На людях они вели себя так, словно верили лжи, но внутренне знали правду. Зеленщики вывешивали плакаты, потому что за отказ сделать это они могли перестать быть зеленщиками, им могли урезать зарплату или даже посадить в тюрьму, а их дети могли лишиться возможности получить высшее образование. Поэтому большинство людей в советском блоке предпочитали жить в великой лжи.

В качестве наиболее революционного образа действий Гавел предложил *жить в правде*. Достоинство человека заключается в способности знать правду *и жить в соответствии с ней*. Это восстанавливает врожденное чувство человеческого достоинства и снова

наполняет жизнь смыслом, поскольку истина важнее самой жизни. Гавел пишет:

Следовательно, под внешней благопристойностью «жизни во лжи» дремлет скрытая сфера истинных устремлений к жизни, ее «скрытая открытость» правде.

Особая, чреватая взрывом и неизмеримая политическая сила «жизни в правде» заключается в том, что открытая «жизнь в правде» имеет своего хотя и невидимого, но при этом вездесущего союзника: «скрытую сферу». Именно из нее она вырастает... Это пространство, естественно, скрыто, и потому для власти весьма небезопасно: сложные процессы, которые в нем протекают, протекают в полумраке — и в момент, когда они в своей завершающей фазе или своими последствиями выходят «на свет» в форме различных неожиданных потрясений, их уже, как правило, невозможно скрыть.⁸

Для Гавела жизнь в правде подразумевала обычную честность: признать реальность и затем быть верным ей в своих поступках. Повторюсь, что он не призывал придерживаться какой-то грандиозной политической схемы. Жизнь в правде охватывает все: «от письма интеллектуалов до рабочей забастовки, от концерта рок-музыки до студенческой демонстрации, от отказа участвовать в избирательном фарсе и открытого выступления на каком-то официальном съезде до, скажем, голодовки».⁹

К 1989 году бесчисленное множество людей по всей Восточной Европе посвятило себя призыву Гавела жить в правде. Среди них были другие подписанты «Хартии 77», а также Лех Валенса и движение «Солидарность» в Польше, пастор Ласло Тёкеш и его последователи в Румынии, и венгры, вынудившие свое правительство провести свободные выборы. В результате смелых действий многих людей систему действительно постиг «шокирующий сюрприз».

В конечном итоге, эти диссиденты вдохновили сотни тысяч выйти на улицы Восточной Германии. Демонстрации восточных немцев начались от церкви Святого Николая в Лейпциге, в которой люди, начиная с 1982 года, встречались для проведения мирных собраний. После одного из таких собраний 4 сентября 1989 года полторы тысячи человек организовали демонстрацию, пройдя по улицам Лейпцига с зажженными свечами в руках. Хотя незадолго до этого венгерское правительство открыло границу с Австрией, позволив ты-

сячам восточных немцев впервые после Второй мировой войны эмигрировать на запад, люди, собравшиеся в церкви Св. Николая не были удовлетворены лишь правом свободного передвижения. Они хотели настоящей свободы в своей стране. В тот день, 4 сентября, они начали скандировать: «Мы остаемся!»

К 25 сентября число демонстрантов возросло до восьми тысяч, а 2 октября на улицы вышло уже десять тысяч. Затем, невзирая на

угрозы правительства устроить бойню вроде той, что была на площади Тяньаньмэнь в Китае, 9 октября в марше приняли участие пятьдесят тысяч человек. Именно тогда правительство Восточной Германии окончательно потеряло контроль над населением страны. В следующие несколько недель демонстрации в Восточной Герма-

нии становились все более многочисленными. Люди маршировали со свечами в руках по всем городам страны. Началась революция при свете свечей, олицетворяющих сокровенные молитвы народа. В восточном Берлине местом сбора стала церковь «Добрый самарянин», расположенная неподалеку от тех районов, где Шпеер проводил «выселение» и «эвакуацию», содействовавшие Холокосту.

9 ноября 1989 года из-за какого-то недоразумения в правительстве по городу распространился слух о том, что будет разрешен свободный проезд в Западный Берлин. К полуночи Бранденбургские ворота оказались посреди моря из сотен тысяч людей, празднующих свою вновь обретенную свободу и радующихся скорому воссоединению Германии. По Берлинской стене ударили первые молоты.

Это событие и по сей день остается одним из самых позитивных в моей жизни, и оно стало возможным только потому, что смелые люди признали: они знают правду и решили жить по ней. Нация, которая породила Альберта Шпеера, жившего в плену ужасов раздвоенного сознания, в лице сотен тысяч его сограждан отвергла этику раздвоенности. В 1989 году, прислушавшись к совету Гавела и других, подобных ему, люди решили, что их общественное поведение больше не будет идти вразрез с личными убеждениями, и начали жить в соответствии с этим решением, невзирая на цену. Как это воодушевляет!

Из негативного примера Альберта Шпеера и позитивного – Вацлава Гавела мы можем почерпнуть крайне важные жизненные уроки. Для того чтобы обрести смысл жизни, нам необходимо выявить истину, обнаружить реальность. А обнаружив, оставаться ей верными, чего бы это ни стоило. Честность и поиск истины идут рука об руку. Людям в Восточной Европе было недостаточно просто *знать* правду. Они должны были *жить* в соответствии с ней.

Честность и поиск истины
идут рука об руку

Опыт тех, кто жил при коммунистах, учит нас тому, что все мы не только ищем истину, но и стремимся избегать ее, когда наши запросы, желания и инстинкты выживания делают ее неудобной или угрожающей. Один из польских диссидентов, принявших мученическую смерть, Ежи Попелушко, сказал: «Если правда становится для нас настолько ценной, что мы готовы пойти ради нее на риск и страдания, то мы победим страх – прямую причину нашего порабощения».¹⁰

Честность жизненно важна, потому что любое отступление от нее делает нас противниками реальности, и это – война, в которой ни один человек никогда не побеждал. Вы можете отвергать реальность только до тех пор, пока она не раздавит вас, как случилось с нацистской Германией и коммунистической Восточной Европой.

Для вдумчивых мыслителей эти принципы настолько очевидны, что папа римский Иоанн Павел II предвидел крах коммунизма еще задолго до падения «железного занавеса». Он понимал, что любая система, которая столь радикально противоречит человеческой природе и естественному порядку, просто не в состоянии выдержать испытание временем.

Великая ложь коммунизма практически исчезла, но на ее место пришла другая. Как это ни трагично, в наше время мы стали зеленщиками, вывешивающими на своих витринах плакаты: «Нет такого понятия, как истина!»; «Толерантность – вот наш бог!»; «Многообразие – любой ценой!»

Запад настаивает на отсутствии абсолютных, и в этом состоит его великая ложь. Для него существуют лишь противоборствующие друг другу субъективные истины. Сколь безобидным ни кажется такой тезис на первый взгляд, эта великая ложь разрушает «истинные цели жизни», как назвал их Гавел, – и делает счастливую жизнь невозможной, в чем мы вскоре убедимся.

Можно ли познать истину?

Вера Гавела в то, что нужно познать правду и жить сообразно ей, ведет нас к пониманию самой сути счастливой жизни и поднимает наиболее насущный и противоречивый вопрос современной культуры: «Можем ли мы познать истину?» Резкие голоса нашего общества отвечают на него решительным «нет».

Главная причина отрицания заключается в том, что на западе произошла глобальная культурная революция. Как мы уже отметили ранее, в период после Второй мировой войны философы-экзистенциалисты (преимущественно, французские) всерьез приняли на вооружение формулировку Ницше о том, что Бог умер, и жизнь не имеет трансцендентного смысла. Значит, задача человека состоит в преодолении бессмысленности, присущей жизни, с помощью личного опыта. Так возникли «шестидесятники» – поколение Вудстока, ищущее смысл в протесте, свободной любви и наркотиках. Вскоре компанию экзистенциализму составил деконструкционизм в литературе и культурологических науках. Он настаивал на том, что сообщества живут в «языковой тюрьме», подразумевая, что мы не можем избежать предубеждений своей культуры, а любое мнение о мироустройстве – это лишь проявление предвзятого группового мышления.¹ Не нужно быть философом, чтобы увидеть, что эти два мировоззренческих течения подрывают любую структуру власти.

Истиной становится любое субъективное убеждение человека. То есть, у вас – своя истина, а у меня – своя. Именно в этом заключается суть эпохи постмодернизма.

Но если все предположения верны, то, в конечном итоге, не верно ни одно из них. Постмодернизм радикально отступил от исторической традиции западной цивилизации, согласно которой мы можем познать истину посредством разума и воображения. Историческое христианство добавило к этому идею о том, что откровение расширяет возможности

разума и делает понимание завершенным и целостным, предоставляя ответы на вечные человеческие вопросы о цели и смысле жизни.

Горизонт современного поколения ограничен приспособлением к существующему положению вещей. Они живут, обманутые злыми чарами идеи о полной невозможности найти истину.

тателей Запада уверено, что мы можем определять собственные правила жизни. Как следствие, во многие сферы общества пришел хаос, о чем мы еще поговорим позже. (Стоит ли удивляться тому, что надувательство и воровство среди школьников стали обыденным явлением? Или тому, что бизнес-сообщество породило целое поколение Деннисов Козловски?)

Только подумайте, что это подразумевает для поколений «Х» и «Y». Убежденные в относительности истины, многие двадцати- и тридцатилетние погрязли в культуре отчаяния. Что бы ни говорили о «шестидесятниках», стареющее послевоенное поколение, столкнувшееся с реальностью (особенно в жизни своих детей), начало осознавать, что, возможно, истина все-таки существует, хотя многие из них понятия не имеют, как ее найти. Горизонт же современного поколения ограничен приспособлением к существующему положению вещей. Они живут, обманутые злыми чарами идеи о полной невозможности найти истину. Вот почему многие молодые люди пребывают в замешательстве, чувствуя себя так, словно пытаются подниматься вверх по включенному на спуск эскалатору.

Мой друг Филип Джонсон, профессор права из Университета Беркли, поведал историю об одном известном профессоре из политически корректного университета. Однажды сын этого человека приехал домой и, к изумлению родителей, заявил, что он сделал операцию по изменению пола. Юноша увлекся новомодным движением, захлестнувшим американские кампусы, суть которого заключается в выборе

своего пола независимо от биологии. Парень перечитал тонны литературы о транссексуалах.

Многие родители уже смирились с тем, что их отпрыски возвращаются домой с учебы каждый раз с какими-то новыми странными привычками – девушки с татуировками, а юноши, как было с одним из моих внуков, – с кольцами в бровях. Однако сын-транссексуал шокировал даже этих «бывалых» родителей.

Джонсон пересказал разговор, случившийся за семейным столом.³

«Что это значит?» – спросили родители.

«Это значит, что я – девушка, – ответил им сын. – Я хочу носить платье и пользоваться косметикой, бросая вызов патриархальным, мещанским представлениям о поле».

Родители были потрясены. В тот вечер они как раз ожидали к ужину двух гостей – знаменитых американских теоретиков постмодернизма – доктора Стэнли Фиша и его супругу. Фиш считается лидером деконструктивистской литературной школы, согласно которой искусство и литература не имеют объективного смысла. Родители юноши боялись, что его поведение смутит даже Стэнли Фиша. Отец так описывал свои опасения: «Я представил, как мой сын сбегает по лестнице к ужину в развевающемся шифоновом платье, словно Лоретта Янг. И как, спрашивается, я должен был объяснить этот феномен моим гостям в перерыве между закусками?»

Родители парня попросили его побыть мужчиной еще один вечер. Он согласился, борясь с искушением высказать им прямо в лицо, какие они лицемеры.

По окончании ужина юноша объяснил, что узнал о транссексуализме от таких теоретиков, как Мишель Фуко и Джудит Батлер, – из тех самых учебников, которые его отец рекомендовал студентам своих курсов. По мнению многих постмодернистов, пол никак не взаимосвязан с биологией, – а просто субъективная категория, и мы можем избирать его на свое усмотрение. Этот юноша не подрывал философию своей семьи – он пытался следовать ей.

Не удивительно, что многие молодые люди оказываются в сексуальном замешательстве и впадают в отчаяние. Их так учили профессора в университетах, преподаватели, интеллектуальная элита и даже собственные родители.

Впрочем, отрицание постмодернизмом обычного здравого смысла не ограничивается одной лишь сексуальной ориентацией.

Разногласия между традиционными западными убеждениями и постмодернистским мировоззрением особенно обострились после

террористических атак 11 сентября 2001 года, когда президент Джордж Буш заявил о том, что Америка должна «очистить мир от этого зла».⁴ Слово «зло» сразу же пришло на ум президенту, когда он размышлял о тысячах невинно погибших мужчин и женщин. Некоторые обозреватели даже высказали предположение, что эти теракты покажут полную несостоятельность постмодернистского утверждения о том, что не существует таких понятий, как «правильное» и «неправильное», что нет объективного добра и зла.

Однако не тут-то было. Стэнли Фиш раскритиковал заявление президента, назвав его оценку терактов «неточной и непродуктивной», поскольку она опиралась на «ложные обобщения». По мнению Фиша, даже если истина и существует, то познать ее невозможно. Идеи о том, что является злом, а что – добром, – бесполезные концепции, изобретенные как средство навязывания воли одной группы людей другой.⁵ (Та самая точка зрения, которой придерживались мучители Ньен Чен.)

Фиш был не одинок в своих возражениях. Многие ученые мужи дошли до того, что заявили, будто высказывание об угнавших самолеты самоубийцах из «Аль-Каиды» как о «террористах», – слишком предвзятое. Они настаивали на том, что для одних эти люди могут быть террористами, а для других – борцами за свободу. Студентов в университетах Северной Каролины и других штатов наставляли не судить мотивы террористов и вынуждали изучить Коран.

Но борцы за свободу должны действительно бороться за свободу, а не за тираническое правление исламской элиты, цель ко-

торой – «очистить» общество от своих идеологических оппонентов. Это – фашизм, пусть даже и упакованный в богословскую обертку. Кроме того, борцы за свободу встречаются со своими врагами лицом к лицу, а не используют в качестве целей для своих терактов ни в чем не повинное гражданское население.

Ричард Докинз, ученый из Оксфорда, занимающий лидирующую позицию в популяризации дарвинизма, заявил, что единственное, в чем можно обвинять организаторов терактов 11 сентября, – это «религиозный фанатизм». По его словам, «наполнить мир религией или религиями последователей Авраама – это то же самое, что разбросать по улицам заряженное оружие. Не стоит удивляться, что этим оружием воспользовались».⁶ Таким образом, ярлык «фанатика» приклеивается не только к исламистским фунда-

Сегодня толерантность
используют для того,
чтобы называть добро
злом, а зло – добром

менталистам, но и ко всем другим нетерпимым абсолютистам, исповедующим иудейско-христианскую традицию.

Подобные заявления отражают крайне резкое отвержение постмодернистами истины и их приверженность нравственному релятивизму. Кроме того, они выражают убежденность в том, что в мире не существует никаких абсолютных ценностей, кроме единственной – толерантности. Эта мысль была высказана Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, когда он сказал: «Вне всякого сомнения, в мире творится великое зло». А затем добавил: трудность состоит в том, чтобы «понять, где провести разграничительную черту... Если мы намерены дать злу имя ... то давайте назовем его нетерпимостью».⁷

Так что же получается, осуждающая терроризм нетерпимость – это большее зло, чем зло, совершенное самими террористами? Когда-то терпимость подразумевала, что мы можем апеллировать к разуму для различения добра и зла в открытой дискуссии. Сегодня же толерантность используют для того, чтобы называть добро злом, а зло – добром.

Таким образом, интеллектуалы приберегают свое возмущение почти исключительно для тех взглядов, которые они считают осуждающими. В их глазах это – единственное зло, заслуживающее безоговорочного порицания. Я осознал это однажды вечером, находясь в доме одного из моих друзей. Напротив меня за обеденным столом сидел высокообразованный бизнесмен, который начал немного высокопарно читать лекцию о многообразии, доказывая, что все культуры нравственно равны, просто они находятся на разных этапах развития. Тогда я спросил его: может ли он поставить моральный знак равенства между тем, как скорбящих вдов утешают в Америке, и тем, как их бросают в погребальный костер вместе с умершим мужем в Индии. Понимающе засмеявшись, он с улыбкой ответил: «Что ж, мы живем в разных культурах, прогрессирующих с разной скоростью».

Подобное тяжело произнести, не поперхнувшись. Из этих слов следует, что толерантность важнее истины – и даже самой жизни. Но это в корне неправильно.

Единственное основное
правило современной жизни
заключается в том, что нужно
уважать мнения всех, как
одинаково нравственные

Глубоко укоренившиеся идеи постмодернизма сделали движение «Нью эйдж» самой быстрорастущей на сегодняшний день религией Америки. «Нью эйдж» позволяет нам сконструировать собственную религию, не навязывая никому утверждений об истине. Это движение не предоставляет никакого реального нравственного руководства, поскольку, если бог – во всем, то он – как в добре, так и в зле.

Последователи «Нью эйдж» и постмодернисты сделали толерантность божеством, и люди стали «зеленщиками», выставяющими напоказ транспаранты с надписями: «Нет никакой истины! Наш бог – толерантность!» Единственное основное правило современной американской жизни заключается в том, что нужно уважать мнения всех, как одинаково нравственные.

Дороти Сэйерс, замечательная английская писательница, с присущим ей остроумием описала такое состояние дел: «На земле это явление называет себя ‘Толерантностью’, но в аду его называют ‘Отчаянием’. Это соучастник чужих грехов и самое суровое наказание за них. Это грех, который ни во что не верит, ни о чем не заботится, не стремится ничего познавать, не вступает ни с чем в конфликт, ничему не радуется, никого не любит, никого не ненавидит, ни в чем не видит смысла, живет ради пустоты и влачит свое существование только потому, что нет ничего, за что можно было бы умереть».⁸

Однако мысль о том, что возражать чьей-либо позиции – это нетерпимость, полностью извращает историческое понимание толерантности, которое заключалось в том, что человек должен проявлять уважение и выслушивать чужую точку зрения, даже если он с ней категорически не согласен. Толерантность не отвергала утверждения об истине, а уважала их.

Вследствие нашего искаженного представления о терпимости мы лишились права на свободу слова. В наши дни прежде, чем произнести речь, мы должны сопоставить каждое слово с особым кодексом, который становится все более строгим. Принуждение стало заменителем силы истины, потому что мы больше не верим в истину – только в важность человеческих чувств. Это уже проявилось и в законодательстве. Так, в 1992 году Верховный Суд признал совершенно безобидную молитву одного раввина на церемонии вручения дипломов в средней школе в штате Вирджиния *неконституционной*, поскольку она посягнула на право пятнадцатилетней девушки не проявлять уважения к выражению религиозных убеждений, с которыми она не согласна. Умение выслушать чужую точку зрения, которое когда-то считалось признаком воспитанности и зрелости, сегодня превратилось в повод для конституционного иска.⁹

Не менее тревожит тот факт, что, судя по сведениям из залов суда, толерантность теперь запрещает нам озвучивать на официаль-

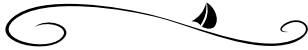
ных открытых собраниях любые религиозные утверждения, «называющие общепринятым убеждением существование этики и нравственности, выходящей за рамки человеческих измышлений».¹⁰ То есть если кто-то на каком-то общественном мероприятии всего лишь заявит о существовании стандартов, превосходящих нормы отдельно взятого человека, то его обвинят в нарушении правил отделения церкви от государства.

Как отметила Сэйерс, постмодернизм с его догматической толерантностью может привести только к отчаянию, и сегодня мы видим подтверждение этому в жизни многих людей. Отчаяние, в свою очередь, ведет к пассивности, а та — к скуке. Невзирая на все наши великие технологические достижения и высочайший уровень образования и материального достатка, которого никогда не достигало никакое другое общество, мы умудрились высосать из жизни весь смысл, разрушить все основания человеческого достоинства и прав человека, попортить нравственность и рациональное мышление — в общем, обречь себя на одинокий дрейф по безбрежному космосу.

Постмодернизм подрывает веру в науку, поскольку последняя опирается на убежденность в существовании естественного порядка. Тем не менее, многие постмодернисты буквально поклоняются науке, что, конечно же, совершенно алогично. Но, по большому счету, они уже избавились от логики. Открытие логики за четыре столетия до Христа стало одним из уникальных достижений античности. Это привело к колоссальному прорыву в развитии цивилизации, поскольку дало людям возможность размышлять о том, что правильно и что нет. Однако постмодернизм более не обременяет себя жесткими требованиями логики, согласно которым мы находим истину или ищем согласованность в своем образе мышления или убеждениях. В результате отвержения религиозных «предрассудков» прошлого даже само знание стало не более, чем предрассудком — такова, если говорить в двух словах, суть постмодернизма.

Этот отказ от здравого смысла делает невозможной интеллектуальную дискуссию. Однако время от времени даже непреклонным постмодернистам приходится признать тупик, в котором они оказались из-за собственных убеждений.

Несколько лет назад, в период бума высоких технологий, я посетил Кремниевую долину — место, в котором тогда бурно росли цены на недвижимость, повышалась стоимость акций, рождались новые мечты и ожидания. Казалось, процветанию и счастью обита-

Нельзя сохранить надежное
основание, не научившись
распознавать великую ложь
постмодернизма

телей этой многообещающей долины не будет конца. Мой близкий друг по имени Марк организовал в одном из изысканных ресторанов приватную встречу за обеденным столом для узкого круга своих друзей и участников проводимого им библейского класса. По пути в ресторан Марк предупредил, что один из приглашенных не разделяет мое мировоззрение. Этот человек был чрезвычайно влиятелен – известный на всю страну футуролог, способный предсказать, какое нижнее белье будут носить люди через двадцать лет. Его информационные бюллетени высоко ценились производителями, маркетологами и инвестиционными компаниями.

Нашу группу препроводили в приватный кабинет и разместили за большим квадратным столом по три-четыре человека с каждой стороны. Как и все остальное в Кремниевой долине, обстановка была непринужденной. После непродолжительного разговора ни о чем мой друг представил меня, и следующие двадцать минут я рассказывал о тюрмах, служении, культурологических проблемах и тому подобном.

Не успел я договорить, как прославленный футуролог, который сидел рядом со мной, смерил меня хмурым взглядом и произнес: «Вот именно за это я вас, христиан, и не люблю. Вы думаете, что знаете ответы на все вопросы, что только вам известен путь на небеса».

Неприятно удивленный его враждебностью, я попытался мягко объяснить, во что верят христиане. Я сказал ему, что слова: «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня», – принадлежат Иисусу, а не мне,¹¹ и напомнил, что Иисус твердо заявлял об истинности Своих слов.

Презрительно отмахнувшись, футуролог заявил: «Нет, нет, это же абсурд. Мы знаем, что все религии одинаковы, и все окажутся в одном и том же месте».

Я ответил, что все религии претендуют на свою исключительность. Евреи верят, что только они обладают исключительной истиной, и, чтобы быть принятым Богом, человек должен находиться среди обрезанных, принадлежать народу Завета. Мусульмане также претендуют на исключительную истину: что никто не сможет попасть в рай, не угождая Аллаху. Буддисты же утверждают, как несомненную истину, что наши желания не приносят ничего, кроме страданий, и потому должны быть отвергнуты. Как любая другая религия, христианство придерживается определенного набора верований – утверждений о реальности.

«Нет, нет, – опять возразил футуролог с улыбкой, дающей понять, что он обладает более просвещенным взглядом на эти вопросы. И продолжил тоном, напомнившим мне Стэнли Фиша. – На самом деле, все это – не претензии на истину, а всего лишь предпочтения

или убеждения отдельных групп. Между ними нет никаких различий». И он пожал плечами, явно желая показать, чего, по большому счету, стоит эта смесь предпочтений.

«Но это невозможно, — заметил я. — Один набор утверждений исключает другие».

Футуролог опять покачал головой.

Тогда я вынул ручку и бросил ее на стол. «Обратите внимание: она упала, — сказал я, после чего бросил ручку еще несколько раз. — Как видите, она все время падает. Не было ни одного случая, чтобы она *не* упала. Разве мы не называем это *законом* гравитации?»

«Но на самом деле это не падение, — засмеялся мой оппонент. — Я достаточно осведомлен в квантовой механике, чтобы понимать, что частицы находятся в постоянном движении, скорость которого превышает скорость света, и эти частицы просто пронизывают друг друга».

На это я ответил одним коротким словом: «Вздор», — после чего объяснил: «То, что вы видите, — это падение ручки, соударение масс. Если при этом частицы пронизывают друг друга, — пускай, это все равно ничего не меняет. Мы по-прежнему имеем одну массу, соударяющуюся с другой. Так что, как видите, истина существует».

Теперь лицо моего соседа по застолью вспыхнуло розовыми оттенками гнева. Но я не унимался: «Одна претензия на истинность исключает другую. Обе могут быть ошибочными, но обе не могут быть одновременно справедливыми. Все дороги не могут вести на небеса. В противном случае, мы должны отменить закон непротиворечия. Уверен, вы читали об Аристотеле — он идет в учебной программе гораздо раньше квантовой механики».

Мой оппонент, у которого уже побагровела шея, выглядел очень разгневанным и смущенным. Он сосредоточенно уставился на свою чашку с кофе, словно ища в ней успокоение. «Претензии религий противоречат здравому смыслу», — буркнул он сквозь зубы.

Современные элиты считают людей веры иррациональными? По правде говоря, именно постмодернизм во многом отбросил здравый смысл и в процессе этого оставил своих приверженцев «крепко застрявшими обеими ногами в воздухе».

Очень важно понимать это, чтобы даже подсознательно не втянуть себя в иррациональность постмодернизма, не вывесить в витрине своего разума транспарант: «Толерантность — мой бог». Нельзя сохранить надежное основание, не научившись распознавать великую ложь постмодернизма.

Культурные элиты и силы могут навязывать нам транспаранты, отвергающие возможность познать истину, но мы должны возвышать свой голос в поддержку очевидного: истина существует, и ее можно познать. По большому счету, это куда важнее, чем проблемы сексуальной ориентации, социальной терпимости или общественных выступлений. Это важно, потому что, в буквальном смысле слова, определяет жизнь и смерть.

А это уже становится глубоко личным вопросом. По крайней мере, для меня.

Насколько ценна жизнь?

Мы с моей женой Пэтти получили волнующее напоминание о том, почему истина важна, когда однажды посетили «Мелмарк» – специализированную школу нашего внука-аутиста. Она располагалась в двухэтажном здании из красного кирпича на пересечении двух больших автомагистралей примерно в тридцати километрах от Бостона. В центре этого здания была башня с внутренним двориком, крытая светоотражающим стеклом. Кирпичные крылья здания расходились по обе стороны от башни. На их голых стенах виднелись лишь два ряда маленьких окон с большими промежутками между ними. Подобные закрытые, душные строения были типичными для фабрик, и в подвале этой школы действительно располагалась механическая мастерская. Классы, в которых занимался Макс, находились на первом этаже, где администрация школы смогла арендовать достаточно места, чтобы создать условия для учебы восьмидесяти детей с особыми потребностями, – в основном с серьезной формой аутизма. Здание находилось посреди промышленной зоны. Единственное, что было зеленым на сотни метров вокруг – это дорожные указатели на автомагистрали.

Мы с Пэтти приехали как раз к окончанию занятий. Как правило, дети из этой школы жили в общежитиях. Макс был одним из немногих счастливчиков, которые после занятий уезжали домой – отчасти, благодаря тому, что Эмили удавалось очень эффективно справляться с ним. Когда мы вошли через парадный вход, одна из сотрудниц школы быстро взяла нас под руку и отвела в сторону. «Подождите здесь, – сказала она. – Когда дети направятся к выходу, они могут вас затоптать». Через несколько секунд мы услышали нарастающий грохот. Это к выходу спешили ученики. Большинство из них были младшего и среднего подросткового возраста. Поначалу я подумал, что сотрудница школы чересчур предусмотрительна, но

затем вспомнил, что Макс, желая переместиться из пункта А в пункт Б, никогда не обходит никого и ничто. (Дети-аутисты плохо осознают свое собственное физическое присутствие. Они могут наступить вам на ногу, и даже не заметить этого.) Ученики хаотической толпой направлялись к школьным автобусам, которые должны были развезти их по пригородным общежитиям. Мы с Пэтти пытались с ними здороваться, но почти никто не отреагировал. Казалось, они нас вообще

не замечают. Сотрудница школы была права, посоветовав нам уйти в сторону с их пути!

Сколько времени я уделяю
тому, чтобы что-то делать —
зачастую, просто отвлекаясь
от главного, — и сколько
тому, чтобы кем-то быть

Аутизм — это не то же самое, что синдром Дауна или врожденные патологии, ведущие к физическим дефектам. Большинство детей-аутистов выглядят точно так же, как их обычные сверстники. Правда, у некоторых из них пустой, отрешенный взгляд, а у других неуклюжая походка из-за нарушений моторики. У нескольких

человек в толпе были компьютерные планшеты, помогавшие им отвечать на вопросы с помощью специальной голосовой программы. Если бы не эти устройства, то из-за своего неврологического расстройства дети были бы практически немыми.

Толпа понемногу рассеивалась, и в ее хвосте мы увидели Макса. Заметив нас, он расплылся в улыбке и побежал к нам с широко расставленными в стороны руками, готовясь заключить нас в объятия. Макс — очень любвеобильный ребенок, и мы с радостью одали его знаками внимания. Затем он схватил меня и Пэтти за руки и потащил нас вглубь школы. Ему не терпелось показать нам свой класс и познакомить с учителями.

Эти люди, терпеливо трудившиеся над Максом час за часом, день за днем, произвели на меня сильное впечатление. Они работали по многу часов в напряженных условиях за весьма скромную зарплату. Присмотр за детьми-аутистами — отнюдь не простая задача. Макс, будучи очень коммуникабельным, требует постоянного внимания. Он нуждается в прикосновениях, объятиях и любви. Многие дети-аутисты даже в подростковом возрасте не умеют контролировать свой кишечник, и им приходится менять подгузники.

В конце каждого учебного дня, когда ученики в три часа разъезжаются по домам, рабочая смена педагогов еще далеко не завершена. Преподавательский состав собирается, чтобы обсудить поведение каждого из детей и тщательно распланировать график на следующий день. Количественное соотношение персонала и учеников

в этой школе высоко: в классе Макса на семь детей приходится четверо преподавателей. Эта работа требует большой физической выносливости. Дети временами бывают агрессивными, и их надо мягко обуздывать. В таких ситуациях мягкость зачастую требует серьезных усилий сразу нескольких человек. Макс весит 60 килограмм и иногда, не зная, как выразить свои потребности или недовольство, он просто падает на парту или на пол и отказывается сдвинуться с места. По сравнению же со многими одноклассниками, Макс требует еще не так много физических усилий от своих учителей.

Преимущественно женский преподавательский состав демонстрировал неподдельную жизнерадостность. Они буквально лучились радостью. «Где находят таких людей для работы в подобных школах?» – недоумевал я. Опросы среди педагогов на предмет их удовлетворенности своей работой показывают, что основной мотивирующей силой для них является помощь детям. В этой профессии альтруизм живет и процветает.¹

Мне была понятна их радость. Я тоже ощущал ее, когда учился проявлять любовь к Максусу, ухаживая за ним. Мой внук научил меня гораздо большему, чем я научил его. Для меня это была хорошая школа, показавшая, что значит быть дедушкой. Когда мои дети росли, меня большую часть времени не было дома – я был слишком занят делами спасения этого мира. И потому далеко не так часто, как следовало, наслаждался кувырканьем с детьми по траве. Теперь же, когда Макс гостит у нас или мы гостим у него, моя жизнь сосредоточивается всецело на нем. Я не могу оставить его перед телевизором, а сам отправиться работать в свой кабинет. Вечером я не могу просто почитать Максусу книгу, помолиться с ним, погладить по голове и велеть идти спать. Чтобы помочь ему заснуть, мне иногда приходилось часами играть с ним в одни и те же игры. Когда Макс приезжает к нам, мой распорядок дня становится *его* распорядком.

Режим дня Макса заставляет меня пересматривать свои приоритеты. Это позволяет мне размышлять о том, сколько времени я уделяю тому, чтобы что-то *делать* – зачастую, просто отвлекаясь от главного, – и сколько тому, чтобы кем-то *быть*.

В тот день, когда мы навестили школу Макса, он провел нас по тесным, устанным серым линолеумом коридорам к своему классу. Комната не пестрела картинками смешных зверюшек и человечков на стенах, таблицами алфавита, тематическими плакатами, стендами «Ученик недели» и грудой наглядных пособий, обычных для большинства современных начальных школ. Этот класс выглядел крайне строго. Для детей-аутистов окружающий мир – слишком сильный раздражитель. Одна из особенностей их недуга заключается в том, что они хуже обрабатывают сенсорные стимулы, поэтому в классе

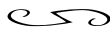
Макса было только семь парт на металлической раме с деревянной столешницей. Календарь на стене перед ними содержал четкий и подробный распорядок дня. Упорядоченность жизни дает детям-аутистам ощущение безопасности. Кроме того, у каждого ребенка есть собственный график заданий, обозначенный его фотографией. В задней части комнаты располагалась застеленная ковром зона отдыха с книжным шкафом и корзинами для хранения игрушек. В день нашего приезда Макс работал над тем, чтобы самостоятельно читать в течение пяти минут. Само по себе, чтение не составляло для него проблем. Величайшей трудностью для Макса было научиться работать самостоятельно, и потому его преподаватель наметила для него цель: двадцать минут работы без посторонней помощи.

Для того чтобы сделать эту комнату максимально удобной и уютной для детей, было приложено немало усилий. Эти внимание и забота никогда не встретят взаимной сердечности – по крайней мере, не в той форме, как мы обычно это понимаем. Детей-аутистов не только приводит в смятение и пугает водоворот стимулов окружающего мира. Еще в меньшей степени они способны выразить информацию, которую в силах воспринять.

Оставшись на минуту наедине, я стоял посреди классной комнаты, как вдруг меня посетила непрошенная мысль. Точнее, это был вопрос. Почему мы, как общество, тратим столько сил на этих детей? Зачем школьная система расходует 65 тысяч долларов в год на обслуживание одного ребенка, подобного Максусу? Мой внук никогда не сможет получить среднее образование, поступить в колледж и заняться продуктивной работой. Конечно, Макс достиг огромного прогресса, но сможет ли он когда-нибудь сам заботиться о себе – это большой вопрос. Скорее всего, ему суждено всегда зависеть от своей семьи и государства. Чтобы просто занимать его и развлекать, а также создать для него комфортные условия жизни, требуются огромные финансовые затраты. Если бы Макс не посещал школу, то на одно лишь его содержание в специализированном интернате в год уходило бы более 50 тысяч долларов.

Я невольно подумал о Питере Сингере – профессоре этики из Принстона, утверждающем, что руководящей философией общества должно быть достижение максимума счастья или удовольствий для максимального числа живых существ – как людей, так и животных. Журнал «New Yorker» назвал Сингера самым влиятельным из всех ныне живущих философов.² Представьте, сколько удовольствий и счастья можно принести десяткам тысяч голодающих африканских детей за те 65 тысяч долларов, которые тратятся на обучение Макса в этой школе. От осознания того, насколько весомо – и как естественно – звучат доводы Сингера, у меня по спине пробежал холодок.

Моральная философия Сингера – это одна из форм утилитаризма, который развился до его современного состояния из трудов Джона Стюарта Милла, написанных еще в XIX веке. Милл оказал значительное влияние на современную либеральную философию, которая рассматривает свободу как отсутствие ограничений. Описывая взгляды Сингера, один из созвучных ему писателей говорил, что нравственность не является с небес или со звезд – она приходит тогда, когда вы даете максимальному числу людей то, чего они хотят и в чем нуждаются.³ Большинство атеистов и представителей пострелигиозной европейской цивилизации принимают эту идею, как наиболее разумный способ служить социальным нуждам общества. Если удовольствия и счастье – это смысл или истинная цель жизни, то нравственность должна заключаться в рациональном распределении удовольствий и счастья между теми, кто больше всего способен ими насладиться. Этот тезис выглядит настолько разумным, что его приняли даже многие христиане.

Питер Сингер характеризует свою философию как этику, вытекающую из неизбежных следствий дарвинизма. Он доводит свою теорию до логических, хотя и скандальных заключений. Например, Сингер выступает в поддержку умерщвления детей, родившихся с дефектами.⁴ Он говорит, не смягчая выражений: «Мое мнение о младенцах с тяжелыми отклонениями неизменно: если жизнь настолько несчастна, что теряет какую-либо ценность, то для них допустима смертельная инъекция». Сингер задает риторический вопрос: «Зачем ограничивать убийство утробой?» Словно отвечая на собственный вопрос, он говорит: «Умерщвление младенцев заслуживает отвержения не больше, чем аборты».⁵

Выводы Сингера вполне логичны, хотя у большинства людей они вызывают интуитивное отвращение – по крайней мере, пока. Возражения против своей философии Сингер отмечает, как пустую сентиментальность.

И все же – что делать с детьми вроде Макса и всех его одноклассников, которым удалось избежать щипцов в абортарии и смертельных инъекций из рук врачей? В конце концов, Макс – человек, подросток, красивый, крепкий парень, любящий жизнь и людей. Конечно же, вы не захотели бы избавиться от него.

Но подумайте еще раз о том, что можно было бы сделать с помощью 65 тысяч долларов в год, причем каждый год, – и не только для голодающих детей в Африке, но и для детей из бедных кварталов американских городов, нуждающихся в лучших общественных школах.

А как насчет медицинского обслуживания малоимущих? Только представьте, сколько полезного можно было бы сделать в системе бесплатной медпомощи, которая всегда страдает от недофинансирования.

Те, кто думают, что гуманизм никогда не посягнет на людей с серьезными дефектами – и особенно, детей, – просто не знают исто-

Величайшее зло больше всего ошеломляет тем, как часто оно является в личине добра, совершаемого в стремлении к, казалось бы, благородной цели

рию западной цивилизации в просвещенном XX веке. Возьмем, к примеру, Германию 1930-х годов, еще до установления режима Гитлера. Этот самый культурный и образованный народ Европы открыто одобрял евгенику – избирательное воспроизведение людей и устранение инвалидов. Врачи, преподаватели и общественные деятели обсуждали, как избавить Германию от «традиционного для XIX века сострадательного отношения к хронически больным»,⁶ по выражению одного

доктора. Немецкие медицинские журналы с большим интересом обсуждали вопросы стерилизации и эвтаназии людей с хроническими заболеваниями. Пропагандистская кампания начала подталкивать народ Германии к принятию утилитарной точки зрения.

Эта кампания привела к созданию в 1941 году кинофильма «Я обвиняю». В нем показана женщина, страдающая рассеянным склерозом, которой ее муж-врач помогает совершить самоубийство. Пока она умирала, сострадательный коллега ее супруга наигрывал в соседней комнате классику на пианино. (Сколько подобных «любящих» актов эвтаназии стали сюжетами телепрограмм в нашей стране?)

Пропаганда не обошла стороной и детей. Текст в учебниках для старших классов, озаглавленный «Математика на службе у национального политического образования», содержал математические задачи, касающиеся ухода за хроническими больными и инвалидами. Этим восприимчивым школьникам был задан тот же самый вопрос, который так встревожил меня в классной комнате Макса: «Сколько денег высвободилось бы на займы для молодых семей и пособия для молодоженов, если бы государство могло сэкономить на содержании ‘инвалидов, преступников и сумасшедших’?»⁷ В 1939 году, когда в обществе были созданы необходимые условия, а несогласие – практически подавлено, Гитлер издал прямой указ об эвтаназии. От медицинских учреждений потребовали предоставить данные о пациентах, болевших уже более пяти лет и неспособных работать. Анкеты таких пациентов затем передали на изучение экспертам-консультан-

там, большинство из которых были профессорами психиатрии из известных институтов. Например, за период между 14 ноября и 1 декабря 1940 года они проанализировали 2109 анкет. Это был официальный старт будущей кампании по массовому уничтожению нежелательных людей.⁸

Едва учредив эвтаназию, в Германии создали организацию, посвященную исключительно вопросам убийства детей: «Государственный комитет по научному подходу к тяжелым заболеваниям, обусловленным наследственностью и телосложением». Вскоре была разработана хорошо продуманная система доставки поездами и автобусами социально непригодных из их мест проживания и медучреждений в так называемые «ликвидационные центры». Там детей раздевали догола, одевали в бумажные рубашки и заводили в газовую камеру. Затем их мертвые тела вывозили на тележках в крематорий для сожжения. По словам одного из немецких юристов, не было и дня, когда над городом Хадамар не поднимался дым. Работники местного ликвидационного центра ночь напролет пьянствовали в барах, безбоязненно разговаривая о своих повседневных обязанностях. Люди боялись, что все дома престарелых уже зачищены, а старики – просто ликвидированы.⁹

Но Гитлер был демоническим исключением из всех исторических норм, – возразите вы. Не совсем так. Его директивы выполняли высокообразованные, умные и во всех других отношениях высоко нравственные, добропорядочные немцы. Немецкие врачи той эпохи считались одними из лучших в мире. Среди них были люди вроде Альберта Шпелера, – любителя природы и отца шестерых детей. Величайшее зло больше всего ошеломляет тем, как часто оно является в личине добра, совершаемого в стремлении к, казалось бы, благородной цели.

Разговоры о евгенике, которая практиковалась в Германии, об умерщвлении младенцев и абортах по половому признаку в современных Китае и Индии, а также рассуждения о том, что могло бы произойти у нас, позволяют слишком легко увести проблему в тень. Утилитарный подход Питера Сингера уже в значительной мере правит и нашей системой здравоохранения.

То, что я сейчас скажу, возможно, кого-то заденет за живое и, по сути, может отозваться тревожным эхом в миллионах домов Аме-

Сегодня многие решения, принимаемые в отношении жизни и смерти в Америке и Европе, уже опираются на холодный расчет, выраженный в долларах и центах

рики и Европы. Сегодня почти каждая молодая пара, ожидающая ребенка, получает информацию о потенциальных проблемах со здоровьем их не родившегося младенца. Ультразвуковое исследование, амниоцентез и другие тесты сообщают родителям о постоянно растущем списке медицинских показателей их ребенка (на момент написания этой книги их существовало около 450). Врачи боятся не выполнять такие тесты, поскольку не желают столкнуться с судебными исками за неполное информирование родителей о медицинских проблемах их не родившегося малыша в тот период, когда еще можно сделать аборт.

Представьте, с какой практической дилеммой сталкиваются беременная женщина и ее муж, возвратившись домой после приема у врача. Им только что сообщили, что у их ребенка возможны неврологические отклонения, которые могут иметь самые разные проявления, включая аутизм. Врач спросил у них, не желают ли они пойти на аборт.

Как бы вы поступили? Чем бы обосновали свое решение? Повлияло бы на него известие о том, что ваша медицинская страховка не будет покрывать лечение недугов, обнаруженных во время тестов? По некоторым отчетам, 90 процентов супружеских пар, столкнувшись с подобной дилеммой, abortируют своих не родившихся детей.¹⁰

Рожать ли вам в этот мир ребенка, подобного Максусу? И, если нет, то почему? А если вы узнаете о крайне недееспособном будущем своего ребенка через день или два после его рождения, и врач предложит вам вариант со смертельной инъекцией, то как вы поступите? Насколько бы ни заслуживали похвалы учреждения, подобные школе Макса, зачем их содержать столь большой ценой, если в наших силах сделать их вообще ненужными? Шепот этого прагматичного голоса сегодня постоянно звучит в наших ушах.

Решение человека, говорящего Максусу «да» в настоящий момент и в будущем, может базироваться только на чем-то, что радикально отличается от анализа затрат и выгод. Как это ни трагично, сегодня многие решения, принимаемые в отношении жизни и смерти в Америке и Европе, уже опираются на холодный расчет, выраженный в долларах и центах. Например, не так давно известная писательница феминистка Эми Ричардс, которая вынашивала тройню, запаниковала от мысли об изменениях в ее образе жизни. «Узнав о тройне, я подумала: ‘Конечно, это не ‘залет’ в 16 лет, но теперь мне придется переехать [из Ист-Виллиджа на Манхэттене] на Статен-Айленд. Мне придется безвылазно сидеть дома, чтобы присматривать за тремя детьми, а за покупками я буду ездить только в оптовые магазины и привозить оттуда громадные банки майонеза’». ¹¹ Эми Ричардс сочла все эти неудобства настолько для себя унизительными, что решила abortировать двух из детей, оставив только одного.

В марте 2004 года многие в Англии пришли в ужас, узнав о ребенке с «волчьей пастью», который был абортирован из-за «серьезной инвалидности» на 24-й неделе беременности, – сроке, когда он уже мог выжить вне утробы. Этот случай обратил внимание парламента страны на тот факт, что, начиная с 1990 года, неумолимо возрастает число жизнеспособных младенцев, абортированных по той причине, что у них обнаружена «серьезная инвалидность». Поскольку термин «серьезная инвалидность» в законодательстве Великобритании не определен, это значит, что любой ребенок с любой патологией – даже с той, которая поддается лечению, как, например, «волчья пасть», – может быть абортирован на любом сроке беременности.¹² Естественно, что у сторонников абортотворения возникает вопрос – зачем вообще акцентировать внимание на состоянии зародыша? Почему бы не абортотворить любого ребенка на свое усмотрение? Сегодня по этому поводу полным ходом идут дебаты.¹³

Это не просто умозрительные вопросы. Они связаны с глубоко личностными и мучительными решениями, с которыми нам приходится сталкиваться в течение жизни. Когда я осматривал классную комнату Макса, водил пальцами по исцарапанной деревянной столешнице парты, за которой он сидел каждый день, мои мысли быстро устремились в еще одном направлении логического развития философии Сингера. Зачем сохранять людям жизнь, если они несчастны? Почему бы не дать им возможность стать донором органов и даровать жизнь кому-то другому? Если мы достигли точки, когда начинаем соглашаться с этим, то почему бы просто не уничтожить страдающего человека?

Именно этот вопрос лежит в центре яростных дебатов по поводу исследований со стволовыми клетками эмбрионов. В конце концов, эмбрион – это жизнь. Если можно убить жизнь, не имеющую ценности, то почему бы не использовать эти эмбрионы для получения лекарств от тех заболеваний, которые больше всего страшат цивилизованный мир? Но если убийство эмбриона – не проблема, то почему бы не воспользоваться и частями тела младенца-инвалида, которого все равно ожидает смерть? Зачем понапрасну терять возможности? Разве мы не могли бы поспособствовать таким образом достижению максимального счастья максимальному числу людей? Помогая людям достичь лучшего качества жизни, мы максимизировали бы радость человечества. Это в точности та же самая логика.

Где нам провести черту? Быть может, школы, подобные той, где учится Макс, однажды останутся в прошлом. Но кто станет следую-

щим? Заключенные, совершившие особо тяжкие преступления? Почему они должны сидеть за наш счет в камерах смертников, годами ожидая рассмотрения своих апелляций? И, совершенно очевидно, мы не захотим вечно созерцать умственно неполноценных людей, попрошайничающих на углах наших улиц, если есть возможность избавиться от них. Или, все-таки, захотим?

Мне 73 года. Как и Джон Эрлихман, проснувшись однажды утром, я могу узнать, что у меня почечная недостаточность, и какой-нибудь добрый доктор сердечно скажет мне: «Мистер Колсон, вы уверены, что хотите проводить каждое утро, подсоединяя себя к одному из этих аппаратов? Люди, которые используют их в домашних условиях, часто подхватывают губительные инфекции. Конечно, вы можете получать такое же лечение в больнице, но это подразумевает три визита в неделю по три часа каждый. Ваше качество жизни, мистер Колсон, быстро ухудшится. Хочу, чтобы вы знали, что мы можем решить эту проблему иначе, стоит вам лишь захотеть. На самом деле, это всего лишь продолжение терапии обезболивания – просто в какой-то момент мы дадим чуть больше морфия, и вы тихо уснете».

Подумайте о тех огромных социальных вызовах, с которыми столкнутся медики, а также семьи и отдельные люди. Из-за выдающихся технологических изобретений стоимость медицинского обслуживания стремительно растет. Благодаря комбинированному

Жизнь и смерть становятся
вопросом выбора, а в
некоторых случаях – предметом
решения комитета по этике и
принятых больницей правил

использованию разных аппаратов, мы сможем вскоре, если не сказать «уже можем», поддерживать жизнь человека почти независимо от его состояния. Но кто будет за это платить? Для семей это непосильно. Система доступного медицинского обслуживания рухнет в течение нескольких десятилетий, поскольку ее можно удержать на плаву только за счет значительного увеличения налоговой нагрузки на работающих. Сейчас в Америке происходят кардинальные демографические перемены. Если на данный момент обеспечение одного человека по социальной программе медицинского обслуживания оплачивают четыре работника, то к 2030 году их станет 2,3. Должны ли мы ожидать, что трудолюбивые представители среднего класса Америки будут отдавать постоянно возрастающую часть своих заработков на то, чтобы поддерживать во мне жизнь, хотя ее «качество» (что за сомнительный термин!) все равно ухудшается?¹⁴

Эти вызовы уже присутствуют — и не только в Голландии, и в штате Орегон, где оказание помощи при самоубийстве легализовано, но и в сфере повседневного медицинского обслуживания в больницах по всей Америке и в западных демократических государствах. Новая доктрина под названием «бесполезная помощь» обеспечивает эвфемистическое прикрытие для эвтаназии.

Например, один из моих друзей многие годы сильно страдал проблемами с легкими, и его жизнь становилась все более тяжелой. Хотя периодами он восстанавливал свои жизненные силы, обретая былые энергичность и жизнерадостность, ему все чаще приходилось прибегать к кислородной маске. Я не раз оказывался рядом с ним в такие моменты, и однажды меня вызвали, когда он был госпитализирован с особо сильным приступом. Его любящая жена сидела рядом с ним, читая ему Библию.

Через несколько дней после того, как мой друг был госпитализирован, мне сообщили по телефону, что он мирно умер во сне. Только позже я узнал, что это была «прекрасная смерть», как ее называли родные и друзья покойного. После того, как близкие собрались возле кровати моего друга, чтобы попрощаться, врач вколол ему сверхдозу морфия, исполнив желание больного. Но была ли его смерть «прекрасной»? Или это была эвтаназия? А может, убийство? Кто может сказать наверняка?

Безусловно, вопрос: «Кто может сказать наверняка?» — крайне важен. Если вы оказывались рядом с тем, кто страдает от серьезного заболевания, то знаете, с какими тяготами сталкивается семья, — все эти мучения, непрерывные бдения... У кого-то на задворках разума обязательно всплывает вопрос о цене: «Как мы за все это расплатимся?» Друзья и родственники убиты горем из-за той боли, которую претерпевает близкий им человек. Они утомлены и изнурены. И вот, как добрый волшебник из сказки, появляется врач в белом халате — профессионал, посвятивший себя помощи людям и лечению больных. Все с нетерпением ожидают услышать от него, что им делать в этот ужасный, мучительный момент.

Жизнь и смерть становятся вопросом выбора, а в некоторых случаях — предметом решения комитета по этике и принятых больницей правил. Но кто решает, какой должна быть наша этика? Если истины не существует, то не может быть и никакой истинной этики — только продиктованные благоразумием стандарты, по которым думающие люди пытаются жить. Поэтому даже самым доброжелательным врачам в этом мире приходится делать выбор, неизменно помня о затратах больницы, в которой они работают. Осознавая страдания пациента, связанные стремлением помочь как можно большему числу людей и будучи втянутыми в матрицу подходов, оценивающих каче-

ство жизни, врачи становятся богами в белых халатах, вынося решения, которые являются прерогативой одного лишь Бога.

То, о чем размышляют про себя врачи, вполне вероятно, переключается со взглядами Питера Сингера. «Если человек не оговорил, какие меры следует принять, пока был в состоянии это сделать, то ответственность за это возлагается на семью и комитет по этике, — говорит он. — Если родственники хотят положить конец жизни человека с серьезным умственным расстройством или старика, в отношении которого врачи подтверждают *практически нулевое качество жизни при полной невозможности восстановления, то, думаю, летальная инъекция может быть оправдана*».¹⁵ И это — слова человека, которого многие считают ведущим философом Америки.

Для большинства из нас подобные идеи — использование частей тела ребенка, эвтаназия — в высшей мере отвратительны. Мы отвергаем мысль о том, что на самом деле оцениваем жизнь на основании экономических показателей. Нам не нравится прагматичная аргументация, когда мы вынуждены с ней столкнуться. Есть что-то глубоко ошибочное и неправильное во всем этом мировоззрении, в которое слишком многие из нас уже оказались основательно вовлеченными. И все же, где-то на задворках нашего разума звучит этот ужасный голос: «Я знаю, каким должен быть правильный ответ, но, безусловно, был бы рад, оказавшись в такой ситуации, получить шанс на спасение. Если бы у меня была болезнь Альцгеймера, и появилась возможность вылечиться, то какая разница, как было получено лекарство?» Этот голос, подобно плакату «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в витрине зеленщика, поддерживает жизнеспособность смертоносной системы.

Так как же ответить на обольстительную логику Сингера? Отважную попытку сделать это предприняла активистка движения за права инвалидов Гарриет Макбрайд Джонсон. Питер Сингер предложил одаренной мисс Джонсон выступить на одном из его семинаров в Принстоне и поучаствовать в открытых дебатах с ним. Позже она описала эти дебаты в своей эмоциональной статье, опубликованной в «New York Times Magazine».¹⁶

Мисс Джонсон, будучи юристом, страдает от мышечного заболевания и описывает себя, как «кучу костей в обвисшем кожаном мешке». Сейчас, когда ей уже за сорок, большая часть ее тела парализована. Джонсон весит около тридцати килограмм, а ее позвоночник в точности повторяет перевернутую букву S. Она сидит, скрюченная в своем кресле, упираясь локтями в колени. Эта поза

стала для мисс Джонсон естественной и уже не доставляет ей никакого дискомфорта. Впрочем, ее жизнь включает и множество других ограничений. Она может есть только пюре, мягкий хлеб и фрукты, которые легко жевать (например, виноград). Мисс Джонсон без посторонней помощи не может одеваться, пользоваться туалетом, принимать ванну и заниматься утренними упражнениями, позволяющими ей сохранять подвижность рук.

Воскресная поездка из ее дома в Южной Каролине в Нью-Джерси была отнюдь не легкой прогулкой. Переместить тело в инвалидной коляске из одной точки в другую – задача непростая. Ее кресло-каталка с электродвигателем вышла из строя по вине авиакомпании. При помощи подручных средств мисс Джонсон доставили в гостиницу в Принстоне с большим опозданием, так что ей удалось поспать всего пару часов. Опекунша помогла ей справиться с двухчасовыми утренними процедурами, после чего мисс Джонсон прибыла на арендованной инвалидной коляске в старинное здание в готическом стиле, расположенное на живописной территории Принстонского университета.

Там она столкнулась с новой проблемой: как добраться до лекционного зала в цокольном этаже? Политкорректное руководство Принстона явно не учло в этом здании потребностей людей с ограниченными возможностями. Мисс Джонсон безропотно спустилась вниз в кабине лифта, тесной, как чулан для веников, и ее выкатили на сцену лекционной аудитории, где она сидела, настороженно наблюдая за прибывающими студентами.

Ей предоставили слово первой, и мисс Джонсон построила свою аргументацию на том основании, что, как инвалид, она относится к дискриминируемому меньшинству, но качество жизни не определяется наличием или отсутствием инвалидности. Она описала, как любит кататься на своей инвалидной коляске, и какой восторг у нее вызывает ветер, развевающий ей волосы.

Как отметила мисс Джонсон, ответ Сингера был «на удивление мягким». Прежде, чем объявить студентам о начале дискуссии, он дал собственные, почти клинические, формулировки затронутым вопросам. Время от времени в ходе изложения своей точки зрения Сингер делал краткие отступления. В частности, он задал вопрос: «Если человек полностью бессознателен ... и мы точно знаем, что сознание к нему уже никогда не вернется ... то, учитывая все это, не кажется ли вам, что продолжать ухаживать за ним – это немного, скажем так, неразумно?»

Джонсон ответила, что уход за больным может быть прекрасным переживанием. Она не объяснила, что конкретно имеет в виду, но ее утверждение поставило Сингера в тупик. Впрочем, благород-

ство ухода за больными не могло устоять перед аргументом Сингера о том, что счастье базируется на предпочтениях, и, вопреки мощному доводу в лице самой мисс Джонсон, его аргументация в глазах студентов явно взяла верх.

Наиболее мрачный аспект этой дискуссии для мисс Джонсон заключался в том, что она не увидела в Сингере этакое неонацистского демона, каким его изображали ее друзья-инвалиды, прочитав его книги. Общение в лекционной аудитории и позже, во время обеда с преподавательским составом, по словам Джонсон, было на удивление корректным. Сингер показал себя потрясающим оратором. Он был «настолько вежлив, не проявляя ни капли высокомерия, и настолько сосредоточен на дискуссии, что к моменту ее окончания я на него совершенно не сердилась».

Вопреки самой себе, Джонсон покинула эти дебаты с чувством огромного уважения к Сингеру. Она пишет, что это – «необычайно одаренный человек, достигший больших высот», и чуть ли не аплодирует его «попыткам создать систему этики, проистекающую из фактов и рассудка, которая преимущественно отбрасывает взгляды сквозь призму религии, географии, семьи, клана, сообщества и, возможно, даже вида». Джонсон считает, что Сингер придерживается «вселенской точки зрения», и приходит к заключению, что его начинание «грандиозно по своему героизму». Впрочем, считает она, недостаток Сингера состоит в его необоснованной уверенности в «худшем положении» инвалидов, что она определяет, как предубеждение.

По сути, мисс Джонсон выразила несогласие не с фундаментальной позицией Сингера, а только – с его мнением о том, что составляет счастливую жизнь и чьи предпочтения следует уважать. Как только она согласилась с тем, что суть проблемы – это качество жизни, что нет никакого объективного стандарта, а лишь субъективные суждения о том, что представляет собой достойная жизнь, – мисс Джонсон лишилась всех шансов победить в дебатах.

Чары, которыми окутали Гарриет Макбрайд Джонсон благожелательные рассуждения Сингера, – это яркий пример того, как мы попадаем под влияние красноречивых, высокообразованных врагов истины. Если зло действительно существует, то неужели вы думаете, что оно откроет свой настоящий, порочный и деструктивный характер? Нет. В большинстве случаев зло является нам в виде руки, дружелюбно похлопывающей нас по плечу, и доброго голоса, который говорит: «Позвольте вам помочь».

Без представления о Боге, – или, по крайней мере, о каком-то трансцендентном естественном порядке, – жизнь не обладает неотъемлемой значимостью. Вот почему Сингер был так удивлен, что

кто-то, вроде мисс Джонсон – такой же убежденной атеистки, как и он сам, – может не соглашаться с его всецело разумными взглядами. Никто – сколь бы опытным юристом он ни был, – не сможет победить в дискуссии с Сингером, не оспорив его исходную дарвинистскую предпосылку о случайном возникновении жизни. Именно поэтому люди, подобные Питеру Сингеру, в эпоху постмодернизма представляют собой большую опасность.

Когда мы уже собирались покинуть школу Макса, он показал один из своих рисунков. Это еще раз напомнило мне о том, насколько важными стали для моей дочери и Макса совместные занятия рисованием. Рисунки играют в их общении ключевую роль, прокладывая мост к мыслям, эмоциям и воспоминаниям Макса, которые невозможно постичь никаким другим способом.

Все родители обеспокоены тем, о чем их ребенок думает, и что он чувствует. Почему моему маленькому сыну вдруг перестал нравиться бейсбол? Может, с ним что-то случилось на спортивной площадке? Чем объяснить, что у моей дочери появились новые подруги? Не тем ли, что среди ее старых подруг возникло нездоровое соперничество? Расскажет ли мой ребенок когда-нибудь об этом? В случае с детьми-аутистами такая общая для всех проблема значительно усугубляется. Макс часто по каким-то абсолютно загадочным причинам внезапно становится несговорчивым. Он начинает метаться по комнате, демонстрируя мучения, суть которых совершенно неспособен передать. Он не может выразить в словах свои мысли и чувства.

Как я уже рассказывал, Эмили обнаружила, что, рисуя для Макса, она дает ему образы, которые служат мостами к его внутреннему миру, и он обретает способность разобраться в происходящем вокруг него. Эмили удастся выяснить, что метания Макса по комнате связаны с головной болью или с тем, что ему не нравятся неожиданные изменения в его одежде.

С помощью своих рисунков Эмили достигла феноменальных успехов в том, чтобы помочь Макс, когда ему было два-три года, понимать происходящее вокруг – события, которые пугали его, потому что он не мог понять их значения. Благодаря рисункам мой внук обрел способность расспрашивать Эмили о смысле этих событий и о

Счастливая жизнь
не измеряется
нашим суммарным
вкладом в этот мир.
Ее суть – в любви.

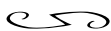
том, должен ли он их бояться и впредь. Эмили берет кисть или карандаш и разукрашивает рисунок Макса, придавая картинке более радостный вид. Макс больше не нужно страшиться этого случая. Они рисуют вместе со слезами на глазах, радуясь своему открытию и той новой свободе, которую оно принесло в жизнь Макса.

С утилитарной точки зрения, подобные переживания бессмысленны, потому что жизнь Макса бессмысленна. Почему же тогда Эмили, рисуя и беседуя с Максом, достигая его на каком-то более глубоком уровне, испытывает огромную радость? Почему я могу сказать, что научился у Макса гораздо большему, чем он научился у меня, что я искренне считаю его Божьим даром? Не хочу, чтобы меня поняли превратно. Аутизм Макса не есть нечто хорошее. Это – элемент надломленности нашего мира. Тем не менее, эта надломленность послужила тому, чтобы расширить мои способности любить. И это – великий дар. Как ни парадоксально, Макс привнес радость в жизнь его учителей, его мамы, его бабушки и бабушки и многих других, благодаря их усилиям и всем жертвам. Как это можно объяснить?

Что Макс мог бы сказать в свою защиту, и почему он вообще должен это делать? Он более, чем счастлив от того, что жив – большое спасибо за это. Макс знакомы радость и восторг, которые мне, к великому стыду, были неведомы. Но почему так происходит?

Позвольте предложить вам ответ на этот вопрос. Причина в том, что счастливая жизнь не измеряется нашим суммарным вкладом в этот мир. Ее суть – в любви. Утилитаризму ничего не известно о любви, однако счастливая жизнь – это от начала и до конца любовь, и именно на любви должны быть сосредоточены наши жизни.

Истина важна, потому что без нее любовь нереальна. Она становится всего лишь очередной сентиментальностью. Но в своих сердцах мы знаем, что внутри нас есть любовь, вызывающая к той Любви, которая, как мы верим, сформировала вселенную. В противном случае, мы погибли. Именно из-за нежелания признать существование этой любви, выходящей за рамки нас самих, одаренная Гарриет Макбрайд Джонсон проиграла свои дебаты с Сингером, как проиграл бы их кто угодно другой.

Несколько раз перечитав статью Джонсон, я написал ей письмо. По моему убеждению, ее история содержит скрытую печаль женщины, интуитивно понимающей больше, чем признает ее философия. В заключительных абзацах своей статьи она отходит от аргументации, апеллирующей к правам меньшинств, чтобы обратиться к другим доводам, хотя формально им нет места в ее мировоззрении.

Моя цель – не навязать вам точку зрения, которая проистекает из моего личного опыта, но озвучить ее... В качестве защиты от ужасной чистоты взглядов Сингера, я буду смотреть на упадок, к которому приводит взаимосвязанность. Дабы оправдать мои надежды на то, что теоретический мир Сингера с его вполне логичными сценариями не станет реальностью, я напому о грязи и хаосе, а также о той неоспоримой реальности, что жизнь инвалидов тоже может быть прожита хорошо. Это самое лучшее, что я могу сделать.¹⁷

Как трагично! Упадок взаимосвязанности, о котором говорит Джонсон, – это всего лишь упадок ее нескрываемого атеизма. Она слишком хорошо знает собственную жизнь и жизнь своих друзей-инвалидов, чтобы согласиться с Сингером, хотя ее неверие в сотворенный порядок лишает ее способности возразить, что вешать ценник на человека является бесчеловечным. История мисс Джонсон – хорошая метафора той дилеммы, с которой мы сталкиваемся.

Проблема, которую необходимо решить, очевидна, если только мы согласны увидеть ее. Если мы появились вследствие некоего хаотического, случайного процесса, то Сингер прав. Как он сам говорит, его этика – это логическое продолжение дарвинизма. С другой стороны, если мы – творения, созданные по Божьему образу, то жизнь обладает огромной ценностью, которую невозможно понять в контексте анализа цены и выгоды. Сколько стоит человеческая жизнь? Является ли она бесценной или же обусловлена предпочтениями сильных? Все зависит от того, что стало источником человеческой жизни, и, как мы увидим в следующей главе, этот вопрос породил в нашем обществе жаростные дебаты.

Разумный замысел

Итак, откуда же мы появились? Это самый важный вопрос, который только могут задать себе люди, поскольку ответ на него не только определяет, что значит быть человеком, и почему мы здесь, но и влияет на все сферы человеческой деятельности. Среди ученых и философов не прекращаются дебаты о том, как зародилась жизнь: случайно или по замыслу. Давайте же внимательно проследим, куда ведут нас свидетельства, потому что вопрос — не просто в науке, а в *вас*. Как началась ваша жизнь: случайно или как плод разумного замысла? Ваш ответ на этот вопрос напрямую определяет, как вы живете и какие решения принимаете. Не дав правильный ответ на этот вопрос, вы не сможете, как выразился Гавел, узнать правду и жить в соответствии с ней; вы не сможете достичь счастливой жизни.

Ньен Чен ответила на него так же, как многие из нас. Во время своего тюремного заключения, когда тяжесть ее дней достигала предельной точки, она часто сидела на койке, тоскуя о своей дочери. Временами Ньен казалось, что она задыхается. Из-за тугого комка, постоянно стоявшего у нее в горле, она теряла аппетит. Один раз тоска заставила Ньен голодать чуть ли не до смерти.

Но затем она обрела неожиданную компанию. Однажды вечером она подняла взгляд на зарешеченное окно своей камеры и увидела маленького паука размерами не больше копеечной монеты. Взобравшись по одному из железных прутьев решетки, он на мгновение замер, а затем перемахнул, держась за шелковую паутинку, на соседний прут. Закрепив второй конец паутинки, паук, словно канатоходец, перебрался по ней к исходной точке, а затем опять совершил прыжок над бездной, но теперь приземлился на соседнем пруте чуть ниже, чем в первый раз. После этого он еще раз вернулся к стартовой площадке и повторил свой трюк.

Создав внешнее обрамление новой паутины, паук начал плести ажурную сеть хитроумных узоров. Промежутки между отдельными нитями были удивительно равномерными, а вся паутина в целом – безупречно симметричной. Завершив работу над ней, паук устроился на свое неусыпное дежурство в ее центре.

Ньен осознала, что стала свидетелем «создания архитектурного шедевра чрезвычайно умелым мастером».¹ Она подумала о размере мозга этого паука. Действовал ли он, исключительно повинаясь инстинкту? И что именно мы подразумеваем под словом «инстинкт»? Достиг ли этот паук своего мастерства в процессе эволюции или же он получил свои дарования от Бога?

Размышляя над источником талантов паука, Ньен обнаружила, что его виртуозность в создании паутины оказала тонизирующее действие на ее душевное состояние. Созерцание красоты этой паутины необычайно поднимало ей настроение.

Ближе к вечеру, оказавшись в лучах клонящегося к закату солнца, паутина превратилась в яркий, сверкающий всеми цветами радуги диск. Чувство одиночества и подавленности начало покидать Ньен. Громкоговоритель на расположенном напротив здании школы мог по-прежнему выкрикивать обвинения в адрес врагов государства, но паук и его паутина, какими бы хрупкими они ни были, вложили в сердце Ньен веру в то, что, в конечном итоге, вселенной правит Бог, а не Мао. «Мао Цзэдун и его революционеры теперь выглядели не такими уж зловещими», – отмечает она в своей книге. Как ни парадоксально, тончайшая паутина обладала долговечностью, совершенно недостижимой для Культурной революции. Этот образец потрясающего мастерства побудил Ньен Чен возблагодарить Бога за паука и за все творение. Паутина даровала ей «обновление надежды и уверенности».

Ньен Чен дала себе слово, что если ее выпустят из тюрьмы, то она обязательно обратится к какому-нибудь энтомологу за консультацией о пауках. Исполнив это обещание, она обнаружила бы нечто совершенно удивительное. По данным исследований немецкого ученого Вернера Гитта, «каждый паук – разносторонний гений. Он планирует свою паутину точно так же, как настоящий архитектор, а затем реализует свой план, как умелый ткач. Кроме того, он еще и химик, который синтезирует шелк в ходе управляемого компьютером производственного процесса, а затем использует этот шелк для получения пряжи».

«Паук настолько умен, – продолжает Гитт, – что создается впечатление, будто он окончил курсы по строительному проектированию, химии, архитектуре и информатике». Но мы знаем, что пауки не учатся в колледжах, так где же они обрели свое мастерство? Гитт

отвечает на этот вопрос: «Все дело в генетической информации», — и переходит к описанию анатомии крошечных пауков рода *Uroctea*. «У самки прядильный орган состоит из 1500 паутинных бородавок... Шелковая нить с требуемым уровнем прочности на разрыв производится внутри ‘фабрик’, расположенных сразу же под паутинными бородавками. Все эти сложные процессы управляются ‘компьютером’, а все необходимое ‘оборудование’ в высшей степени миниатюризировано». Гитт объясняет, что этот сложный, распланированный по минутно производственный процесс может протекать без сбоев потому, что система содержит «программу управления, содержащую всю требуемую для обработки информацию». В своем учебнике Гитт изображает графически чрезвычайную сложность обычного крошечного паука и те удивительные произведения искусства, которые получаются в процессе плетения паутины.² Воистину, чудо природного дизайна.

Неудивительно, что Ньен Чен возблагодарила Бога. Она была подвижна не только своей верой, но и очевидным откровением о том, что природа, действующая хаотически, не смогла бы произвести столь сложную систему, способную создавать такую выдающуюся красоту.

У большинства из нас бывали аналогичные переживания. Мы поднимаем взгляд на усеянное звездами темно-фиолетовое небо, укутанное в покрывало Млечного Пути, и понимаем, что должен существовать какой-то разум, подвесивший Землю в пустоте. Помните астронавтов на космическом корабле «Аполлон-8», которые впервые взглянули из открытого космоса на нашу планету и увидели яркую, живописную сферу, наполненную жизнью и красотой, на фоне пустынной, необитаемой вселенной? Они тогда сказали, что все это мог сделать только Бог. Когда мы смотрим на образчики биологических хитросплетений, которые производят грандиозные архитектурные структуры, наподобие паутины, демонстрирующие совершенную и осмысленную гармонию, они словно призывают к нам: «разумный замысел!»

Сопоставьте открытие Ньен Чен с философией Питера Сингера, которая коренится в убеждении, что вселенная не отражает никакого замысла и не имеет цели, что мы появились случайно. Несмотря на внешнюю привлекательность доводов Сингера, они не могут привести к жизни, обладающей внутренним достоинством. Верим ли мы, что жизнь является следствием разумного замысла, или что мы появились по случайному стечению обстоятельств, — есть ключевой фактор, определяющий, как мы живем. Этот великий спор чуть ли не ежедневно всплывает в заголовках масс-медиа и стал сегодня полем настоящего сражения в учебных заведениях.

Впрочем, в наших школах не учат той стороне спора, которая утверждает о «разуме и замысле». Большая часть современной науки и почти вся образовательная система сегодня рассказывают нам о том, что вселенная возникла случайно, а космос – это все, что есть и будет всегда, как выразился астроном Карл Саган в своем популярном телевизионном сериале «Космос». Эффектная мультимедиа-презентация в тематическом парке «Epcot» Всемирного центра Уолта Диснея говорит посетителям о том, что жизнь возникла вследствие космического взрыва. Он создал материю вселенной, а затем в морях появилась первая форма жизни – крошечные одноклеточные растения, улавливающие энергию солнца. Нам предлагают поверить, что нечто появилось из ничего, просто по случайному стечению обстоятельств.

Труды по биологии предлагают самые разные объяснения этого процесса, но все они опираются на фактор случайности. Они утверждают, что вследствие миллиардов хаотических мутаций и естественного отбора в процессе эволюции возникла сложная природная система и даже – еще более ошеломляющая по своей сложности человеческая жизнь. Как нам рассказывает Национальная ассоциация преподавателей по биологии, жизнь – это результат «неконтролируемого, безличностного, непредсказуемого, естественного процесса».³ Такая точка зрения не оставляет места для возможности вмешательства некой разумной силы. Нам говорят, что дарвинизм – это научная теория, а наука исключает веру.

Я обнаружил, как действует эта монополия и зыбкое основание, на которой она покоится, когда однажды из колледжа позвонила моя внучка Каролина – милая и одаренная девушка. Она была в смятении. Каролина поверхностно верила в Бога с раннего детства, но осознанно стала христианкой во время одной из евангелизационных кампаний Билли Грэма. Позже ее вера укрепилась во время учебы в библейской школе «Молодая жизнь». В колледже Каролину записали на семинары по эволюции, обязательные для первокурсников. Позвонив мне, она с печалью в голосе объяснила, что профессор отвергает христианство как предрассудок, полностью дискредитированный современной наукой. Каролина хотела знать, как ей согласовать взгляды профессора со своей верой.

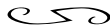
Моя внучка столкнулась с очень распространенной дилеммой, с которой в колледжах (а то и в старших классах школы) знакомятся сотни тысяч студентов. Те, кто в процессе этого не утратил своей веры, часто приходят к своеобразному компромиссу, веря и в Бога, и в построенную на случайности дарвинскую эволюцию. Такое воз-

можно, если вы согласны одновременно удерживать в разуме две противоречащих друг другу мысли, что в наш век сегментированного мышления не так уж и сложно. Некоторые люди верят в теистическую эволюцию, для которой можно создать доказательную базу, но сложность заключается в том, что она не принимается научными кругами дарвинистов, отвергающих центральную предпосылку теистической эволюции.⁴

Что касается Каролины, то я предложил ей рассмотреть ряд вопросов, выявляющих в теории эволюции, которой придерживался ее профессор, зияющие дыры. Она задавала эти вопросы на следующих нескольких занятиях, пока профессор не понял, что для него будет самым лучшим просто игнорировать ее. Для меня очевидно, что сегодня предметом спора между дарвинизмом и «разумом и замыслом» стала не столько истина, сколько власть. Сражение ведется за то, кто должен управлять отношением общества к данному вопросу, и чему следует позволять учить в школах.

Печально, когда ученые круги, которые по идее должны поддерживать научный поиск, оставляют без ответа вопросы студента о науке.

Дарвинисты утверждают, что никто не проводил серьезных научных исследований, опровергающих дарвинизм. Это откровенная ложь. Претензии дарвинизма на истинность оспаривали, опираясь на научные основания, многие интеллектуалы и высокообразованные люди, и это – факт. Многие из них начинают задавать вопросы, на которые дарвинисты, подобные профессору Каролины, зачастую не могут ответить. Все больше ученых изобличают слабые места в теории Дарвина, выдвигая абсолютно научные аргументы в пользу разумного замысла при создании вселенной. Впервые за последние сто лет возобновились научные дебаты о происхождении мира.

Первая трещина в сплоченных рядах дарвинистов возникла в середине 1980-х годов в виде книги «Эволюция – теория в кризисе», написанной относительно малоизвестным австралийским ученым-агностиком Майклом Дентоном. Особенно скептически он отнесся к утверждению дарвинистов, что накопление медленных, постепенных изменений внутри видов (которые, в основном, объясняются дубликацией генов и мутацией) ведет к развитию сложных биологических систем. Дентон указал на отсутствие в палеонтологической летописи переходных форм, а также – на сложность биохимических изменений, которые должны предшествовать любым изменениям в анатомии.

Эта книга вызвала небольшой всплеск энтузиазма среди тех, кто скептически относился к Дарвину, и неожиданно привлекла внимание одного случайного наблюдателя – причем, не ученого, а непритязательного книголюбца: профессора права из Калифорнийского университета в Беркли по имени Филип Джонсон. Во время отпуска в Англии ему захотелось пройтись по книжному магазину, где он и наткнулся на книгу Дентона. Его разум юриста начал задавать острые вопросы, и Джонсон решил перечитать труды Дарвина – просто в качестве интеллектуальной гимнастики, – и вскоре с головой ушел в исследование. Имея незаурядный юридический опыт, Джонсон без труда увидел, что аргументы Дарвина, – по крайней мере, те, что касаются происхождения жизни, – можно легко опровергнуть. Проконсультировавшись с Фрицем Шефером – выдающимся химиком из Беркли, разделявшим его сомнения, – Джонсон приступил к написанию книги, в которой подверг дарвинизм детальному анализу. Она была опубликована в 1991 году под названием «Суд над Дарвиным».

Книга вызвала огромную полемику, и Джонсон начал проводить дебаты с дарвинистами, которые, к своему разочарованию, обнаружили, что этого блестящего профессора права невозможно запугать своими регалиями и авторитарной манерой поведения. Им приходилось отвечать на его доводы, в процессе чего они обычно терпели поражение.

Джонсон посвятил жизнь формированию школы из студентов и последователей из числа молодых ученых – таких, как автор книги «Заключение о замысле» Уильям Дэмбски, доктор наук по математике и философии.⁵

Одним из первых соратников Джонсона был профессор Лехайского университета по имени Майкл Бихи. С торчащими из лысеющей головы во все стороны пучками седых волос и всклокоченной седой бородой, доктор Бихи, который зачастую появлялся на публике в джинсовом комбинезоне с подтяжками поверх фланелевой рубашки, выглядел для окружающих, как гость из 1960-х. Бихи, выросший в Гаррисберге, штат Пенсильвания, всегда увлекался исследованиями в области естествознания. Свое призвание он обнаружил в старших классах на уроках химии. «Это же так интересно, – признавался он, – смешивать вещества и наблюдать за тем, как все это взрывается».⁶

Получив диплом бакалавра по химии, Бихи затем закончил аспирантуру по биохимии в Пенсильванском университете и проходил постдокторантуру в Национальном институте здравоохранения. Там он познакомился с одной христианкой, сомневавшейся в дарвинизме. Майкл подшучивал над ней по этому поводу. От родителей-католиков он научился, что Бог в качестве процесса сотворения мира вполне мог избрать эволюцию. Будучи практикующим ученым, Майкл не

видел причин оспаривать это удобное предположение. Все его познания в химии и биохимии подкрепляли дарвинизм как главную опору в мировоззрении настоящего ученого.

В 1985 году Бихи стал преподавателем Лехайского университета, и вскоре после этого прочитал книгу Дентона. Удивленный четкостью и убедительностью представленных в ней аргументов, ученый задался вопросом: почему он никогда не слышал подобных возражений ни во время аспирантуры, ни более поздних исследований, ни в академических кругах, ни в своей научной практике? Книга Дентона произвела на Бихи необычный эффект – она его разозлила. Он чувствовал себя глупцом. Еще бы: столько лет изучать химию и биохимию и никогда не задумываться о подобных вещах, никогда их не исследовать! Почувствовав себя обманутым, Бихи сначала просто недовольно бормотал себе под нос, но затем начал рассказывать о своем открытии студентам и коллегам. Но отвечать на аргументы Дентона никто не хотел.

И вот, в один из дней 1991 года Бихи, проходя по коридору своего отдела, увидел на столе номер журнала «Science» со статьей о книге Филипа Джонсона «Суд над Дарвиным». Прочитав ее, Бихи снова разозлился – по его словам, в нем течет слишком много ирландской крови. Журналист «Science», совершенно никак не отреагировав на аргументы Джонсона, просто привел ряд осуждающих цитат Юджени Скотт из Национального центра научного образования – организации, осуществляющей надзор за научными изданиями на предмет их соответствия дарвинистской ортодоксии. Бихи написал главному редактору журнала гневное письмо, потребовав от «Science» разбираться с аргументацией критиков, а не просто подвергать их нападкам.

Как биохимик, Бихи специализируется на клетках. Он понимает, что каждая клетка – это миниатюрный мир, наполненный очень сложными и чрезвычайно эффективными системами и микромашинами, которые должны работать строго синхронно, чтобы клетка могла жить. Имея такие познания, позже Бихи пришел в восторг от еще одной книги о происхождении жизни: «О пандах и людях».⁷ В ней была приведена иллюстрация послания, написанного на мокром песке: «Джон любит Мэри». Автор книги отмечает, что в повседневной жизни, видя независимые элементы (в данном случае – буквы), упорядоченные таким образом, чтобы получилось послание, которое по отдельности эти элементы передать не могут, мы признаем участие разума. «Я с этим согласен, – сказал Бихи. – В биохимии мы тоже постоянно с этим сталкиваемся. Отдельные элементы в упорядоченной совокупности формируют систему, которая совершает то, что по отдельности эти элементы совершить не могут».

Чем больше ученые, подобные Бихи, открывают определяющую для жизни роль информации, тем очевиднее становятся доводы в пользу существования Творца. Информация не способна к самоорганизации. Она не возникает случайно. Вы когда-нибудь видели, гуляя по пляжу, чтобы ветер создал на песке хотя бы простейшее утверждение, вроде «Джон любит Мэри»? А ведь эта фраза – детский лепет по сравнению с миллионами генетических посланий, содержащихся в одной лишь нити ДНК.

Прочитав «О пандах и людях», Бихи задался целью написать собственную книгу. Она получила название «Черный ящик Дарвина». В ней Бихи отстаивает концепцию, которую он назвал «несократимой сложностью». Ее суть в том, что многие биологические системы состоят из элементов, которые полностью зависят друг от друга в том, чтобы обеспечивать жизнедеятельность системы. Эволюция никак не может объяснить это, поскольку составляющие не могут действовать независимо. Если одна из них эволюционирует, то без участия остальных это бессмысленно. Эволюционировать должна вся система в целом, что, согласно учению Дарвина о постепенности процессов эволюционного развития, невозможно.

Бихи сравнивает такие биологические системы с мышеловкой. Для того чтобы мышеловка работала, у нее должно быть основание, пружина, фиксатор и прижимная рамка, достаточно крепкая, чтобы удерживать потенциальную жертву. Ни одна из этих составных частей в отдельности от других не может реализовать что-либо подобное ловле мышей. Основание само по себе бесполезно для таких задач. Пружина, фиксатор и рамка, хотя являются компонентами механизма, по отдельности – не более, чем бесполезный хлам. Аналогичным образом, многие структуры внутри клетки зависят от протеинов и аминокислот, которые друг без друга по сути бесполезны. Они эффективны только тогда, когда упорядочены в определенной структуре. Зачастую такие структуры чрезвычайно сложны. Опять-таки, по сравнению с ними фраза «Джон любит Мэри» выглядит детской игрой. Несократимая сложность системы – бесполезность ее отдельных частей без структуры, приводящей их в действие – это доказательство того, что данная система не могла появиться вследствие долгого, медленного, хаотического процесса. Напротив, это четко указывает на существование разумного Творца.⁸

Но что стало настоящим холодным душем для дарвинистских кругов и, наконец-то, заставило их встрепенуться, так это – труд Бихи по исследованию механизма свертывания крови у человека. Наша кровь способна свертываться – причем, строго в той мере, насколько это необходимо – благодаря процессу, состоящему из десяти этапов, в который вовлечены около двадцати различных молекуляр-

ных компонентов.⁹ Если бы наша кровь не свертывалась (как у людей, страдающих гемофилией), то малейший укол приводил бы к летальному исходу. В то же время, если бы она продолжала свертываться после того, как рана уже закрылась, то все мы превратились бы в кровавое желе.

Ключ – в регулировании механизма свертывания крови. Для создания идеально сбалансированной системы свертывания должны быть одновременно введены скопления протеиновых компонентов. Бихи описывает это, как каскадный процесс, во многом напоминающий эффект домино. Если вы выставите костяшки домино в ряд через малые промежутки между ними, а затем толкнете первую костяшку, то она толкнет вторую, а та – третью, третья – четвертую, четвертая – пятую и так далее. Для того чтобы этот процесс стал возможен, все костяшки должны быть на своих местах. Таким образом, – заключает Бихи, – свертывание крови в человеке – пример несократимой сложности, который доказывает несостоятельность подхода дарвинистов с его постепенностью эволюционных процессов и подтверждает гипотезу о существовании разумного Творца.¹⁰

Когда уважаемые и серьезные ученые, наподобие Бихи, начали оспаривать теорию Дарвина на научной основе, они также стали обнаруживать, что дарвинисты зачастую не настолько внимательны к фактам, как это утверждают. Видимо, дарвинистская наука – не всегда наука в полном смысле слова.

Вопрос приобрел новые масштабы, когда выводы Бихи были оспорены всемирно известным ученым доктором Расселом Дулитлом – биохимиком из Калифорнийского университета в Сан-Диего и членом престижной Национальной академии наук. Дулитл изучал механизм свертывания крови в человеке на протяжении сорока лет. В исследовании под названием «Хрупкое равновесие», которое было опубликовано в журнале «Boston Review» Массачусетского технологического института, он доказывал, что механизм свертывания крови возник в результате естественного эволюционного процесса, ссылаясь на другое исследование из журнала «Cell».¹¹ В завершение своего анализа Дулитл отметил: «В полной совокупности протеинов нет необходимости. Музыка и гармонию может создавать и небольшой оркестр». С помощью этой иллюстрации Дулитл якобы опроверг доводы Бихи.¹²

Бихи воспринял этот вызов серьезно, но, прочитав исследование, на которое сослался Дулитл, был потрясен. Хотя Рассел Дулитл действительно был экспертом по механизму свертывания крови, он

оказался не особо внимательным читателем – или же слишком убежденным в том, что эксперименты непременно должны подтверждать теории, которых он придерживается. Как бы там ни было, он неверно интерпретировал результаты исследования, опубликованного в журнале «Cell», которое в действительности свидетельствовало в поддержку доводов Бихи: уберите один из этих элементов, и весь механизм выйдет из строя с летальным исходом для человека.

Бихи отправил Дулитлу письмо по электронной почте, предложив еще раз внимательно перечитать упомянутый исследовательский отчет и его результаты. Дулитл прислал ответ, в котором признал, что неверно интерпретировал этот отчет, но настаивал на том, что остальных теоретических аргументов, изложенных в его статье, достаточно для опровержения точки зрения Бихи. Никаких опровержений доводов своей публикации он так и не сделал.

Кроме небрежности в интерпретации исследований, некоторые дарвинисты не брезгуют очернительством и запугиванием – лишь бы избежать необходимости признать правду.

Один из главных защитников дарвинизма – профессор Ричард Докинз из Оксфорда, – ответил на вопросы журналиста о теориях Бихи следующим образом: «Представьте, что существует хорошо организованная и щедро финансируемая группа психов, твердо убежденных, что Римской империи никогда не существовало, что вал Адриана, Веруламий, Помпеи и сам Рим – это подделки, в которые нас заставили поверить, а латынь, несмотря на богатейшее литературное наследие и влияние на языки романской группы, – это фабрикация времен викторианской эпохи. Безусловно, люди, отвергающие существование Римской империи, – это безобидные мракобесы; они куда безобиднее тех, кто отвергает существование Холокоста, хотя в чем-то на них похожи. Улыбайтесь и будьте терпимы, точно так же, как вы улыбаетесь, слыша об ‘Обществе плоской Земли’. Впрочем, ваше терпение может иссякнуть, если вы – ученый, который всю жизнь преподает историю, язык и литературу Рима».¹³

Хотя сравнение с людьми, отрицающими Холокост, и ярлык «мракобесов» едва ли кому-то приятны, однако Бихи понимает, что подобная риторика отчаяния выявляет неспособность критиков опровергнуть его аргументы. Ему радостно осознавать, что почти за десять лет, прошедших после издания книги «Черный ящик Дарвина», опспорить его доводы так никому и не удалось.¹⁴

Предложите дирекции любой школы обсудить на уроках изъяны дарвинизма или рассмотреть теории разумного замысла – и

вам, скорее всего, не просто откажут, а еще и обольют вас грязью, обвинят в антиконституционной деятельности и заклеят невежественным фундаменталистом. Возможно, вас даже сравнят с Талибаном. Только взгляните на жаркую полемику, которая разгорелась по всей стране и освещалась национальной прессой, как какая-то сенсация. С честной аргументацией, которая включает в себя и научные доказательства, ведут непримиримую борьбу.

Но почему? Почему бы не выслушать обе стороны? Не в этом ли заключается суть науки: оспаривать гипотезы и искать истину?

Правдоподобное объяснение этому предлагает Родни Старк – профессор социологии из Бейлора, а в прошлом – из Вашингтонского университета и Калифорнийского университета в Беркли. Он утверждает, что не причисляет себя ни к эволюционистам, ни к сторонникам разумного замысла. Старк называет себя просто ученым, исследующим исторические свидетельства. Он провел глубокое исследование трудов защитников дарвинизма, результаты которого были опубликованы Принстонским университетом в виде книги под названием «Для славы Божьей». Старк пришел к заключению, что битва за эволюцию далека от ситуации, когда «героические» ученые отбиваются от преследований со стороны религиозных «фанатиков». Он отмечает это с самого начала своей книги: «В первую очередь, это была атака на религию со стороны воинствующих атеистов, облачившихся в мантию науки в попытках опровергнуть все религиозные утверждения относительно Творца. При этом они зачастую пытались подавить и всякую *научную* критику трудов Дарвина».¹⁵

Например, Томас Генри Хаксли, получивший прозвище «бульдог Дарвина», принял на вооружение тактику выдвижения всего лишь двух альтернатив: дарвинизма и библейского буквализма. Интеллектуалов его дней ничего не страшило так, как ярлык библейского буквалиста. Хаксли высмеивал рассказы его оппонентов о том, что виды возникли без биологических предшественников, хотя прекрасно знал, что именно это предположительно произошло в кембрийский период, характеризующийся резким всплеском новых форм жизни. Как отмечает Старк, после 150 лет непреклонной дарвинистской ортодоксии в научных кругах дарвинисты так и не смогли заполнить пробелы, существующие между формами жизни.

Искажение правды со стороны семейства Хаксли проявлялось из поколения в поколение. Так, в 1958 году Джулиан Хаксли, внук

Хотя дарвинисты доказывают, что их позиция – это чистая наука, по сути, она представляет собой мировоззрение

Томаса Хаксли, смело заявил, что Дарвин «представил эволюцию непреложным фактом».¹⁶ Старк утверждает: Хаксли прекрасно понимал, что это не так, но верил, что «его ложь послужит великому делу 'просвещения'».¹⁷

Эта схема умышленного обмана действует и сегодня. Например, Ричард Докинз, подвергший злым нападкам труды Бихи, говорит:

«Даже если бы в поддержку теории Дарвина не было реальных доказательств, то для нас по-прежнему было бы оправданно отдавать ей предпочтение перед всеми конкурирующими теориями».¹⁸ В самом деле?! Без доказательств?

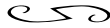
Как отмечает Старк, даже сам Дарвин признавал существование недостатков и множества открытых вопросов в собственной теории. Он так и не смог доказать, что естественный отбор приводит к переходу от одного вида к другому. Все его эксперименты со скрещиванием закончились ничем. Таким об-

разом, Дарвин так и не ответил на вопрос, откуда взялись биологические виды. Кроме того, он признавал, что для его теории ключевую роль играет принцип постепенности эволюционных процессов в природе, который, однако, ничем не подтверждается. Эти доказательства до сих пор отсутствуют в палеонтологической летописи. Ни во времена Дарвина, ни при множестве последующих раскопок за столько лет их так и не обнаружили. Дарвин осознавал: если формы жизни действительно возникли внезапно, то это «значит вступить в область чудесного».¹⁹

Внимательно исследовав аргументацию Дарвина, Старк приходит к заключению: «Дарвинистская теория действительно покоится на предположениях, требующих настоящего чуда».²⁰

Как отмечает Старк, пока дарвинисты не сформировали доказательную базу, их уделом остается мифология. Именно поэтому, убежден социолог, дабы заставить своих критиков замолчать, они прибегают к запугиванию, в чем убедился на себе Майкл Бихи. А, когда известный философ науки Карл Поппер начал доказывать, что теорию эволюции никак нельзя назвать научной, и что она представляет собой бездоказательную тавтологию, он был решительно осужден и подвергся серьезным личным оскорблениям.²¹

Читая аналитику Старка, трудно не прийти к выводу (по крайней мере, для меня), что с годами дарвинисты становятся все менее приветливыми. Будучи неспособны объяснить дыры, зияющие в теории эволюции, они просто переходят на личности и прибегают к нападкам на своих оппонентов.

Но почему? Существует одна веская причина, и это – маленький темный секрет дарвинизма. Хотя дарвинисты доказывают, что их позиция – это чистая наука, по сути, она представляет собой мировоззрение. Они противостоят любому изысканию, которое может поставить вопрос: существует ли Бог, сотворивший и поддерживающий вселенную? Для мыслителей эпохи после Просвещения, это, воистину, – сценарий конца света. Старк изо всех сил старается не ставить под сомнение мотивы дарвинистов, однако не может не упомянуть признание Ричарда Докинза: «Благодаря Дарвину, вы можете быть интеллектуально удовлетворенным атеистом».²²

Как отмечает Старк, исторические свидетельства указывают, что именно это является скрытым мотивом многих дарвинистов. Самыми первыми поборниками дарвинизма, по сути, были создатели социализма. Памфлет «Почему я социалист?» который распространялся в то время, дает ответ: «Потому что верю в эволюцию».²³ Прочитав «Происхождение видов», Карл Маркс написал Энгельсу, что Дарвин предоставил необходимый биологический базис для социализма.²⁴ «Центральным элементом в повестке дня дарвинистов был атеизм»,²⁵ – заключает Старк. Отвергнуть Дарвина – это значит отвергнуть материализм – и не только в науке, но также и в политической и социальной философии.

Неужели люди действительно лично заинтересованы в какой-то теории и потому отстаивают ее, несмотря на очевидные изъяны в ней? Достаточно лишь взглянуть на Альберта Шпеера. Люди обладают безграничными способностями в самооправдании, что мне прекрасно известно по собственному опыту работы в Белом доме.

Как бы там ни было, вопрос этой главы звучит так: «Чья версия лучше?» Единственный способ ответить на него – честно взглянуть на доказательства. Забудьте о личной заинтересованности поборников как разумного замысла, так и эволюции. В конце концов, задача науки – искать правду, к чему бы она ни вела.

Вот почему, мы должны также оценивать этот спор объективно. Вопрос не в противопоставлении веры или религии науке, а в борьбе двух вер, двух наук. Безусловно, для того чтобы поверить, что Бог словом создал вселенную, требуется вера. Но не меньше веры требуется и для того, чтобы поверить, что вселенная существовала всегда, что у нее нет ни начала, ни конца, или что она появилась, взорвав саму себя (что нарушает закон непротиворечия). Вера необходима как для того, чтобы поверить, что мы созданы по Божьему образу, так и для заполнения общепризнанных пробелов в палеонтологической летописи – поверить, что процесс, называемый естественным

отбором, можно экстраполировать в прошлое вплоть до начала времен и получить порядок, очевидно присутствующий во вселенной. Никто из нас не был при появлении этого мира с видеокамерой в руках, так что любые аргументы в этом отношении требуют веры и должны быть четко очерчены и исследованы в сопоставлении друг с другом.

Конкурирующие научные утверждения следует изучать на предмет их обоснованности. Я не считаю, что Дарвин ошибается абсолютно во всем. Существуют явные признаки эволюции *внутри* видов, что часто называют адаптацией. Внутри видов мы наблюдаем обширные вариации. Например, и пудели, и сенбернары – собаки. Но совсем другое дело – превращение одних видов в другие, чему на данный момент нет никаких доказательств. Как идея дарвинистов о том, что в палеонтологической летописи не должно быть признаков внезапного возникновения новых видов, подтверждается археологическими находками? Никак. Ей противоречит всплеск новых видов в кембрийский период. Все, о чем просит движение сторонников разумного замысла, – это право задавать правильные вопросы и получать на них честные ответы. Никто не пытается навязать кому-то религию или заменить науку верой. Подобным же образом, неверующие ученые не должны использовать престиж науки для продвижения своих атеистических убеждений.

Становится очевидно, что все больше ученых склоняются к доводам в пользу разумного замысла, что вселяет в сердца дарвинистов ужас. Недавний социологический опрос показал, что от 55 до 60 процентов профессоров математики, статистики и физики считают себя верующими людьми.²⁶ Один из них – лауреат Нобелевской премии Чарльз Таунс, – сказал, что наука не может ответить на вопрос о происхождении вселенной, и существует «потребность в некоем религиозном или метафизическом объяснении. Я верю в концепцию Бога и в Его существование».²⁷

Аргументация сторонников разумного замысла выглядит убедительной и для философов. Так, в 2004 году один из наиболее известных мировых философов атеизма, Энтони Флю, которому на тот момент был 81 год, изменил свои взгляды и был достаточно смел, чтобы объявить об этом.²⁸ Еще в молодые годы Флю участвовал в диспуте на предмет существования Бога с Клайвом Льюисом, который и сам был обратившимся в христианство атеистом. Существенную роль в изменении взглядов Флю сыграла аргументация Бихи. Он признал, что дарвинская эволюция не может объяснить происхождение жизни и феномены, подобные напичканной информацией молекуле ДНК. Флю отметил, что проведенные биологами исследования ДНК «показали невероятную сложность условий, необходимых для

получения жизни, что невозможно без участия разума».²⁹ После этого заявления большинство коллег Флю, многие годы проработавших с ним в Оксфорде, пребывают в ошеломленном молчании.

Что, если Бихи и другие ученые, подобные Энтони Флю, правы?

Вопрос, откуда произошла жизнь – самый важный из всех, на которые вы должны ответить, чтобы обрести счастливую жизнь. Неверный ответ на него сделает жизнь ущербной или, еще того хуже, безвозвратно потерянной. На кону стоит слишком многое.

Вспомните, философ Питер Сингер признает, что его этический расчет базируется на атеистическом представлении о вселенной. Если же вселенная и жизнь сотворены с определенной целью, то это подразумевает существование какого-то авторитета, превосходящего совокупное человеческое счастье. Это значит, что прагматизм Питера Сингера – его аргументы против Макса и подобных ему – рушится, а люди наделены внутренним достоинством и неотъемлемым правом на жизнь. Они не могут быть объектами манипуляции, инженерии или оценивания со стороны мыслителей-утопистов.

Сравните утилитаризм с идеей о существовании замысла и цели, очевидных во вселенной. То, что Ньен Чен увидела в пауке, и что мы с вами видим в звездном небе, – это реальность: существует естественный, физический и биологический порядок. Если он сотворен, то Творец явно преследовал какую-то *цель*, и это поднимает вопросы нравственного характера, влияющие на все сферы жизни. Если этот мир – продукт разумного замысла, то это значит, что существует Бог или какая-то высшая сила.

Теперь нам должно стать очевидным, что различие между двумя вышеупомянутыми мировоззрениями определяет различия в образе жизни – в том, как *вы* можете жить. Если вы придерживаетесь первой системы взглядов, то по большому счету не имеет значения, как вы живете. Если же вы придерживаетесь второго мировоззрения, то следующие вопросы, на которые вы должны ответить, касаются смысла и цели созданного Творцом естественного порядка.

Нравственность и естественный порядок

Жизни присущ очевидный естественный порядок, который, по утверждению Бихи и других, создан для определенной цели. В своих утопических мечтах мы иногда забываем об этом, из-за чего крыша может рухнуть прямо нам на голову – в буквальном смысле, как обнаружила Всемирная организация здравоохранения.

В начале 1950-х годов на острове Калимантан возникла вспышка малярии среди аборигенов-даяков. Всемирная организация здравоохранения отреагировала на это, опрыскав крытые соломой хижины местных жителей пестицидом ДДТ, который убил комаров, но вместе с ними – и наездников (паразитических ос), удерживавших под контролем популяцию питающихся соломой гусениц. С наступлением ночи гул малярийных кровососущих комаров утих, но там и тут раздавался резкий треск, а за ним – крики людей. Рушились крыши их домов.

Но это было только начало проблем. Токсичными комарами, которые валялись повсюду «в отключке», объелись гекконы. Эти ящерицы, способные в обычных обстоятельствах пробежать несколько метров по поверхности воды, в ту субботнюю ночь под действием ДДТ бродили, раскачиваясь из стороны в сторону, как пьяные. Местные коты, с радостью воспользовавшись ситуацией, легко передушили дезориентированных ящериц и устроили пиршество. В результате все они сдохли.

Так в жизни даяков начался год под знаком крысы. Эти грызуны были повсюду, потоком устремляясь в оставшиеся без крыши жилища людей. Крысы оказались не просто досадной неприятностью, способной потревожить вас ночью или цапнуть за лодыжку. Они несли угрозу заражения бубонной чумой – болезнью куда более серьезной, чем малярия, хотя и она тоже очень опасна.

Что же было делать Всемирной организации здравоохранения? Какие еще неожиданные бедствия могли случиться, отрави они теперь крыс? События вышли из-под контроля, и лучшие умы ВОЗ совершали интеллектуальные пируэты, пытаясь что-то придумать в сложившихся обстоятельствах. В конце концов, они всего лишь пытались помочь.

Наконец, кому-то пришла в голову блестящая идея восстановить один из разрушенных элементов естественного порядка, а именно – котов. Им требовались новые коты – *много* котов, чтобы те разобрались с крысами (которые едят гекконов, которые едят комаров «в доме, который построил Джек»). Но как же сотрудники ВОЗ могли доставить тысячи котов в отдаленный район острова Калимантан?

Однажды, выйдя из своих жилищ поутру, даяки слышали гул низколетящего самолета, и через несколько мгновений небо усеяли киски на парашютах. В ходе операции «Кошачий десант» Калимантан был орошен дождем из 14 тысяч усатых и хвостатых. Как только животные приземлились – несомненно, на все четыре, – их уши стали торчком, и они умчались кто куда в известных только им самим направлениях. Не прошло много времени, как коты принялись за ловлю крыс, и даяки были спасены от комаров, грызунов и Всемирной организации здравоохранения.¹

Естественный порядок задает направление не только для экосистем, но и для человеческого поведения, которое должно соответствовать этому порядку. Стивен Кови в своих семинарах часто упоминает об этом аспекте естественного порядка, называя его «законом фермы».

Кови отмечает неизменность определенных природных циклов и подчеркивает тот факт, что все люди учитывают разнообразные агрономические реалии. Например, никто не выращивает помидоры в темном шкафу, потому что это не даст результата. Также, никто не сажит кукурузу на заливных рисовых полях. Жатва всегда следует за посевной. Каждый, кто жил на ферме, знает, насколько важно учитывать определенные

Нравственный порядок –
это, прежде всего,
ответная реакция на
естественный порядок

законы фермы. Проиигнорируйте их или придумайте свои собственные – и вы перестанете быть фермером.² Вам нечего будет есть.

Точно таким же образом естественный порядок определяет

наше поведение во многих жизненных сферах, побуждая нас вести себя так, а не иначе. Мы называем это нравственным порядком, который, в определенном смысле, начинается с попыток понять тот факт, что человеческое поведение – это, прежде всего, реакция на естественный порядок. Лучший способ объяснить, что я имею в виду, – это рассказать о том, как один из самых известных адмиралов военно-морского флота использовал для влияния на поведение людей физический закон тяготения.

Когда в молодые годы я только начинал свою карьеру в Вашингтоне, я работал в Главном управлении ВМС на должности младшего помощника заместителя секретаря. Изредка я пересекался с адмиралом Хайманом РикOVERом – легендарным разработчиком ядерного реактора для морских судов. Он был гением, хотя и эксцентричным. Когда я вошел к нему в кабинет, РикOVER предложил мне присесть на стул, стоявший перед его письменным столом. Сев на этот стул впервые, я едва не соскользнул с него на пол. Его передние ножки были срезаны сантиметров на пять. Во время разговора с РикOVERом я постоянно съезжал вперед, и мне приходилось прилагать усилия, чтобы не сползти на колени. Безусловно, этот наклоненный вперед стул был хорошим способом делать визиты непродолжительными, а молодых помощников – смиренными. (Меня не покидало ощущение, что я взываю о помощи.) РикOVER использовал гравитацию, естественный порядок, чтобы добиться от посетителей желаемого поведения.

Нравственный порядок – это, прежде всего, ответная реакция на естественный порядок.

Давайте предположим, что у физического порядка, как утверждают Библия и другие, есть разумный Творец или, если хотите, Бог. Разве не логично ожидать, что этот Бог будет учить нас поведению, соответствующему сотворенному порядку, как это на своем уровне делал РикOVER? Не будем забывать, что нравственность – это решение поступать так, как велит природа.

Как мы уже увидели, пренебрежение природными целями, иррациональное поведение приносит множество бед. И это относится не только к экосистемам, но и к наиболее сокровенным аспектам нашей жизни. Одно дело – ратовать за понимание всей сложности существующей экологии и учиться взаимодействовать с ней (это модная позиция, с которой может согласиться почти любой), и совсем другое – признавать, что наша сексуальная жизнь должна находиться в рамках естественного порядка. По сути, именно в этой сфере пренебрежение естественным порядком проявилось в нашей культуре наиболее остро. В том, что касается секса, мы хотим поступать так, как нам заблагорассудится.

Я долго и серьезно размышлял, стоит ли рассказывать следующую историю о мужчине, которого непреодолимо влекло к представителям своего пола. Ведя образ жизни открытого гомосексуалиста, он, в конце концов, увидел, насколько изначально неправильным является такое состояние и решил исправить положение. Эту историю рассказывать непросто. Она содержит много неприглядных моментов, что может вызвать у некоторых читателей крайне неприятные чувства. И все же я решил, что эта история важна – и именно потому, что она открывает ту сферу, в которой слепота нашей культуры к естественному порядку стала наиболее вопиющей. Современные масс-медиа стараются избегать подобных историй. Для них люди, подобные Рэнди Томасу, просто не существуют – или не должны существовать. Но они есть. Их тысячи. И если мы хотим, чтобы агитплакаты, которыми общество облепливает наш разум, изменились, а ложь утратила свою силу над нами, то я должен поведать вам эту историю.

В 1981 году, когда Рэнди Томасу было тринадцать лет, он натолкнулся в своей школьной библиотеке в Нашвилле на буклет о сексуальности человека. В нем было сказано, что влечение к представителям своего пола, скорее всего, указывает на врожденный гомосексуализм. Авторы буклета делали заключение, что гомосексуализм – это естественная разновидность сексуальной ориентации, в которой нет ничего плохого. Таким образом, гомосексуалист должен согласиться со своей сексуальной ориентацией и обрести в ней удовлетворение.

«Так и есть», – подумал Рэнди. С первых же дней в школе одноклассники дразнили его из-за женоподобных манер «девчонкой», «гомиком» и «голубым». Рэнди и сам удивлялся, почему у него такой певучий голос и такая жестикуляция, но списывал это на воспитание в семье, где доминировали женщины: мама, бабушка и тети. Он думал, что просто перенял манеру поведения от них.

Рэнди знал (или, по крайней мере, думал, что знает), когда началось его влечение к мужчинам. Будучи пятиклассником, он проводил вечера, глядя увлекательные телесериалы наподобие «Придурки из Хаззарда» и «Калифорнийский дорожный патруль». Актеры впечатляли Рэнди своей силой и мужеством, надежностью и добротой. Он начал представлять себя в мечтах рядом с ними в их приключениях. Возможно, ему тоже удалось бы совершить подвиг, и один из этих крутых ребят взъерошил бы ему волосы в знак благодарности или обнял бы его за плечи. Рэнди фантазировал, как он устраивается на коленях у кинозвезды, и тот заключает его в крепкие объятия.

Затем, когда его организм начал претерпевать изменения в раннем подростковом возрасте, и он открыл для себя сексуальное удовольствие, мечты Рэнди о мужчинах-кумирах приобрели эротический оттенок. Теперь он хотел не просто находиться в объятиях, а переживать недавно обнаруженное удовольствие.

Прочитанный буклет убедил Рэнди, что эти чувства никогда не изменятся. Он был гомосексуалистом, геем.

Рэнди был рад наконец узнать, что он по крайней мере *кто-то*, потому что тогда менял свой имидж чуть ли не ежедневно. Сегодня он мог одеться, как ученик элитной школы, завтра – как панк, а через неделю – как стильный рокер и фан группы «Duran Duran». Внутри Рэнди испытывал невероятное беспокойство, словно нуждался в чем-то еще. Он пытался заниматься сразу несколькими делами, например, учить уроки, при этом разговаривая по телефону со своим лучшим другом Пейджем, меняя кассеты в магнитофоне в поисках своей любимой песни и по ходу отдавая распоряжения своему младшему брату Джимми.

Единственным источником некоторой упорядоченности в жизни Рэнди было фанатичное стремление его отчима чувствовать себя начальником. В обязанности детей входила уборка дома. Однажды, после того как Рэнди досконально вымыл ванную, вычистив кафель с помощью моющего средства, его отчим нашел в углу волосок и заставил выдраить всю ванную еще раз. Вторая инспекция выявила еще какой-то недостаток, и Рэнди получил приказ сделать уборку в третий раз. Он особо не сопротивлялся, поскольку отчим запросто раздавал подзатыльники направо и налево, которые часто перерастали в тумаки и в конце концов превращались в настоящее избиение.

В первый раз, когда Рэнди попробовал перечить отчиму, тот на борцовский манер захватил его голову и несколько раз ударил кулаком в висок, отчего у парня случилось сотрясение мозга. Мать Рэнди сбежала с сыновьями на квартиру, где, обещала она, жестокий отчим никогда их не найдет. Однако не прошло и нескольких дней, как он выследил их, и мать обвинила во всех бедах Рэнди – мол, не будь он таким упрямым и непослушным, отчим никогда не обращался бы с ним подобным образом. Она кричала на сына до тех пор, пока тот не согласился вернуться в дом отчима.

В старших классах Рэнди начал вести двойной образ жизни. В возрасте шестнадцати лет у него был первый опыт сексуальной связи – с парнем, который работал вместе с ним в ресторане быстрого питания. Примерно в это же время Рэнди привлек к себе внимание одной девушки. Она нравилась ему, как друг, и ему льстило ее внимание. Девушка первой сделала шаг к сближению, и их статус влюбленной пары позволил Рэнди выглядеть нормальным, избавив от

издевательств со стороны одноклассников. Рэнди со своей новой подругой даже время от времени забавлялся ласками на заднем сиденье машины, но его это мало возбуждало, хотя девушка и получала удовольствие. Он осознавал, что просто использует ее.

Получив новую работу в очередной закусочной, Рэнди оказался в гуще гей-субкультуры. Менеджеры ресторана были лесбиянками и, как выяснилось, брали на работу исключительно гомосексуалистов, о чем Рэнди узнал только позже. Однажды, когда персонал готовился к вечернему наплыву посетителей, менеджеры и остальные работники обступили его и задали загадочный вопрос: «Ты – семья?»

«Что? – спросил Рэнди. – О чем это вы?»

«Ты – семья? Ну, *семья*, понимаешь? Ты – гей?»

Все хотели выяснить, бывал ли он когда-нибудь в гей-баре. Оказалось, что нет. «Обязательно сходи!» – сказали они. Составить Рэнди компанию после рабочей смены вызвался Терри – парень тридцати лет с накрашенными бровями и ресницами. Остальные пообещали присоединиться к ним позже.

Терри запросто провел Рэнди через парадную дверь. В то мгновение, когда она распахнулась, и в уши парню ударила громкая музыка, Рэнди подумал, что оказался на небесах. Он ожидал увидеть зал, наполненный женоподобными мужчинами в боа (стереотипное представление о геях), но обнаружил там самых разных людей. Единственным общим знаменателем во всем этом многообразии была сексуальная ориентация. Рэнди с его темными волосами и мальчишеским, почти ангельским лицом быстро приобрел много поклонников. Терри и другие мужчины постарше ночь напролет бесплатно поили его. Рэнди чувствовал, что ему здесь рады, как нигде и никогда прежде. Он впервые ощутил себя в своей тарелке, частью чего-то большего, с чем мог себя отождествить. В ту ночь в стельку пьяный Рэнди отправился к Терри домой, где они занялись сексом.

Во время учебы в старших классах двойная жизнь стала для Рэнди нормой. Он скрывал свою гомосексуальность от семьи и одноклассников, работал после школы и по выходным, зарабатывая на карманные расходы, и почти каждую ночь наведывался в гей-бары. В них не только продавали алкоголь, но и всюю торговали марихуаной, «экстази» и кокаином. Рэнди начал курить много «травы» и часто глотал «колеса». Кокаин обычно был ему не по карману, но иногда его угощали мужчины, которым он нравился.

Втянувшись в гомосексуальный образ жизни, Рэнди начал замечать одну особенность, отчасти объяснявшую, почему это сообщество с такой радостью принимало новичков. Мужчины постарше тосковали о красоте юности, которая, как они видели, уже угасает в них самих, а подростки тянулись к кому-то более зрелому и автори-

тетному. Как старших, так и младших влекло к тому, чего не было у них самих. Они хотели обрести идеализированный образ себя. Рэнди был достаточно умен, чтобы понять, что гей-культура пропитана нарциссизмом.

И все же, он лелеял мечту найти настоящую любовь — мужчину, с которым мог бы прожить всю жизнь. Вскоре после окончания школы Рэнди решил, что, наконец, нашел то, что искал, в лице высокого, крепко сложенного парня по имени Рон. У них даже состоялось свидание прежде, чем они занялись сексом. Рэнди мечтал, как будет жить вместе с Роном на ранчо в доме, возле которого будут стоять две одинаковых «хонды аккорд», а в качестве домашних питомцев они заведут себе шпица и лайку. Вечерами они сидели бы на веранде в креслах-качалках, держась за руки, и наблюдали за закатом. Рон был первым мужчиной, к которому у Рэнди сформировалась сильная эмоциональная и физическая привязанность. Это был первый человек, с которым он делился своими надеждами и мечтами, — словом, первая любовь. Впрочем, их отношения продлились всего лишь три месяца.

Первый год после школы Рэнди по-прежнему жил со своей семьей, посещая занятия в Государственном университете Мидл-Теннесси. Он также работал как минимум на двух работах, чтобы позволять себе все более бурные вечеринки в гей-барах. Будучи кассиром в гастрономе, Рэнди стал местной знаменитостью, комично пародируя в процессе расчета с покупателями поведение геев и их типичные ужимки. Его очередь, состоявшая обычно из одних гомосексуалистов, зачастую растягивалась вглубь магазина, в то время как другие кассы могли вообще пустовать.

Рэнди все больше употреблял алкоголя и наркотиков. Он не мог найти другого лекарства от донимавших его беспокойства и скуки, кроме попыток обрести очередную любовь или, по крайней мере, очередного сексуального партнера. В один из моментов сильного похмелья Рэнди проявил неосторожность, забыв в кармане джинсов приглашение на вечеринку по случаю Дня святого Валентина, устраиваемую для геев и лесбиянок. Собирая одежду в стирку, это приглашение нашла его мать.

Она попросила Рэнди зайти к ней в спальню для разговора. Едва войдя в комнату, он сразу же увидел на полу у кровати приглашение на вечеринку. «Я нашла это в твоих джинсах, — сказала мама. — Ты — гей?»

Рэнди признал, что это так.

«Это просто невозможно! — сразу же вспыхнула мать. — Что за чушь! Ты хоть знаешь, что это означает?»

Рэнди нервно рассмеялся: «Думаю, что да».

«Мальчики в переходном возрасте, бывает, вступают раз или два в случайные связи, но это не обязательно что-то значит, — она сотрясала стиснутыми кулаками в воздухе. — Но для тебя это что-то значит? Ты хочешь сказать, что занимался сексом с женщиной?»

«Да, мам».

«И не с одним?»

Рэнди не ответил.

«Ты уже занимался сексом со многими мужчинами? С теми, кто старше тебя или с ровесниками?!» Мать Рэнди все больше распалялась, вышагивая перед ним взад и вперед по комнате. Она описывала разные сексуальные действия и требовала рассказать, занимался ли он подобным, и, если да, то где и когда. С каждым таким вопросом в ней все больше закипал гнев.

«Ты *не можешь* быть геем! — наконец, выпалила она. — Мой сын — не гомик!»

«Нет, мам, я — такой, как есть».

«Твой брат знает? — В ее голосе зазвучали нотки отчаяния и мольбы. — Ты же не рассказывал об этом Джимми?»

«Он догадался, когда мне домой начал звонить один из моих друзей, поэтому я рассказал ему».

«Джимми знает?! Он узнал раньше, чем я? Как ты мог с ним так поступить? Как ты мог так поступить с семьей?!»

«Я не сделал семье ничего плохого. Это сугубо мое личное дело».

«И еще — Божье! Ты знаешь, что Бог думает о гомиках? Знаешь?! Гомики попадают в ад. Бог ненавидит гомиков».

«Все равно, это моя жизнь — хоть здесь, хоть в аду».

«Что это значит? Ты не намерен останавливаться?»

«Я не вижу, как могу это сделать, мам. Тебе не кажется, что я имею право жить собственной жизнью?»

«Конечно, у тебя есть какие угодно права, но это — конец... Не хватало еще, чтобы из меня делал дурочку какой-то... Ты шляешься где-то, занимаясь тем, о чем мне даже противно подумать, а потом рассказываешь обо всем этом *Джимми*! Я вообще запрещаю тебе разговаривать с ним. Он такой послушный, добрый — настоящее благословение... О чем ты только думал?! — Прижав ладони ко лбу, она потерла себе виски. Наконец, она решительно посмотрела на Рэнди. — Собирай свои вещи и убирайся отсюда. Даю тебе час. *Один час*! И чтобы через час духу твоего не было в этом доме! — Подняв с пола приглашение на вечеринку, она разорвала его надвое. — Я не желаю видеть здесь эту мерзость. Не желаю! Это настолько... настолько отвратительно, что даже *Бог* не может на это смотреть. Так что убирайся! Живи своей жизнью! Давай! Но пока ты ведешь такую жизнь,

ноги твоей не будет в этом доме! Ты сюда не вернешься. Никогда!!»

Следующие три недели Рэнди жил в своей машине. Некоторые из друзей иногда приглашали его переночевать у них дома, но они сами жили далеко не в самых лучших условиях. В одну из ночей Рэнди предложили спать на диване, который вонял кошачьей мочой и кишел тараканами. Отказавшись от такой перспективы, он предпочел ночевать в машине. После нескольких недель бездомности Рэнди пришел в такое отчаяние, что начал подумывать о самоубийстве.

Наконец, какой-то знакомый его друга, сжалившись над парнем, предложил Рэнди какое-то время пожить в его квартире. Как оказалось, это был трансвестит, которого все знали по его сценическому имени Кармелла Марселла Гарсия. Кармелла встретил Рэнди на пороге, одетый в яркое платье свободного покроя. На голове у него был удерживающий волосы чулок, а вокруг глаз – яркий макияж. Кармелле оставалось только нацепить парик и умчаться на свое очередное шоу, но все же он уделил время, чтобы встретить юного бродягу и приготовить для него домашний обед: маисовый хлеб и ветчину с горошком. Когда Рэнди переступил порог, хозяин квартиры сказал: «Приветствую тебя в моем доме во имя Иисуса. Господь сказал мне, что Он хочет, чтобы я помог тебе снова встать на ноги».

Рэнди с благодарностью жевал приготовленный Кармеллой обед, и по его щекам текли слезы. С ним столько всего произошло! Ему казалось, что радушный прием, оказанный ему Кармеллой, теперь навеки утвердит его принадлежность к гей-сообществу. А куда еще он мог пойти? К тому времени мама Рэнди, немного смягчившись, вручила ему список условий на двух листах. Исполнив их, он мог бы вернуться домой, но у него была гордость. Рэнди думал, что понять его и позаботиться о нем могут только его друзья-геи.

А еще Кармелла что-то упомянул об Иисусе. Это было странно и разительно контрастировало с гневной тирадой мамы Рэнди о том, что геи идут в ад. И вообще, с каких это пор она начала интересоваться Богом? Она практически никогда не наставляла детей в духовных вопросах. Рэнди так мало знал о Библии, что до старших классов искренне считал Моисея и Иисуса кузенами. Их семья посещала богослужения лишь пару недель после того, как мама Рэнди вышла замуж за его отца. Они хотели, чтобы мальчики приняли водное крещение. Не потому, что родители Рэнди и Джимми считали крещение чем-то настолько уж важным, – они просто пытались выглядеть приличной семьей.

Тем не менее, это было интересное переживание. Рэнди не знал о смысле водного крещения почти ничего, но на всю жизнь запомнил свои ощущения после выхода из воды. Никогда еще он не испытывал

такой легкости и ощущения счастья, и почему-то Рэнди был уверен, что Бог доволен. Но это было очень давно, когда он был совсем еще малышом...

Поглощая приготовленную Кармеллой еду, Рэнди осознал, что единственная водная процедура, которую он сейчас с нетерпением ожидает, — это впервые за три недели принять душ. От него уже во-няло.

Рэнди не задержался в доме трансвестита надолго. Его разгульная жизнь с пропитанными наркотиком вечерниками создавала хаос для всех окружающих. Он отплатил за доброту Кармеллы настолько ужасным поведением, что покинул его квартиру, стыдясь самого себя.

В итоге Рэнди решил отправиться на Лонг-Айленд, где жил его родной отец. В последний раз они виделись, когда Рэнди учился в пятом классе. Именно тогда отец, нечасто баловавший домашних своим присутствием, навсегда покинул семью.

Из всех воспоминаний о нем в памяти Рэнди больше всего отложились два эпизода. Когда ему было пять лет, в один из вечеров родители поругались. Они закрыли Рэнди в комнате его маленького брата подальше от ссоры. Он стоял у кровати Джимми, прислушиваясь к крикам родителей. Их голоса становились все громче. Вдруг Рэнди услышал звонкий, почти музыкальный удар в закрытую дверь комнаты. Последовал очередной всплеск громкой перепалки, а за ней — звук рвущейся ткани и глухой стук чего-то тяжело упавшего на пол, за которым установилась тишина.

Осторожно приоткрыв дверь, Рэнди увидел на полу обломки своего любимого красного стульчика на трех ножках. Это он разбился о дверь. Другие звуки, наверное, объяснялись тем, что отец ударил маму. Она лежала, скорчившись посреди комнаты, и стонала сквозь слезы, обхватив голову руками. Рэнди подошел к ней. «Папа — плохой человек, — сказал он маме. — Не переживай. Я позабочусь о тебе».

Вторым воспоминанием Рэнди об отце была их последняя встреча. Мальчику тогда было десять лет, и его мама уже жила вместе с мужчиной, который вскоре стал его отчимом. Предполагалось, что отец Рэнди и Джимми будет проводить с сыновьями хотя бы один день в месяц, но в реальности это выглядело иначе. Он просто забирал их, отвозил к своей матери, и в большинстве случаев дети не видели его до того момента, когда он должен был вернуть их домой. Если же он и появлялся на глаза, то, в основном, отупевший от наркотиков и алкоголя и совершенно не в настроении для игр.

В последний раз, когда отец воскресным вечером привез сыновей домой, Рэнди рассказал маме, как провел выходные. Это спровоцировало ссору между родителями, к которой подключился еще и его будущий отчим. Когда поток ругани трех взрослых, наконец,

иссяк, отец Рэнди уехал. Мальчик стоял в дверях, глядя вслед отъезжающей от дома машине. Опустив стекло, его отец прорычал: «Я завтра позвоню», – и больше Рэнди его не видел до того времени, когда сам стал взрослым.

Его визит на Лонг-Айленд ни к чему хорошему не привел. С помощью методик «гневотерапии» вечно пьяный отец раз за разом пытался спровоцировать сына на скандал, и, чтобы случайно не убить его, Рэнди просто ушел.

Вернувшись в Теннесси, он снял койко-место в доме, занимаемом еще четверьмя гомосексуалистами. Единственное, что было в его распоряжении в течение полутора лет, – это тахта и шкафчик в прихожей.

Посреди такого житейского шторма бывший сотрудник Рэнди, Брюс, пригласил его на домашнюю группу по изучению Библии. Рэнди считал Брюса достаточно привлекательным, чтобы потерпеть час религии ради возможности заработать чуть больше расположения. В тот момент он щеголял серьгами-кольцами в ушах, его мелированные светлые волосы спереди торчали ежиком, а сзади были длинными до плеч. Рэнди предвкушал неодобрительные взгляды участников библейской группы, что лишь подчеркнуло бы его убежденность в том, что все христиане – лицемеры.

Тем не менее, они восприняли эпатажный вид парня совершенно спокойно и сразу же радушно приняли его в свою компанию. К большому удивлению Рэнди, ему вручили Библию и попросили, когда подойдет его очередь, прочитать вслух несколько стихов из какой-то длинной главы. В завершение собрания одна из женщин, поведя группу в молитве, обратилась к Богу, как к «Аббе». Рэнди никогда раньше не слышал такого термина. Единственным, с чем у него ассоциировалось слово «Абба», была шведская поп-группа 1970-х годов. После собрания он спросил у той женщины, что это за слово, и она объяснила, что в переводе с арамейского «абба» означает «отец». Именно такую форму обращения использовал Иисус, когда учил Своих последователей молитве Господней. Она сказала, что прямой перевод слова «абба» – это «папа». Рэнди до того никогда не думал о Боге с такой теплотой, что, оказывается, к Нему можно обращаться настолько запросто.

Он продолжал работать официантом и участвовать в бурных вечеринках, но время от времени посещал занятия библейской группы. Там он мог наблюдать вблизи за супружескими парами. Рэнди знал очень немногих, у кого был успешный брак, и определенно – никого из его ближайших родственников. Он видел, что супруги, посещавшие библейские занятия, были более дружелюбными и открытыми, чем известные ему гей-пары. Их молитвы касались

жизни детей, того, что происходило на работе и в благотворительных организациях, с работой которых они были так или иначе связаны.

Рэнди отметил в этих супругах ранее неведомую ему удовлетворенность, которая разительно контрастировала с характерным для жизни гей-пар отчаянием. Его друзья-гомосексуалисты пребывали в постоянном страхе и унынии. Вся их индивидуальность была поглощена гомосексуальностью. Даже те гей-пары, у которых завязались долговременные отношения, по-прежнему находились в лихорадочных поисках очередного «подъема» – будь то выпивка, наркотики, случайные связи или попытки каким-то образом идеализировать свои взаимоотношения. Беспокойство, отчужденность и приступы скуки, – эти неизменные спутники образа жизни геев, – напоминали о себе снова и снова.

«Ищите, и найдете», –
именно таков принцип
счастливой жизни

Сексуальные контакты, на время успокаивавшие эти чувства, в конечном итоге лишь усугубляли ситуацию. Друзья-гомосексуалисты Рэнди напоминали людей, пытающихся утолить жажду соленой водой.

Супруги на библейских занятиях дополняли друг друга, чего нельзя было сказать о гей-парах. Наблюдая за гетеросексуальными семьями, Рэнди стал на путь, который в конце концов привел его к нескольким удивительным открытиям. Он пришел к убеждению, что мужчине, дабы ощущать себя во всей полноте мужчиной (а женщине – женщиной), необходимо соприкосновение с отличительными особенностями другого пола. И это не обязательно подразумевает сексуальные отношения. Оно может отражаться даже в обычной дружбе.

Рэнди понял, что геев влечет к другим мужчинам потому, что они не чувствуют себя достаточно мужественными. Они думают, что большинство мужчин (в большей степени, чем женщин) принципиально отличаются от них, что они какие-то «другие». Это – иллюзия, хотя и обладающая колоссальной силой. Гомосексуалисты, стремясь восполнить то, чего нет у них самих, обращаются к мужчинам. Чужая мужественность одновременно привлекает и пугает их. Это приводит к раздвоению чувств, из-за которого гомосексуальные партнеры обычно чрезмерно критичны и глубоко подозрительны друг к другу.

В гетеросексуальных отношениях различия между полами подчеркивают их характерные особенности. Кроме того, такие отношения уравнивают уникальные качества друг друга с помощью взаимодополняющих характеристик. Взаимное дополнение мужчины и женщины открывает для мужа и жены настоящую драму секса: создание нового человеческого существа. Каждый ребенок предназначен быть буквальным воплощением любви мужа и жены.

Один из знакомых Рэнди как-то отметил, что рождение детей открыло ему истинную сущность секса. Изгиб бедра жены; его мускулистые плечи, привлекающие руки супруги; удовольствие, которое они находят во взаимных прикосновениях – все это лишь костюмы, декорации и освещение – действие, сопровождающее драму. Сюжет же, который составляет саму суть этой драмы, заключается в зачатии и рождении ребенка. Появление совместного ребенка открывает истинную творческую силу секса, его глубокую тайну. Рождение детей отвлекло эту супружескую пару от их собственных эгоистических желаний и фактически вынудило сосредоточиться на бескорыстном даянии, что, как мы уже убедились, является ключом к счастливой жизни и созданию жизнеспособного общества.

Рэнди осознал, что однополые отношения никогда не смогут во всей полноте раскрыть эту внешнюю сферу привязанности. Гомосексуализм не направляет ни одного из партнеров к любви к тем, чей пол отражает принципиальные отличия, кто действительно «другой». В нем нет естественной направленности любви супругов на их детей, поскольку это невозможно биологически. Желание гомосексуальных пар иметь приемных детей свидетельствует о простой потребности людей во внешней направленности. Они понимают, что часть их человеческой природы может быть удовлетворена только теми переживаниями, которые невозможны из-за их сексуальной ориентации.

Люди, страдающие влечением к представителям своего пола, обнаруживают, что их сексуальность во многих отношениях ведет к поглощенности собой. Например, гомосексуальные пары зачастую превозносят свою внешность, особо подчеркивая все видимое: от модной одежды и причесок до результатов пластической хирургии. Видимое, однако же, никогда не ведет к глубинным переживаниям деторождения, и потому становится самоцелью. По этой причине гомосексуалисты больше заботятся о самих себе. По мере старения многие из них отчаянно стремятся хотя бы символически вернуть молодость через любовные связи с молодыми юношами. Другие же обнаруживают, что не в состоянии справиться со своими идеализированными представлениями о самих себе. Сексуальная карусель в конце концов останавливается, и они страдают от депрессии, одиночества и отчаяния.

Одним словом, искаженная природа гомосексуализма питает гордость, а та в конце концов делает своих жертв неспособными ужиться даже с самими собой. Много из этого Рэнди, конечно же, понял уже значительно позже, но, сравнивая жизнь супружеских

пар, посещавших библейские занятия, со своими друзьями-гееми, он увидел правду: его образ жизни нарушил естественный порядок и этим привел его к грани отчаяния. В один из вечеров по окончании библейского урока он произнес простую молитву: «Абба, помоги мне».

Вскоре после этого одна из тетей Рэнди, услышав о его образе жизни, прислала ему билет на автобус до Далласа. Там у него была перспектива получить работу в рекламном колл-центре, и этим билетом тетя хотела подтолкнуть его к тому, чтобы начать жизнь заново. К сожалению, в Далласе было еще более сильное, разнообразное и привлекательное гей-сообщество, чем в Нашвилле, а наркотики – более качественными и легкодоступными. Очень быстро под угрозой оказалась сама жизнь Рэнди.

В первый день 1992 года он очнулся в своей съемной квартире (первой, которую он смог себе позволить), где жил один. Накануне вечером, накачивая себя смесью алкоголя и разных наркотиков, он просадил все до последнего цента, включая деньги за аренду за следующий месяц. Рэнди поплелся в ванную, где его стошнило. Он посмотрел в зеркало на свое бесцветное, мертвенно-бледное лицо в обрамлении всклокоченных волос, и в его разуме прозвучал голос: «Именно так ты будешь выглядеть, когда умрешь». Сердце Рэнди дико заколотилось от страха. Рухнув на пол, он начал кричать: «Почему? Почему?! Почему?!» – пока не «отключился».

Жизнь геев исполняет
обещание всего того, чего
они не имели в детстве –
быть принятым, любимым,
ощущать внимание и заботу

годы разгульной жизни. Третий шаг программы заключается в поиске высшей силы. По мнению составителей «12 шагов», в ее роли может выступать что угодно – даже часы на стене. Просто начните молиться и искать руководства.

Однажды, когда Рэнди ехал домой с работы по центральной улице Далласа, он увидел, как из-за верхнего края огромного серебристого облака выглянуло солнце, озарив город россыпью лучей. Его сердце наполнилось неожиданной радостью. Созерцание творения

По приглашению одного из друзей Рэнди начал посещать собрания курса «12 шагов». Поначалу он не считал себя зависимым, но, послушав истории людей, во многом похожие на его собственную, понял, что ошибался. Рэнди начал «прорабатывать программу», как говорят в этих кругах, признав, что бессилен перед наркотиками и алкоголем и составив список всех людей, которым он навредил, и всех бед, причиненных им за

привело Рэнди к признанию реальности Божьего присутствия в его жизни. Он обнаружил настоящую Высшую Силу, и по его щекам потекли слезы благодарности к сотворившему его Богу. Рэнди решил поверить в то, что Бог любит его, имеет для него цель и желает направить его к новой жизни.

На протяжении следующего года он полностью покончил с алкоголем и наркотиками. Когда Рэнди начал поступать на основании той истины, которую узнал, его разум и воображение смогли постигать еще более важные реалии. «Ищите, и найдете», – именно таков принцип счастливой жизни. В конце концов, по свидетельству друзей, убедивших его, что Бог примет его таким, какой он есть, Рэнди стал христианином.

Вскоре он осознал, что искаженная природа гомосексуализма не соответствует Божьему замыслу. Рэнди стал достаточно свободным в своем мышлении, чтобы увидеть, что Бог любит гомосексуалистов, но прямо указывает, что их поступки противоречат Его плану. Поняв это, Рэнди перестал воспринимать себя геем. Он обратился за помощью к консультантам и начал проходить курс так называемой «восстановительной терапии» – путь к переориентации его сексуальности.³ Как часть этой терапии, Рэнди развивал несексуальные дружеские отношения с мужчинами. Кроме того, он начал заниматься фитнесом, чтобы чувствовать себя более уверенно в принятии своей врожденной мужественности. Эти меры помогли Рэнди не только увидеть себя мужчиной среди мужчин, но и начать воспринимать женщин представительницами противоположного пола. Он оборвал нити, связывавшие его с матриархальным укладом их семьи, и осознал свое полноправное положение взрослого мужчины.

Однажды, после трех лет поисков нового образа жизни, Рэнди смотрел телевизор, на экране которого танцевала красивая девушка. Внимательно всмотревшись в нее – в то, как развевались ее волосы, в ее соблазнительную фигуру с тонкой талией, – он почувствовал, как его сердце забилося учащенно. «Наконец-то!» – подумал Рэнди, одновременно потрясенный и обрадованный. Он обрел новую сферу ответственности: гетеросексуальность!

Сексуальная переориентация Рэнди Томаса произошла около девяти лет назад. Как и при любом излечении от глубоко укоренившегося расстройства, он по-прежнему время от времени переживает беспокойные моменты влечения к мужчинам, однако сегодня его главное желание в сфере взаимоотношений – встретить женщину, которую он полюбит, и на которой женится. Он мечтает об отцовстве. Рэнди нравится быть «одним из парней», чувствовать себя нормальным. В своей повседневной жизни он испытывает свободу, которая, как он раньше думал, ему никогда не будет доступна. Пре-

образования распространились и на другие сферы взаимоотношений. Так, у Рэнди значительно улучшились отношения с мамой и отчимом.

После общения с Рэнди Томасом становится очевидно, почему люди, страдающие влечением к представителям своего пола – как мужчины, так и женщины, – видят угрозу в осуждении их состоя-

Счастливую жизнь
невозможно обрести,
противясь естественному
порядку, – сколь бы
трудными ни были его
нравственные требования

ния, как извращенного. Зачастую, они были жертвами детского насилия и ужасающе непутевых семей, а также – объектом насмешек со стороны сверстников. Жизнь геев исполняет обещание всего того, чего они не имели в детстве – быть принятым, любимым, ощущать внимание и заботу. Она позволяет отождествить себя с тем, чего им всегда не хватало, и дарует сообщество, где удовольствие создает иллюзию солидарности. Риск лишиться всего этого может испугать любого.

Люди, затянувшие Рэнди в гей-бар, задали ему вопрос: «Ты – семья?» Задумайтесь об этом на минуту. До чего горький, тревожный и ироничный вопрос. «Ты – семья?» Он свидетельствует о желании обрести сотворенный порядок даже посреди призрачного мира гомосексуалистов.

Большинство честных людей, не особо разбираясь в сути гомосексуализма, не хотят возлагать на других слишком тяжелые бремена. Они знают, насколько для них важна их собственная сексуальная жизнь, и потому осторожны в высказывании мнений, способных обречь людей на пожизненное воздержание. Поэтому наше общество сегодня говорит о гомосексуализме, как об «образе жизни» – одной из нескольких в равной степени приемлемых альтернатив, – а не как о нарушении сотворенного порядка.

Такая реакция объяснима, но, по большому счету, отражает жалость, а не истинное сострадание. Истинное сострадание норовит дать подросткам в школе брошюру, которая объясняет настоящее происхождение влечения к противоположному полу. Оно стремится удержать мужей от избиения своих жен, от обречения их на психологическую опеку пятилетнего ребенка, как было в жизни Рэнди Томаса. Истинное сострадание хочет показать женщинам их истинную сущность, как возлюбленных дочерей Божьих, чтобы они были в состоянии защитить своих детей от отцовского насилия. Истинное сострадание выступает в поддержку любящих гетеросексуальных семей и скрепляющей их жертвенной любви. Истинное сострадание прини-

мает правду о сотворенном порядке, как это сделал Рэнди Томас, понаблюдав за супружескими парами на библейских занятиях и осознав, что его жизнь нарушает естественный порядок. Жалость к гомосексуалистам еще более узаконивает эмоциональное рабство, в котором пребывал Рэнди Томас.

Сегодня мы видим не только движение к легализации однополых браков, но и внедрение во многих школах так называемой «позитивной терапии» для старшеклассников. Она побуждает молодых людей, испытывающих влечение к представителям своего пола, принять образ жизни геев. Всем этим мы поработаем молодежь ради поддержания ложных представлений гей-лоббистов об однополых отношениях. Подростки легко поддаются этой опасной лжи, веря транспарантам «Сексуальная идентичность – это личный выбор!» и «Гомосексуализм естественен!»

В конечном итоге, компромиссы, на которые идет жалость, не приводят ни к чему хорошему, потому что жалость не исследует глубин истины. Она всегда трансформируется в жестокость и, наконец, прибегает к репрессиям. Современная политкорректность требует от средств массовой информации систематически игнорировать людей, подобных Рэнди Томасу, и даже целое движение, включая такие организации, как «Exodus International» и Национальная ассоциация по исследованию и лечению гомосексуальности (NARTH), призванные помочь мужчинам и женщинам исцелиться от влечения к представителям своего пола.⁴ Общество предпочло посвятить себя разрушительной иллюзии – то есть жить согласно лжи. Но, как учит нас Гавел, такая жизнь никак не может быть счастливой.

Христиане верят, что этот мир таков, какой он есть, потому, что таким его задумал Бог. Под этим они подразумевают в целом не то его состояние, что мы видим сегодня, а совершенство, существовавшее до того, как творение было поражено злом, породившим порок и личностные отклонения, наподобие гомосексуализма. (Называя влечение к представителям своего пола «личностным отклонением», я не хочу сказать, что практика гомосексуализма исключает роль свободного волеизъявления. Я убежден, что это – такой же вопрос свободного выбора, как и любой другой грех.) Бог создал половые различия, сексуальность и любовь. Он сотворил мужчину для женщины и женщину для мужчины. Он учредил институт брака, в рамках которого мужчины и женщины, осознавая отличительные особенности своего пола, соединяются в великом, взаимодополняю-

щем союзе. То, что соответствует Божьему замыслу, – естественно и прекрасно.

Гомосексуализм не был включен в Божий замысел, и жизнь геев превращается в печальную и тщетную попытку воссоздать красоту и счастье, присущие гетеросексуальным отношениям. Счастливую жизнь невозможно обрести, противясь естественному порядку, – сколь бы трудными ни были его нравственные требования. В конечном итоге, эти требования – единственный путь к свободе и новой жизни, подобной той, которую приобрел Рэнди Томас.

Дар отличить правильное от неправильного

В подростковом возрасте Рэнди Томас оказался в любопытном и, вместе с тем, пугающем затруднении. Он видел очевидное: мужчины и женщины созданы друг для друга. Эта биологическая реальность подкреплялась множеством культурных представлений и религиозных учений. В то же время, Рэнди испытывал сексуальное влечение к мужчинам, и большинство психологов, как он выяснил из буклета о человеческой сексуальности, считали, что это вполне нормально. Ему следовало просто принять свои сексуальные наклонности, как должное, и руководствоваться ими в своих поступках. Как он мог понять, что делать? Что правильно, а что – нет?

Из-за ужасающей природы этого затруднения сложно сосредоточиться на его любопытной особенности, а именно – причастности к центральной загадке, связанной с состоянием человечества: нашей способности отличать правильное от неправильного. Получая смешанные послания от различных источников, Рэнди должен был решить, чью версию реальности он примет. Кто-то должен быть прав, а кто-то ошибаться, и от этого решения зависела его жизнь. Представьте себе тринадцатилетнего Рэнди. Что ему было делать?

До чего ужасный вопрос! Но, с другой стороны, он просто замечательный. Когда вы знаете, как понимать этот мир и пути, которые он вам предлагает, – проще говоря, знаете, что делать, – то ваша жизнь превращается в сравнительно легкую прогулку. Что действительно ужасно – так это потерять направление, заблудиться.

Разумеется, никто не любит, когда ему указывают, что делать. Нам не нравится, когда мамы настаивают на том, что нам «надо». Мы не внимаем громогласным воззваниям проповедников: «Да не

будет...». «Кто это сказал?» – допытываемся мы. Тем не менее, наша бунтарская натура резко умолкает, когда жизнь оказывается на волоске, и мы чувствуем, что на чашу весов брошена наша судьба.

Нравственность – это вопрос здравого смысла, который зиждется на естественном устройстве мира

Как выяснил Рэнди Томас, мы можем знать, что является правильным и истинным. Сотворенный порядок указывает направление, чтобы мы могли жить благоразумно в рамках физической и биологической реальности. В этом и заключается освобождающая основа истинной

нравственности. Этика не проистекает из спонтанных предписаний властей или авторитетов. Нравственность – это вопрос здравого смысла, который зиждется на естественном устройстве мира. Назовите это вселенской архитектурой, если угодно. Ученый Нил Плантинга называет это осознание правильного жизненного порядка *мудростью*, которая заключается в поиске истины о том, что собой представляет жизнь, каким образом устроен мир, и как нам *следует* жить в гармонии с ним.

В начале своей превосходной книги «Не так все было задумано. Краткое изложение сущности греха» Плантинга иллюстрирует свою мысль сценой из кинофильма «Большой каньон». (Если не обращать внимания на лексику и некоторые неприятные сцены, то в этом фильме есть много смешных и поучительных моментов.) Главный герой, адвокат (его сыграл Кевин Клайн), стремясь побыстрее добраться домой после баскетбольного матча, съезжает с забитого машинами шоссе и пытается проехать объездными путями. Он быстро осознает, что заблудился, и вскоре обнаруживает, что забрался на своем шикарном «лексусе» в один из самых опасных районов города. И тут начинается кошмар. Его машина глохнет.

Адвокат звонит по телефону, прося о помощи, но прежде, чем она подоспела, машину окружает группа зловещего вида парней, которые начинают ему угрожать. Оказавшись в ловушке, адвокат выглядит беспомощно.

Вдруг, как спасительная кавалерия, появляющаяся из-за холма в старых вестернах, подъезжает эвакуатор, и его водитель (эту роль сыграл Дэнни Гловер) берет заглохшую машину на буксир. Хулиганы протестуют. Им испортили садистскую забаву.

Водитель эвакуатора отводит лидера группы в сторону и веско заявляет: «Пойми, парень, *на самом деле* все устроено не так, как ты думаешь. Может, ты этого не знаешь, но так быть не должно. Мне нужно выполнять свою работу, причем не спрашивая у тебя разре-

шения. А тот мужик, – он кивает на испуганного адвоката – должен спокойно ждать со своей машиной, не боясь, что вы его обчистите. Все должно быть не так, как оно есть сейчас».¹

Плантинга описывает этого водителя эвакуатора, как «наследника святого Августина». Его аналитическому выводу о том, что «так быть не должно, но есть», место в каждой книге по богословию.² В соответствии с христианским мировоззрением, этот мир создан по определенному замыслу, что наделяет каждого из нас неким пониманием того, как все должно быть. Но, кроме того, согласно христианскому вероучению, мир не такой, каким он должен быть, из-за влияния греха.

Известный философ современности Этьен Жильсон утверждает, что именно эта способность понимать, каким образом устроен мир, и как пребывать в гармонии с ним – то есть наше умение принимать сознательные решения, согласующиеся с естественным порядком, – отличает людей от животных. По мнению Жильсона, нравственность – это «по сути, *нормальность*. Когда разумное существо действует и ведет себя неразумно или вопреки велениям разума, то оно действует и ведет себя не совсем, как скот, а, скорее, как оскотинившийся человек, что еще хуже».³

В современную эпоху никто не обосновал нашу способность понимать естественный нравственный порядок более аргументированно, чем Клайв Льюис. В своих трудах он пишет, что точно так же, как все тела подчиняются закону тяготения, а все организмы – биологическим законам, нами, людьми, руководит определенный закон – нравственный. Льюис отмечает, что единственное отличие заключается в том, что каждая отдельно взятая личность имеет право подчиняться или не подчиняться. Именно это и имел в виду водитель эвакуатора из фильма «Большой каньон». По мнению Льюиса, «Они знают естественный закон, и они нарушают его. На этих двух фактах основаны наше понимание самих себя и той вселенной, в которой мы живем».⁴

Льюис доказывает, что люди на протяжении всей истории придерживались общего нравственного учения; его соблюдали египтяне, вавилоняне, индусы, греки, римляне – все сколько-нибудь известные нам цивилизации. Их законы и обычаи, хотя и обладали рядом значительных отличий, в основном сходились в том, что можно назвать главными принципами. «Представьте себе страну, – предлагает Льюис, – где восхищаются людьми, которые убегают с поля битвы, или где человек гордится тем, что обманул всех, кто проявил к нему неподдельную доброту».⁵

Льюис отмечает, что даже дети понимают и знают нравственный порядок. Какой-нибудь школьник может гневно сказать своему сверстнику: «Ты взял мою линейку». Современный ребенок мог бы сказать: «Ты взял мой планшет». Его оппонент на это никогда не ответит: «Ну и что? Если мне хочется забрать твой планшет, то, значит, он – мой». Нет, наоборот, он скажет: «Я не брал его».⁶ Оба ребенка согласны с тем принципом, что брать чужие вещи – плохо.

Хотя труды Льюиса были написаны до эпохи постмодернизма, он предвидел, что это может означать. Он отмечает: «По мнению некоторых людей, закон порядочного поведения, знакомый всем нам, не имеет под собой твердого основания, потому что в разные века различные цивилизации придерживались совершенно несхожих взглядов на мораль. Но это неверно».⁷ Льюис утверждает: «Этот [нравственный] закон называли “естественным”, потому что люди думают, что каждый человек *знает* его инстинктивно и поэтому никого не надо учить ему».⁸ Короче говоря, нравственный закон самоочевиден. Это не означает, что его все и постоянно признают – точно так же, как не все и не всегда безошибочно знают таблицу умножения. Но, как и в случае с таблицей умножения, существует правильный ответ.

Я часто приравниваю естественный закон к здравому смыслу. Разве нет здравого смысла в том, что, сунув руку в огонь, вы получите ожог? Разумеется, есть. А разве нет здравого смысла в том, что толкать чужую руку в огонь – это неправильно? Разумеется, есть.

Как отметил Льюис (а я убедился на личном опыте), дети понимают это. Обращаясь к молодежи, я неизменно спрашиваю, существует ли такое понятие, как абсолютная моральная истина? Обычно лишь некоторые студенты поднимают руки в знак согласия и то – неуверенно.⁹

Тогда я использую один старый пример, впервые предложенный, если не ошибаюсь, популярным философом Фрэнсисом Шеффером. Я спрашиваю у молодых людей, что бы они сделали, оказавшись на перекрестке улиц с оживленным движением в обоих направлениях, и увидев старушку, которая с озадаченным видом стоит у края тротуара с хозяйственной сумкой в руках. У них есть три варианта выбора: первый – помочь старушке перейти дорогу; второй – проигнорировать ее; третий – толкнуть ее под колеса машин.

После этого я спрашиваю у студентов, знают ли они правильный ответ. Под смехи все они поднимают руки. Разумеется, они говорят, что в современном мире вряд ли кто-нибудь может утверждать о существовании абсолютной моральной истины – ведь это звучит так нетолерантно! Но при этом они поголовно убеждены, что толкнуть озадаченную старушку под колеса – это в корне неправильно.

Мне доставляет удовольствие наблюдать за их юными лицами, когда до них «доходит», какую мысль я пытаюсь им донести.

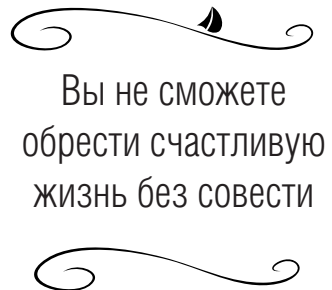
Взрослые тоже понимают это – даже убежденные активисты постмодернизма, что иллюстрирует опыт моего друга, блестящего богослова и историка Джорджа Уэйджела. Однажды он был приглашен на ток-шоу Общенационального общественного радио (NPR) под названием «Все учтено». Ведущая была либеральной феминисткой – как и вторая участница передачи. Когда начались дебаты по вопросу нравственной истины, обе женщины заняли твердую позицию отрицания существования такого понятия. Наконец, одна из них бросила Уэйджелу вызов: «Вы можете привести мне хоть один пример абсолютной нравственной истины, с которым все согласились бы?»

В этот момент его посетило вдохновение, и Уэйджел ответил: «Да. Изнасилование – это плохо». Возникла неловкая пауза, и ведущая сменила тему разговора.¹⁰

Мы часто обнаруживаем нравственный закон инстинктивно, через наши чувства. Современный ученый Фрэнк Бакли пишет, что нам присуща врожденная «неприязнь к лжецам». Она не является следствием рационального анализа. Она интуитивна. Бакли отмечает, что «чувства скуки и отвращения предоставляют нам полезные правила остановки, избавляющие от рутины утомительных умственных расчетов».¹¹ Этим он хочет сказать, что неправильное нас оскорбляет, а правильное привлекает. Всегда ли эти чувства направляют нас верно – это уже другой вопрос.

Самое распространенное человеческое переживание доказывает, что все мы, безусловно, отличаем правильное от неправильного. Апологет Грег Коукл, обращаясь к аудитории, часто говорит, что знает о них одну неоспоримую истину. Когда люди начинают удивленно переглядываться, он просто объясняет: «Все вы чувствуете вину».¹² Никто по сей день так и не смог это оспорить. Человеческая совесть подтверждает то, что профессор Дж. Будзишевский из Техасского университета в Остине называет «истиной, которая не может быть непризнанной».¹³ Совесть, осознание неправильности своего поступка, часто вызывает у нас неприятное чувство – для того она и предназначена, – потому что мы понимаем, как должно быть на самом деле.

Вы не сможете
обрести счастливую
жизнь без совести

Именно это имел в виду апостол Павел в своем послании к молодой церкви в Риме. Говоря о язычниках, он отмечает, что закон «у них написан в сердцах», а их совесть попеременно то обвиняет, то оправдывает их.¹⁴ Кого из нас не обвиняла или не оправдывала наша совесть? Наверное, только социопатов.

Но испытывали бы вы чувство вины, если бы не думали, что сделали что-то плохое? В увлекательном романе Грэма Грина «Тихий

Естественный порядок
включает нравственный
аспект, который
объективен и находит
отражение в наших душах

американец» прослеживается история британского журналиста во Вьетнаме. Этот бескомпромиссный негодяй обманывает сам себя, веря в собственное моральное превосходство потому, что он понимает политическую ситуацию лучше большинства других. Кажется, у этого человека вообще отсутствует совесть. Ближе к окончанию романа журналист организует убийство своего соперника в борьбе за сердце его пассии. История завершается тем, что он

получает все, чего хотел: большой оклад, алкоголь, наркотики и женщину, ради которой пошел на убийство. И все же, он несчастлив. В завершающих строках романа этот журналист признает: «Как бы я хотел, чтобы существовал тот, кому я мог бы выразить всю свою горечь сожаления».¹⁵

Большая ложь в нашем обществе отчасти состоит в том, что чувство вины не дает нам истинного руководства для поведения. Профессиональные фрейдисты, пекущиеся о нашем психическом здоровье, говорят, что в чувстве вины нет ничего хорошего, что это — дисфункция, требующая терапии. Мы отказываемся рассматривать чувство вины, как нормальное следствие проступка, поскольку в противном случае нам пришлось бы признать реальность нравственного закона и человеческого греха — понятий, которые в наши дни никогда не признаются в вежливой и политкорректной компании. В итоге, наше общество, воспитанное на шоу Опры Уинфри, говорит: «Если чувствуешь вину, сходи к специалисту». Но терапия может помочь лишь прояснить наши проблемы. Сама по себе она не предоставляет долговременных ответов. Сегодня люди чаще нуждаются не в терапии, а в покаянии и прощении.

Простая истина заключается в том, что вы не сможете обрести счастливую жизнь без совести, которая обличает и направляет нас. Я знаю сотни людей, пытавшихся подавить свою совесть, но не знаю ни одного, кто в этом преуспел. Уже сама попытка отвержения чувства вины, как фрейдистской дисфункции, неизбежно ведет к дис-

функциональной и несчастной жизни, характеризующейся постоянным состоянием отрицания реальности. Вот почему экзистенциалист Альбер Камю сказал, что «абсурд – это грех без Бога». ¹⁶ В этом сама суть либерализма: человек, отрицая грех, отрицает Бога, и жизнь неизбежно становится абсурдной.

Напомню, что мудрость – это гармония с мироустройством. Как утверждает Нил Плантинга, идти против этой реальности безрассудно. Это так же абсурдно, как колоть дрова поперек древесных волокон или плевать против ветра. ¹⁷

Наиболее драматичные встречи с реальностью вины и действием совести я пережил в тюрьмах. Я встречал без преувеличения тысячи заключенных, охваченных глубоким чувством вины. Они обретают свободу, только осознав, что им необходимо исповедоваться в своем грехе и своем преступлении. Одна из наиболее примечательных историй связана с мужчиной средних лет, у которого был счастливый брак и замечательные дети. У него была хорошая работа, собственный дом, и, казалось бы, его жизнь полностью удалась. Однако, став христианином, этот человек больше не мог жить со своим чувством вины. Он полетел в Канзас-Сити и пришел с повинной к окружному прокурору, признавшись в совершенном двадцать лет назад убийстве, в котором его никто и никогда не подозревал. Он и по сей день отбывает срок в тюрьме в Канзасе, лишившись былой успешной жизни, но пребывая в мире с собственной совестью.

Я несчетное число раз видел, как закоренелые преступники, мускулистые тела которых были сплошь покрыты татуировками, – эти крутые криминальные авторитеты сокрушенно рыдали, как дети, когда осознавали, что их грехи могут быть прощены. Как и каждый из нас, они понимали, что совершили зло.

Правильное и неправильное – это не какие-то абстрактные понятия. Они являются человеческой реальностью. Понимание правильного и неправильного живет внутри нас, и в глубине сердца мы знаем, когда переступаем черту.

Я уверен, что это врожденное осознание правильного и неправильного укоренено в нас настолько глубоко, что, даже отрицая его, мы ведем себя так, словно оно существует. Возможно, нам не нравятся указы нашей совести, но все мы жаждем той цели, к которой она нас подталкивает – справедливости. Помню, как однажды я ехал в машине с одним человеком, который по его собственному признанию был атеистом и убежденным скептиком. Когда мы подъехали к перекрестку, прямо на нас на красный свет выскочила какая-то ма-

шина. Только благодаря хорошим тормозам мне удалось избежать серьезного столкновения. Мой друг начал трясти кулаком вслед нарушителю, восклицая: «Однажды ты получишь по заслугам. погоди, придет твоя расплата!»

Я сказал ему, что он провозглашает очень проблематичный для атеиста тезис. Если атеист действительно верит, что Бога нет, а вселенная – это просто жестокий и несправедливый хаос, то он должен объяснить, откуда у него понимание справедливости и несправедливости. Если нет никакого понимания правильного и неправильного, никакого стандарта поведения и вселенского Судьи, то как можно ожидать, что злодеи «получат по заслугам»? Как вообще узнать, что они – злодеи? Мой друг попросил у Бога, в Которого он не верит, свершить то, что, в конечном итоге, подвластно только Богу: справедливость.

Наше врожденное чувство справедливости, ожидающее, что люди однажды предстанут на суд и получат по заслугам, полностью подрывает позицию атеистов. В нас по природе заложено понимание неизменных стандартов. Когда кто-то мошенничает или присваивает себе наши заслуги, мы приходим в ярость – точно так же, как мой друг во время инцидента на перекрестке. В юности я любил читать газетный комикс «Должен быть закон». Его персонажи постоянно разглагольствовали о том, как плохо с ними поступают другие, и все неизменно сводилось к тому, что на такие дела *должен* быть закон.

Сама идея о необходимости закона говорит нам о существовании некоего стандарта, которому мы обязаны следовать, а тот, кто этого не делает, в конце концов за это заплатит. Каждый человек должен получить по заслугам и понести наказание. Именно такова суть справедливости. В это верят все религиозные системы мира.

Идея справедливости и суда (или правильного и неправильного) глубоко укоренена в нас. Она не является следствием какого-то заразного суеверия, передавшегося нам из более ранней, непросвещенной эпохи. Она для нас реальна. Поговорите с жертвами любого тяжкого преступления – и вы увидите, что эти люди страстно желают воздаяния. Они хотят увидеть весы правосудия, уравновешенные надлежащей мерой отплаты за содеянное. Именно этим врожденным чувством объясняется огромная популярность таких фильмов, как «Грязный Гарри», «Горец» и классики вестерна «Ровно в полдень». Мы жаждем увидеть, как кто-то противостоит несправедливости и наказывает ее.

Откуда взялось это осознание справедливости? Не иначе как от сотворившего нас Бога; оно не могло прийти из пустоты хаотической вселенной.

Давайте подытожим, чего мы достигли на данный момент в этом разделе, посвященном поиску истины ради обретения счастливой жизни. Святой Августин сказал: «Глубоко внутри человека живет истина».¹⁸ Я верю в это. Мы *можем* познать истину. Мы можем увидеть четкие признаки разумного замысла в устройстве вселенной и естественный порядок, законы которого нерушимы. Счастливая жизнь обретается, когда мы постигаем это и соответствующим образом меняем свое поведение. Итак, естественный порядок включает нравственный аспект, который объективен и находит отражение в наших душах. Наша совесть говорит настолько убедительно, что даже самый непреклонный постмодернист понимает: изнасилование – это зло.

Как только вы приняли идею сотворенного порядка – мира, который был создан с намерением и замыслом, который исходит от Творца, – на передний план выходят определенные вещи, и вы обнаруживаете, что естественный порядок дает нам ключевые ингредиенты счастливой жизни. Среди них, как мы увидели, есть справедливость и освобождающая сила нравственности. Вы можете бунтовать против того, чтобы принять эти дары от Творца, но вы абсолютно не в состоянии выдумать их сами, как будет показано в последующих главах. И наоборот: люди, открывающие глаза на своего Творца, в полной мере получают самое лучшее в жизни.

Красота: знак Божьей заботы

Эта история о премьерах двух из наиболее резонансных музыкальных произведений XX века. Одна из них состоялась в конце лета 1952 года в живописном городке Вудсток в штате Нью-Йорк, где пологие склоны Катских гор образуют узкие долины с искрящимися форелью речушками. Второе произведение было впервые исполнено суровой военной зимой в пограничной зоне между Германией и Польшей, известной под названием Силезия. Зрителями концерта в Америке были преимущественно проводившие там отпуск профессиональные музыканты из Нью-Йоркской филармонии, концерт же в Силезии посетили французские и польские солдаты, попавшие в плен к немцам вскоре после начала Второй мировой войны. Оба произведения написали музыканты, которые, каждый по-своему, были глубокими мыслителями. И для первого, и для второго вдохновляющим фактором стали их религиозные поиски. Ни одно из этих двух произведений не говорило непосредственно о времени и о месте их сочинения, и все же каждое из них стало символом своего мира.

КОНЦЛАГЕРЬ В СИЛЕЗИИ, ПЯТНИЦА, 15 ЯНВАРЯ 1941 ГОДА

Морозный силезский концерт состоялся в шесть часов вечера в бараке 27Б концлагеря «Шталаг VIII-A». Этот немецкий лагерь содержал от 20 до 30 тысяч военнопленных, большинство которых ночевали в отдаленных бараках возле производственных участков, где заключенные принудительно работали на лесопилке и изготавливали кирпичи. Те же, кто обитал непосредственно в обнесенных колючей проволокой пределах «Шталага VIII-A», занимались стряпней, уборкой, стиркой и другими домашними обязанностями для немецкой администрации. Немцы любили музыку и потому помещали всех пленных музыкантов в отдельный барак 27Б, который получал больше угля для отопления.

Этот лагерь был местом тяжелейших лишений. Немцы не ожидали, что у них будет столько пленных за такой короткий срок после начала войны. Заключенным не давали даже хлеба. Они выживали на одной порции жидкого супа в день и двух раздачах жира, выдаваемого за сыр. Из-за такой диеты даже те, кто провел в заключении совсем немного времени, лишались зубов. За воровство же хотя бы трех картофелин грозил расстрел.

Барак 27Б – «концертный зал» лагеря – служил убежищем от грубой монотонности «Шталага». Каждый вечер пятницы музыканты давали концерт классической музыки, за которым следовали театральные постановки заключенных и музыкальные выступления попроще. Аудитория с удовольствием слушала произведения Баха, Брамса и Бетховена в исполнении четырех выдающихся музыкантов: пианиста Оливье Мессиаана, кларнетиста Анри Акока, виолончелиста Этьенна Паскье и скрипача Жана Ле-Болеара. Все они были выпускниками лучшего музыкального института Франции – Парижской консерватории.

Оливье Мессиаан уже был известен, как «звездный» композитор своего поколения. Не удивительно, что его друзья-заключенные, услышав, что на вечернем пятничном концерте будет исполнено новое произведение, большую часть которого Мессиаан сочинил в концлагере, были заинтригованы. Эта жемчужина камерной музыки получила название «Квартет на конец времени».

Товарищи Мессиаана знали, что его музыка, скорее всего, будет выше их понимания, но они были настолько воодушевлены предстоящим концертом, что попросили разрешения посетить его заключенным из отдаленных бараков. Более того, они настояли на том, чтобы были допущены даже те, кто находился на карантине в ожидании репатриации (немцы ежедневно отправляли обратно во Францию тысячи военнопленных).¹ Комендант лагеря, решив, что может воспользоваться концертом для пропагандистских целей, разрешил напечатать по такому случаю программки.

Начали сходиться слушатели. Кто-то пробирался через снежные заносы от дальних бараков в сопровождении вооруженных конвоиров, другие ковыляли из кухни или отделялись от групп, струдившихся вокруг угольных печей в бараках. Вскоре барак 27Б до отказа наполнился заключенными, кутавшимися поплотнее в доступную им одежду, чтобы защититься от ледящего холода. Немецкое начальство также присутствовало, расположившись в первом ряду перед импровизированной сценой. Много было и пленных французских священников. В зале собрались все – от университетских профессоров до разнорабочих. Невзирая на классовые, религиозные и национальные барьеры, они хотели услышать, что за музыка пригрезилась Мессиаану посреди их отчаяния.

ВУДСТОК, НЬЮ-ЙОРК, 29 АВГУСТА 1952 ГОДА

На американской премьере концертный зал «Маверик» наполнили профессиональные музыканты и другие отдыхающие, собравшиеся на благотворительный вечер, организованный Фондом в поддержку деятелей культуры. Мужчины были одеты в типичные для 1950-х рубашки с короткими рукавами и двумя карманами, свободные хлопчатобумажные брюки и яхтенные туфли, а женщины с собранными под косынки волосами – в бриджи, открывающие блестящие от загара и лосьона лодыжки. Концертный зал «Маверик» – эта «музыкальная часовня», построенная в 1916 году Херви Уайтом, – представляла собой похожее на амбар деревянное строение, выходящее сзади в гущу леса. Над его четырьмя дверными проемами, выполненными в готическом стиле, возвышается остроконечный фронтон, составленный из множества окон. В стены цвета слоновой кости встроены бревенчатые стойки, поднимающиеся кверху и образующие арки с изломами, которые повторяли профиль подшитой сосновыми досками крыши. Эта музыкальная часовня пропахла дождем, солнцем, пылью и металлом от множества ударных инструментов на сцене.

Аудитория знала, что услышит преимущественно атональные и негармонические мелодии с преобладанием ритмов, которые невозможно отобразить традиционной нотной записью. Именно этим славились композиторы Мортон Фельдман, Эрл Браун и Джон Кейдж, чьи произведения были представлены в программе концерта. Слушатели, как им казалось, были готовы ко всему, поскольку понимали, что подобная музыка нарушает все общепринятые нормы. Этим композиторам уделялось достаточно много внимания в прессе – особенно Кейджу. Он был известен тем, что изобрел «подготовленное фортепиано» – обычное фортепиано, превращенное в ударный инструмент посредством прикрепленных к струнам механических ограничителей. Это изобретение Кейджа звенело, дребезжало, булькало и тикало самым непредсказуемым образом даже при нажатии одних и тех же клавиш. Какой же сюрприз он приготовил на этот раз?

Перед началом концерта в лагере «Шталаг VIII-A» композитор Оливье Мессиян, одетый в свою тюремную грязно-зеленую униформу, стал перед аудиторией из четырехсот человек, до отказа заполнивших барак. Хотя на темени у него уже появились залысины, волосы на висках обрамляли его лицо пушистым ореолом. Глаза Мессияна внимательно всматривались в зрителей из-за стекол круглых очков в толстой черной оправе. Его щеки утратили свою былую купидоноподобную пухлость, но нос был таким же мясистым, а губы –

такими же полными, как раньше, хотя и посиневшими от холода. Композитор напоминал арлекина – беспокойного клоуна, – но, как только он заговорил, в его голосе зазвучала какая-то новая авторитетность. Мессиян рассказал аудитории, что на сочинение композиции «Квартет на конец времени» его вдохновила новозаветная книга «Откровение», и он прочитал вслух соответствующий фрагмент:

И видел я другого Ангела сильного, сходящего с неба, облеченного облаком; над головою его была радуга, и лице его как солнце, и ноги его как столпы огненные... И поставил он правую ногу свою на море, а левую на землю ... и поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков ... что времени уже не будет; но в те дни, когда возгласит седьмой Ангел, когда он вострубит, совершится тайна Божья.²

Мессиян сказал, что его музыка – духовная и отражает его католическую веру, а также выразил надежду, что «Квартет на конец времени» приблизит слушателей к ощущаемому среди них присутствию вечности.³

В первой части произведения, названной «Литургия кристалла», он попытался передать время между тремя и четырьмя часами утра, когда пробуждаются первые птицы. Аудитория услышала трели дрозда или соловья, импровизированно воспевающих восход солнца. «Для меня переключка птиц передает тихую гармонию неба», – говорил Мессиян.⁴

Завершив вступительное слово, он сел за старое, расстроенное пианино и посмотрел на кларнетиста Анри Аюка – алжирца, но еврейского происхождения, о чем немцы не знали. Из-за узких, ввалившихся глаз над длинным, мясистым носом Анри имел затравленный вид, хотя в действительности был полон оптимизма, очарования и жизни, благодаря которым всегда пользовался популярностью у женщин. Улыбнувшись зрителям, он сразу же расположил их к себе. Анри поднял кларнет и начал играть. Запел черный дрозд.

Собравшиеся на концерт никогда не слышали ничего подобного. Этот квартет Мессияна по структуре больше напоминал поэму, чем традиционную камерную музыку. В нем не было преобладающей мелодии. Каждая часть содержала определенный «рисунок» – типовую прогрессию гармонирующих аккордов. Музыка лилась, подобно молитвенному размышлению. Она напоминала открытые окна, обращенные к мелодии вечности, которая всегда рядом, но никак по-другому ее не услышать.

Имитация птичьих голосов, использованная Мессианом в первой части произведения, исходила от одного из наиболее сильных и многократно повторяющихся переживаний в его жизни. В тот короткий период, когда он был солдатом, Мессиян смог добиться назначения в караул на предрассветные часы. Он любил слушать, как начинают петь птицы. В ночи раздается первый осторожный крик, через несколько мгновений – другой, затем, уже быстрее, – еще один, и так – до тех пор, пока щебет не сольется с первыми лучами восходящего солнца. Птицы поют, чтобы возвестить о наступлении нового дня, поделиться своими планами и прийти к согласию об ожидающих их делах. Наконец, они улетают в раннее утро, тихое, как восходящее, набирающее силу солнце. Мессиян с восторгом наблюдал за тем, как каждое утро оркестр этого мира настраивает свои инструменты.

Во второй части квартета ангел из книги «Откровение» с помощью причудливых гармоний возвещает о конце времен. Музыка словно напоминает заключенным о том месте, где они никогда не были и все же не могли о нем забыть – возможно, о самих небесах.

Затем следует долгое, тягучее соло на кларнете, передающее идею однообразия – «бездны» времени, так хорошо знакомой узникам.

Следующая часть под названием «Хвала бессмертию Иисуса» представляет собой сложный рождественский хорал. Виолончель возвещает о свершении чего-то великого и удивительного, близкого и дорогого сердцу – о том, что сама вечность вошла в историю человечества в лице Иисуса.

И вот, приблизились катастрофические события, и музыка отражает атмосферу страха сродни тому, который могут испытывать люди в присутствии ангелов. Опять зазвучал тематический рисунок второй части. Ангельские воинства готовятся к битве. Темп музыки нарастает, как мелькание спиц вращающегося колеса, и в какой-то момент звуки, кажется, застыли. Случился катаклизм: конец света, – и все четыре инструмента сливаются в безупречно гармонизованном заключительном аккорде.

В последней, неописуемо красивой части Мессиян восхваляет бессмертие Иисуса. В ней скрипка ведет остальные инструменты в проникновенной песне. Земное (утреннее пение птиц, приветствующих рассвет) объединяется с небесным (вызывающие трепет ангелы), когда воспетое в рождественском гимне Дитя восходит к Отцу, и человечество обретает небеса, обращаясь к Богу. Звук скрипки становится все выше и выше, пока не замирает на заключительной выверенной ноте.

Несмотря на то, что лишь немногие из собравшихся в барак 27Б когда-либо слышали что-то подобное «Квартету на конец времени», на протяжении почти полуторачасового концерта они хра-

нили абсолютную тишину. Она продлилась еще пару мгновений после того, как затихла последняя нота, и вот, первые робкие хлопки переросли в бурные овации, перемежаемые восторженными возгласами. Поляки, французы и немцы – как враги, так и друзья, – своим горячим приемом стряхнули ледяную окоченелость с холодного барака. Словом, которое чаще других звучало в адрес концерта, было «чудесно».

Всю глубину реакции аудитории можно оценить по ее отголоскам спустя годы. Когда Александр Лычевский – один из польских военнопленных, присутствовавших на том концерте, – по прошествии многих лет неожиданно услышал эту музыку в доме у своего друга, он заплакал навзрыд. Ему потребовалось какое-то время, чтобы совладать с эмоциями, и только тогда он объяснил хозяину дома – британскому музыковеду Чарльзу Бодману Рею, – что присутствовал на премьере этого квартета, при его удивительном рождении.

Перечитав множество воспоминаний об этом событии, я люблю пофантазировать, как выглядели разговоры о концерте между заключенными. Представьте себе трех французов с гниющими зубами, возвращающихся в тот вечер под охраной конвоиров в свои отдаленные бараки.

«Что ж, это было очень даже неплохо, – говорит Жан. – Но я ничего не понял».

«Ты что, не слышал, что он прочитал из Библии? И еще он имитировал пение птиц», – отвечает Жильбер.

«Я так и не понял, где там было что в выкрутасах на кларнете, – не унимается Жан. – А ты, Эмиль? Ты сидел с закрытыми глазами. Молился, что ли?» – Но Эмиль молчит. – «Небось, летал на небеса вместе с тем ангелом?»

Эмиль бросает на Жана косой взгляд. «Да не молился я. Кто бы смог молиться в таком месте? Я думал».

«И о чем это?» – спрашивает Жильбер.

«Ну, в конце я представлял, как просыпаюсь воскресным утром рядом со своей женой. За окном светит солнце. Мне тепло. Мне так хорошо рядом с ней».

«Да, это был бы просто рай... или около того», – кивает Жан.

«Что касается меня, то этот концерт дал мне почувствовать себя свободным, – задумчиво говорит Жильбер. – Он был чем-то вроде акта возмездия за наш плен».⁵

«Да, – соглашается Жан, – должен признать, в некоторые моменты я ловил себя на мысли, что верю в лучший мир».

Мессиян оказал огромное влияние на мировоззрение виолончелиста Этьенна Паскье. Тот оставил свой неприкрашенный агностицизм и открыл разум для Бога. Паскье написал на обратной стороне

своей программки следующее посвящение композитору: «Лагерь в Герлице ... Барак 27Б – наш театр... На улице ночь, снег, страдания... Здесь – чудо... Квартет ‘На конец времени’ переносит нас в удивительный рай, отрывая от этой отвратительной земли. Огромное тебе спасибо, дорогой Оливье Мессиа́н, поэт Вечной Чистоты».⁶

В программках концерта в Вудстоке была анонсирована премьера композиции Джона Кейджа под названием «4'33"» (4 минуты 33 секунды) после произведений Брауна и Фельдмана. Когда подошла ее очередь, молодой пианист Дэвид Тюдор занял место за роялем на сцене «Маверика». Критики говорили, что он был настолько искусным в игре сложных партитур композиторов-экспериментаторов, что смог бы сыграть даже изюм в кексе. Пока Тюдор готовился к выступлению, мать Джона Кейджа шепнула своей подруге, что то, что сейчас произойдет, можно будет назвать «подобием молитвы».⁷

Тюдор открыл крышку рояля, чтобы исполнить первую часть композиции, и замер с занесенными над клавиатурой руками. Он выждал период времени, точно определенный партитурой, после чего, так и не коснувшись клавиш, закрыл крышку рояля. Первая часть была завершена. Погодя немного, Тюдор опять открыл крышку для исполнения второй части. И снова, выждав четко определенный период времени, он закрыл крышку, так и не сыграв ни единой ноты. Третья часть представляла собой точно такую же последовательность открытия и закрытия крышки рояля с периодом безмолвия между ними. Все это заняло ровно четыре минуты и 33 секунды – именно в этом заключалась идея, отраженная в названии композиции.

После концерта представленные в нем композиторы Эрл Браун, Мортон Фельдман и Джон Кейдж поднялись на сцену, чтобы ответить на вопросы аудитории. Композиция «4'33"» разозлила многих профессиональных музыкантов и других присутствующих в зале. «Разгорелась жаркая дискуссия, – вспоминает Эрл Браун. – Поднялся большой шум... Большинство зрителей были в ярости». Еще один из присутствовавших на том концерте, Питер Йетс, отметил: «Аудитория была готова к шоку, но не к разочарованию».⁸

Судя по тому, что я прочитал об этом случае, сеанс вопросов-ответов с Кейджем выглядел примерно так.

«Что это было, Кейдж? Что это за четыре минуты и 33 секунды? Это такая шутка, да?»

«Вовсе нет».

«Но пианист не сыграл ни ноты. Тишина – это *не* музыка».

«А разве это была тишина?» – спросил Кейдж.

«Если музыкант вообще не касается клавиш, то это – даже не пианиссимо!»

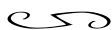
«А что вы слышали?»

«Ничего!»

«А я слышал нечто другое, – смело заявил Кейдж. – В первой части – шелест ветра в кронах деревьев, во второй – прелестный стук дождя по крыше, и в заключительной – очень интересное бормотание в толпе».

«Но это звуки, Кейдж, а не музыка».

«А разве это не одно и то же?»

Джон Кейдж родился в 1912 году в семье изобретателя с дипломом инженера-электротехника. Будучи одаренным ребенком, он в возрасте девяти лет начал играть на фортепиано и сразу же занялся изучением оригинальных классических партитур в коллекции публичной библиотеки Лос-Анджелеса. В детстве он хотел последовать по стопам своего деда, который нес служение в методистской епископальной церкви, но вскоре после поступления в колледж Помоны в возрасте 16 лет отказался от своей цели.

Проведя в колледже два года, Кейдж оставил формальное обучение и провел год во Франции, изучая живопись, архитектуру и музыку. В частности, он брал уроки игры на фортепиано у Лазара Леви – ведущего педагога Парижской консерватории.

Вернувшись в 1931 году в Америку, Кейдж жил в доме родителей в богатом предместье Лос-Анджелеса и пытался зарабатывать, читая лекции о литературе, живописи и музыке. Когда настал момент рассказать студентам о композиторах XX века, Кейдж понял, что ничего не знает об одном из ведущих мастеров, Арнольде Шёнберге. В результате он обратился к эксперту по творчеству Шёнберга, Ричарду Булигу, с просьбой дать ему несколько уроков композиции. После этого Кейдж решил посвятить свою жизнь музыке.

В 1934 году он учился у самого Шёнберга, в процессе чего выяснилась серьезная проблема: Кейдж понял, что у него отсутствует гармонический слух. По этой причине Шёнберг не питал особых иллюзий насчет своего преданного ученика, но, тем не менее, признавал одаренность юноши. Позже он сказал критику Питеру Йетсу, что Кейдж был «не композитором, а изобретателем – причем, гениальным».⁹

Поскольку Кейдж не чувствовал гармоник, он занялся сочинительством музыки для ударных, создавая собственные инструменты из вещей наподобие автомобильных тормозных барабанов и колес-

ных колпаков. В 1938 году он представил миру «подготовленное фортепиано». Ранние сочинения Кейджа были всецело посвящены стиранию различий между инструментальной музыкой и звуками повседневной жизни.

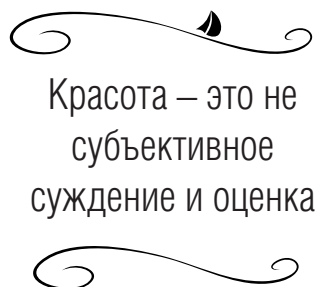
Неудачный брак побудил Кейджа к религиозным поискам. Он начал посещать лекции Дайсэцу Судзуки – одного из ведущих популяризаторов дзэн-буддизма. Вскоре Кейдж пришел к убеждению, что цель музыки – подталкивать слушателей к принятию жизни такой, какая она есть. Он черпал вдохновение в утверждении индийского философа Ананда Кумарасвами о том, что искусство должно «имитировать природу *в характере ее действий*». ¹⁰ В своей музыке, отказавшись от самовыражения (в чем он, в любом случае, был не особо силен), Кейдж побуждал людей «очнуться для самой своей жизни». Он считал, что художник должен подражать природе и присущей ей хаотичности, в которую он свято верил.

Начиная с этого времени, Кейдж активно занялся изобретением способов победить все то, что он мог привнести в сочинение музыки: любые знания, мысли и чувства. Как отмечает критик Кальвин Томкинс: «Все его усилия были направлены на сложные процессы избавления от собственных вкусов, фантазий, воспоминаний и идей, – все для того, чтобы ‘позволить звукам быть звуками’». ¹¹ Подобное же замечание сделал и скульптор Ричард Липполд: «У Джона самый выдающийся интеллект среди всех людей, которых я только встречал, и на протяжении многих лет он пытался покончить с ним. Как-то он сказал мне: ‘Ричард, у тебя блестящий ум, но настало время выбросить его’». ¹²

Кейдж решил, что нашел совершенный метод достижения своей цели, когда обнаружил «И цзин» – древнекитайскую «книгу перемен». Бросая веточки тысячелистника, по таблицам и гексаграммам «И цзин», он получил способ сочинять, никак не контролируя результат. Так появилась хаотическая композиция «Музыка перемен» и другие, подобные ей. ¹³

Кейдж обнаружил, что сочинять музыку, подражая хаотическому, как он считал, характеру природы, – куда более сложное дело, чем он себе представлял. Ему это никак не удавалось, и потому он решил, что единственный способ справиться с этой задачей – вообще ничего не сочинять. Так, само собой, появилась «композиция» тишины «4’33”». В ней музыка превращалась в любые окружающие шумы.

Как музыка, труд Кейджа совершенно бесполезен. Как философское изобретение, он довольно интересен, хотя и глубоко оши-

Красота – это не
субъективное
суждение и оценка

бочен по сути. Это внезапный жест мастера дзен («Как звучит хлопок одной рукой?»), призванный показать ученику суть мировоззрения буддизма. Принятая Кейджем система верований является приглашением принять этот мир таким, какой он есть, — отвергнуть свои привычки надеяться и желать, отказаться от иллюзии свободы и стремления к справедливости. Это попытка постичь мир, как совершенно чуждый устремлениям человеческого сердца. В провозглашении этих буддистских учений Кейдж, по его собственному признанию, уподобился «протестантскому проповеднику-фундаменталисту».¹⁴

Возникают вопросы: Неужели сокровенные желания сердца — это всего лишь иллюзии? Построения, даруемые воображением и доводы разума — тоже иллюзии? Должны ли мы принять концепцию хаотического мира?

Психоаналитик Адам Филлипс рассказывает следующую историю о Кейдже. Музыкант посетил концерт другого композитора, который в программке выразил надежду на то, что его музыка уменьшит страдания в мире. Позже Кейдж сказал своему другу, что музыка ему понравилась, но совершенно не понравилось написанное в программке. На его взгляд, в мире было не слишком много страданий. Он считал, что их — «в самый раз».¹⁵

Хотя многие замечания Кейджа кажутся жестокими и бесчувственными, они вполне соответствуют взглядам буддиста и постмодерниста. Если этот мир появился из необъяснимого хаоса и в него же возвращается, то такого понятия, как мера страданий, просто не существует. Страдания просто *есть* — и все.

Но представьте, если бы Кейдж сказал подобное военнопленным в «Шталаге VIII-A». Было ли страданий в лагере Мессияна «в самый раз»?

Чем труд Мессияна кардинально отличался от труда Кейджа? Оливье Мессиян говорил, что практически родился христианином. С самого раннего детства его мама-поэтесса и отец, учитель английского языка, переводивший произведения Шекспира, читали ему сказки Ганса-Христиана Андерсена и пьесы Шекспира. Понемногу он начал понимать, каким образом надежды и мечты, выраженные во всех сказках, —

Бог сотворил мир, который отражает Его сущность, и не только Его невообразимую гениальность, но и Его величие — Его красоту

стремление к справедливости и свободе, — осуществляются и становятся реальностью благодаря вере. Хотя Шекспир предоставил ему «супер-сказки», Мессиян считал христианство гораздо более зага-

дочным и удивительным.¹⁶ В более зрелые годы он не раз говорил в интервью, что обнаружил одно простое различие между историями, которые любил в детстве, и христианской верой: христианство правдиво.

Мессиа́н сказал: «Основная идея, которую я хотел выразить – это существование истин католической веры... В этом заключался главный смысл моей работы – наиболее возвышенный и, вне всякого сомнения, самый полезный и ценный – возможно, единственный, о котором я не буду сожалеть в свой смертный час».¹⁷

В «Квартете на конец времени» можно увидеть много тем, которые мы обнаружили в процессе собственных поисков истины. Первая из них – присутствие естественного порядка. Дрозд, поющий в музыке Мессиа́на, и восходящее солнце взаимосвязаны друг с другом глубинным образом, – можно сказать, мотивом. Только отраженный в природе замысел способен произвести вселенную, в которой жизнь маленьких созданий возможна, благодаря астрономическому взаимодействию Земли и Солнца. За естественным порядком стоит Сам Бог, Который не обитает во времени, но является его Хозяином. Вечное и брeнное в конце концов соединились в тот момент, когда Бог «опустошил Себя», явившись среди нас ребенком – человеком, которому было суждено умереть, чтобы снова ожить.

Что чудесно отразил Мессиа́н, – так это взаимозависимость времени и вечности, которая и составляет тайну красоты. Ведь красота – это Божья слава, сияющая в творении. Разве можно не видеть и не ощущать ее?

Я рассказал истории об этих двух мировых премьерах, – «Квартет на конец времени» Мессиа́на и «4'33''» Кейджа – по той причине, что они идеально отражают две противоположные системы верований мира, в котором мы сегодня живем. Для Кейджа просвещение заключается в примирении с существованием хаотической вселенной. Как полная противоположность, музыка Оливье Мессиа́на отражает глубокое понимание естественного порядка и того, как этот порядок, в конечном итоге, исходит от своего Творца. Он восторгается красотой мира. Даже в нацистском концлагере Мессиа́н мог увидеть Божью славу, сияющую в творении.

Сегодня лишь единицы воспринимают красоту, как результат творения. Многие говорят, что «красота – в глазах созерцающего» или что «это – дело вкуса». Когда люди называют что-либо красивым, это всего лишь означает, что им это нравится. Подобные оценочные суждения всегда – мнение только одного человека.

Но для христиан и приверженцев классических взглядов красота – это не субъективное суждение и оценка, а искусство – не просто выражение внутреннего мира художника. Красота – такая же часть реальности, как добродетель и истина. Она является ключевым элементом сотворенного порядка, неотъемлемой частью мира, в котором мы живем.

Причина, по которой один человек считает что-то красивым, а другой с этим не согласен, состоит в том, что разные люди способны

в большей или меньшей степени воспринимать красоту. Чьи-то суждения о красоте более точны. Возможно, эту мысль многие люди в нашей культуре сочтут нетолерантной, но, однако же, это действительно так.

Красота этого мира
говорит о Божьей
любви к нам

Христианский взгляд на красоту базируется на учении о происхождении этого мира. Бог сотворил мир, который отражает Его сущность, и не только Его невообразимую гениальность, но и Его величие – Его красоту. Глядя на один лишь порядок и красоту творения, древние греки понимали, что истина, красота и добродетель полностью взаимосвязаны. Это понимание было прекрасно передано богословом Хансом Урсом фон Бальтазаром: «Красота требует, по меньшей мере, столько же смелости и решимости, как и истина и благодетель, и она не позволит отделить себя... от двух своих сестер».¹⁸

Красота этого мира говорит о Божьей любви к нам. Он создал вселенную, в которой восходит и заходит солнце, в небе висит бледная луна, а нас каждый день вдохновляет сила несущихся в вышине облаков. Бог сотворил мир, в котором мы можем радоваться поляне нарциссов, пугаться крика совы и изумляться способностям маскировки у хамелеона. В своем стихотворении «Тигр» поэт Уильям Блейк признает Божью руку в красоте Его Творения:

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?¹⁹

Божьи пути несравнимо выше наших, и все же красота Его творения демонстрирует нам Его любовь.²⁰

Поскольку Оливье Мессиян верил, что красота – это признак Божьей заботы, он в своем творчестве воздал должное любящему Творцу. Его слушатели были гораздо менее сведущи в теории музыки, чем аудитория Кейджа, и все же произведение Мессияна показало

его товарищам по несчастью, что этот мир, в конечном итоге, принадлежит Богу, а не нацистам, и что законное основание надежды каждого человека лежит в Божьем правлении. Мессиян не предлагал дешевое утешение и не «выражал себя». Кому из его друзей-военнопленных это было бы интересно? Языком музыки он передавал им истину, которую они должны были слышать, — истину, являющуюся ключом к счастливой жизни.

Все мы интуитивно понимаем взаимосвязь между красотой и истиной. Спросите у подростка или даже у ребенка поменьше: может ли он описать разницу между хорошим и плохим искусством. Большинство, как я уже отметил ранее, сомневаются в том, что верят в существование абсолютной истины. Я часто предлагаю слушателям представить себе картину, которая привлекает их взгляд, от которой невозможно оторваться — например, морской пейзаж знаменитого художника Уильяма Тернера, изображающий накренившийся под ветром парусник, бороздящий морские просторы. Он настолько реалистичен, что вы почти ощущаете стремительное движение судна. Краски поблекли от времени, но это не портит впечатление от картины.

Я спрашиваю у юной аудитории: «Можете ли вы, увидев такую картину, сказать, что это — ‘круто’?» Все они кивают головами в знак согласия. Тогда я задаю следующий вопрос: «Если бы вы сегодня поехали в Германию и увидели выставку частей тела — огромную настенную фреску со свисающими с нее фрагментами плоти, — то вы сказали бы, что это ‘круто’?» На лицах большинства детей сразу же отражается отвращение, и я лишь озвучиваю их мысли: «Нет, вы бы сказали, что это — гадость, верно?» Все кивают головами.

Это понимают даже дети. Есть разница между «крутым» и гадким. Существуют абсолюты.

Что-то внутри нас откликается на красоту. Она вдохновляет, ободряет нас — точно так же, как музыка Мессияна воодушевила военнопленных в «Шталаге VIII-A» во время Второй мировой войны.

Искусство имеет такую силу именно потому, что оно апеллирует напрямую к нашим эмоциям наравне с интеллектом — к сердцу и его высшему разуму. Студенты, с которыми я беседовал, сразу же понимали разницу между Кейджем и Мессияном. Кейдж — голый король от искусства, а Мессиян — маэстро творения, чей труд отражает историю времени с позиций вечности.

Пленяя мысли и будоража воображение, искусство пробуждает нас к созерцанию мира как чуда и затрагивает наши эмоции. Лучшие

его образцы отражают истину человеческого опыта в его прочувствованной целостности.

Искусство указывает на нечто, лежащее за пределами сугубо человеческого, — туда, где, по моему убеждению, находится сам источник красоты. Об этом мы и поговорим в следующей главе.

Написанное на сердце

Мой дедушка по отцовской линии, сын шведских иммигрантов, осиротел в раннем детстве и воспитывался в приюте в Бостоне. Как ни удивительно, он сам научился играть на разных музыкальных инструментах и в будущем стал известным музыкантом – соло-корнетистом Бостонского симфонического оркестра. К сожалению, когда эти музыкальные гены передавались дальше, они благополучно минули и моего отца, и меня. Я не пою даже на церковных собраниях из-за опасения сбить других с тональности.

Если вы подобным же образом обделены в сфере музыки, то, возможно, задаетесь вопросом: почему я привожу здесь все эти рассказы о Мессияне и Кейдже? В конце концов, эта книга посвящена поиску истины и секретам счастливой жизни. Разве обсуждение высокоинтеллектуальной музыки не уводит нас в сторону от цели?

Но искусство – это вовсе не отвлеченный вопрос, а сама суть той мысли, которую я хочу донести. Оно сталкивает нас с истиной, делая ее реальностью, прочувствованной сердцем.

По сути, наше восприятие красоты – это очень существенный аспект, отличающий нас, как людей. Ни один археолог не обнаружил нору какого-нибудь животного с примитивными настенными рисунками вроде тех, которые оставили древние люди. У животных просто нет таких способностей. Только люди неизменно пытаются передать красоту в различных формах и разнообразными способами. Хотя животные и насекомые могут создавать красоту, как в случае с пауком в камере Ньен Чен, они не делают этого *намеренно*.

Только человеческая личность и творит, и размышляет над значимостью творения. Причем это относится не только к художни-

Бог Творец создал
нас тоже творцами

кам. Почти любой вид работы включает в себя элемент творчества, чем бы мы ни занимались: в сфере услуг, продавая страховки, ремонтируя компьютеры, или же строили дома, конструировали машины или разрабатывали бизнес-системы. Как уже обсуждалось ранее, удовлетворение от работы в значительной мере обязано тому, что мы задействуем воображение, изобретательность и навыки, стараясь делать свое дело хорошо. Упражняясь в собственном творчестве и наблюдая за творчеством других, мы приходим к осознанию Божьего творчества и Его заботы, проявленных при сотворении нашего прекрасного мира. В нас растет подозрение о правдивости утверждений Библии, что мы, человеческие существа, созданы по Божьему образу; что возможности нашего разума и воображения, а также способность бескорыстно любить были дарованы нам Богом, обладающим этими атрибутами в их полном и абсолютном совершенстве. Бог Творец создал нас тоже творцами.

Поскольку источником творчества является наша человеческая сущность, отражающая личность и характер Бога, то искусство обладает невероятной силой пробуждать в нас величайшие жизненные вопросы и побуждать к поиску ответов, которые находятся внутри нас самих. Размышляя над творчеством людей или великого Творца, мы ощущаем могучие импульсы в самом центре нашего естества.

Нуждаясь во вдохновении, я иногда отправляюсь на прогулку по пляжу в пригороде Неаполя, штат Флорида, где я живу. Величие океана всегда производило на меня глубокое впечатление. Мексиканский залив – будь то в шторм или в штиль – круглый год представляет собой совершенно восхитительное зрелище. Особенно великолепен он летом. Когда солнце опускается за горизонт, пышные скопления облаков окрашиваются в розовые, серые и голубые тона. Во время прогулок по пляжу я испытываю благоговение, восторг и обретаю вдохновение даже в те дни, когда чем-то обременен. Проблемы уже не кажутся настолько гнетущими. Стоя на берегу, я разделяю чувства шотландского альпиниста Уильяма Мюррея, описавшего свою невыразимую радость от созерцания величественных горных пиков, как один из «мимолетных взглядов на красоту, которую все познавшие ее вынуждены назвать истиной».¹

Известный философ Жак Маритен назвал красоту «метафизической приманкой».² Она ведет нас к размышлению о своем источнике. Откуда берется красота? Почему вид океана так волнует нас? Почему он вызывает чувство неосознанного томления о чем-то за пределами нашего земного опыта, – о чем-то большем, превосходящем все наши познания в *этой* жизни? Писатель и ученый Клайв Льюис считал, что наиболее вероятное объяснение нашего стремле-

ния, которого не может удовлетворить никакой опыт в этом мире, заключается в том, что мы были сотворены для *иного* мира.

Красота этого мира побуждает нас задаться вопросом: «Не создал ли нас тот самый ‘бессмертный взор’, который создал тигра?» Мы размышляем, есть ли у этого Творца цель для нас в земной жизни – и даже *за* ее пределами. Красота Божьего творения излучает обещание. Возможно, кому-то подобные размышления покажутся странными, но любое исследование истории и литературы говорит об универсальности таких вопросов. Вот почему мы не можем пройти по жизни без «божественного беспокойства», как его назвал Эммануэль Мунье. Комментируя взгляды Мунье, Лоренцо Альбасете отметил: «В самом деле, нашу жизнь по-настоящему человеческой делают те бесконечные вопросы перед лицом Тайны, перед ‘чем-то большим’, сколько бы нам ни было лет – три или девяносто. Эти вопросы дают нашему сердцу бодрствовать, познавая окружающий мир, и позволяют смотреть даже на обыденные вещи с тем же удивлением и восторгом, как в тот момент, когда мы увидели их впервые».³

Французский математик и философ Блез Паскаль сказал: «У сердца есть доводы, которые неведомы разуму».⁴ Он подразумевал, что наша человеческая природа, как целое, способна постигать истины, выходящие за рамки понимания одного лишь разума. Она включает в себя не только интеллект, но и эмоции, не только расчет, но и интуицию и воображение.

Высказываясь ранее против того, чтобы мы основывали свою жизнь на эмоциях, я не имел в виду, что наши эмоции не являются важным проводником к истине. Если приятные чувства становятся смыслом и самоцелью, то они, конечно же, введут нас в заблуждение. Но, вдумчиво размышляя над своими интуитивными реакциями, мы иногда обнаруживаем, что знаем гораздо больше, чем можем выразить логически.

Сами наши размышления об источнике всего сущего, включая красоту, повышают вероятность того, что где-то действительно существует нечто большее, – иными словами, Бог. Ничем другим их объяснить нельзя.

В XI веке епископ Ансельм Кентерберийский так выразил это в молитве: «О, Господь, никого более великого, чем Ты, мы не можем постичь; Ты также превыше всего, что может быть постигнуто... Не

Благодарность вложена внутрь
каждого из нас точно так же, как
универсальная человеческая
характеристика – чувство вины

будь так, можно было бы представить себе что-то более великое, чем Ты, но это невозможно».⁵

Поначалу кажется, что это – рассуждения, идущие по замкнутому кругу, лишь подтверждающие необходимость в существовании подобной идеи. Однако богослов колониальной эпохи Джонатан Эдвардс взглянул на этот вопрос с другой стороны. Он говорит: «Небытие – это то, что снится спящим камням».⁶ Поскольку мы неспособны представить свое собственное небытие, мы можем быть уверены как в своем существовании, так и в той Личности, Которая превыше всего, доступного для познания. Это называют «онтологическим доказательством существования Бога», и чем больше вы о нем размышляете, тем больше проникаетесь его разумностью.

Я обнаружил это в тот момент своей жизни, когда был совершенно далеким от религии – в лучшем случае, номинальным христианином. Я приехал на озеро в Нью-Хэмпшире вместе со своими двумя сыновьями, чтобы поучить их хождению под парусами на маленькой четырехметровой яхте. Во время одного из наших вечерних упражнений на озере Кристиан, которому тогда было десять лет, стоял, удерживая парус. Его глаза искрились восторгом от того, что он может собственноручно управлять яхтой. Я находился на корме, держась за румпель. По лицу сына я видел, насколько он рад своему новому открытию: ощущению силы ветра в руках. В тот миг, сам того не ожидая, я произнес: «Боже, спасибо, что подарил мне этого ребенка и этот удивительный момент, который я могу с ним разделить». Затем я сказал Богу, что если бы мне было суждено на следующий день умереть, то я чувствовал бы, что моя жизнь удалась.

Осознание, того, *что* я только что сказал, меня поразило. У меня не было намерений пытаться говорить с Богом, кем бы Он ни был, даже если Он действительно существовал и Его можно было познать, – в чем я определенно не имел интеллектуальной уверенности. И все же, мне пришлось признать, что я был просто переполнен благодарностью за это незабываемо глубокое переживание с моим сыном Крисом, и мне хотелось кого-то поблагодарить – Бога.

Казалось, что на каком-то уровне я не могу представить невозможность Его существования, но я отмахнулся от этого ощущения, решив, что все это – последствия чрезмерного стресса от пережитого. Странные вещи могут с нами происходить.

Что же побудило меня в тот день говорить с Богом? Переполняющее чувство благодарности за невероятно радостное переживание. Я обнаружил, что благодарность вложена внутрь каждого из

нас точно так же, как универсальная человеческая характеристика – чувство вины. Разве вас не наполняет благодарность, когда, проснувшись поутру, вы открываете окно, ощущаете свежий весенний ветерок и видите восходящее солнце? Я благодарен каждый день за то, что живу, что у меня чудесная семья, что у меня есть цель в жизни. Разве можно относиться к этому иначе? Но если за пределами земного нет ничего, кроме безбрежного вакуума, то почему вы должны испытывать благодарность за что-либо?

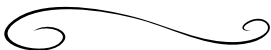
У меня есть друг, и у него как-то состоялся разговор с одним из бизнес-партнеров по поводу своей христианской веры. Его партнер, один из директоров большой международной корпорации, был чрезвычайно начитанным и глубоко разбирался в экономике и философии. Пытаясь объяснить свою веру в существование Бога, мой друг выспрашивал у него, что он думает о жизни. Этот человек признал, что испытывает глубокое чувство благодарности за свою жизнь. Когда мой друг спросил у коллеги: «А кому ты благодарен?» – тот был застигнут врасплох, признав, что не верит в существование кого-либо, кому можно было бы выразить эту благодарность. «Но почему ты испытываешь ее? – не унимался мой друг. – Ты можешь быть благодарным только какой-то личности, заслуживающей этого». На это коллега ответил: «Вот почему люди придумали Бога. Им обязательно необходимо некое мифическое существо, которому они могли бы выражать благодарность».

Нелепость этого аргумента очевидна. Джеймс Райан вернулся к надгробию в Нормандии не для того, чтобы выразить благодарность кому-то, кого он выдумал в своем воображении. Капитан Миллер действительно спас ему жизнь. Благодарность без объекта благодарения – бессмысленная идея, и никто не будет выдумывать Бога только для того, чтобы было кого благодарить. Если нет Творца, то почему мы испытываем благодарность?

Благодарность, которую испытывал Джеймс Райан или я в тот день на озере, – благодарность, пережитая столько раз в течение жизни всеми нами, включая бизнес-партнера моего друга, предполагает существование кого-то, кому мы благодарны. Точно так же, как универсальная характеристика чувства вины указывает на существование нравственного закона, универсальное чувство благодарности ведет нас к пониманию – доступного, пожалуй, только сердцу, – об источнике нашего бытия – Боге. То, что я пережил, глядя на сына в

Универсальное чувство благодарности ведет нас к пониманию об источнике нашего бытия – Боге

Нью-Хэмпшире, было ярким проявлением этого знания, записанного на сердце.

Но если мы осознаем реальность красоты и благодарность глубоко внутри нас, то почему же нам так сложно жить в свете этого понимания?

Потому что все окружающее с упорством и настойчивостью твердит нам о противоположном. Транспаранты повсюду вещают: «Истины не существует»; «Бог – это миф», – и наше общество принимает откровенную ложь за чистую монету.

Повторюсь: это – огромная дисфункция современной жизни. Она становится еще более очевидной, когда мы исследуем, какую роль играет в нашей повседневности постмодернистское мышление с его противоречивой и явно иррациональной природой. Постмодернисты совершают ужаснейшие вещи.

Прозревающие постмодернисты

«Э то делают птички, это делают пчелы, и даже дрессированные блохи, — поется в старой песенке. — Давайте же и мы займемся этим, давайте будем любить».¹ Увы, большие панды испытывают серьезные трудности с «этим», что стало одной из главных причин их близости к вымиранию. Зоопарки и защитники природы по всему миру прилагают немало усилий, чтобы отдалить этого всеми любимого, но сексуально индифферентного медведя от грани исчезновения.

Ведущая роль в этой борьбе отведена центру по защите больших панд «Волун», расположенному на юго-западе китайской провинции Сычуань. Ученые в «Волуне» обнаружили, что панды сами для себя составляют почти такую же угрозу, как и сужение ареала их обитания. Они питаются бамбуковыми стеблями и листьями, низкая пищевая ценность которых усугубляется тем фактом, что у панд — пищеварительная система плотоядных. Группы больших панд живут далеко друг от друга, и самцы печально известны своей неуклюжестью в ухаживании. В то же время, самки, в половине случаев рожающие двойни, выбирают для выкармливания только одного детеныша, зачастую позволяя другому умереть в небрежении. Таким образом, хотя «это, поневоле, делают моллюски с холодного Кейп-Кода и даже ленивые медузы»,² панды это делают явно недостаточно эффективно. Если же и делают, то выращивают слишком мало здоровых детенышей.

Ученые из китайского центра по сохранению и изучению больших панд в природном заповеднике «Волун» изобрели оригинальные способы мотивировать этих медведей к тому, что должно происходить естественным образом. Когда зоопарк Сан-Диего доставил четырехлетнюю самку по имени Хуа Мэй обратно в Китай, ее опекуны в «Волуне» приготовились к серии «свиданий вслепую», надеясь, что

Хуа Мэй поможет увеличить популяцию панд. Однако эта самка всю жизнь провела в неволе, поэтому ученые из «Волуна» всерьез опасались, что она не будет знать, как себя вести. Чтобы помочь ей, они прибегли к тому, что можно было бы назвать «панда-порно» – показывали Хуа Мэй видеозаписи спаривания панд.

В июне 2004 года ученые из «Волуна» с гордостью объявили о том, что Хуа Мэй забеременела.³ В случае рождения двойни они могли спасти обоих медвежат, поочередно меняя их до тех пор, пока те смогут выживать без избирательного внимания мамы.

Я рассказываю эту трогательную историю по двум причинам, и обе они показывают ущербность постмодернистского мышления. Во-первых, оказывается, что натуралисты – люди, верящие, что нет ничего, кроме хаотической вселенной – не способны или не согласны поступать в соответствии с собственными убеждениями. Иначе они просто позволили бы большим пандам исчезнуть, поскольку именно так действует естественный отбор, не так ли? С точки зрения биологического разнообразия или любой другой идеи, которую используют натуралисты для объяснения компрометирующего их альтруизма, эти медведи ничего не значат.

Кроме того, эта история показывает, что Питер Сингер ошибается, говоря, что люди не отличаются от животных. Наши любовь и забота отличают нас от всех остальных живых существ. По сути, именно эти качества и делают нас людьми. В своих поступках мы не опираемся на холодные прагматичные расчеты Сингера. Мы куда более великодушны по отношению к Земле и населяющим ее созданиям, словно они были вверены нашему попечению. В действительности так и есть, и это доказывает, что относительно будущего больших панд гораздо куда более оправданной является библейская Книга Бытие, чем «Происхождение видов» Дарвина. Хотя натуралисты проповедуют об отсутствии различий между человечеством и остальным творением, своими поступками они показывают, что эти различия огромны. Это один из множества примеров того, как постмодернизм явно противоречит сам себе.

Постмодернизм мог вполне быть изобретен известным бейсболистом Йоги Беррой. В нем полно тезисов, наподобие тех, которые высказывал экстравагантный Йоги: «В этот ресторан больше никто не ходит, потому что в нем слишком многолюдно». Явная взаимоисключающая суть многих позиций постмодернизма ведет людей к высказыванию подобных же абсурдных утверждений. Позже в этой главе будет рассказано о том, как один известный архитектор постмодернизма отрекся от собственного противоречивого учения.

Однако многие люди живут в огромной лжи постмодернизма, даже не осознавая, насколько это ослабляет их способность рационально мыслить. Как-то репортер спросил у яркой и порой эпатажной Максин Уотерс, конгрессмена из Калифорнии, почему она марширует в демонстрации за право делать аборт. «Потому что у моей мамы не было права на аборт», – совершенно серьезно ответила Уотерс.⁴

Почему же люди этого не замечают? Мы утратили способность к критическому мышлению и различению правильного и неправильного. Вся наша культура твердит о том, что нам нужно просто принимать чужие высказывания, не оспаривая их. Мы обязаны рассматривать любую точку зрения как правильную и верить в отсутствие таких понятий, как истина или логическая обоснованность. Эта идея стала злыми чарами, которые так запугали нас, что мы начали верить в относительность всего сущего.

Подобная относительность повлияла на каждого. Все мы в той или иной степени – прозревающие постмодернисты. Постмодернизм серьезно искажает наше самовосприятие как человеческих личностей. Возьмите, к примеру, современную поглощенность людей самими собой. Доведите ее до логической крайности, и вы получите девизы для набора в армию наподобие: «Армия одного».

Впервые узнав, что новый девиз для новобранцев – «Армия одного», я ожидал увидеть столько карикатур, язвительных статей и острот шоуменов, что вся страна просто поднимет армию на смех. Тем не менее, военные сделали хорошее исследование. Множество специальных комиссий и проведенных фокус-групп позволили изучить потенциал этого девиза. Как ни удивительно, кампания по набору в армию прошла успешно. Предыдущий девиз: «Будь тем, кем ты можешь быть» – тоже играл на личных амбициях, но девиз «Армия одного» изобразил воинскую службу не всецело командным делом, а приключением для супергероя-одиночки.

Но армия действует совсем не так, в чем я убедился во время службы в морской пехоте. Мне нравилось находиться вместе с другими парнями в боевой обстановке. Я любил физические нагрузки, тренировки, дисциплину. Но больше всего я ценил дух войскового товарищества, ощущение сплоченности подразделения. И не важно, насколько разношерстной компанией были новобранцы, – наступал момент, когда они сливались в единую боевую единицу, в которой каждый переживал солидарность, неведомую нигде в гражданской жизни.

На то есть простая причина. Военные не в бирюльки играют. Они работают на грани жизни и смерти в боевых сражениях, и это подразумевает командное взаимодействие.

Командуя взводом, я хорошо выучил, что моя жизнь зависит от подчинения приказам командира и уверенности в том, что мои солдаты точно так же четко выполняют мои приказы. Как раньше, так и сейчас военная дисциплина состоит в простом обеспечении исполнения приказов. Как офицер, я должен был заслужить уважение солдат. Сила армии, по большому счету, заключается в сохранении крепких уз между офицерами и их подчиненными даже в самых экстремальных ситуациях. Все это – вопрос взаимоотношений.

Тактика боя также требует взаимодействия. Наступление взвода на вражеские позиции – исключительно командная задача. Одно отделение из тринадцати человек залегает, обеспечивая огневое прикрытие для другого отделения, которое продвигается вперед. Внутри каждого отделения есть огневые группы по четыре человека в каждой, которые командир разворачивает аналогичным образом: одна наступает, а другая обеспечивает огневое прикрытие для наступления. Действия армейских подразделений в бою в высшей мере координированы.

На поле боя солдат, с которым ты делишь окоп, контролирует сектор в 180 градусов, а другой такой же сектор контролируешь ты. Вы сражаетесь буквально спиной к спине. До войны во Вьетнаме темнокожий американец Аллен Чемберс был воинственным ненавистником белых. Но Вьетнам покончил с его расизмом, потому что в бою его спину прикрывал белый. Они были в неразрывной связке. Если бы не этот парень, то Аллен погиб бы.

Армия одного?! Просто смех! Но наше общество восприняло это всерьез, что показывает, насколько глубоко мы затянуты в гигантскую ложь о величии и самодостаточности человека.

Одно дело – вступить в армию из-за возможности стать героем-одиночкой, а затем, естественно, обнаружить, что ты – часть сообщества, которое должно функционировать совершенно особым образом. Так часто происходит, когда кто-то «клюет» на лживую рекламу. Но совсем другое дело – строить свою жизнь на утверждениях, которые опровергают друг друга и могут привести к ошибочным решениям в вопросах жизни и смерти. Вот почему так важно не только понимать фундаментальные идеи, скрывающиеся за тем, что мы слышим и видим в обществе, но и смотреть глубже.

Под давлением жизненных обстоятельств люди могут вынужденно признать иррациональность постмодернизма и тот факт, что он создает безвыходность, которая со временем делает жизнь невыносимой. Мы уже увидели в истории Денниса Козловски, что про-

исходит, когда человек в погоне за личной наживой отвергает всякую этику. И, как это ни трагично, подобные явления становятся обычными. Такие случаи поднимают вопрос о том, каким образом общество, отвергающее любые утверждения о существовании истины, может сохранять понятие об этике. Термин «этика» происходит от греческого слова, которое переводится как «стабильный». Она не меняется. Но какая может быть этика, если не существует истины?

Пятнадцать лет назад один мой друг дал двадцать миллионов долларов Гарвардской школе бизнеса на введение курса этики. Я сказал ему, что он тратит деньги впустую, потому что Гарвард, беззаветно преданный философскому релятивизму, никогда не сможет научить этике. Позже я даже написал по этому поводу статью, вызвавшую смятение среди моих друзей из попечительского совета Гарварда. Чтобы удовлетворить их протесты, я попросил выслать мне учебную программу. Прочитав ее, я увидел, что мои наихудшие предположения подтвердились, и написал еще одну статью – даже более жесткую, чем предыдущая. Это побудило Гарвард пригласить меня в 1991 году прочитать лекцию, которую я назвал: «Почему Гарвард не может научить этике».

Никогда еще я не работал над речью настолько усердно. Я изучал все, что попадалось мне в руки, поскольку знал, что буду атакован лучшими из интеллектуалов. В тот день, когда я, стоя в полукруглом «колодце» перед круто вздымавшимися вверх рядами, обратился к забитой до отказа лекционной аудитории, сердце выпрыгивало у меня из груди.

Впрочем, эта лекция вызвала у меня разочарование, поскольку то, что я говорил, никто не стал оспаривать. Мне не задали ни единого толкового вопроса. Я пришел к выводу, что для диспута со мной студенты были недостаточно подкованы в нравственной философии, и это, само по себе, стало самым печальным из всех комментариев.

Это приглашение оказалось не последним, и на протяжении нескольких лет я читал лекции не только в Гарварде, но и в других университетах Лиги Плюща. За последнее десятилетие я все больше убеждался в том, что ни один из ведущих американских вузов, за исключением горстки колледжей с обучением по программе «Великих книг», и откровенно религиозных учебных заведений, не может научить этике. Снова и снова то один, то другой из моих друзей бросал мне вызов, утверждая, что в *их* альма-матер или вузе, где они преподают, этику излагают самым лучшим образом. Каждый раз я просил из прислать мне учебную программу этого курса, и вскоре обнаруживал, что он говорит не столько об этике, сколько об уважении различий или охране окружающей среды. Сегодня единственный стандарт – это прагматизм. Лишние проблемы вредны для бизнеса.

Почему же мы должны удивляться, когда сотрудники обдирают до нитки свои корпорации? Они научены тому, что могут поступать, как им вздумается. Выбирать собственные ценности. Они просто должны вести себя так, чтобы их имя не оказалось в газетах (многие пренебрегают и этой частью). Никто в академических аудиториях не признает, что постмодернизм ведет в тупик. Мы позволяем студентам принимать собственные решения об истине, а затем удивляемся, когда они мошенничают.

Никто, за исключением одного-единственного профессора, которого я встретил в моей собственной альма-матер, Брауновском университете. Я вернулся в Браун на пятидесятую годовщину нашего выпуска отчасти потому, что меня пригласили прочитать одну из лекций в день вручения дипломов. К моему огромному удивлению, в этом бастионе политкорректного либерализма мне предложили самому выбрать тему лекции, что я и сделал: «Почему Лига Плюща не может научить этике».

Когда меня представили толпе, до отказа заполнившей большой лекционный зал, этот профессор поприветствовал меня и сказал, что выбранная мной тема лекции представляет для него интерес. По его словам, он когда-то преподавал этику в Брауне, но затем, обращаясь к аудитории, добавил: «Возможно, выслушав мистера Колсона, вы поймете, почему мне пришлось отказаться от этого курса», — и он занял свое место в зале. Я нашел честного человека.

Один из наиболее прославленных поборников главной идеи постмодернизма — что мы сами творим собственную реальность — обнаружил, что такие убеждения сделали его жизнь никчемной и несчастной. Этот гигант литературного мира был бунтарем без причины. Последние пятьдесят лет его труды использовали для прививания постмодернистского мышления студентам университетов. Тем не менее, на пике своей карьеры он совершил полный разворот и вышел из многих тупиков, в которых оказался, следуя своим идеям. Он отверг те самые иллюзии, которые сделали его знаменитым.

Уоллес Стивенс родился 2 октября 1879 года в Рединге, штат Пенсильвания, в семье потомка первых эмигрантов из Голландии. В детстве, отправляясь в воскресную школу при пресвитерианской церкви, он надевал «лакированные туфли с серебряными пряжками». ⁵ Мать Уоллеса, урожденная Целлер, происходила из весьма набожной немецкой семьи, а отец, Гаррет, был успешным юристом, инвестировавшим свои адвокатские гонорары в фермы, недвижимость для сдачи в аренду и новые предприятия. Семейство процве-

тало до начала XX века, когда их стабильность была подорвана в результате рыночных кризисов и пожара на одном из предприятий Стивенса – велосипедном заводе. С этого времени Гаррету приходилось прикладывать немало усилий к тому, чтобы сохранять прежнее положение его семьи в обществе Рединга, которым он чрезвычайно дорожил.

Уоллес – второй из пятерых детей – поступил в Гарвард в 1897 году. У него уже развилась любовь к литературе, и во время учебы в колледже Стивенс публиковал свои первые поэмы, рассказы и очерки в журналах «Harvard Advocate» и «Harvard Monthly». Профессора признавали его таланты. На Стивенса оказала влияние французская поэзия, в частности – произведения Поля Верлена, посвященные тому, как разум создает свой личный мир. Стивенс до конца своих дней оставался франкофилом, много читая о Париже и иногда заказывая книги и картины из парижских магазинов. Он мог в мельчайших подробностях описать кафе на Елисейских Полях, хотя на самом деле никогда во Франции не был. Ему было достаточно Парижа, нарисованного его воображением. Стивенс не хотел, чтобы его личный мир оказался скомпрометированным реальностью.

Семья Уоллеса сразу же заметила, что после Гарварда он изменился. Социальные амбиции родителей у сына быстро превратились в непоколебимый интеллектуальный снобизм. «Уоллес уехал в колледж, а затем вернулся с гарвардским акцентом!» – отметили его братья и сестры.⁶

Отец посоветовал Уоллесу последовать по его стопам юриста, но юноша решил, что попробует заняться писательским трудом. В 1900 году он уехал в Нью-Йорк, где устроился внештатным корреспондентом в газету «New York Tribune» и помощником редактора в ежемесячный журнал «World's Work». Вскоре Уоллес понял, что заработать на жизнь таким ремеслом очень непросто, и воспользовался советом отца. Он поступил в Юридическую школу Нью-Йорка и в 1904 году был принят в коллегия адвокатов.

Летом этого же года во время визита в Рединг Уоллес познакомился с Элси Молл. У ее матери, которая происходила из некогда знатного рода, была неблагополучная история. Она дважды выходила замуж и оба раза – за расточителей, которые погружали семью в долги и затем умирали. Отец Элси скончался, когда она была еще совсем ребенком, а следующий муж ее матери не мог себе позволить оплату учебы девочки. В итоге она в возрасте четырнадцати лет оставила школу и устроилась продавщицей в магазин.

Вскоре Уоллес Стивенс совершенно потерял голову от Элси Молл просто потому, что она была самой красивой из всех известных ему девушек. Она стала его «музой», и Уоллес начал сочинять в ее

честь стихи. Элси была настолько хорошенькой юной блондинкой, что победила на конкурсе красоты и стала моделью для изображения Свободы на десятицентовых монетах.

Уоллес и Элси встречались пять лет, в течение которых Стивенс пытался утвердиться как юрист в Нью-Йорке. В течение этого периода двое молодых людей виделись относительно редко, зато вели интенсивную переписку. Вместе они проводили время только летом и на праздники, когда Уоллес гостил дома у родителей. В такие дни его внимание было настолько поглощено Элси, что это вызвало протесты у его отца, который считал, что семья превратилась для Уоллеса в прачечную.

Поначалу адвокатская карьера Стивенса не ладилась. Он не обладал ни темпераментом, необходимым для работы в зале суда, ни предпринимательской смекалкой, без которой было сложно построить успешную практику. Но ему наконец удалось получить хорошую должность юриста в компании по страхованию поручительских обязательств, где он стал специалистом по банковским гарантиям.

В 1909 году Стивенс почувствовал себя уже достаточно окрепшим финансово, чтобы жениться на Элси Молли. Одним из летних вечеров за ужином он представил юную красавицу своей семье. Они знали Элси много лет: вначале – как одноклассницу младшего брата Уоллеса, а затем – как девушку, за которой ухаживает сам Уоллес. Вскоре стало очевидно, что родители Стивенса не одобряют этот брак.

После того, как Уоллес проводил Элси домой, он крепко поругался с отцом, поскольку считал возражения родителей классовым предрассудком против социального положения его невесты. Впрочем, его сестры, у которых было меньше причин предпочитать невестку более знатных кровей, также недоумевали, как Уоллес мог заинтересоваться Элси. Она казалась им скучной и заурядной. Отец Стивенса не имел ни малейших сомнений, что голос страсти заглушил у сына все доводы разума, и попытался воспрепятствовать этому браку.

В кульминационный момент ссоры с отцом Уоллес выкрикнул, что если Элси в этом доме не рады, то он больше никогда не переступит его порог.

Элси и Уоллес вскоре поженились. Это была скромная церемония, на которой не присутствовало никого из семейства Стивенсов. В отличие от большинства угроз, выкрикиваемых в пылу ссоры, Уоллес сдержал свое слово. Его отец умер через два года, в 1911-м, так больше и не увидев сына в своем доме.

В Нью-Йорке Уоллес присоединился к группе художников-авангардистов. Во время учебы в Гарварде он подружился с Уолтером Конрадом Аренсбергом – богатым юношей с поэтическими наклонно-

стями. В Нью-Йорке Аренсберг собрал вокруг себя художников-экспериментаторов и других деятелей искусства. Так Стивенс познакомился с будущими знаменитостями – художниками Маном Реем, Франсисом Пикабиа и Марселем Дюшаном. Молодой поэт впервые соприкоснулся с новыми направлениями в искусстве, различные ответвления которых позже объединило название «модернизм».

Модернизм, по сути, был попыткой утвердить искусство на исключительно человеческой основе, создать труды, которые не имитировали бы жизнь (поскольку жизнь – это плод хаоса), а были бы особыми мирами сами по себе. Модернизм опирался на материалистические научные предположения, считавшиеся неопровержимыми. Стивенс отмечал, что «человек должен жить в мире Дарвина, а не Платона».⁷

Свои первые зрелые стихи он начал писать в годы Первой мировой войны. Они публиковались в таких журналах, как «Тренд» и альманах Хариет Монро «Поэзия». Вольный стих Стивенса, характеризовавшийся потрясающей музыкальностью, эстетическим очарованием и ироничным остроумием, начал привлекать к себе внимание публики.

В 1916 году Стивенс присоединяется к компании «Hartford Accident and Indemnity» в качестве главы нового департамента поручительских гарантий. Вместе с Элси он переезжает в Хартфорд, штат Коннектикут.

С этого времени и до самой его смерти в 1955 году жизнь Стивенса текла по двум руслам. С одной стороны, он был высокооплачиваемым руководителем, который день напролет диктовал правовые заключения по долговым искам и распределял юридические задачи компании между региональными адвокатскими конторами. В 1934 году Стивенс стал вице-президентом «Hartford Accident and Indemnity», и даже в разгар Великой депрессии зарабатывал 17 тысяч долларов в год – огромную сумму, если учесть, что годовой заработок преуспевающих врачей и юристов тогда составлял две тысячи долларов.

В то же время, Стивенс-поэт вставал каждый день в шесть утра, чтобы уделить два часа чтению и получить пищу для размышлений на время ежедневной сорокаминутной прогулки от дома до офиса. (За свою жизнь он так и не научился водить машину.) Большинство его стихов были сочинены именно по пути на работу. Родившиеся строки Стивенс по приходу в офис диктовал секретарше. Иногда для того, чтобы закончить какое-нибудь стихотворение, он выкраивал часть рабочего времени, то и дело навещая библиотеку компании, где усердно изучал массивный толковый словарь.

В 1923 году, когда Стивенсу было 43, издательство «А. А. Кноpf» опубликовало первый большой сборник его стихов под

названием «Harmonium» («Фисгармония»). В него вошли многие произведения, которые сегодня изучают студенты в университетах. Так, стихотворение «Пожилая набожная дама» решительно отвергает традиционную веру, а «Воскресное утро» прославляет неоязычество. В последнем Стивенс воспекает чувственность и страстные порывы души, как нечто гораздо более возвышенное, чем небеса. Поэт спрашивает: «Погибнет ли напрасно наша кровь или стяжает рай?»⁸

Критики признали, что сборник «Harmonium» открыл миру новый поэтический талант. Впрочем, некоторые сочли убежденность Стивенса в том, что искусство есть наивысшая жизненная ценность, поверхностной и бессодержательной. Критики последующих лет постоянно защищали Стивенса от подобных обвинений, но сам он принимал их близко к сердцу. По весьма личным причинам, ему пришлось признать, что наша кровь несет в себе не только возможность чувственного блаженства, но и семена собственного разрушения.

Вскоре после свадьбы Стивенс начал невольно переосмысливать возражения его семьи против Элси Молл. Он обнаружил, что та юная красotka, на которой он женился, была также и личностью, имевшей собственные симпатии и антипатии, и многие из них были противоположны его предпочтениям. В то время, как Элси больше нравилось в Хартфорде, напоминавшем ее родной город, Уоллес сетовал о потере той жизни, которую он вел в Нью-Йорке.

В Хартфорде Элси быстро ограничила общественную жизнь семьи. Ей не нравились богемные друзья Уоллеса, и она была рада, что теперь их нет поблизости. Чувствуя свою неспособность участвовать в литературной жизни мужа, Элси, естественно, начала презирать ее. Вне всякого сомнения, в том, что она переживала, немалая доля вины лежала и на Уоллесе. Он часто вел себя, как напыщенный глупец, хотя и не замечал этого.

Элси относилась к поэзии мужа пренебрежительно, называя ее «надуманной» – и отчасти это действительно было так. Когда Стивенс перевез ее в большой дом на Уэстерли-Тэрис – один из лучших пригородов Хартфорда, – Элси стала затворницей. Соседские дети прозвали ее «ведьмой». Умению Уоллеса справляться одновременно с несколькими делами она противопоставила свой перфекционизм в немногих сферах. Элси стала одержима садоводством, превратив их обширный задний двор в цветочное шоу. Кроме того, она достигла настоящего мастерства в кулинарии, кормя своего худощавого мужа так, что, по некоторым сведениям, его вес перевалил за 130 килограмм. Возможно, таким кулинарным усердием Элси просто пыталась убить его.

После того, как в 1924 году у них родился ребенок: Холли Брайт Стивенс, – Элси опекала малышку так, чтобы исключить из ее

жизни участие Уоллеса. Отец и дочь тосковали по близкому общению, но до того момента, как Холли стала взрослой, она мало виделась с отцом, даже живя с ним в одном доме. Юная королева красоты Элси старела настолько быстро, насколько могла. Она одевалась, как старая дева, и выглядела нарочито неряшливо – дальше некуда. Странную скорость этой трансформации показывают фотографии Стивенсов, хранящиеся в библиотеке Хантингтона.⁹ Элси словно говорила Уоллесу: «Ты женился на мне, и я – твоя, но у тебя не будет той молодой, красивой девушки из твоих грез, потому что ты никогда не знал меня настоящую».

Жизнь Стивенса, далекая от образа неоязыческого разгула на острове у берегов Греции, быстро стала безрадостной, унылой и холодной. Элси и Уоллес выделили для себя отдельные апартаменты в доме на Уэстерли-Тэрис, а по вечерам ужинали вместе в гробовой тишине и уходили каждый в свою спальню.

В период с середины 1920-х по 1940-й серость жизни Стивенса отчасти скрашивали его ежегодные зимние поездки на юг. Эти путешествия, во время которых он много пил, охотился и рыбачил со своими друзьями, вселяли в него немного жизни и давали новое вдохновение его поэзии.

Самое известное стихотворение Стивенса «Догадка о гармонии в Ки-Уэсте» родилось именно во время одной из таких поездок. Оно является типичным образцом его творчества, в частности, сосредоточиваясь на том, как разум формирует наш опыт. Стивенс рисует образ женщины, поющей на морском берегу, противопоставляя сложную структуру ее песни (творимый ею воображаемый мир) монотонному и однообразному шуму самого моря.

Он был единственным творцом всего,
 Что было в мире. Даже океан
 Чем бы он ни был, обретал себя
 В звучащей песне. И смотря ей вслед,
 Шагающей вдоль берега вдаль,
 Мы знали, что иного мира нет,
 Чем тот, что в этот час она творит.¹⁰

Проблемы певца (творца) собственного мира становятся очевидными, как только он предпринимает попытку жить в этом, реальном, мире. На мой взгляд, Стивенса делает воистину значительным тот факт, что он тщательно анализировал слишком простые ответы и отвергал их.

Разочаровавшись в собственных взглядах, выраженных в сборнике «Harmonium», Стивенс на семь лет практически забросил поэ-

зию. В конце концов, он начал высмеивать собственную претенциозность. В стихотворении «Мотив для метафоры» он пишет о том, как использовал поэзию, чтобы избежать честного взгляда на самого себя. Она была для него местом, «где сам ты никогда собою не был, быть не хотел, да и не должен был». ¹¹

Со временем несколько событий в его жизни начали поднимать Стивенса из пучины отчаяния. Невзирая на отчужденность с Элси, он оставался ей верным, благодаря чему у него понемногу наладились отношения с дочерью, которым он придавал все больше значения. По мере того, как Уоллес начал глубоко размышлять о том, что бы он хотел дать своей дочери, ему пришлось признать, что смысл жизни выходит за пределы двух рельсов его бытия: материализма и эстетизма. Стивенс надеялся, что Холли займется изучением истории и языков – двух носителей традиций.

Как это ни печально, он на собственном опыте понял, какое разочарование пережили когда-то его родители, поскольку Холли, проучившись чуть больше года в Вассарском колледже, оставила учебу, чтобы выйти замуж за ремонтника офисной техники. После рождения сына Питера этот брак быстро разрушился. Тем не менее, новоиспеченный дедушка и его дочь стали близки, как никогда, и поэт души не чаял в своем внуке.

Взаимоотношения Стивенса с Холли в конце концов направили его внимание к родным, оставшимся в Рединге. Когда в 1940 году умер его самый младший брат, Джон Берген Стивенс, Уоллес отправился на похороны. К тому времени в живых осталась лишь его сестра Элизабет. На похоронах Стивенс впервые встретился с большинством своих племянников и племянниц. Он начал присылать им подарки и оказывать небольшие услуги в их продвижении по карьерной лестнице. Племянники и племянницы настолько расположились к своему дяде, что написали ему коллективное письмо, полное восторга по поводу его присутствия в их жизни.

В ответ на него Стивенс написал: «Наконец, я обрел хоть какое-то понятие о радости семейных уз. Это один из источников жизненной силы». ¹² (Оставаясь наедине со своими мыслями, он, наверняка, сожалел о разрыве с отцом.)

К этому времени Стивенс, которому уже было за шестьдесят, совершил полный переворот в своих взглядах о важности взаимоотношений и жизни в общине. Он занялся составлением своего генеалогического дерева. Стивенсу хотелось наладить контакт с теми, кто повлиял на его формирование, как личности, – особенно с Целлерами, родственниками по материнской линии, религиозная вера которых глубоко врезалась в его память. Каждый раз, приезжая в Нью-Йорк, он посещал собор Святого Патрика и стал таким знато-

ком истории этого собора, что привозил туда на экскурсии друзей, исполняя роль гида.

В последних своих стихах (некоторые из них относят к его лучшим произведениям) Стивенс начал видеть проблески воплощенной в этом мире фантазии, намного превосходящей его собственную. Раньше он всегда творил так, словно именно поэтическое искусство привносит порядок в мертвый и бессмысленный мир. Наконец, Стивенс осознал, что воображение поэта лишь прикасается к несравненно более великому воображению его Творца.¹³

В стихотворении «Не мысли о сущем, но само сущее» он слушает предрассветный птичий щебет – точно так же, как Мессиян, начавший с этого свой «Квартет на конец времени». Сперва поэт думает, что это пение – плод его воображения, но затем он осознает, что этот «хрупкий зов» исходит извне и говорит о целостном сотворенном порядке. Этот птичий щебет является неотъемлемой частицей восхода. Восходящее солнце часто использовалась в английской поэзии как образ воскресения Христа. Поэт говорит об этом пении: «Оно подобно было познанию реалий новых».¹⁴

26 апреля 1955 года Стивенсу сделали диагностическую операцию, выявившую неоперабельный рак желудка. Как было принято в те времена, ему о смертельной болезни не сообщили, однако близкие догадывались, что он и сам понимал, насколько серьезно болен.

Желая обратиться в католичество и принять водное крещение, Стивенс начал беседовать с капелланом больницы Св. Франциска, отцом Артуром Хенли. Прежде, чем крестить его и принять в лоно католической церкви, отец Хенли на протяжении нескольких месяцев провел для Стивенса более десяти консультаций.

Как выяснилось позже, сверхзаумный поэт и священник обсуждали те самые вопросы, которыми задается каждый из нас. Стивенс хотел знать, действительно ли существует ад, и почему мир полон страданий. Отец Хенли разъяснил необходимость свободы волеизъявления и показал те цитаты из Библии, где Иисус уверенно говорил о реальности ада.¹⁵ В конечном итоге, Стивенс признался, что эти наставления оказали на него освобождающее действие.

По словам отца Хенли, после крещения Стивенс обрел настоящий покой. «Теперь и я в отаре», – цитирует он слова поэта.¹⁶ Несомненно, Стивенс сказал это с оттенком иронии, осознавая свое бывшее бунтарство и всю невероятность того, что его когда-нибудь назовут ягненком, – но и с большим пониманием того факта, что его конечная судьба и счастье заключены в признании фундаментальной

истины. Стивенс наконец-то осознал, что суть жизни – не в изобретении самого себя, а в поиске «центра», места в Божьем мире, где мы чувствуем себя в безопасности.¹⁷

Я решил рассказать эту историю потому, что ее мало кто знает, а если и знает, то предпочитает умалчивать. В «Нортоновской антологии мировой литературы», стандартном учебнике во многих университетах, поэзия Стивенса описывается следующим образом: «Он усматривает наивысшую значимость человека в свободе художника по-новому вообразить себе мир как 'верховный вымысел'... Это художественная трансформация, и ее творения достаточно, чтобы вложить смысл во вселенную, которая без нее остается абсолютно бессмысленной».¹⁸ Такое описание точно характеризует ранний период творчества Стивенса, однако представляет собой лишь общеизвестную часть его истории. Оно создает впечатление, что сам Стивенс всегда считал такую точку зрения удовлетворительной. В действительности все как раз наоборот – его жизнь и творчество в целом показывают несостоятельность и противоречивость постмодернизма.

Как сильно ослепляет
гигантская ложь!

Стивенс полагал, что сможет прожить жизнь исключительно на своих условиях. Он был провозглашен человеком, способным приблизить конец христианской эры (по крайней мере, в литературе), и употреблял свои воистину выдающиеся умственные способности на попытки осуществить это.

Стивенс полагал, что сможет прожить жизнь исключительно на своих условиях. Он был провозглашен человеком, способным приблизить конец христианской эры (по крайней мере, в литературе), и употреблял свои воистину выдающиеся умственные способности на попытки осуществить это.

Что же обнаружил Стивенс? То же самое, что открывает для себя каждый из нас: что исповедуемое им мировоззрение, которое противится христианскому взгляду на реальность, оказывается попросту несостоятельным. Оно не может быть истинным, поскольку отказывается признавать действительность. На закате своей жизни Уоллес Стивенс осознал, что человечество было Божьей идеей, а не наоборот, и примирился с Автором реальности.

Ввиду двойственности своей профессиональной карьеры, Стивенс, должно быть, питал сомнения в отношении того мировоззрения, за которым следовал. Во время утренних размышлений и сочинительства по пути на работу он верил, что единственным источником порядка в жизни является человеческий разум. Для него не существовало никакой всеобъемлющей истины, ни естественного порядка. Все это было всего лишь плодами человеческих измышлений.

В девять утра, когда люди занимали рабочие места в офисах, Стивенс отодвигал в сторону свои поэтические идеи и участвовал в управлении страховой компанией, деятельность которой, как это ни иронично, опиралась на прямо противоположную идею о том, что человеческое поведение в высшей мере предсказуемо – несомненный признак *всеобщей* реальности – не той, которую мы создаем сами, а той, частью которой являемся. Таким образом, от начала рабочего дня до того момента, когда он покидал свой офис вечером, Стивенс следовал мировоззрению, опровергающему воспетый в его стихах триумф человечества в создании единственного порядка, которым мы якобы обладаем. Насколько влиятельными могут быть модные интеллектуальные течения! Как сильно ослепляет гигантская ложь!

Из истории Стивенса очевидно, что в его жизни присутствовала еще одна раздвоенность. С профессиональной точки зрения, он был известным и уважаемым поэтом, лицо которого обращено к миру. Чего еще можно желать? Но вечерами Стивенс ужинал со своей женой в гробовой тишине, после чего они расходились по отдельным комнатам. Любовь его жизни рушилась у него на глазах, и он ничего не мог с этим сделать. Его взаимоотношения с дочерью изначально были под угрозой.

Становясь старше, Стивенс осознал, что его личность не является его собственным изобретением, а была сформирована происхождением, семьей и окружением. Куда более важной, чем аплодисменты литературных критиков, для него стала любовь, обретаемая во взаимоотношениях, о чем мы уже не раз упоминали в этой книге. Уоллес Стивенс начал воспринимать это главным богатством в своей жизни.

И затем он, конечно же, обрел взаимоотношения, выше которых уже не бывает. Поэзия Стивенса показывает, что он многие годы двигался к христианскому пониманию реальности. Возможно, его решение о крещении было ускорено близостью смерти, однако это предсмертное обращение стало логической кульминацией непростых уроков, извлеченных Стивенсом из его личного опыта. Этот известный поэт, наконец-то, проявил достаточно разума и честности, чтобы отбросить свои прославляемые иллюзии и жить в истине. Покаявшись за свою бунтарскую натуру, Стивенс посвятил себя ближайшим родственникам, многочисленным племянникам и, в завершение, Богу. Наконец, он обрел счастливую жизнь.

Надежда, свобода и счастье

Уоллес Стивенс обнаружил, что постмодернизм ведет к безысходной и дисфункциональной жизни, а перед смертью также понял, где можно найти надежду. Люди по всему миру переживают то же самое, в чем я убедился лично во время поездки в Индию.

В середине 1980-х годов я отправился вместе с президентом «Международного тюремного братства» Роном Никкелем в Индию, чтобы посетить местные тюрьмы. Объездив эту страну вдоль и поперек, мы, наконец, оказались в Тируванантапураме – столице самого южного индийского штата Керала.

Это город парадоксов. Во время нашего пребывания там Керала был единственным коммунистическим штатом Индии, причем в результате свободных выборов. Аэропорт представлял собой перевалочную базу для советских самолетов. По всему городу были развешаны красные флаги. Но, в то же время, это была самая христианская провинция в Индии с сильной церковью, процветающей вопреки коммунистическому режиму.

Шагая по многолюдным, полным опасностей улицам Тируванантапурамы, мы словно ощущали противодействующие магнитные поля. Влажный воздух был наполнен кислым запахом дыма от костров, на которых люди готовили себе пищу с острыми специями: паприкой, мускатным орехом, красным перцем, тмином и корицей.

Нас ввели в тюрьму в сопровождении главы пенитенциарной системы – индуистского брамина из высшей касты. Здание, в котором содержалась тысяча заключенных, было построено британцами столетие назад. Оно представляло собой старую крепость, окруженную высокими кирпичными стенами, которые придавали ему угрожающий и неприступный вид.

У ворот нас встретили охранники-индусы, красиво одетые в шорты цвета хаки и рубашки с красными эполетами. На боку у них

висели стеки. Нас препроводили к центральной части тюрьмы, напоминавшей ступицу колеса, от которой, подобно спицам, расходились в разные стороны корпуса с камерами. Как выяснилось, это было административное здание, перед которым стояла большая сцена с развевающимся на ветру приветственным транспарантом. На ней уже собрались многие местные чиновники в строгих костюмах и галстуках, а большой грязный двор был заполнен сидящими на корточках заключенными. На их смуглых телах, блестящих от испарины в лучах утреннего солнца, не было почти ничего, кроме белых набедренных повязок.

Под безучастные взгляды заключенных мы поднялись на сцену, где меня поприветствовали, как какую-то заезжую знаменитость. Чиновники обнимали меня и вешали на шею гирлянды из цветов. Мне было интересно, какие выводы из этого сделают заключенные. Кто из них вообще слышал о Ричарде Никсоне, не говоря уж – обо мне? Вдруг меня бросило в пот от вопроса о том, как я смогу установить контакт с людьми, для которых я собственно и приехал в эту тюрьму – с заключенными.

Программа началась со скучных вступительных слов, представлений и выражений признательности, которые всегда испытывают терпение аудитории. Наконец, глава пенитенциарной службы пригласил меня к микрофону.

Когда я вышел вперед, рядом со мной стал один из сотрудников «Тюремного братства», чтобы переводить мои слова на хинди. Обращаться к слушателям через переводчика всегда трудно, поскольку вам приходится, в основном, говорить короткими фрагментами с паузами между ними, предоставляя время на перевод. Начав свое обращение, я видел, что с аудиторией нет никакого контакта. Заключенные смотрели на меня с подозрением.

Тем не менее, когда я поделился моей личной историей и заговорил об Иисусе – человеке с такой же смуглой кожей, как у индусов, который так же был брошен в тюрьму, – заключенные подались вперед, ловя каждое мое слово. Их глаза округлились, а лица отражали огромный интерес. Я рассказал им о том, что Христос пошел на крест и умер за их грехи, чтобы они могли обрести прощение и новую жизнь. Христос даровал им надежду – настоящую надежду даже для тех, кто совершил тягчайшие преступления.

Я еще нигде и никогда не видел, чтобы аудитория вдруг стала настолько восприимчивой к моему посланию.

Надежда в таких тюрьмах – редкая гостья. В Индии преступники становятся изгоями, оказываясь на самом нижнем уровне кастовой системы – даже более низком, чем «неприкасаемые». Единственная причина, по которой брамин-начальник тюрем не воз-

ражал против моей проповеди, заключалась в том, что у этих людей не было обратного пути в индийское общество. Всем было уже все равно, что они слушают или чувствуют. После выхода на свободу большинство заключенных обречены жить на улице, поскольку их семьи не хотят иметь с ними ничего общего.

Безысходность их состояния не заканчивается со смертью. Согласно индуистским верованиям, поступки людей в этой жизни будут совершены по отношению к ним в жизни следующей. Из-за своих преступлений, заключенные думали, что обречены на бесконечный цикл страданий, поскольку их душа будет воплощаться в преступников, неприкасаемых или в низшие формы жизни.

Передо мной сидели люди, которым действительно не было ради чего жить. И вдруг я говорю им, что их сотворил Бог, пославший Своего Сына не только для того, чтобы Он умер на кресте, но и воскрес, победив грех и смерть. Что Иисус любит их так сильно, что взял на Себя их преступления, дабы они могли обрести надежду и новую жизнь. Для них это была абсолютно умопомрачительная новость.

Затем я повел их в молитве. Мужчины склонили головы. Я не просил тех, кто желает стать христианином, выйти вперед или встать, потому что не знал, *что* заключенным разрешено, а что – нет. Однако, по выражению их лиц и благоговейной тишине я понял, что мое послание получило мощный отклик.

Завершив свое обращение, я в сопровождении охранника направился к своему стулу, но остановился. То, что я сделал дальше, было полным экспромтом. Я просто почувствовал, что должен прикоснуться к этим людям, поэтому спрыгнул со сцены, чем перепугал заключенных и еще больше – охранников, и шагнул прямо к ближайшему мужчине, чтобы пожать ему руку. Я знал, что из всех, кто посещал эту тюрьму раньше, такое вряд ли кто-нибудь делал. Мне казалось: если я пожму руку хотя бы нескольким заключенным, то они поймут, что я приехал помочь им.

Почти мгновенно тысяча мужчин вскочили на ноги, как стая вспорхнувших птиц, и бросились ко мне. Все время, пока я говорил со сцены, они сидели на корточках, не аплодируя и не совершая никаких заметных движений. Но, как только я взял за руку первого человека, вся толпа обступила меня со всех сторон. Оглянувшись на сцену, я увидел, как Рон Никкель пытается пробиться ко мне. Охранники выглядели испуганными. Глава пенитенциарной системы был бледнее смерти.

Но мне не причинили никакого вреда. Напротив, все происходило настолько организовано, насколько только можно было представить. Мужчины обступили меня кольцом, но никто из них не подошел ближе,

чем на два шага. Я пожимал руки всем, кому только мог, в то время, как заключенные, находившиеся по бокам и сзади от меня, тянулись ко мне, прикасаясь к моим плечам, спине и рукам. Они сменяли друг друга в первых рядах круга крайне вежливо, без малейшей толкотни и давки. Кто-то прикасался ко мне, отступал назад, и его место занимал другой. Они просто хотели чьего-то прикосновения.

Я не преувеличиваю, говоря, что некоторые заключенные были в слезах. Те немногие из них, кто умел говорить по-английски, бормотали что-нибудь наподобие: «Спасибо, что принесли нам Бога». Нас всех переполняли эмоции. Мы были полностью захвачены этим необычным коллективным благословением. Никто из чиновников не вмешивался в происходящее до тех пор, пока все не закончилось. Я провел в том кругу добрых двадцать минут.

Эти люди протягивали ко мне руки не потому, что я был какой-то знаменитостью или был радушно принят их начальством. Они понятия не имели, кто я такой, и прикасались ко мне лишь для того, чтобы установить со мной связь, дабы убедиться, что любовь, о которой я говорил, реальна.

Я уехал оттуда обновленным. В лицах заключенных Тируванантапурама – в этих глазах, округлившихся от рассказа об Иисусе; в этих слезах, текущих по их щекам в кругу взаимных приветствий, – я увидел *надежду*. Это было то, что им никогда не смог бы предложить индуизм. Возможно, впервые в жизни эти люди осознали, что о них кто-то заботится, что кто-то хочет изменить их жизнь к лучшему, что они кому-то *нужны*. Они были нужны Богу. В тот день для тысячи мужчин это стало открытием, преобразившим их жизнь.

Мой опыт в тюрьме Тируванантапурама иллюстрирует огромную важность нашего мировоззрения – того, как мы воспринимаем этот мир и понимаем свое место в нем. Когда заключенные смотрели на мир с позиций индуизма, их будущее, несомненно, было мрачным: жизнь на улицах и аналогичная, если не худшая участь в следующем воплощении. Но когда эти же люди взглянули на мир с позиций христианства, они обнаружили настоящую надежду. Они поняли глубинный смысл фразы «рожденный заново», над которой сегодня так часто насмеются. У них появилась возможность начать жизнь сначала, как Божьи друзья – отныне и навеки.

Когда ты сравниваешь мировоззрения, становится понятно, что надежда – это уникальная характеристика христианского восприятия мира. Ни одна из мировых религий, несмотря на их многочисленные достоинства, не предлагает той надежды, которую предлагает хри-

стианство: уверенность в примирении с Богом для тех, кто потерпел неудачу. А мы *все* ее потерпели. Другие религии дают различные способы достижения примирения. Например, евреи и мусульмане исповедуют богословие, опирающееся на добрые дела. Творите добро, соблюдайте закон – и, может быть, в Судный день Бог окажется доволен вами. У мусульман есть один гарантированный способ попасть на небеса, миновав суд: принять участие в джихаде и умереть, как мученик. Веря в это, некоторые сильно заблуждающиеся люди принесли в наш мир много страданий и горя.

Буддизм в некоторых его формах стремится оградить своих приверженцев от зла и страданий, изгладив всякое желание, включая надежду. Другие формы буддизма считают ключевым условием хорошее поведение, чем они во многом похожи на индуизм (и, в этом отношении, – на иудаизм и ислам). Адепты восточных религий иногда признают несостоятельность своей системы верований. Однажды я встретил профессора-буддиста, преподававшего сравнительное религиоведение в Японии. Я спросил у него, что он думает о заключенных, поскольку буддизм мало что предлагает тем, кто упал. «О! – сказал он, усмехнувшись. – Мы создали буддистскую школу ‘Чистой земли’ – форму, предоставляющую прощение». Этот профессор честно признал, что идея прощения была позаимствована у христианства, – просто потому, что она, наряду с сопутствующей ей надеждой, является глубочайшей человеческой потребностью. Но кто захочет стать последователем религии, которую какой-нибудь профессор может приспособить под чьи-то потребности?

Практикуемый большинством западных элит гуманизм, если задуматься, обладает собственным богословием добрых дел. Гуманисты верят в служение другим людям и полагают надежды на реформирование мира с помощью гуманитарных инициатив и политики. Но это – утопизм, из-за которого политика превращается в религию гуманистов. Я знаю, о чем говорю, потому что раньше руководствовался в своей жизни именно такими соображениями.

Однако гуманизм, как и другие вероисповедания, ничего не предлагает тем, кто потерпел крушение в жизни, кроме как заставить себя подняться и предпринять еще одну попытку. Гуманисты зачастую обладают прекрасным осознанием нравственного закона. Они видят нужду в справедливости и мире, а также в необходимости исправления всего, что в мире неправильно. Однако нравственный закон без какой-либо веры в Бога несет с собой чувство полной безысходности и тщетности. Вспомните высказывание Камю: «Абсурд – это грех без Бога».¹

Это одна из причин, по которым многие секуляристы погружают свой утопизм в верования движения «Нью эйдж». Философия

этого движения рисует картину благодатного мира – «вселенная дает вам то, в чем вы нуждаетесь», – в то же время обещая новую и лучшую жизнь, достигаемую посредством «постижения» божественного себя. Разве смог бы в это поверить хоть кто-нибудь из заключенных Тируванантапурама?

Факт заключается в том, что настоящую надежду, без которой жизнь становится мрачной и невыносимой, дает только христианское мировоззрение. Я убедился в этом за время, проведенное в тюрьме, и по опыту тысяч заключенных, с которыми встречался и работал. Как мы увидели в истории Эрнеста Гордона, надежда сохраняет нам жизнь даже в самых безвыходных обстоятельствах. Для счастливой жизни она крайне важна.

Мы сравнили, как различные религии и мировоззрения даруют надежду. Я провел такое сравнение не для того, чтобы принизить другие системы верований. Просто таким способом мы проверяем, что же является истинным, – ведь именно этот вопрос исследуется нами в последних главах. С помощью таких сравнений мы можем эмпирически выяснить, какие мировоззрения «вписываются» в реальность, дают нам возможность жить в согласии с естественным, физическим и нравственным порядком – тем, как *должен* функционировать этот мир.

Разумеется, всестороннее изучение мировоззрения – это весьма объемная задача, которую мы осуществили с Нэнси Перси в нашей совместной книге «Как нам теперь жить?»* В данной главе мы лишь выбираем для сравнения некоторые из наиболее важных категорий, которые имеют явное отношение к счастливой жизни.

Первая категория – это *надежда*. Во всей полноте мы сможем проверить, является ли обещание этой надежды истинным, только придя к Богу, или когда Бог придет к нам в конце времен. Тем не менее, мы можем рассматривать признаки этой истины в том влиянии, которое оказывает надежда на людей и на жизни.

Случившееся в Тируванантапураме предоставило свидетельство культурной трансформации, которого я не ожидал, хотя и должен был бы. В 2000 году я обратился с речью к собранию из десяти тысяч

---

* Эта книга предлагает способы проверки, насколько истинным является христианство или любой другой образ мышления. Она закладывает основу для сравнения мировоззрений и позволяет определить, насколько хорошо они отвечают на четыре основных жизненных вопроса. Вопрос о происхождении: «Откуда мы появились?» Вопрос о зле и страданиях: «Что не так с этим миром (и, возможно, с нами)?» Вопрос об избавлении или искуплении: «Можем ли мы как-то оправдаться и исправить совершенное зло?» Вопрос о цели: «Зачем мы живем на этой земле?» – *Прим. авт.*

евангелистов стран «третьего мира» в Амстердаме. Во время этого обращения я поделился историей о тюрьме Тируванантапурама. На следующее утро я проводил семинар для тех, кто занимается служением в тюрьмах в разных уголках мира. Когда подошло время вопросов-ответов, со своего места поднялся смуглый, усатый мужчина и с лучезарной улыбкой поведал нам свою историю.

Его звали Рени Джордж. Когда он сказал, что был одним из изгоев Тируванантапурама, к которым я обратился в тот день, меня охватил благоговейный трепет. По словам Рени, услышанное и пережитое потрясло его. Заключенные обсуждали этот случай несколько недель. Многие из них обратились к Христу. Рени не стал христианином в тот день, но сделал это позже, во время последующих визитов сотрудников «Тюремного братства».

Он провел в тюрьме четырнадцать лет. Когда Рени освободили, для индийского общества он, естественно, был изгоем, как и его дети. Он не терял связи с «Тюремным братством» и в конце концов возглавил вместе со своей женой Тиной работу приюта «Драгоценные дети» в Бангалоре.

Этот приют был одним из пяти аналогичных учреждений, основанных в 1985 году директором индийского филиала «Тюремного братства», доктором Кунджумоном Чако. Из-за существующей в Индии кастовой системы детям заключенных запрещается учиться в одной школе с детьми обычных родителей, и потому их уделом становится улица. Приюты «Драгоценные дети» предоставляют им начальное образование, библейские наставления и профессиональную подготовку. Они в буквальном смысле спасают детей от перспективы полного забвения.

В 2003 году Рени Джордж поделился своей историей на всемирном съезде сотрудников «Международного тюремного братства» в Торонто. Он рассказал о том, как по-прежнему является изгоем в индийском обществе. Это усложняет его работу по руководству детским приютом, поскольку государственные чиновники и бизнесмены временами отказываются иметь с ним дело. Тем не менее, ему по-прежнему удается заботиться о 47 детях, вверенных на его попечение, а также собирать необходимые средства для обеспечения работы приюта.

Вскоре после конференции в Торонто Джордж принял на себя еще больше обязанностей, занявшись развитием и обеспечением приюта «Драгоценные дети» в Бангалоре. Его пример демонстрирует то, о чем я проповедовал в Тируванантапураме – надежду, которую нам дает новая жизнь. И он помогает другим ощутить то же самое.

Где бы ни распространялось христианство, это везде происходит одинаково: один человек обретает надежду и передает ее дальше,

и это в конце концов преобразует целые сообщества. Просто спросите тысячи детей, выросших в приютах, которыми заведует Рени Джордж. Посетите их общины.

Надежда, прощение и примирение находятся в самом центре счастливой жизни. Они исцеляют взаимоотношения и даруют нам возможность внутреннего обновления и жизни в мире с окружающими. Иисус призывает нас любить Бога всем сердцем, разумом и душой, *и ближних, как самих себя*.² Он просит возвращать другим ту любовь, которую нам дарует Бог. Это преобразует не только отдельных людей, но и общество, как мы увидели в истории Эрнеста Гордона. Британские солдаты, которые во время Второй мировой войны были готовы отдавать жизнь друг за друга, преобразили лагерь для военнопленных у «Железной дороги смерти» в земной рай, где бурлила жизнь и развивалась культура.

Истории вроде тех, что мы слышали о Рени Джордже или Эрнесте Гордоне, повторялись тысячи раз в ходе развития западной цивилизации. Родни Старк, книга которого под названием «Для славы Божьей» уже цитировалась ранее, утверждает, что мы не сможем понять западную цивилизацию без оглядки на христианское богословие. Старк показывает, что вера в Бога, выдвигающего нравственные требования и вершащего суд в загробной жизни, является ключевым компонентом в таких достижениях Запада, как наука и отмена рабства. «Западная цивилизация действительно была дана Богом», — заключает Старк.³ Преображающая сила христианства подтверждает его истинность.

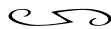
Вторая ключевая категория для сравнения мировоззрений — это обеспечение *свободы человека*. Христианское мировоззрение предоставляет самое надежное основание для свободы, поскольку утверждает, что каждый человек создан по Божьему образу и, как следствие, обладает неотъемлемым достоинством. Именно это фундаментальное убеждение побудило основателей США записать в Декларации независимости: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами».⁴

Также не будем забывать, что мужчины и женщины, созданные по Божьему образу, наделены свободной волей, проявление которой требует гражданской свободы. Как мы уже обсуждали ранее, Бог предоставил ориентиры, направляющие свободное волеизъявление — совесть и нравственный порядок. Это помогает обеспечивать соблюдение гражданской свободы, требующей одновременно свободы вы-

бора и добровольного самоограничения. То, как христианское мировоззрение обеспечивает свободу, хорошо сформулировал историк лорд Эктон, который писал: «Свобода ... сама по себе является высочайшей политической целью».⁵ Позже он отметил: «Ни одна страна не может быть свободной без религии, формирующей и укрепляющей понятие долга. Если людей не заставляет жить честно долг, то их должен заставить страх. Чем больше они связаны страхом, тем меньше они свободны. Чем выше чувство долга, тем больше свобода».⁶

Вот почему демократические свободы укоренились сильнее именно в культурах, сформированных под влиянием христианства. В частности, успех Великобритании и Соединенных Штатов, как негаснущих маяков свободы, указывает на тот факт, что христианское понимание свободы соответствует действительности. Ни одна система правления, пренебрегающая реальностью, долго не продержится, как мы увидели на примере нацизма и коммунистической Культурной революции в Китае.

Третья ключевая категория для проверки мировоззрения – это как оно обеспечивает *счастье*. Кроме надежды, преображающей отдельных людей и общества, и гарантий индивидуальной свободы и достоинства, христианство предлагает самое надежное основание для счастья в правильном понимании этого слова. Напомню, что ранее мы уже обсуждали понимание счастья людьми древности. Греческое слово «eudaimonia» обозначает хорошую, достойную жизнь, подразумевая при этом, что она укоренена в истине. Основатели США имели в виду именно эту концепцию счастья, хорошей жизни, когда провозгласили свободу и «стремление к счастью» неотъемлемыми правами человека. Говоря о счастье, они не подразумевали жизнь гедонистических удовольствий, поскольку понимали, что гедонизм – разгульная жизнь – разрушителен для людей и свободы. Стремление к удовольствиям ради самих удовольствий в конце концов приводит к беде.

Классическое понимание счастья, совпадающее с христианским, находится в прямом конфликте с мышлением людей в современном обществе. Мы по-прежнему живем под чарами Зигмунда Фрейда – самого влиятельного психиатра XX столетия.

Арман Николи, профессор психиатрии из Гарвардского университета, написал превосходную книгу «Вопрос о Боге». В ней он сравнивает взгляды Фрейда и Клайва Льюиса. Эти два мыслителя олицетворяют диаметрально противоположные представления о при-

роде человеческого счастья. Фрейд исповедовал «принцип удовольствия», а Льюис учил о нравственности и достоинстве, укорененных в любви к Богу.

Фрейд считал, что главная цель жизни — «стать счастливым и оставаться таковым». Он провел прямую взаимосвязь между счастьем и удовольствиями, в частности — извлекаемыми из сексуального опыта. По словам Фрейда, принцип удовольствия «с самого начала руководит работой душевного аппарата».⁷ Он утверждал, что люди живут в психологической дисфункции и несчастливы, поскольку общественные нормы ограничивают нас в том, что доставляет нам настоящее удовольствие.

Фрейд высказал идею о том, что мы смогли бы обрести счастье, просто имея возможность нарушать все эти общественные нормы. Тот факт, что мы не делаем этого, порождает чувство вины, которая, согласно Фрейду, также универсальна. В своих здравых рассуждениях он осознал дилемму, которую создают его представления. Фрейд задается вопросом: «Что произошло бы, имей мужчины возможность овладеть любой женщиной на свое усмотрение?» Этот вопрос вынудил его сделать шаг назад, признав, что персональные желания должны находиться в равновесии с общественными интересами, и это придает жизни неизбежный элемент трагизма.

Фрейд признавал, что удовольствия мимолетны, а значит не могут, в конечном итоге, обеспечить настоящее счастье. Вот почему мировоззрение Фрейда исполнено таким отчаянием, и сам он во многих аспектах был несчастлив в жизни.

Он отвергал религию, как противоположность науке и разуму, как всего лишь «исполнение желаний». По его мнению, она «навязывает всем в равной степени свой путь достижения счастья... в иллюзорном искажении реальной картины мира».⁸ Тем не менее, отмечает профессор из Гарварда Арманд Николи, Фрейд признавал, что верующие люди обретают счастье в этой «иллюзии» и чувствуют себя хорошо, получая возможность повиноваться нравственному закону, который сам Фрейд считал мифом.

В противовес этому, Клайв Льюис доказывал, что элемент трагизма в жизни происходит не от конфликтов личного стремления к удовольствиям с необходимостью подчиняться обществу. Напротив, они, главным образом, возникают вследствие аморальных или ошибочных поступков. Это печальный итог нашего свободного волеизъявления.

Должны ли мы отказаться от своей свободной воли, чтобы избежать этого? Конечно же, нет. Свободный выбор — это единственное, благодаря чему становится возможна любовь и, как следствие, жизнь, если, конечно, главная цель нашей жизни — это, как утвер-

ждает Льюис, достижение взаимоотношений любви с Тем, Кто создал нас на этой земле.⁹

Льюис говорит, что счастье обретается во взаимоотношениях, а не просто в удовлетворении своих желаний. Я убедился в несомненной истинности этого на примере собственной жизни. Самые долговечные удовлетворенность и радость я нахожу во взаимоотношениях любви с Богом, с женой, с детьми и внуками, коллегами и друзьями.

Один уникальный случай наглядно показывает, каким образом взаимоотношения ведут к настоящему счастью. Это произошло в моем духовном странствии, когда я отбывал тюремное наказание. Я был особенно подавлен из-за смерти отца и новости о том, что мой младший сын во время учебы в колледже имел проблемы с марихуаной. К тому времени (январь 1975 года) остальные заключенные, осужденные по делу об Уотергейте судьей Джоном Сирикой, уже были освобождены и покинули тюрьму. Я был единственным, кто получил срок от другого судьи, Герхарда Геселла, который был непреклонен. Я чувствовал себя брошенным.

Аль Кви, который в то время был старшим членом Конгресса, а позже стал губернатором Миннесоты, входил в состав небольшой молитвенной группы, поддерживавшей меня с первых же дней, как я стал христианином. Однажды Аль позвонил мне в тюрьму, чтобы сказать о своем намерении встретиться с президентом и обсудить с ним одну идею. Он хотел отбыть остаток моего срока *вместо* меня, чтобы я мог вернуться к семье. Как я писал в книге «Рожденный заново», Аль Кви не пришлось отправляться на прием к президенту: через пять дней после его звонка судья Геселл ограничил мое наказание уже отбытым сроком, и я оказался на свободе. Но после звонка Кви я и так уже был свободен, даже находясь в стенах тюрьмы. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за брата. Истинное счастье обретается именно в таких взаимоотношениях.

Клайв Льюис оспаривает Фрейда почти по всем пунктам. Он говорит, что наше величайшее счастье может быть найдено во взаимоотношениях с Богом, но при этом предупреждает, что полное счастье для нас никогда не предусматривалось. Мы всегда жаждем чего-то еще, чего-то, выходящего за пределы этой жизни, и это, как утверждает Льюис, доказывает существование чего-то большего, для чего мы и сотворены – небес. Именно это Льюис описывает, как радость.

Как выглядят эти два мировоззрения в жизни двух человек, из которых один жил в точности так, как учил Фрейд, а другой следовал

убеждениям Льюиса? Их истории дают нам хороший эмпирический тест на истинность этих мировоззрений. Какое из них дает то, что обещает?

Первый, о ком я хочу рассказать, – это Хью Хефнер – живое воплощение принципа удовольствия. В 1953 году он основал журнал «Плэйбой», который сегодня насчитывает 4,5 миллиона читателей. Будучи гением маркетинга, Хефнер перевел порнографию из подполья в массовую культуру. Он создал себе имидж эдакого джентльмена викторианской эпохи, носящего смокинг и наслаждающегося самым лучшим, что только может дать жизнь, особенно – обществом множества красивых женщин. Хефнер смог превратить секс в товар – одну из многих вещей, которыми умеют наслаждаться знающие толк люди. Благодаря ему, распущенность стала образом жизни – выбором, который может сделать мужчина, если он для этого достаточно умен. Развороты «Плэйбоя» изображают пленительных, едва одетых женщин рядом с манящей рекламой стереосистем, машин и парфюмов. Как выразился один критик, «гениальность ‘Плэйбоя’ состоит в том, что этот журнал объединил в себе товаризацию секса с сексуализацией товаров».¹⁰

Многим людям кажется, что Хью Хефнер подтверждает действенность принципа удовольствия. Кто не хотел бы иметь такую жизнь, как у него? Он богат, может делать все, что ему вздумается, и, хотя ему уже за восемьдесят, вокруг него по-прежнему вьются самые сексуальные молодые женщины. Может, Фрейд был не так уж неправ, и удовольствие все-таки способно быть долговечным – по крайней мере, до смерти?

Однако со временем отчаяние Хью Хефнера вышло на поверхность. В 2001 году в одном из выпусков журнала «Philadelphia Magazine» Бен Уоллес взял интервью у Сэнди Бентли, которая была подругой Хефнера вместе со своей сестрой-близняшкой Мэнди. Она рассказала, до чего приходилось доходить Хефнеру, чтобы получить удовлетворение – или что-либо его напоминающее. «У гетеросексуальной иконы [Хью Хефнера] ... были проблемы с тем, чтобы получить удовлетворение через половой акт. Вместо этого ему нравилось наблюдать за тем, как мы ласкаем друг друга, пока сам он мастурбировал и смотрел гей-порно».¹¹

В отношении этих признаний другой комментатор, Рид Мерсер Шухардт, отмечает: «Хью Хефнер воплощает в себе то, о чем его недоброжелатели говорили годами... Любая порнография подавляет развитие настоящих человеческих взаимоотношений. Любая порнография является проявлением остановки в развитии... Любая порнография, если ей предаваться достаточно долго, выхолащивает секс до такой степени, что даже самый похотливый, накачанный «виаг-

рой» кобель не способен физически насладиться телами цветущих молодых женщин». ¹²

Хью Хефнер оказался отнюдь не символом земных удовольствий, а просто жалким стариком, ходячей человеческой трагедией.

А теперь взглянем на жизнь мужчины, которого я хорошо знал, моего близкого друга. Джек Экерд жил в соответствии с истинами, которым учил Клайв Льюис. Он также олицетворял в себе мечты многих людей об успехе. Экерд был администратором вашингтонского Управления служб общего назначения и баллотировался на пост губернатора Флориды. Когда я познакомился с Джеком, ему было под семьдесят. К тому времени он превратил две небольших аптеки, с которых когда-то начинал, в сеть из 1700 торговых точек по всему юго-востоку США, сколотив в процессе этого солидное состояние.

Джек Экерд хотел выжимать максимум из каждой минуты своей жизни, – и так и делал. Он научился управлять самолетом еще ребенком и, поступив на службу в ВВС США во время Второй мировой войны, летал по самым опасным маршрутам над Гималаями. Джек продолжал летать почти до конца своей жизни, и еще – ходить под парусами и помогать детям, и все это – в процессе построения гигантской бизнес-империи. Когда я приехал поздравить Джека с восьмидесятилетием в его офисе в Клируотере, штат Флорида, он только что спустился по отвесной стене, держась за канат, в тренировочном уголке, который соорудил для детей, и уже собирался забраться на веревочный рукоход. Потрясающе!

Когда я только познакомился с Джеком, он был все еще очень энергичным, но уже начал задумываться, в чем смысл его жизни. Он заинтересовался моей работой по реформированию уголовного права, и вскоре эта сфера стала его страстью. Однажды мы с Джеком сели в его самолет и начали перелетать из одного города Флориды в другой, проводя семинары и встречаясь с ключевыми руководителями. В результате были достигнуты некоторые очень конструктивные перемены в судебной системе Флориды.

С самого начала нашей дружбы с Джеком мы много говорили о моей вере. Услышав о моем духовном пути в первый же вечер нашего знакомства, он начал читать мои книги и проявлять интерес к основным жизненным вопросам. Где-то в процессе этого – я даже не могу сказать точно, когда это произошло – Джек пережил духовное преображение. Подобно Клайву Льюису, Джек Экерд стал христианином.

Однажды он позвонил мне и просто объявил: «Теперь и я христианин». Джек описал момент прозрения, когда он во всей полноте осознал, что *значит* быть христианином. Он не испытал душеразди-

рающего чувства вины и не прошел через полное слез время раскаяния. Его обращение к вере было тихим, но имело абсолютно драматичные последствия. Как и в любой другой сфере своей жизни, будь то высший пилотаж на самолетах, мастерское владение парусником или ведение бизнеса, Джек Экерд посвятил себя вере без остатка. Первое, что он сделал, как только стал христианином, – убрал с полок всех своих магазинов журналы «Плэйбой» и «Пентхауз», хотя этот шаг обошелся ему потерей немалой суммы дохода. Однажды приняв решение, Экерд никогда не оглядывался назад. Он полностью принадлежал Богу.

Я наблюдал за удивительной переменой, произошедшей в жизни этого человека. Мы посещали вместе с ним тюрьмы по всему миру. Однажды, приехав в колумбийскую тюрьму «Ла-Модело», мы обнаружили, что там прорвало канализацию, из-за чего уже две недели не работал водопровод. Камеры были забиты детьми, собранными на улицах Боготы. Когда мы с Джеком в составе нашей группы шли по тюрьме, большинство из нас зажимали носы, но Джек словно не замечал вони. Он шагал, сияя улыбкой, и время от времени останавливал подростков, чтобы поговорить с ними. На одной из моих самых любимых фотографий Джек обнимает какого-то юношу лет восемнадцати. Только я могу по достоинству оценить, насколько дурно пахло от того парня, и насколько счастлив был Джек.

Даже до своего обращения он с большим энтузиазмом помогал детям из неблагополучных семей добиться успеха в жизни. Джек основал сеть подростковых учебных лагерей, которые оказали огромное влияние на многие тысячи детей по всему юго-востоку США. Став христианином, Джек начал проявлять еще больше личной заинтересованности в помощи людям.

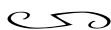
Вместе с ним мы побывали в тюрьме «Мунтинлупа» на Филиппинах, где среди семи тысяч заключенных убийства были обычным делом. Охранники даже не пытались взять ситуацию под контроль. Они просто следили, чтобы никто не покинул пределы периметра, что было не такой уж и сложной задачей, поскольку тюрьма располагалась посреди джунглей. Это место было наполнено отчаянием. Многие заключенные лежали на койках, страдая от болезней разной степени тяжести. В импровизированном лагерном госпитале Экерд останавливался побеседовать возле каждого больного, не пропуская ни одного. Многих он обнимал, включая умирающих от СПИДа, о котором в те времена еще было мало известно. Джек был святым Франциском, обнимающим прокаженного, причем делал это со своей особенной улыбкой. Для каждого у него были слова утешения.

По своему обыкновению, Джек спросил у начальства тюрьмы, какие у них есть медикаменты. Мы обнаружили, что в лагерном гос-

питале нет почти ничего – полки были пусты. Это настолько коснулось сердца Джека, что по возвращении в Соединенные Штаты он удвоил свои усилия по поставке лекарств за океан. Он отвечал за отправку медицинских препаратов в Филиппины, Россию и многие другие страны по всему миру.

Когда мы вышли за пределы тюрьмы, Джек оглянулся на нее и сказал: «Знаешь, я верю, что наступит время, когда с людьми больше не будут обращаться подобным образом». У него была мечта – и не просто какая-то утопия, а видение, основанное на готовности отдать себя другим без остатка.

В последующие годы Джек Экерд жертвовал свою жизнь, время и деньги со все возрастающей самоотверженностью. Он обнаружил, что же такое настоящее счастье. Не эгоцентричная, гедонистическая жизнь, а полная сосредоточенность на других.

Джек Экерд или Хью Хефнер? На кого вам хотелось бы быть похожим? Чье мировоззрение вы примете для своей жизни?

Плохая новость

Реальность присущих христианству надежды, свободы и счастья, наряду с их влиянием на этот мир, доказывает его истинность. На мой взгляд, свидетельства вполне убедительны: христианство — это мировоззрение, которое лучше любого другого дает людям возможность жить в гармонии с естественным порядком, то есть в соответствии с замыслом для них. Самый лучший способ проверить, какое мировоззрение истинно, — это попробовать жить в соответствии со своими убеждениями, чтобы увидеть, куда они ведут. Как ни печально, большинство людей обнаруживают истину слишком поздно.

Взгляните еще раз на жизнь Уоллеса Стивенса — человека, продвигавшего наиболее радикальные убеждения постмодернизма. Будучи непримиримым атеистом, он обнаружил истину, когда столкнулся с реалиями жизни — не с тем, как он их представлял, но с их действительной сущностью.

Жизнь Уоллеса Стивенса указывает нам не только на ошибочность постмодернистского мировоззрения, но и на живущую в нас божественную неутомимость, требующую познания истины. Она побуждает нас не останавливаться в поисках. Это увидел в своей жизни даже один из наибольших критиков христианства — Бертран Рассел. Он сказал: «Человек — это призрак, плавающий по миру без какого-либо реального контакта. Даже чувствуя себя совсем близко к другим людям, что-то внутри него упрямо принадлежит Богу, отказываясь войти в земное взаимодействие. По крайней мере, именно так я выразил бы это, если бы считал, что Бог существует. Странно, не так ли? Я страстно забочусь об этом мире и о многих вещах, и о людях в нем, и все же — к чему все это? Человек чувствует, что должно быть что-то более важное, хотя я и не верю в его существование».¹ В от-

Ищущие истину в конце
концов находят ее; а
найдя, они обретают Бога

личие от Стивенса, Бертран Рассел остановился в своих поисках, и в этом и заключается трагизм его жизни.

Не уподобляйтесь Бертрону Расселу. Продолжайте искать. Паскаль утверждал, что ищущие истину в конце концов находят ее; а найдя, они обретают Бога.

Что вы обнаруживаете в процессе поиска? Апостол Павел заявляет, что мы можем познать существование Бога, глядя на природу. В своем послании к церкви в Риме он пишет: «Его невидимые свойства – вечная сила и Божественная природа – со времени сотворения мира постигаются разумом через созерцание сотворенного».²

Наша падшая природа побуждает нас ко злу, хотя мы и знаем, как поступать правильно. Она способна настолько исказить наше восприятие, что мы уже не в состоянии увидеть истину.

не можем *не* знать.

Это опять возвращает нас к главной человеческой дилемме, что и составляет ту самую плохую новость, которая обещана в названии главы. Мы знаем, *что* является истинным и правильным, но не можем или не хотим так поступать. Это один из великих парадоксов, который всем искателям истины крайне важно понимать. Он дурачит нас, ибо по самой нашей природе мы слепы в отношении его. Этот парадокс, как уже упоминалось ранее, известен под богословским термином «грех».

По натуре мы все бунтари. Человеческой расе была дана свободная воля, и наши прародители, Адам и Ева, отказались избрать доброе. Они предпочли то, что святой Августин назвал «недобрым». (Даже если вы считаете рассказ о сотворении мира в Книге Бытие мифом, хотя лично я – нет, суть остается неизменной: ответственность за грех несет человечество, а не Бог.) Этот изначальный грех (или «грехопадение», как его называют христиане) исказил нашу природу. Наша падшая природа побуждает нас ко злу, хотя мы и знаем, как поступать правильно. Она способна настолько исказить

В творении мы четко видим порядок от Творца, разоблачающий «великий миф эволюции», как его назвал философ Элвин Плантинга.³ Мы также видим естественный нравственный порядок, формирующий поведение человека в соответствии с физической и биологической реальностью. Это то, что апостол Павел называет законом, написанным в наших сердцах. Мы также обнаруживаем, что истина пронизывает само наше естество, когда мы соприкасаемся с ней в созерцании красоты. Существует истина, которую нельзя отвергнуть; истина, которую мы

наше восприятие, что мы уже не в состоянии увидеть истину. Мы становимся уязвимыми для лжи, доминирующей в обществе. Мы даже можем убегать от истины, что, как неоднократно сказано в Библии, ожесточает наши сердца. В таком состоянии мы можем сознательно избрать отдаление от Бога даже без особых причин и стать внутренне злыми.

Я увидел это воочию, когда в начале 1980-х был приглашен в Нью-Йорк для участия в съемках небольшой развлекательной программы Дэвида Фроста на телеканале «NBC». Была выбрана самая эффектная по меркам того времени студия на телевидении. Аудитория расположилась на трибунах, как во время футбольного матча. Фрост сидел на большой сцене перед зрителями, а его гости – по обе стороны от него, и все это – на фоне броских декораций. В шоу интервью перемежались музыкальными номерами и короткими телепостановками. В то время Фрост считался одним из самых престижных интервьюеров в мире. Незадолго до этого он как раз выпустил в эфир нашумевшую серию подробных интервью с опальным экс-президентом США Ричардом Никсоном.

Фрост пригласил меня поучаствовать в том, что он представил, как «открытые дебаты» с Мэдлин Мюррей О’Хара – знаменитой атеисткой. Именно она в 1963 году стала инициатором судебного разбирательства, в результате которого из государственных школ США была официально устранена молитва. Некоторые из друзей отговаривали меня от этих дебатов. Они считали, что Фрост не даст мне дискутировать на равных, а О’Хара была агрессивной полемисткой. Она стала еще более знаменитой после серии дебатов с «капелланом с Бурбон-Стрит» Бобом Харрингтоном, которые широко освещались прессой, вызвали большой интерес у общественности и принесли организаторам немалый доход.

Прибыв на съемки в штаб-квартиру «NBC», расположенную в одном из зданий Рокфеллеровского центра, я был препровожден двумя ассистентами в гримерную, а оттуда – в артистическое фойе, где гостей угощали канапе и винтажными винами. (Должен сказать, вино – не самый лучший способ успокоить волнение, оказавшись на телевидении.)

Наступило время съемок интервью, и двое референтов в ярких пиджаках и галстуках проводили меня в студию. Там режиссеры-постановщики показывали аудитории карточки с подсказками и объясняли условные сигналы. Зрители были проинструктированы: когда им аплодировать, когда смеяться, когда отвечать одобрительным

гулом. (Требуется немало работы, чтобы реакция людей в студии выглядела спонтанной.) Слева от Фроста на возвышении, напоминающем трон, сидела Мэдлин Мюррей О'Хара. Фрост тепло поприветствовал меня в своей изысканной британской манере. О'Хара ничего не сказала. Я протянул ей руку для рукопожатия, но она проигнорировала мой жест. Мэдлин явно была не в настроении.

Я прочитал все стенограммы ее дебатов с Харрингтоном и обнаружил, что она неизменно побеждала в дискуссиях, ссылаясь на Библию. Когда-то Мэдлин Мюррей О'Хара окончила евангельский колледж и неплохо знала Писание. Из биографических сведений о годах ее юности я пришел к выводу, что в какой-то момент она даже была интеллектуально уверена в истинности христианства. Я заметил, что в дебатах с Харрингтоном О'Хара прибегала к расплывчатым, огульным обобщениям сказанного в Библии, чем нередко приводила оппонента в замешательство. Поэтому я решил держать под рукой свою Библию в черном кожаном переплете, причем старался, чтобы она была как можно меньше на виду.

К моменту начала шоу «дирижеры» разогрели публику до шумного, восторженного кипения. Камеры, резко развернувшись, направились на нас.

Фрост начал свои вопросы с меня, перечисляя под возгласы «у-у-у», «а-а-а» и изредка «фу-у-у» некоторые из моих злодеяний, связанных с Уотергейтом. Я начал объяснять, как моя новая вера открыла мне глаза на истинную сущность моих поступков, но Фрост парировал: «Но, мистер Колсон, вы – осужденный преступник. Почему вы думаете, что мы будем воспринимать подобные рассказы из ваших уст?» На это аудитория взорвалась единодушными овациями.

Затем Фрост попросил меня поделиться своим свидетельством и объяснить, каким образом человек, выполнявший грязную работу для Никсона, обратился к Богу. Мне надо было вложиться в несколько минут, и я начал рассказ, глядя прямо на ведущего. Пока я говорил, миссис О'Хара наклонилась вперед на своем кресле и повернула голову вправо, впившись в меня глазами поверх плеча Фроста.

Это уже само по себе отвлекало, но затем она начала корчить нелепые гримасы. Я не мог поверить своим глазам. О'Хара отогнула нижнюю губу, обнажив зубы. Ее взгляд стал колючим и холодным.

Я немного отвел взгляд в сторону от Фроста на камеру с мигающей красной лампочкой, но все равно видел боковым зрением ужимки миссис О'Хара, которые становились все более экстравагантными. Для того чтобы мешать мне, она даже передвинула свое кресло и начала агрессивно жестикулировать обеими руками и шевелить губами, изображая слова, смысл которых я не хотел даже угадывать.

Мне приходилось говорить перед многими шумными и враждебно настроенными аудиториями – от раздевалок бейсбольных команд до тюрем, где заключенные были на грани бунта. Меня забрасывали выкриками и каверзными вопросами на политических митингах. Я должен был бы спокойно реагировать на странное поведение миссис О'Хара, но не смог. Мне было сложно сосредоточиться, и не уверен, удавалось ли мне как следует доносить свою мысль. Поначалу я воспринимал поведение О'Хара, как ребяческие попытки «достать» оппонента – как фаны иногда кричат, чтобы сбить с толку игроков другой команды. Но в конце концов понял, что эта женщина действительно всеми силами пытается помешать мне рассказать свою историю.

В ходе дискуссии Фрост умело провел нас по широкому спектру вопросов. В большинстве случаев аудитория (наверное, по подсказке) реагировала гораздо благосклоннее на ответы миссис О'Хара. Затем Фрост дал ей благоприятную возможность, упомянув о Библии. «Библия полна убийств и ненависти! – прогремела она в ответ. – В этой грубой, ужасной книге убивают даже маленьких детей!»

Это был момент, которого я ожидал. Быстро поднявшись, я протянул над головой Фроста свою Библию. «Миссис О'Хара, если вы намерены дать характеристику Библии, то вам лучше процитировать ее. Я так понимаю, вы ее хорошо знаете, так прочитайте же нам то, о чем вы говорите», – сказал я.

О'Хара отшатнулась от меня с таким видом, как будто у меня в руках было оружие. Но я не отступал.

«Это вполне справедливо, миссис О'Хара, – вмешался в разговор Фрост. – Мистер Колсон прав. Если вы намерены говорить о Библии, то почему бы не процитировать ее?»

«Нет, нет! – ответила О'Хара, отодвигаясь еще дальше и отказываясь взять у меня Библию. – Она полна ненависти и убийств!» Мэдлин так и не прикоснулась к книге.

Это сразу же качнуло маятник дебатов в другую сторону. С этого момента аудитория уже была на моей стороне, как и Дэвид Фрост, который не преминул несколько раз напомнить о неспособности миссис О'Хара ответить на мои вопросы.

Дебаты длились без остановки двадцать минут. Когда, наконец, камеры выключились, я чувствовал себя изможденным. Дэвид Фрост пожал мне руку, поблагодарив за прямоту.

Беседуя с некоторыми людьми из аудитории, я взглянул в сторону и увидел, что О'Хара сидит в одиночестве на табуретке в углу. Я подошел к ней и, наклонившись, сказал: «Миссис О'Хара, я хочу, чтобы вы знали, что я, как и миллионы других христиан, молюсь о вас, чтобы вы нашли истину».

Серdito посмотрев на меня, она проворчала: «А я вот не молюсь, но если бы и молилась, – так о том, чтобы вы проиграли. Вы проиграете, мистер Колсон. Вы потерпите крах».

Я ответил, насколько только мог спокойно, что я, возможно, и потерплю крах, но то дело, в которое я верю, – никогда.

Откуда взялась такая яростная реакция? Если миссис О'Хара считала, что Бога нет, то почему она с такой решимостью сражалась с людьми, подобными мне? Если она думала, что я следую суевериям, то почему бы не оставить меня в покое или просто посмеяться надо мной? Я бы поступил именно так.

Я пришел к выводу, что единственная причина, по которой миссис О'Хара не могла мириться с чужой верой, заключалась в том, что на самом деле она *знала* правду. Как уже отмечалось ранее, подозреваю, что однажды она приняла истину, но затем полностью отвернулась от нее. Возможно, О'Хара была побеждена грехом, и стала внутренне злой. Это зло и толкало ее на попытки уничтожить систему верований, которая, как она знала, была истинной.⁴

По крайней мере, никакой лучшей версии у меня не было, и позже, узнав о том, как умерла Мэдлин Мюррей О'Хара, я понял, что видел женщину, воистину обреченную на гибель. История ее смерти словно взята прямо со страниц «Трагической истории доктора Фауста» Марло. В этой классической пьесе Фауст продает свою душу дьяволу, чтобы приобрести знания и власть. В ее финале, когда демоны собираются вокруг него, воля Фауста настолько растлена, что раскаяние для него совершенно невозможно. Он может лишь кричать в невообразимом ужасе, когда его тащат в ад. Аналогичным образом, смерть миссис О'Хара показывает, куда ведет путь тех, кто практикует зло.

Выиграв дело по устранению молитвы из государственных школ, Мэдлин Мюррей О'Хара основала организацию «Американские атеисты». Она объявила «крестовый поход» по запрету любого упоминания о Боге в общественной жизни.

Весной 1995 года (примерно через 15 лет после нашего знакомства) миссис О'Хара приехала в Сан-Диего, чтобы выступить в свою защиту по судебному иску со стороны атеистической организации «Искатель правды», утверждавшей, что она пыталась силой получить контроль над ними. По их словам, О'Хара прибегла даже к выпуску поддельных акционерных сертификатов.

Ошеломляющие события, последовавшие далее, документально подтверждаются несколькими первоисточниками. Публикации в журнале «Crime», книга Теда Дракоса «Безбожница» и интервью сына

Мэдлин Мюррей О'Хара, Билла Мюррея, позволяют нам получить целостную картину случившегося.

Миссис О'Хара передала главную контору «Американских атеистов» в Остине, штат Техас, на попечение одного из своих сотрудников, Дэвида Уотерса, у которого было обширное криминальное прошлое, включая тюремный срок за убийство. Тем не менее, он поднялся до позиции офис-менеджера и получил доступ к банковским счетам организации. Похоже, миссис О'Хара наняла Уотерса не вопреки его прошлому, как жест сострадания, а наоборот – *ввиду* его прошлого. Как выяснилось позже, она применяла в управлении «Американскими атеистами» теневые схемы, принимая пожертвования, целевое использование которых нигде не отражалось. Она, возможно, надеялась, что на бывших заключенных, подобных Уотерсу, можно положиться в том, что они будут смотреть сквозь пальцы на уклонение от уплаты налогов.

Пока миссис О'Хара находилась в Сан-Диего с двумя другими ключевыми сотрудниками «Американских атеистов», – своими сорокалетним сыном Джоном Гартм Мюрреем и внучкой Робин Мюррей, – Уотерс уволил остальных сотрудников, закрыл офис и опустошил банковские счета, украв с них более 50 тысяч долларов.⁵

Позже Уотерс заявил полиции, что Джон Гарт позвонил ему из Сан-Диего и сообщил, что судебный процесс оборачивается против них. Согласно письменным показаниям, Гарт распорядился украсть как минимум 100 тысяч долларов, обналичив доступные пожертвования на счетах организации. Уотерс должен был оставить себе 15 тысяч за услуги, а 40 тысяч положить в сейф в офисе, чтобы Гарт мог забрать их по возвращении.⁶

Предательство Уотерса привело Мэдлин Мюррей О'Хара в ярость. Медлительность местных властей в привлечении Уотерса к суду еще больше разожгла в ней гнев. Узнав же о вынесенном ему мягком приговоре – возмещение ущерба и условный срок – она в бешенстве прибегла к тактике «выжженной земли». О'Хара решила, что расскажет всему миру правду о том, кто ее предал. Согласно информационному бюллетеню «Американских атеистов», Дэвид Уотерс в подростковом возрасте помог забить палкой до смерти своего сверстника. После освобождения из тюрьмы он набросился на собственную мать, избив ее до потери сознания ручкой метлы, а затем помочился на ее бесчувственное тело. Он промышлял подделкой чеков, квартирными кражами и оказывался под арестом за несколько разбойных нападений. Миссис О'Хара заявила, что снисходительность судей к этому безжалостному животному может объясняться только их предвзятостью по отношению к ней. Мол, укради Дэвид Уотерс столько же денег у какой-нибудь церкви, то ему дали бы пожизненный срок.⁷

Уотерс не относился к числу тех, кто забывает и прощает – или страдает от укоров совести за свершенную месть. Едва получив возможность действовать, он сделал ставку на историю сокрытия миссис О'Хара ее активов. Люди из ее окружения знали, что иск со стороны «Искателя правды» спровоцировал подготовку к дальнейшему сокрытию активов (особенно многомиллионной коллекции книг О'Хара) ввиду перспективы оказаться в бегах.

Когда 28 августа 1995 года Мэдлин Мюррей О'Хара, Джон Гарт Мюррей и Робин Мюррей исчезли из их дома в Техасе, почти все были уверены, что они скрылись от глаз общественности и теперь будут жить за счет незаконно нажитых средств, хранящихся в иностранных банках.

Именно к такому выводу пришел сотрудник «Американских атеистов» Дэвид Трэвис, приехав на работу 28 августа и обнаружив прикрепленную к дверям записку: «Семья Мюрреев-О'Хара была вызвана из города по срочному делу. Сейчас, когда мы пишем эту записку, мы не знаем, как долго будем отсутствовать».⁸ Несколькими месяцами ранее, Трэвис вскрыл письмо, пришедшее из Новой Зеландии, и обнаружил банковскую выписку по одному из тайных счетов, на котором содержалось более миллиона долларов. Естественно, это вызвало у него подозрения.

В доме, где жили Мюрреи и О'Хара, полиция не обнаружила никаких признаков борьбы. Тем не менее, кое-что не сходилось. На обеденном столе были расставлены тарелки, приготовленные для завтрака. На кухне остались диабетические медикаменты миссис О'Хара. Но наиболее тревожным был тот факт, что без присмотра были брошены два кокер-спаниеля: Шеннон и Геннон. Все знали, что Робин любит этих собак гораздо больше, чем людей.

Полиция ничего не предприняла. Старший оперуполномоченный сказал, что исчезновение в Техасе преступлением не считается.

Бразды правления «Американскими атеистами» быстро подхватили двое членов правления организации. Эллен Джонсон и Спайк Тайсон возобновили работу офиса и занялись выполнением отсроченных заказов на поставку книг, неизменно заявляя общественности, что все в порядке. Тайсон переехал в пустующий дом Мюрреев-О'Хара, а Джонсон, как новоизбранный президент организации, сказала репортерам: «У нас нет никаких подозрений в мошенничестве... Я не могу объяснить вам всех причин – почему. Мы просто в этом уверены – и все».⁹ Джонсон неизменно заверяла, что все фонды организации сохранились нетронутыми.

Вскоре Спайк Тайсон установил контакт по мобильному телефону с Джоном Гартом Мюрреем, подтвердившим, что семейство уехало по причинам, которые он не хотел обсуждать. Эпизодические

телефонные звонки от Мюрреев-О'Хара поступали на протяжении нескольких недель. Джон Гарт и Робин постоянно утверждали, что с ними все в порядке, хотя тон их голосов говорил о противоположном. Последним, что Робин Мюррей сказала Эллен Джонсон, было: «Я знаю, что вы все сделаете правильно».¹⁰

Но что подразумевалось под этим «правильно»? Новые руководители «Американских атеистов» восприняли это, как распоряжение любой ценой защитить репутацию организации, — а вовсе не жизнь Мюрреев-О'Хара. Порывшись в архивах, Эллен Джонсон и Спайк Тайсон обнаружили веские причины верить, что трио попросту пустилось в бег. Бухгалтерские книги показали, что Мюррей-О'Хара обращались с «Американскими атеистами», как с семейной копилкой.

Невзирая на это, Джонсон и Тайсон продолжали утверждать, что все в порядке. Особенно рьяно Тайсон отметал слухи о том, что Мюррей-О'Хара украли деньги организации. «Нам известно состояние всех банковских счетов, — заявил он. — Учтено каждое пенни».¹¹

Единственным, кто считал, что трио Мюрреев-О'Хара, скорее всего, стало жертвой преступления, был Уильям Мюррей III — сын Мэдлин Мюррей О'Хара, с которым она не поддерживала отношений. В 1980 году Билл Мюррей публично объявил о своем обращении в христианство, после чего мать не хотела иметь с ним ничего общего. Она публично отреклась от сына. «Думаю, это можно назвать постнатальным абортom со стороны матери. Я отрекаюсь от него полностью и всецело, отныне и вовеки... Его поступок лежит за гранью человеческого прощения».¹²

Через год после исчезновения Мюрреев-О'Хара Билл Мюррей подал в полицию Остина заявление об исчезновении родственников. Это вызвало протесты со стороны «Американских атеистов». Спайк Тайсон обвинил Билла Мюррея в том, что его поступок вызван желанием прорекламировать свое христианское служение.¹³

Примерно в это же время, летом 1996 года, исчезновением Мюрреев-О'Хара заинтересовался репортер Джон Маккормак из Сан-Антонио. Вместе с частным детективом Тимом Янгом он начал проследивать перемещения Мюрреев-О'Хара в течение сентября предыдущего года по записям звонков с мобильного телефона Джона Гарта Мюррея. Статьи Маккормака вызвали волну анонимных сообщений, давших новые ниточки для расследования. К делу, наконец-то, подключилась полиция. В итоге открылась ужасная история о последних днях Мэдлин Мюррей О'Хара, Джона Гарта Мюррея и Робин Мюррей.

Как выяснилось, избалованный сотрудник их организации, Дэвид Уотерс, нанял двух товарищей по тюрьме, — Дэнни Фрая и

Гари Карра, – в качестве сообщников в похищении трио Мюрреев-О'Хара с целью вымогательства. Они перевезли пленников из Остина в Сан-Антонио, где изолировали их от мира в захудалом отеле «Уоррен Инн». Посадив Мэдлин и ее внуку под замок, Уотерс и его сообщники потребовали от Джона Гарта помочь им в краже свыше 600 тысяч долларов.

По неподтвержденной информации, Карр улетел с Джоном Гартом в Нью-Джерси, чтобы организовать электронный перевод денег в Сан-Антонио ювелиру по имени Кори Тикнор. Затем Гарта вынудили отправить этому ювелиру запрос на конвертирование 600 тысяч долларов в золотые монеты. Пока эта схема реализовывалась, преступники снимали огромные суммы наличными по кредитным картам, принадлежавшим Мюрреям-О'Хара.¹⁴

Хотя у Джона Гарта было достаточно возможностей сбежать от своего похитителя или обратиться за помощью к властям, он, судя по всему, так и не попытался ими воспользоваться. Вероятно, предположил Билл Мюррей, его брат, над которым мать всегда насмехалась, считая простофилей, наконец-то, мог ей показать, на что способен, и выступить в роли избавителя. Мне кажется, также возможен и другой вариант. Мюрреи-О'Хара понимали, что им грозит смертельная опасность, но не менее остро они осознавали, что шума и чрезмерное внимание положат конец их жизни, как ведущих атеистов Америки. Они надеялись, что смогут откупиться от злоумышленников и затем уйти в настоящее подполье, воспользовавшись дополнительными тайными активами, о которых похитителям ничего не было известно.¹⁵

Но как только деньги были «отмыты» через покупку золотых монет, Дэвид Уотерс, Гари Карр и Дэнни Фрай уже больше не нуждались в Мюрреях-О'Хара. Подвергнув Робин сексуальному насилию, они убили всех троих пленников (вероятно, их собственноручно задушил Уотерс), после чего тела были перевезены в складской контейнер, арендованный другим пособником Уотерса, Чико Осборном. В этом тесном помещении тела были расчленены с помощью ножовки и сложены в металлические бочки из-под масла. Через некоторое время преступники останки частично сожгли, а частично вывезли за 200 километров на безлюдное ранчо и погребли там в неглубоких могилах, о чем землевладелец ничего не знал.¹⁶

Спустя пару дней, услуги Дэнни Фрая для его подельников оказались явно излишними, и они его убили. Его обнаженный, обезглавленный труп был выброшен на обочину пустынной дороги в Техасе.

Заметая следы преступления, Уотерс вымыл контейнер водой с хлоркой. После этого, он и Карр вместе со своими подругами отправились проматывать золотые монеты общей стоимостью в 80 тысяч

долларов. Остальная часть добычи была спрятана в тайнике в другом складском контейнере, арендованном подругой Уотерса.

Когда потребовалось освежить запасы наличности для продолжения разгула, Уотерс вернулся к тайнику и обнаружил, что остальная часть золота исчезла. По причудливой иронии судьбы другая шайка воров, обзаведясь отмычкой к тому типу замков, который использовала подруга Уотерса, натолкнулась в контейнере на клад. В конечном итоге, полиции удалось обнаружить только одну монету. Остальные были промотаны и канули в небытие.

«Я знаю, что вы все сделаете правильно», – сказала Робин Мюррей, умоляя о спасении своей жизни. Дэвид Уотерс же сделал ставку на тот факт, что ее бабушка, Мэдлин Мюррей О’Хара, уже давно отказалась от всего «правильного».

Печальная и отвратительная история жизни Мэдлин Мюррей О’Хара – это современная притча о том, что происходит, когда вы знаете правду, но выбираете ложь. Вы становитесь самым злом, неспособным ни счастливо жить, ни достойно умереть.

Возможно, пример миссис О’Хара кому-то покажется исключительной крайностью, но в действительности все мы похожи на нее больше, чем нам хотелось бы думать. Каждый из нас виновен в отрицании истины и противлении добру в своей жизни.

Проведите небольшой эксперимент. Проснувшись утром, выберите один из своих любимых грехов – не видимых, но тех, о которых мечтаете, – будь то похоть или обжорство, вещизм или жадность. Возьмите тот, который искушает вас больше всего, и затем заставьте себя не совершать этот грех в своих мыслях, признав, что любой грех в разуме в конце концов ведет к греховным действиям. Начните день исполненными решимости, например, не завидовать и не желать больше материальных благ, чем у вас есть, – чего бы вам это ни стоило.

Полагаю, вы можете избежать зависти или любого другого из своих любимых грехов, не включая телевизор, не читая журналов и не выходя из дому. Пожалуй, вы можете повторять себе с утра до вечера: «Я не буду завидовать», – но в обычном течении жизни не проходит и дня, чтобы вы не помыслили о том, о чем зарекались думать. Вы можете натренировать свой разум мыслить определенным образом, и даже дисциплинировать свои эмоции, хотя это гораздо сложнее, но вам никогда не удастся реформировать свои желания и волю, сколько бы усилий ни прилагали. Вы уже родились с перекошенными желаниями, и для того, чтобы снова сделать их прямыми,

требуется вмешательство Высшей Силы – или, по моему убеждению, бесконечного, личного Бога через Иисуса Христа.

К счастью, люди могут услышать истину, обратиться к ней и достичь ее. Но, к сожалению, они могут и потерпеть крах, когда грех препятствует им принять то, что, как они догадываются, есть истина. Такие люди заслуживают жалости больше всего. Они могут увидеть Бога в устройстве вселенной и распознать этические реалии, потому что нравственный закон написан на их сердцах. Но они неспособны справиться со своей бунтарской волей, хотя и понимают, что должны были бы это сделать. Люди в таком состоянии обречены, как минимум, на дисфункциональную жизнь. Когда ты знаешь, *что* правильно, но поступаешь совершенно иначе, – это и есть определение *дисфункции*.

Увидеть дисфункцию Мэдлин Мюррей О'Хара нетрудно, но мы все дисфункциональны в этом же смысле. Мы все грешим. Мы знаем истину, но живем, отвергая ее. Мы стремимся к счастливой жизни, но систематически выбираем противоположное.

Некоторые из нас заходят еще дальше. Мы перестаем сопротивляться силе греха в нашей жизни и отдаем себя его власти. Это происходит в тех случаях, когда люди, знающие истину на уровне убеждений, сознательно и упорно бунтуют против нее. Грех уже произвел в них свою работу, ожесточив их сердца и сделав бесчувственной совесть. Подобные случаи – наиболее трагичны, поскольку такие люди становятся внутренне злыми и ведут самую отвратительную жизнь.

Мы видим прогрессию: постоянное отвержение истины ведет к сознательному противлению добру. Ужасная перспектива! Вот почему мы рассмотрели здесь историю Мэдлин Мюррей О'Хара как предостережение для всех нас.

Впрочем, сколь бы упрямой ни была человеческая воля, у нас нет причин отчаиваться. Один из вопросов, чаще всего задаваемых оппонентами христианства, звучит так: «Почему мы не видим, как Бог участвует в человеческой истории?» Но факт в том, что видим. Мы не оставлены в этом мире наедине со своими деструктивными решениями.

Несколько лет назад я читал лекцию в Колледже Вильгельма и Марии. Когда наступило время вопросов-ответов, к микрофону подошел какой-то мужчина, назвавший себя профессором кафедры философии. Он разразился длинным монологом о логическом позитивизме, в завершение которого сказал: «Таким образом, мистер

Колсон, вы не можете доказать существование Бога, но я представлю вам шанс сделать это. Попросите у своего Бога совершить чудо. Дайте нам увидеть его прямо сейчас». По аудитории прокатилась волна смеха. Некоторые встретили брошенный мне вызов аплодисментами.

Возможно, аудитория на какой-то момент подумала, что этот человек «поймал» меня. Сейчас я уже не помню, о чем именно думал в тот момент, но, полагаю, это были какие-то логические контраргументы. Но затем мне пришел в голову гораздо более наглядный довод.

Я сказал тому человеку, что, если он хочет увидеть чудо, ему надо просто посмотреть на меня. Если бы он знал, насколько радикально Бог преобразил мое сердце и мою волю, то ему не потребовалось бы никаких дополнительных чудес.

Как мы увидим в последующих главах, Бог действительно влияет на историю и на нашу жизнь. Христиане называют это провидением.

ЖИТЬ
счастливно

Провидение

На одном из воскресных собраний в моей церкви был показан видеоопрос, проведенный среди случайных посетителей в престижном торговом центре. Оператор спрашивал, чувствуют ли люди, что их жизнь направляется какой-то высшей силой?

Очевидно, ему не попались дарвинисты, поскольку, к моему удивлению, никто из опрошенных не ответил «нет». Напротив, все почти единодушно выразили уверенность в том, что их жизнь действительно направляет какая-то сила. Один человек упомянул о Боге, остальные говорили о судьбе. Какой-то мужчина сказал, что раньше думал, будто сам управляет своей жизнью, но теперь он понимает, что это не так. По его словам, перед принятием важных решений он часто ожидает какого-нибудь знака свыше. Кроме того, он добавил: оглядываясь назад, понимает, что на его пути было много таких знаков, но он просто не увидел их. Предположений о том, от кого они исходили, этот мужчина не высказал.

В нас, людях, живет неотъемлемое ощущение, что нашей жизнью управляет нечто, выходящее за пределы земного. Я уверен, что это чувство вложено внутрь каждого из нас целеустремленным Творцом. Вот почему все религии и большинство философских систем пытаются объяснить наличие взаимосвязи между индивидуальной и вселенской волей. Христианское объяснение заключается в том, что Бог не только создал, но и поддерживает и направляет нас. В конечном итоге, именно Он формирует всю историю и определяет нашу роль в ней, преследуя Свои собственные цели. Это и есть Провидение.

Даже те люди, которые утверждают, что верят во что-то меньшее, чем личностный Бог, в конце концов приписывают своим собственным концепциям некоторые качества христианского Бога. Помните Хэзер Миллс Маккартни, чью жизненную историю и деятельность по запрету наземных мин мы рассматривали в главе 3? Лишившись ноги в результате несчастного случая, она сказала:

«Похоже, судьба таким образом говорит мне, что она уготовила для меня что-то еще».¹

Как *судьба* может нам что-то «сказать»? Древние стойки верили, что каждое событие определено судьбой. Но у стойков она не высказывала мыслей, а лишь непреклонно и неотступно, словно гравитация, управляла человеческой жизнью. Высказывание же Хэзер

Люди бегут от Бога,
потому что, в отличие от
некой таинственной силы,
библейский Бог
предъявляет нравственные
требования, с которыми
они не хотят сталкиваться

Миллс Маккартни предполагает, что сила, контролирующая ее жизнь, проявляет по отношению к ней определенную степень заботы. Фатум не может действовать таким образом. Он лишь определяет установленный порядок вещей. Утверждение миссис Маккартни указывает на ее веру в то, что за судьбой на самом деле скрывается какая-то более личностная сила, направляющая ход событий.

Широко распространенная уверенность людей в том, что их жизнью управляют замыслы, превосходящие их собственное своеволие, противоречит концепции хаотической вселенной. Если этим миром правит случай, то жизнь — это вопрос удачи, и понятия, наподобие судьбы и предначертания, не имеют смысла. При этом, жизнь — воистину «только тень минутная; фигляр, свой краткий час шумящий на помосте».² Но что-то внутри нас протестует, догадываясь, что наша жизнь своей формой отражает заложенный в нее глубокий смысл.

Чтобы проиллюстрировать, как наша культура пытается подменить всевышнего Бога судьбой, кинокритик Брайан Гогава приводит в пример фильм «Изгой». В нем Том Хэнкс играет работника почтовой службы «FedEx». Самолет, на котором он летел, терпит крушение над Тихим океаном, а его самого волны выносят на необитаемый остров. Мы наблюдаем за тем, как герой Хэнкса строит себе убежище, создает инструменты и ищет общения, нарисовав собственной кровью лицо на волейбольном мяче. В конечном итоге, он сконструировал плот с импровизированным парусом, вышел на нем в открытое море и однажды утром был подобран кораблем, ревун которого пробудил его от полубессознательного состояния после долгих скитаний по просторам океана.

Вернувшись в цивилизацию, Хэнкс обнаруживает, что лишился своей невесты. Но это не проблема, поскольку одна из посылок «FedEx», которую он бережно хранил в ходе всех своих злоключений, привела его к другой очаровательной женщине. Фильм завер-

шается надеждой. Хэнкс символично стоит на перекрестке дорог, глядя на знаки, указывающие в двух разных направлениях. Он поворачивается сначала в одну, затем в другую сторону, задумчиво всматриваясь вдаль, и, наконец, пожав плечами, отправляется в выбранном направлении в предвкушении нового поворота судьбы.³ (Впрочем, если считать, что одна дорога ничем не хуже другой, и наши решения не имеют последствий, то фильм завершается безысходностью.)

Как утверждал богослов-пуританин Джонатан Эдвардс, мы не можем смириться с хаотичностью и небытием. Мысль о том, что мы живем на этой вертящейся планете без цели, плана и будущего, просто невыносима. В итоге, те, кто отвергают Бога и Его водительство, обычно прибегают к любой замене, чтобы заполнить возникшую пустоту. Вот почему четверть американцев читают астрологические прогнозы и верят в них. Нэнси Рейган, когда жила в Белом доме, верила в астрологию настолько, что советовала мужу-президенту составлять свое рабочее расписание с учетом расположения звезд.

Неужели образованные люди действительно верят, что на нас влияют звезды? Они верят, что индивидуальная воля и воля вселенская должны быть как-то взаимосвязаны. Но им удобно думать, что эта взаимосвязь не имеет никаких нравственных аспектов. Как отметил Клайв Льюис: «Приятно поразмышлять о великой таинственной силе, которая струится через века, неся вас на себе. Если, с другой стороны, вы хотите сделать что-то бесчестное, то сила жизни, будучи слепой, лишенной разума и нравственных понятий, не станет вмешиваться в ваши намерения, как вмешивается тот назойливый Бог, про Которого нам рассказывали в детстве».⁴

Люди бегут от Бога, потому что, в отличие от некой таинственной силы, библейский Бог предъявляет нравственные требования, с которыми они не хотят сталкиваться. Но они никогда не перестанут жаждать той уверенности, которую может предоставить только Бог, — даже когда сверяются с астрологическим прогнозом. Эта уверенность становится доступной лишь в том случае, если мы открываем глаза, и снова и снова видим свидетельства, подтверждающие, что Божья рука направляет жизнь как отдельных людей, так и целых народов.

Смелый профессор права из Беркли Филип Джонсон, с которым мы уже встречались ранее, свою встречу с Провидением не спутал бы ни с чем другим. Мы тесно сотрудничали с Джонсоном более десяти лет. Я наблюдал за тем, как он решительно принимает на себя роль командующего масштабным движением ученых и интеллектуалов, которые стремятся привлечь внимание общественности к свидетельствам о «разумном замысле», о чем мы уже говорили в главе 20. Джонсон занимался невероятно важным и стратегически значимым делом.

Затем, когда ему было за шестьдесят, и его проект был на пике успеха, Филип пережил внезапный и сильный инсульт, из-за которого был парализован и прикован к постели. Я помню, насколько угнетающе подействовала на меня новость об этом. Все, что я слышал от близких друзей и родственников Джонсона, не вселяло ни малейшего оптимизма. Было похоже, что его двигательные функции уже никогда не восстановятся. Как Бог мог допустить такое? Он, конечно же, знал о незаменимой роли Джонсона.

Благодаря превосходному медицинскому уходу и посвященной заботе родных, Джонсон хоть и медленно, но все же смог восстановить большинство из своих физических способностей. К счастью, его разум не пострадал. Будучи ревностным и решительным человеком, Джонсон усиленно трудился с логопедом и физиотерапевтом до тех пор, пока однажды не смог вернуться к работе – по крайней мере, с посторонней помощью.

О своей болезни Джонсон написал проникновенные мемуары.⁵ По его признанию, больше всего в жизни он боялся повреждения мозга. Смерть страшила Филипа гораздо меньше, чем «позор беспомощности». Бывали моменты, когда он лежал на больничной койке в смятении и депрессии, с парализованной левой половиной тела, и желал только одного – умереть. Его охватывала жалость к самому себе вместе с преувеличенными страхами, которые он назвал «драконами разума».

Джонсон описывает пережитое им в больничной палате, которая часто была полна любящих друзей, молящихся о нем. Во время одного из таких визитов друг из его церкви спел простой гимн: «Христос – скала для моих ног. Другие все опоры – лишь песок».⁶ Слова этой песни пронзили Джонсона до глубины души. Он осознал, что строил свою жизнь не на прочной скале, а на зыбучем песке. Да, конечно, Джонсон был христианином – по крайней мере, считал себя таковым. Однако уверовал он только потому, что «был скептиком в отношении всего остального». Будучи «выздоровливающим рационалистом», выявившим все изъяны в логике этого мира, Джонсон по-настоящему так и не верил свою жизнь Иисусу Христу. Подобная глубоко личностная вера «казалась слишком сентиментальной, чтобы понести всю тяжесть жизни в ее самые безысходные моменты».⁷ Но когда Джонсон лежал беспомощным в больнице, и слова гимна заполнили его мысли, он осознал, что его прочной скалой может быть только Иисус. В тот момент, он из христианина по уму, способного отстаивать истину, превратился в христианина, по-настоящему наполненного Божьим Духом.

Хотя Джонсон до сих пор испытывает проблемы со здоровьем и переживает последствия инсульта, он стал более эффективным бор-

цом, исполненным яростной решимости. К тому же, он стал совершенно другим человеком – более спокойным и мягким.

Послал ли Бог Джонсону insult, чтобы привлечь к Себе внимание этого гордого профессора? Я не верю в это ни на мгновение. Все смертные тела подвержены болезням. Каждый из нас приближается к физическому угасанию. «Прах ты и в прах возвратишься». Нет, я не думаю, что Бог наносит нам такие почти смертельные удары, чтобы наказать или научить чему-то, но Он, бесспорно, допускает их, используя для Своих целей.

Провидение мы зачастую понимаем лишь в ретроспективе. Оглядываясь на свою жизнь, я четко вижу признаки присутствия его невидимой руки, направлявшей мою жизнь в критические моменты – даже до того, как я уверовал. Многое из происходившего в моей жизни я приписывал своим замыслам: служба в морской пехоте, учеба на юридическом факультете, работа в правительстве. Но сейчас я воспринимаю все это как подготовку к чему-то гораздо большему.

Если бы вам потребовалось спроектировать образцового лидера тюремного служения, который понимал бы заключенных и мог им благовествовать, то вполне возможно, вы спроектировали бы кого-то вроде меня. Во-первых, мне самому пришлось побывать за решеткой. Когда однажды я посетил одну очень проблемную тюрьму, и меня обступили заключенные, один из них язвительно бросил: «Эй, Колсон, тебе же место в загородном клубе! Что тебе за дело до нас? Зачем ты сюда приехал?» Это был один из редких случаев, когда кто-то из заключенных бросал мне вызов. В тот момент в помещении находилась, наверное, добрая сотня человек. Не успел я ответить, как другие заключенные криками поставили нахала на место: «Да ты не понял! Он тоже побывал за решеткой и знает, что такое тюрьма. Он – один из нас».

Во-вторых, у меня репутация «крутого парня». Как ни печально, очень многие тюрьмы живут по законам джунглей, где выживает сильнейший. Сегодня я могу появиться в тюрьме, одетый, как директор компании, в строгий костюм и галстук, но заключенные знают, что я был офицером морской пехоты, а в тюрьмах нет профессии более уважаемой, чем морпехи. Вдобавок ко всему, я прослыл «вышибалой Никсона». В то время мне этот эпитет не нравился, но за годы служения в тюрьмах он мне очень пригодился.

Наконец, я был юристом и высокопоставленным чиновником. У заключенных почти всегда неурядицы с правовой системой, и им приходится решать проблемы, обусловленные правительственной политикой и решениями властей.

Меня всегда немного удивляет то внимание, которое мне оказывают заключенные, когда я проповедую в тюрьмах, – а я побывал в сотнях тюрем, где произнес тысячи проповедей. Молодые заключенные не помнят Уотергейт или президента Никсона, но все равно проявляют большой интерес к тому, что я им говорю. Почему? Из-за того, *как* Бог готовил меня для этого дела, и, конечно же, потому, что я годами навещаю их.

Объявил ли Бог о Своих намерениях для меня в течение первых месяцев после того, как я освободился из тюрьмы и задавался вопросами о том, что мне делать дальше со своей жизнью? У меня было несколько соблазнительных предложений в сфере бизнеса и юриспруденции, но я хотел заниматься чем-то гораздо менее публичным. Мне хотелось побыть со своими детьми и уделить какое-то время тому, чтобы собрать воедино собственную жизнь. И все же, я постоянно чувствовал побуждение начать что-то делать для заключенных. Не скажу, что мне этого хотелось. Подобная работа – не самый привлекательный способ времяпрепровождения. Один мой знакомый из Вашингтона, с которым мы сдружились в тот период, организовал небольшую молитвенную группу в мою поддержку. Он хотел, чтобы я работал с политическими лидерами, проводя для них занятия по изучению Библии. Это, несомненно, выглядело вполне логично.

Тем не менее, я не мог избавиться от уверенности в том, что призван для служения в тюрьмах. Подобно ветхозаветному Иакову, я боролся с Богом до наступления рассвета. Для Иакова все закончилось поврежденным суставом бедра, а для меня – решением начать работу в тюрьмах.

Было ли это Провидением? Определенно, это не было моим собственным желанием.

Несколько лет назад я прочувствовал на себе, каким образом Бог формирует события для достижения Своих целей. Меня постигла самая серьезная болезнь за всю мою жизнь, и я впервые понял, на что похожа смерть. Я был в поездке на Филиппинах и собирался выступить с речью, когда понял, что у меня проблемы с желудком. Ощущения были гораздо хуже, чем при обычных пищеварительных неприятностях, которые связаны с путешествиями. Затем я обнаружил, что у меня внутреннее кровотечение и предположил, что это открылась язва желудка. Все же я выступил с той речью, что было большой ошибкой, поскольку мои боли резко обострились.

Вернувшись к себе в отель, я взвесил возможные варианты. Серьезно заболеть в стране третьего мира – это всегда повод для не-

которой паники. Смогу ли я получить адекватное медицинское обслуживание? А вдруг я умру?

Один из друзей уговорил местного уролога посмотреть меня (не то, чтобы совсем по специальности, но другого варианта не было). Он прописал мне «зантак» и еще кое-какие лекарства. Я подумал, что надо как следует выспаться, а решение о госпитализации принять утром. Проснувшись на следующий день, я решил, что полечу домой. Врач советовал мне воздержаться от перелета, поскольку не был уверен, что мое внутреннее кровотечение остановилось, но я поступил по-своему.

Перелет занял 14 часов, и позже мне сказали, что если бы кровотечение не остановилось само по себе, то я умер бы прямо в самолете.

Когда по приезде домой я отправился на обследование, рентгенолог, взглянув на снимки, диагностировал у меня язву. Он сказал, что кровотечения уже нет, и предположил, что лечение можно свести к правильному подбору лекарств. Однако мой лечащий врач Джо Спано решил не ограничиваться одним лишь рентгеном. Ему казалось странным, что язва открылась, а затем кровотечение остановилось само по себе, поэтому он сделал мне эндоскопию. Как он и подозревал, у меня обнаружилась опухоль. На самом деле, никакой язвы вообще не было. Просто опухоль раздражала слизистую оболочку желудка, что и вызвало кровотечение, а на рентгеновском снимке это выглядело как язва. Дополнительные обследования показали, что опухоль доброкачественная.

Мое расписание было составлено на год вперед, поэтому я хотел подождать с операцией, но Джо Бэйли – полостной хирург, поддерживавший наше служение, – посоветовал мне не затягивать. «Немедленно ложись на операцию», – сказал он, поскольку знал: если доброкачественная опухоль желудка перерастет в злокачественную и начнет поражать слизистую оболочку, то это может представлять смертельную угрозу.

Мои друзья в Вашингтоне порекомендовали мне больницу при университете Джорджтауна. Встретившись там с хирургом, я сказал ему, что мой врач во Флориде посоветовал просто удалить опухоль, поскольку она доброкачественная, без резекции желудка.

«Вы хотите указать мне, как делать операцию? – спросил хирург. – Я не смогу сказать, в каком состоянии эта опухоль, пока не увижу ее. Пока что, мистер Колсон, мне известно только одно: у вас рак».

Я отметил высокомерие, сквозившее в его поведении, и мне следовало бы сразу же покинуть ту больницу, но все же я решил лечь в нее.

Я провел на операционном столе четыре часа, в течение которых хирург вырезал опухоль и окружающие ее лимфатические узлы. Кроме того, он сделал значительную резекцию желудка, в чем принимали участие и его интерны, для которых это было учебное упражнение.

Придя в себя после анестезии, я увидел над собой лица Пэтти и Эмили.

– Это был рак? – спросил я.

– Да, – ответили они.

– Его полностью вырезали?

– Да.

– Прекрасно! – сказал я, искренне выразив свое настроение, которое приписывал Божьей благодати. Мне действительно не было страшно.⁸

В следующие пять дней мое состояние ухудшилось. Мне стало ужасно плохо. Дренажная трубка была установлена неправильно, и мой желудок начал раздуваться, разрывая швы. Из-за серьезной инфекции у меня поднялась настолько высокая температура, что я впал в бредовое состояние.

Хирург пришел в палату, чтобы решить проблему с инфекцией. Из-за высокой температуры мне не давали в достаточных дозах обезболивающих, потому что от них у меня начинался бред. То ли по этой, то ли по другой причине хирург решил обойтись вообще без какой-либо анестезии. Для решения проблемы он просто взял скальпель, наклонился над моей койкой (я помню, как от него пахло сигарами), проделал дыру между швами, которые стягивали операционный надрез, и вставил в нее дренажную трубку. Никогда ни до, ни после я не кричал так громко.

В субботу вечером моя горячка разбушевалась настолько, что я полностью потерял связь с действительностью. Медсестра, решив, что я умираю, вызвала Пэтти и Эмили. Помню, как время от времени я выныривал на несколько мгновений из бредового состояния, и осознавал, что могу умереть. Я понимал, что мой организм борется за жизнь и проигрывает эту борьбу. Тем не менее, внутри меня царил покой, потому что я знал, что нахожусь в Божьих руках.

За 28 дней больничного курса восстановления я похудел на 14 килограмм. Мои раны должны были оставаться открытыми, чтобы процесс заживления, начинаясь снаружи, продвигался внутрь. Каждые четыре часа надо было делать перевязку. Она заключалась в снятии бинтов, промывке ран и повторном наложении повязок. Боль, которую причиняла эта процедура, я мог переносить, лишь вцепившись руками в столбики кровати и напрягая что есть силы каждый мускул тела. Боль по-прежнему была невыносимой, а морфий мне не кололи, потому что он замедлял все физиологические процессы в организме,

включая желудочные. Если я хотел скорее поправиться, то должен был просто терпеть, стиснув зубы.

В больнице я провел три с половиной недели, в течение которых был постоянно подсоединен капельницами к разным аппаратам. Тем не менее, я оставался мобильным – мне разрешалось вставать и гулять по коридорам, что было для меня большой отдушиной.

Однажды меня навестил администратор госпиталя, чтобы поинтересоваться моим самочувствием. Он упомянул, что только что выгнал репортера Боба Вудворда, не позволив ему пробраться в палату бывшего директора ЦРУ Билла Кейси, которому недавно сделали серьезную операцию на головном мозге. Вудворд, наверное, был, как всегда, агрессивен, потому что главврач сказал: «Сегодня я впервые понял, через что вы прошли во время Уотергейта».

«А где лежит Билл?» – спросил я. Мы с Кейси были хорошими друзьями, и новость не оставила меня равнодушным.

«Его палата прямо над вашей. Когда вы слышите, как наверху двигают стулья, то знайте: это охранники Кейси».

Я сказал администратору, что хотел бы увидеться с моим другом, на что он ответил, что охрана не допускает к Кейси никого, кроме вице-президента Буша, главного юрисконсульта ЦРУ и членов семьи. Но он пообещал, что передаст мою просьбу.

Через двадцать минут мне позвонила жена Билла Кейси, София. Она сказала, что при желании я могу подняться к нему. Я сразу же направился к лифту в сопровождении Пэтти, помощь которой со всеми торчащими из меня капельницами и трубками была просто неопределимой.

У дверей палаты Кейси стояли двое охранников. Увидев меня на пороге, Билл улыбнулся. Он полулежал, опираясь на гору подоткнутых под его бок подушек. Билл имел характерный вид недавней жертвы инсульта. Половина его лица была неподвижной, а рот искривился. Справа на голове Билла – там, где ему сделали операцию, – была вмятина, что придавало ему гротескный вид. Увидев меня, он слегка прослезился.

Я рассказал Биллу свою историю, чтобы объяснить, как меня угораздило явиться к нему в палату в пижаме и опутанным трубками капельниц. Он не мог ничего ответить, а только улыбался и мычал. Билл не произнес ни одного вразумительного слова – это важная деталь, о чем я расскажу позже.

Я спросил, не будет ли он против, если я помолюсь с ним. В ответ Билл быстро кивнул головой. Я спросил у него: «Ты знаешь Господа? Ты примирился с Иисусом?»

Билл озадаченно посмотрел на меня, словно спрашивая: «Почему ты задаешь мне такой вопрос?» Я знал, что он – набожный ка-

толик, и не собирався судить его веру. Я просто хотел удостовериться, что пред лицом смерти у него будет такая же спокойная уверенность, как у меня. «Видишь то распятие на стене? – спросил я. – Ты знаешь, что это значит. Иисус умер за твои грехи. В этом вся суть. Все остальное не имеет значения. Ты хочешь помолиться?»

Билл с энтузиазмом кивнул головой, и я взял его и Софию за руки. Мы вместе помолились, и, когда закончили, по щекам Билла Кейси текли слезы. Я не знаю, что в тот день происходило в его разуме, но верю, что, по крайней мере, его вера укрепилась и стала глубже. Но я твердо убежден, что оказался в той больнице именно в тот момент, чтобы помолиться с Биллом. Бог использовал мою болезнь, мои решения о выборе места и курса лечения и мое личное соприкосновение со смертью, чтобы привести меня в ту палату и сделать чутким к мыслям и переживаниям моего друга. Я знал, о каких вопросах должен ему напомнить, и какие заверения он должен услышать. Позже София сказала мне, что мой визит стал самым важным событием за все время, проведенное Биллом в больнице. Через два месяца он умер.

Спустя два года после моей госпитализации, Боб Вудворд выпустил книгу, в которой заявил, что Кейси «признался» в том, что санкционировал незаконную продажу оружия, направленную против Ирана. По описаниям Вудворда, Кейси рассказал ему об этом в своей больничной палате, и выглядел в тот момент вполне нормально. Я навестил Билла в считанные часы после предполагаемого визита Вудворда, и лично удостоверился в том, что он никак не мог бы сделать подобное признание. Во-первых, охранники ни за что не пропустили бы журналиста, а, во-вторых, даже если бы они это и сделали, Кейси был просто не в состоянии что-либо сказать. Когда его вымышленное «признание» оказалось на первых полосах газет, я смог опровергнуть обвинения. Это стало еще одним положительным следствием моей болезни. Я оказался в состоянии объективно осветить один из эпизодов истории и защитить честь хорошего человека.

Последующая углубленная биопсия подтвердила, что моя опухоль была доброкачественной. Будь это известно на момент операции, то опухоль просто вырезали бы без удаления большей части желудка. Но тогда я, конечно же, не застрял бы в больнице на целый месяц и не увиделся бы с Биллом Кейси. Так что Провидение иногда обходится нам недешево.

Разумеется, вы можете отнести ко всему вышесказанному, как к случайному совпадению. Или же увидеть Божью руку. Для того чтобы распознать дела Провидения, необходимы глаза веры, потому что любое событие всегда можно истолковать по-разному. В наполненных слезами глазах Билла Кейси я увидел осознание благодати,

и это уверило меня в том, что Бог извлек огромную пользу из самого трудного времени в моей жизни.

Оглядываясь на свою жизнь, я осознаю, что у меня было много случаев, подобных тому визиту к Биллу Кейси, — знаки Божьего водительства. Присутствие Бога было очевидно даже в мелочах. Я написал более двух десятков книг и неоднократно переживал экстраординарные моменты, когда углублялся в какой-нибудь сложный, серьезный вопрос, ломая голову над тем, как лучше его преподнести читателю, как вдруг мне в руки попадалась какая-нибудь книга или статья, прямо отвечающая на мою проблему. Так произошло и во время работы над этой книгой, когда я дошел до истории о пауке, за которым наблюдала в своей камере Ньен Чен. Во время обеденного перерыва я решил просмотреть содержимое коробки с книгами, которые мне шестью месяцами ранее прислал один из моих сотрудников. Первая же книга, которую я взял в руки, была издана в Германии и затем переведена на английский. Я о ней никогда раньше не слышал. Я открыл книгу наугад, и оказалось, что как раз на той странице, где описывались тонкости строения пауков и их паутины. Разумеется, это можно было бы назвать случайным совпадением, если бы не тот факт, что за мою писательскую карьеру произошли десятки аналогичных «совпадений». Нечто подобное переживал и известный советский писатель-диссидент Александр Солженицын. В своих мемуарах под названием «Бодался теленок с дубом» он рассказывает о том, что, приступая к работе, не раз чувствовал, как какая-то невидимая рука направляет его перо, и слова потоком текут по странице.

Я также видел знаки Провидения в моменты принятия важных решений. В 1996 году во время поездки в Европу я чувствовал себя особенно измотанным и опустошенным. В тот момент я возглавлял не только «Тюремное братство» в Соединенных Штатах, но и «Международное тюремное братство». Это было отдельное служение, охватывающее более сотни стран по всему миру. В той поездке мне предстояло навестить тюрьмы и волонтеров в России, Румынии, Болгарии и Чехии. Это был потрясающий опыт — особенно посещение тюрем в России, где я увидел прекрасные плоды служения людям, оказавшимся в самых безвыходных обстоятельствах. Тем не менее, сидя в одиночестве в номере московской гостиницы, я пришел к вы-

воду, что пора передать председательство в «Международном тюремном братстве» кому-то другому. Президент этой организации Рон Никкель был чрезвычайно одаренным человеком, превосходно разбирающимся в межкультурных особенностях. Безусловно, мы могли бы найти председателя, который смог бы уделять больше времени тому, чтобы помогать Рону. Меня на все уже просто не хватало. Итак, я начал молиться, спрашивая у Бога, как мне поступить.

На следующем заседании правления «Международного тюремного братства» в Париже я ошарашил директоров своим заявлением о решении сложить с себя полномочия председателя. Я попросил временно занять этот пост Тома Пратта, который тогда был президентом «Тюремного братства» в США, пока не подыщут нового кандидата. Невзирая на негативную реакцию потрясенных директоров, я чувствовал, что поступил правильно. Если бы я и дальше оттягивал это решение, то они никогда не зашевелились бы.

После заседания мы собрались отдельно с некоторыми членами правления и сошлись на том, что идеальным кандидатом был бы Майк Тиммис – американский бизнесмен и член правления «Тюремного братства» в Соединенных Штатах. Майк имел обширные деловые связи за рубежом, и был глубоко посвященным христианином. Я догадывался, что он не ищет работу на общественных началах, которая может занять половину его времени, и все же прямо из парижского гостиничного номера мы разыскали его по телефону и изложили ему суть нашего предложения. Майк в ответ поинтересовался, не провели ли мы слишком много времени в легендарных французских винодельнях.

В последующие полгода он и его жена Нэнси размышляли и молились о нашем предложении. Они провели немало вечеров в гостях у нас с Пэтти. Это была огромная ответственность, и Майк хотел все как следует молитвенно обдумать.

И вот однажды он позвонил мне и взволнованно сказал: «Чак, моя жена Нэнси не относится к тем мнительным особам, которые склонны к видениям или повсюду замечают знамения от Бога. Она – очень сдержанная и рассудительная христианка, но, пока я был в командировке, она пережила нечто невероятное. Нэнси уверена, что Бог проговорил ей слышимым голосом, что мне следует занять эту должность. Так что я принимаю ваше предложение».

Майк Тиммис показал себя гораздо лучшим лидером международного служения, чем я. С того момента, как он стал председателем «Международного тюремного братства», число филиалов служения в других странах почти удвоилось.

Еще более драматичным было вмешательство Провидения в поиски моего преемника для «Тюремного братства» в США. Когда мне исполнилось 62 года, совет директоров решил заняться поисками че-

ловека, которого служение могло бы подготовить мне на замену. Член правления Кен Уэсснер сказал: «Знаешь, Чак, время пришло. Хороший лидер всегда думает о своем преемнике».

Итак, мы сформировали комитет и решили, каким должно быть служение, и какими характеристиками должен обладать человек, чтобы реализовать наше видение. Мы наняли сотрудника кадрового агентства – известного специалиста по подбору персонала. Однажды вечером, сидя за столом в переговорной, он спросил у совета директоров: «Скажите, кого вы считаете идеальным кандидатом на эту должность? Если бы вы могли выбрать одного человека, подходящего для этой работы по всем статьям, то кто бы это был?»

«Марк Эрли», – тут же ответил я рекрутеру.

Я был едва знаком с Марком. Мы встречались только раз, но я много читал об этом молодом, динамичном политике. Он служил в сенате Вирджинии и недавно был избран главным прокурором штата с наибольшим перевесом голосов за всю историю подобных голосований. Марк пользовался большим уважением. Я всегда отзывался о нем, как об образцовом примере христианина в политике.

«Конечно, он не согласится, – добавил я, – потому что только что был избран главным прокурором Вирджинии, но это был бы идеальный вариант. В прошлом он занимался миссионерской работой; очень яркая личность – в свои сорок с лишним лет Марк выглядит, словно юноша. Но, как я уже сказал, он вряд ли согласится на наше предложение».

Кадровый агент в сопровождении нескольких членов комитета отправился на встречу с Марком Эрли. Отчитываясь о результатах, он сказал мне: «Вы абсолютно правы. Это был бы идеальный кандидат. Он обладает всеми необходимыми качествами – как профессиональными, так и личными, – но, как вы и сказали, Эрли намерен полностью отработать свой срок на должности главного прокурора штата. Если бы не этот пост, то он мог бы рассмотреть ваше предложение».

Мы могли бы подождать, пока Марк добудет свой срок в прокурорской должности, но я подозревал, что через четыре года он будет баллотироваться на пост губернатора штата. Таким был обычный карьерный путь главного прокурора Вирджинии. Поскольку этот штат относился к республиканским, а Марк Эрли был чрезвычайно популярным республиканцем, то, на мой взгляд, победа ему была гарантирована. В результате, его кандидатура ушла из поля зрения.

Наши поиски продолжались четыре года: с 1997 по 2001. За это время мы рассмотрели 25 кандидатов и сузили круг реальных претендентов до нескольких человек.

Как-то раз мы уже почти остановили свой выбор на одном из них, у которого был превосходный послужной список успехов

в бизнесе и финансовой сфере. На подъеме карьеры он оставил эту работу, чтобы заняться сбором средств для одного служения. Некоторые из наших директоров сомневались в его духовной зрелости, но я «клюнул» на его достижения, и уже был готов закрыть глаза на некоторые моменты. Совет директоров собирался сделать этому человеку официальное предложение; поезд уже тронулся от

Христиане верят, что у Бога есть план для человеческой истории, и что для достижения Своей цели Он действует через жизни людей

перрона и покатился по рельсам. И вот, во время автобусного турне по Калифорнии вместе с волонтерами «Тюремного братства» случилось так, что я упомянул об этом кандидате лидеру другого служения. Один из волонтеров, услышав наш разговор, посоветовал мне лучше навести справки. Я позвонил лидеру служения, в котором работал наш кандидат, и услышал от него ряд тревожных сигналов.

У меня уже начали опускаться руки. Найдем ли мы хоть *когда-нибудь* подходящего человека?

Шел октябрь 2001 года. До выборов губернатора штата Вирджиния оставалось две недели. Как я и ожидал, Марк Эрли победил среди кандидатов от республиканцев и считался главным претендентом на общую победу. Тем не менее, у его оппонента карман оказался гораздо глубже. Демократ Марк Уорнер был венчурным инвестором, сколотившим огромное состояние на буме высоких технологий в 1990-е годы. Согласно опубликованным данным, он потратил на свою избирательную кампанию миллионы из личных средств.⁹ Уорнер полностью разгромил Эрли по части рекламы.

Избирательная кампания Эрли никак не могла набрать обороты. Наперекосяк пошло все, что только могло. Ожидалось, что Эрли на выборах поддержит президент Буш, но из-за террористических атак он этого так и не сделал. Национальный комитет республиканской партии уже считал Эрли победителем, и потому проявлял мало интереса к его кампании.

Но вопреки всем предсказаниям, включая и мои, Марк Эрли проиграл выборы.

На следующей неделе я позвонил ему и спросил: «Есть интерес к нашему предложению?»

«Да», — ответил он. После неудачной избирательной кампании Марк чувствовал, что Бог призывает его к чему-то другому. Во время своего утреннего молитвенного времени он постоянно читал о правосудии и заключенных.

Марк приехал ко мне, чтобы пообщаться за обедом, и я сразу же понял, что он – именно тот человек, который нам нужен. Через пару недель, после того как мы провели комплексную юридическую проверку, и Марк встретился с советом директоров, он был назначен председателем «Тюремного братства».

Марк Эрли оказался потрясающим лидером. Под его руководством наше служение начало работать несравненно лучше, чем при моем председательстве, по всем параметрам – сбору пожертвований, бюджету, достижениям и моральному духу. Это и есть Провидение.

Провидение – это христианский ответ на такие понятия, как судьба, предначертание и случайность. Христиане верят, что у Бога есть план для человеческой истории, и что для достижения Своей цели Он действует через жизни людей.

В колониальную эпоху Джонатана Эдвардса мыслители Просвещения бросили вызов историческим основам библейского учения, заявив, что история – это ненадежный ориентир для того, чтобы можно было заявлять об универсальности какой-либо истины. С их точки зрения, история – наука слишком своеобразная и избирательная.

На это Эдвардс и другие ответили, что история была направляема невидимой Божьей рукой, и отображает предусмотренный Провидением порядок, в котором ведущая роль отведена Богу.¹⁰ Будь история следствием случайных процессов, у нас не было бы никакой возможности собрать по крупицам универсальную истину, поскольку никто, кроме Самого Христа, никогда не выходил за рамки исторического процесса. Вот почему богословие и история настолько тесно переплетены.

Писание также говорит нам, что Бог определяет установленные времена для народов и отдельных людей, а также – пределы для их обитания.¹¹ Таким образом, Провидение охватывает не только жизни отдельных людей, но и деятельность государств. Основатели США явно понимали это. В заключительных словах Декларации независимости ее авторы выразили твердую уверенность «в покровительстве Божественного Провидения». Они неоднократно упоминали об этой концепции и в «Федералисте» – сборнике из 85 статей в поддержку ратификации Конституции США.

Никто из политических лидеров Америки не высказывался об идее Провидения более красноречиво и содержательно, чем Авраам Линкольн. О его духовной жизни были написаны целые книги, из которых ни одна не отвечает сполна на вопрос о том, кем он был – теи-

стом или христианином. Тем не менее, одно можно сказать с абсолютной уверенностью: Линкольн признавал Провидение и полагался на него. «Я твердо стою на своих позициях с той властью, которая вверена мне, как инструменту Провидения», – отмечал он в письме своему другу.¹² Его знаменитое «Воззвание об объявлении общенационального дня поста» изобилует упоминаниями о твердой Божьей руке, направляющей дела страны.

Личные убеждения Линкольна не шли вразрез с его публичными высказываниями. Его обращения к Провидению не были всего лишь политической риторикой. Во время беседы со священником, работавшим с солдатами во время Гражданской войны, Линкольн сказал: «Если бы не моя твердая уверенность в верховенстве Провидения, то мне было бы сложно сохранять хладнокровие посреди столь трудных обстоятельств. Но я убежден, что у Всомогущего есть планы, и Он осуществит их. Независимо от того, увидим мы это или нет, Его планы для нас – наилучшие».¹³ В 1862 году Линкольн сказал своему близкому соратнику из квакеров, что Бог «допускает войну по какой-то мудрой, одному Ему известной причине, для нас таинственной и непостижимой... Нам остается лишь верить, что Тот, Кто сотворил этот мир, по-прежнему правит им».¹⁴

Если Бог рядом с нами, если каждый шаг в нашей жизни действительно определяется не судьбой или удачей, а божественным Провидением, то это же относится и к событиям, связанным с нашей смертью. По-настоящему счастливая жизнь предвкушает последнюю милость – счастливую смерть. Но бывает ли такое? Что открывает смерть о том, как мы прожили свою жизнь?

Счастливая смерть

Одним из самых замечательных людей, которых мне довелось знать лично, был Билл Брайт. Будучи молодым бизнесменом, он услышал Божий призыв оставить свое преуспевающее предприятие «Bright's California Confections» и посвятить жизнь благовестию. В 1951 году Билл вместе со своей женой Вонетт основал служение «Campus Crusade for Christ». Оно началось с маленького собрания из нескольких друзей, но сегодня эта миссия со штаб-квартирой в Орlando насчитывает более 26 тысяч штатных сотрудников и свыше полумиллиона обученных волонтеров, которые трудятся почти в двухстах странах мира. Это хорошо отлаженное, динамичное христианское служение.

Билл и Вонетт безраздельно посвятили ему более пятидесяти лет своей жизни и никогда не оглядывались назад. Билл обладал неумной энергией и даже в преклонном возрасте у него было такое расписание поездок, которое измотало бы большинство мужчин вдвое моложе его. Он был удивительно кротким человеком, простым в поведении, но полностью сосредоточенным на единственной цели: нести миру Благоую весть.

Когда Биллу было уже под восемьдесят, у него диагностировали фиброз легких – заболевание, которое почти всегда приводит к медленной, мучительной смерти. Легочная ткань отвердевает, и легкие теряют способность поглощать кислород. Если не случится чего-нибудь наподобие сердечного приступа, то человек медленно задыхается. У меня было несколько знакомых, которых фиброз легких истощил настолько, что они хотели только одного: побыстрее умереть. Эта болезнь высасывает энергию, повергая жертву в состояние изнеможения, которое постоянно все больше усугубляется.

Когда Билл сообщил мне о своем диагнозе, он сделал это без малейшей жалости к себе. Его голос в телефонной трубке звучал,

как всегда, бодро. Билл был полон восторга и энтузиазма о различных проектах, которыми он занимался, хотя и знал, что у него впереди два-три года медленного умирания.

Для его врача такое настроение было непонятным. Объяснив Биллу, что фиброз легких – это хуже, чем сердечный приступ или рак, он прямо объявил: «Вы умрете от удушья».

«Спасибо Тебе, Господь», – ответил Билл.

«Вы не понимаете», – возразил доктор, и еще раз повторил, какой ужасную смертью придется умереть Биллу Брайту. Он опасался, что Билл не хочет принимать правду о своем состоянии, но тот объяснил, что просто выражает свою веру. «Я верю Библии, а она говорит, что христиане должны благодарить за *все* и радоваться, невзирая на новости».¹

Я много раз навещал Билла в течение трех лет после того, как ему установили диагноз, и до его смерти. Временами ему было тяжело ходить, поскольку ему приходилось таскать за собой кислородный баллон, от которого к его ноздрям шли трубки. Тем не менее, Билл никогда не терял оптимизма. Во время одной из наших встреч он потратил больше часа на советы, как сделать служение «Тюремного братства» более эффективным. Многим из них мы последовали, и это действительно принесло нам большую пользу.

В течение этого периода Билл отправлял мне рукописи книг, статей и текстов для радиопередач, написанные им буквально лежа в постели. По данным одного из его помощников, в 2001 – 2002 годах он работал одновременно над более чем 80 проектами.² Билл организовывал конференции, приглашал спикеров и делал видеозаписи, как часть своего наследия в учении.

В последний раз я говорил с Биллом по телефону за две недели до его смерти. Я хотел сообщить ему, о чем скажу на его похоронах, но в нашей беседе не было ни тени печали. Я сказал: «Билл, я хочу, чтобы ты еще при жизни, а не с небес, услышал, что я скажу, когда ты уйдешь». Я напомнил ему одну историю, которую повторил позже, во время поминальной службы. Никогда не забуду, как однажды мы сидели за столом вместе с ним и другими христианскими лидерами, споря о глубоких богословских вопросах. Прервав нашу горячую дискуссию, Билл сказал: «Меня беспокоит не столько богословие, сколько перспектива предстать однажды пред Господом и признать, что мне не удалось привести всех, кого я мог, ко Христу». Он был удивительно смелым и прямым человеком!

Счастливая жизнь
подразумевает
принятие того факта,
что наши жизни, в
конечном итоге,
принадлежат Богу

Во время наших бесед в его последние годы я ни разу не заметил в нем даже намек на жалость к себе или разочарование. Наверняка, Билл переживал такие моменты, но об этом не знал никто, кроме Вонетт, которая неизменно находилась рядом с ним. Билл был прирожденным лидером и никогда не проявлял уныния или разочарования перед теми, кто за ним следовал. До самого конца своей жизни он всегда искал возможности помочь другим.

В последние дни перед смертью Билл Брайт дал своим сотрудникам прощальное наставление, которое завершил следующими словами: «Ходите верой в Его свете, радуйтесь Его присутствию, проявляйте Его любовь и ликуйте о том, что вы не одиноки. Он всегда рядом с вами, неизменно желая благословлять!»³

Билл Брайт понимал, что счастливая жизнь подразумевает принятие того факта, что наши жизни, в конечном итоге, принадлежат Богу. Он отказывался принимать успокоительные, которые могли ускорить его смерть, и беседовал с Вонетт о важности согласиться с последним Божьим призывом. Возможно, именно благодаря такому отношению Билла (и, как мне думается, его благочестию) его последние моменты не были наполнены ужасом, как предсказывал врач. Прямо перед его смертью Вонетта наклонилась к Биллу и сказала: «Я хочу, чтобы ты был с Иисусом, и Он хочет, чтобы ты был с Ним. Почему бы тебе просто не позволить Ему перенести тебя на небеса?» Вонетт отвела взгляд в сторону, а когда опять посмотрела на мужа, он уже не дышал. Она увидела последний толчок пульса на его шее – и Билл ушел. В тот момент Вонетт вспомнились строки псалма: «Дорога в очах Господних смерть святых Его», и молитва святого Франциска Ассизского: «Ибо через смерть мы рождаемся для вечной жизни».⁴

Жить счастливо подразумевает не только извлекать максимум из каждого ее мгновения, но и быть невозмутимым пред лицом смерти, и затем – достойно умереть. Очень многие люди имеют ошибочное представление на сей счет. Они думают, что жизнь надо прожить «по полной», наслаждаясь каждым ее моментом, а затем, когда придет смерть, просто принять ее как неумолимый факт. Веселые времена закончились. Жизни пришел конец.

Но смотреть на это нужно не так.

Я обнаружил, что ближе всего к правильному пониманию жизненных реалий и вопроса смерти находятся некоторые обитатели ка-

Жить счастливо

подразумевает не только извлекать максимум из каждого ее мгновения, но и быть невозмутимым пред лицом смерти, и затем – достойно умереть

меры смертников – особенно, если они христиане. За многие годы я посетил в буквальном смысле тысячи приговоренных к смерти мужчин и женщин по всему миру. Казалось бы, тот, кто в ожидании казни сидит в холодной камере, выходя из нее в лучшем случае на час для прогулки по обтянутому колючей проволокой двору, должен

впасть в отчаяние и безропотно отказаться от жизни. Но в большинстве случаев это не так. Ранее я уже упоминал о Сэме – заключенном из камеры смертников, который учился, чтобы стать служителем, и не хотел впустую тратить время на телевизор.

 Напоминания о
бренности помогают нам
сосредоточиться на том,
что действительно важно

В неизбежности скорой смерти есть что-то такое, что вынуждает нас сконцентрироваться. Сэмюель Джонсон

 однажды сказал: «Когда человек знает, что через две недели его повесят, это прекрасно сосредоточивает его разум».⁵ Я обнаружил, что это замечание – больше, чем просто шутка. Жить, осознавая, что умрешь, в определенном смысле очень полезно. Именно по этой причине святые древности держали череп на своих письменных столах. Если мы, подобно Биллу Брайту, верим, что наша жизнь принадлежит Богу, то можем сказать вместе с апостолом Павлом: «Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» – и сказать это искренне.⁶ Мы можем *радоваться* каждому этапу жизни, включая старость и последнюю болезнь, веряя свою жизнь на Божье попечение. Нам следует принимать жизненные периоды такими, какие они есть, и познавать, чему Бог хочет научить нас в каждом из них.

Подобное отношение вы вряд ли найдете в светском обществе. Западная культура стала одержима желанием предотвратить старение и смерть. Удивительно, но люди начинают сражаться со старостью уже с юности. Для этого они используют ботокс, пластическую хирургию, краски для волос, имплантаты и потребляют в огромных количествах витамины и пищевые добавки. В современную эпоху биотехнологий нас манит возможность не только продлить жизнь, но и улучшить ее качество. Генные имплантаты позволяют нам зачать и родить ребенка даже в столетнем возрасте. Учитывая возможности трансплантации органов, люди задаются вопросом: «А зачем нам вообще умирать?» Эта мысль их настолько пленяет, что они не хотят размышлять ни о каких этических рамках в биотехно-

логических исследованиях. Похоже, мы уже на пороге открытия пресловутого Источника вечной молодости.

И все же, подобное мышление – это издевка над человеческой природой и Божьей мудростью. Христиане имеют «стереоскопическое» представление о смерти, глядя на нее с двух немного отличающихся ракурсов. Прежде всего, смерть – это извечный враг, Божий суд над человечеством за грех. Но мы также верим, что Иисус Своей смертью победил грех и смерть.⁷ Телесное воскресение Христа – это гарантия для христианина: «Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним».⁸

Но, если взглянуть с другой точки зрения, то Божий суд является также проявлением Его милости – как в смерти, так и во всем остальном. Объясню, что я имею в виду. Часто говорят, что старость не для нытиков. Я привык вскакивать утром с кровати и делаю это и по сей день, но теперь слышу громкий хруст в суставах, и временами спину сковывает боль. Постарев, я заметил и другие перемены, некоторые из них для меня еще более досадны. Я всегда гордился своей фотографической памятью. Теперь же, если даже она и сохранилась, то мне несколько сложнее сфокусировать объектив. Итак, когда наши тела увядают, нам приходится платить определенную цену. Умирание происходит прямо посреди жизни.

Впрочем, эти напоминания о бренности помогают нам сосредоточиться на том, что действительно важно. Здоровое осознание приближения смерти побуждает нас больше радоваться нашим взаимоотношениям с семьей и друзьями. Почему, вы думаете, мужчины, становясь дедушками, зачастую проявляют больше терпения, чем в те годы, когда были отцами? Размышления о смерти благотворны; они не вредны.

Лично мне старение принесло глубокое понимание красоты природы. Конечно, я всегда был к ней восприимчив, но теперь, на закате жизни, мое восприятие значительно обострилось. Мир стал для меня роднее.

Боли и страдания старости делают перспективу смерти куда менее пугающей. Как выразился французский эссеист Мишель де Монтень, мы ведомы «рукой природы вниз по пологому, почти незаметному склону. Мы понемногу, шаг за шагом скатываемся в это жалкое состояние и привыкаем к нему настолько, что уже не испытываем потрясения от того, что в нас умирает молодость. Эта смерть по существу и воистину более сурова, чем полная смерть увядшей жизни или смерть от старости».⁹

Поскольку мы – падшие создания, сама идея того, что мы могли бы жить вечно, является приглашением к полной безответственности. Если бы мы жили вечно, то перестали бы заботиться о

своих детях, поскольку сами могли бы пережить их. Мы не чувствовали бы ответственности за то, чтобы передать дальше накопленную житейскую мудрость. Мы стали бы несносными в своей мнимой неуязвимости. Из истории мы знаем, что происходит с людьми, когда они верят, будто обладают неограниченной властью. Насколько же больше власти мы получили бы, веря, что будем жить вечно? Вот почему Божий суд над человечеством был также и проявлением милости. Смерть избавляет нас от необходимости терпеть бесконечную жизнь в гордости и отчужденности.

Смертный приговор также чувствуется и в нашей неудовлетворенности земной жизнью. Ограничения побуждают нас искать и находить все, что говорит о вечности. Поэт Уоллес Стивенс мудро заметил: «Неимение — начало желания».¹⁰ Разумеется, он имел в виду, что удовлетворенность, как это ни парадоксально, начинается с нужды. Леон Касс, председатель Президентского совета по биоэтике, считает, что скоротечность нашей жизни побуждает нас реализовывать свои способности. По мнению Касса, настоящее человеческое счастье приходит с удовлетворенностью, которую человек воспринимает, как «цветок, украшающий беспрепятственную деятельность по упражнению души».¹¹

Реальность неминуемой встречи со смертью стимулирует наши стремления. Мы хотим совершить многое в жизни, пока у нас есть такая возможность. Реализуя порывы души и используя данные

Богом способности, мы ощущаем Божью удовлетворенность Его творением и Его созданиями. В моей жизни стремление к чему-то более высокому приносило чувство глубокого удовлетворения — особенно, если эти цели мотивировались не столько собственным эго, сколько желанием восполнить нужды, показанные мне Богом. Желание успеть потрудиться до перехода за черту смерти вынуждает нас взвешивать и оценивать свою жизнь. Что мы сделали правильно, а что — нет? Именно это стало одним из главных мотивов для Джеймса Райана вернуться семи-

десятилетним стариком к могиле человека, спасшего ему, двадцатилетнему парню, жизнь. В некотором смысле, все мы готовимся к тому, что нам, вполне вероятно, придется дать отчет. И это, в свою очередь, может привести нас к поиску Бога — единственного, кто способен избавить от забвения и тлена.

На более поздних этапах своего пути мы также можем испытывать большое удовлетворение, размышляя о хорошо прожитой жизни,

Смерть — это всего лишь точка перехода из этого мира, где мы имели привилегию жить, в обетованный мир грядущий

что требует безоговорочного согласия с тем числом лет, которые нам отведены Богом. Это применимо к каждому из нас, когда мы думаем о своих семьях, друзьях и совершенных нами добрых поступках. Когда мы размышляем о восходе солнца под пение птиц, как это делал композитор Мессиян. Когда мы радуемся всем дарам, которые Бог дает нам в Своем творении. Когда мы усердно и хорошо потрудились. Быть может, в конце на нашем надгробии кто-то выгравировет: «Раб Христов», — как это сделали на могиле Билла Брайта.

Смерть призывает нас размышлять о смысле жизни, даже когда наша тоска по вечности предполагает, что эта тленная жизнь — всего лишь подготовка к бессмертию. Вот почему христиане испытывают естественный страх перед смертью не так остро, как другие. Смерть — это всего лишь точка перехода из этого мира, где мы имели привилегию жить, в обетованный мир грядущий. Именно поэтому христиане встречают смерть невозмутимо, а в некоторых случаях — даже с радостью.

Кена Уэсснера, который был моим наставником в служении и одним из ближайших друзей, в 71 год поразил рак почки. Он с большой решимостью преодолел болезненный и сложный период операций, облучения и химиотерапии. Как и Билл Брайт, Кен никогда не унывал.

Когда я навестил его в больнице, он был бодр и оживлен. Кен был успешным президентом компании «ServiceMaster», а после выхода на пенсию посвятил несколько лет служению, к которому он относился с огромным рвением. В тот день, когда я его навестил, мне даже и в голову не пришло, что Кен близок к смерти. Глядя на него, этого никто не мог бы сказать. Тем не менее, Кен явно понимал, что умирает, и готовился к смерти тщательно и продуманно, диктуя своей жене Норме подробные инструкции по самому широкому кругу вопросов.

Она сказала мне, что через два дня после моего визита Кен общался со своим другом, Кеном Хансеном, которого когда-то сменил на посту главы «ServiceMaster». Хансен, который также был искренним христианином, лежал в другой больнице и тоже находился при смерти. Норма сказала, что эта беседа между двумя друзьями была чем-то невероятным. Они оба чуть ли не ликовали, говоря, с каким нетерпением ожидают быть снова вместе на небесах. У них не было ни слез, ни тени сожаления — только чистая радость. Друзья начали обсуждать обетования Иисуса о грядущем воскресении мертвых и обретении новых тел. Поскольку оба сильно страдали от своих смертельных заболеваний, размышления о новых телах вызывали у них чуть ли не радостный смех. Они уже предвкушали, как это будет здорово!

Разве не так хотел бы умереть каждый из нас: с ликованием о жизни в ожидании того, что Бог приготовил для нас, а не в гневе, горечи, отвержении и, уж конечно, не в страхе? До чего разительный контраст с тем, что однажды сказала моя некогда соперница по дебатам, Мэдлин Мюррей О'Хара: «Надеюсь, я проживу свою жизнь так, что, когда умру, это кого-нибудь огорчит – даже если это будут всего лишь мои собаки. Пожалуй, мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь где-нибудь всплакнул обо мне».¹² Если вспомнить о том, насколько трагичной и одинокой была ее смерть, то возникают сомнения, что ее оплакал хоть кто-нибудь.

Едва ли не самое смелое исповедание веры пред лицом смерти принадлежит одному из известных юристов и наиболее влиятельных вашингтонских фигур нашей эпохи – Эдварду Бенетту Уильямсу. Каждый, кто когда-нибудь видел работу Уильямса в суде, понимает, насколько это был одаренный человек. Для целого поколения он стал образцом адвоката, к которому можно обратиться, если на кону ваша жизнь. Список клиентов Уильямса выглядит как справочник «кто есть кто» американских знаменитостей за тридцать-сорок лет: от Джо Маккарти и Джимми Хоффа до Фрэнка Синатры, множества сенаторов и высокопоставленных чиновников.

Хотя Уильямс этого не афишировал, он был глубоко религиозным человеком, ежедневно причащающимся в римско-католической церкви. Он долго и мужественно сражался с раком. В тот момент, когда Уильямс уже лежал на смертном одре и стало очевидно, что он проигрывает эту битву, сын показал ему статью, в которой он был назван одним из самых влиятельных людей в Вашингтоне. Газета «Washington Post», в которой Уильямс был юрисконсультантом, потом написала, что он «лишь отмахнулся от той журнальной статьи», а затем сказал: «Они не понимают, что такое власть на самом деле ... Скоро я увижу истинную власть. Борьба со смертью – это эгоизм. Настало время отступить и узнать, что такое *настоящая* власть».¹³ Уильямс скончался мирно, оставаясь столь же непоколебимым в своей убежденности о воскресении, как и в своих блестящих доводах во время судебных слушаний.

Конечно, эти зарисовки показывают людей, жизнь которых мы считаем наполненной, продуктивной и успешной. В подобных обстоятельствах быть оптимистичным относительно легко. Но что, если смерть забирает человека в самом расцвете лет?

Очевидно, что никто не может ответить на вопрос, почему жизнь человека должна заканчиваться – с нашей точки зрения –

преждевременно. Мы не понимаем всех «как» и «почему» того, что для нашего поверхностного взгляда кажется ужасной несправедливостью. У христианина, по крайней мере, есть уверенность, что эта жизнь — еще не конец, разве что она — наше последнее земное свидетельство. Иногда своей смертью мы оказываем более сильное влияние, чем любимыми свершениями при жизни.

Возьмем, к примеру, историю Дэвида Блума — чрезвычайно популярного молодого журналиста телеканала «NBC». Я познакомился с ним в тот период, когда он был восходящей «звездой» на небосклоне «NBC». Некоторые говорили, что Дэвид станет следующим ведущим шоу «Today» или даже обозревателем вечерних новостей. Однажды мы оба оказались в числе приглашенных на небольшой деловой завтрак, организованный бизнесменом-христианином Джимом Лейном. Дэвид в то время возрастал в вере, о чем знали лишь немногие из его коллег и друзей по масс-медиа. Между нами сразу же установились теплые отношения — отчасти потому, что, как он признался, на него оказала большое влияние моя духовная автобиография «Рожденный заново». Дэвид не раз обращался ко мне за советом, как к наставнику и другу.

Когда началась вторая война в Ираке, он вызвался освещать ее с места событий. Это было рискованное решение. Дэвид и его жена прекрасно осознавали, с какими опасностями он столкнется, как журналист, находящийся среди войск во время вторжения в Ирак. Тем не менее, это была его профессия, его способ служить людям.

За несколько месяцев до отъезда Дэвида в Ирак у него выработалась привычка каждое утро звонить Джиму Лейну. Они вместе изучали книгу Освальда Чемберса «Все мое предельное — Господу», замечательную классику для ежедневного чтения. По словам Джима, Дэвид постоянно говорил о своей совершенной радости, как христианина. Он был прощенным и свободным — успешным мужчиной, отцом, мужем и журналистом, каким его сотворил Бог.

Пока Блум находился в Эль-Кувейте, готовясь к отправке в Ирак, он постоянно был на связи с Джимом. В их последнем телефонном разговоре Дэвид как бы между прочим попросил передать его жене Мелани и трем дочерям одно послание на тот случай, если он не вернется. Дэвид хотел, чтобы они знали, как сильно он их любил — больше самой жизни.

Вот мысли Дэвида Блума, высказанные им самим в одном из его последних электронных писем к Мелани.

Ты не можешь себе представить и даже на миг вообразить, какие огромные перемены произошли со мной и продолжают происходить. Бог погружает

тебя в глубины твоего естества до тех пор, пока ты не достигнешь самого дна, а затем, если ты обратишься к Нему с полной и слепой верой, и примешь в своем сердце и разуме твердое решение идти только с Ним и к Нему, то Он поднимет тебя и поведет домой. С надеждой молюсь о том, чтобы все мои парни выбрались из этой передраги целыми и невредимыми. Но говорю тебе, Мел, знай, что я в покое. Да, меня глубоко печалят картины смерти и разрухи, которые я вижу вокруг, но я в мире с моим Богом и с тобой. Знаю одно: мое отношение к жизни перевернулось вверх дном. Можно сказать, что я достиг пика профессионального успеха, но, честно говоря, меня это мало волнует. Да, я горжусь той хорошей работой, которую мы все здесь делаем, но, с точки зрения природы вещей, она так мало значит в сравнении с моими отношениями с тобой, нашими девочками и Иисусом. Здесь со мной происходит что-то, выходящее далеко за рамки моего человеческого понимания или способности осознать. Я — словно металл, закаляющийся в огненном горниле.¹⁴

Во время вторжения в Ирак я неотрывно следил за передачами «NBC», чтобы максимально не терять Дэвида из виду. Он был повсюду, ведя репортажи из танков, бункеров и окопов, находясь среди солдат.

А затем поступило трагическое известие. Дэвид Блум скончался в возрасте 39 лет от тромбоэмболии легочной артерии, вызванной, вероятно, тем, что он провел слишком много времени в неудобном положении в танке.

Смерть всегда
приходит, как враг, но
ее жало послужило
парадоксальному
свидетельству о жизни

Похороны Блума в Соборе святого Патрика в Нью-Йорке посетили все руководители «NBC», сотни репортеров, которые были с ним знакомы, мэр города, официальные лица и топ-менеджеры со всего Нью-Йорка. Собор был заполнен людьми до отказа. Толпа в ошеломленном, полном слез молчании слушала траурную речь Джима Лейна, в которой он говорил о своих отношениях с Дэвидом и об отношениях Дэвида с

Иисусом. Джим читал выдержки из писем и цитировал любимые песни и высказывания покойного. В завершение речи он привел слова Иисуса из Евангелия от Иоанна: «Вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет

у вас».¹⁵ Люди, посетившее в тот день поминальное служение, были глубоко впечатлены. Это был очень эмоциональный момент, ставший мощным свидетельством. Своей смертью Дэвид Блум оказал на людей больше влияния, чем ему удалось бы, проживи он еще лет пятьдесят.

Разумеется, это не изглаживает скорбь его жены и детей и не уменьшает потерю его друзей. Дэвид мог бы еще многое сделать в сфере телевидения, но теперь все это осталось лишь в наших воспоминаниях. Смерть не поддается простым формулам.

Тем не менее, уход Дэвида Блума определенно подтвердил, что его жизнь была достойной. Он прожил потрясающе счастливую жизнь. И смерть Дэвида вдохновила и ободрила тысячи, если не миллионы людей, возродив в них надежду, именно благодаря его воистину счастливой жизни. Как много тех, у кого есть такая же возможность? Смерть всегда приходит, как враг, но ее жало послужило парадоксальному свидетельству о жизни, которую обрел Дэвид.

Каждый из нас
сотворен Словом и
поддерживается Тем,
Кто знал нас еще до
начала времен

Наблюдения человека, вплотную приблизившегося к смерти, дают нам точные инструкции о том, как правильно ее встречать. Десять лет назад мой друг, отец Ричард Нойхаус, был госпитализирован с кишечной непроходимостью в одну из больниц Нью-Йорка, где ему сделали срочную операцию. Возникли осложнения, и врачи вызвали его друзей, опасаясь, что Ричарда привезли в больницу слишком поздно. Показатели его состояния быстро ухудшались.

Этот первый кризис Ричард пережил, но последовали еще несколько. Врачи сделали вторую операцию, колостомию. Из-за нее началось новое сражение с инфекцией. Ближайшие друзья Ричарда не раз думали, что он на волоске от смерти.

Его восстановление заняло более года, в течение которых он прошел курс химиотерапии и облучения, и ему сделали еще одну операцию для восстановления кишечника после колостомии. Ричард пережил длительный период слабости, но его удивительно живой, плодотворный разум никогда не сбавлял ход. Начав размышлять над опытом, почерпнутым из близости к смерти, он написал небольшую, но очень содержательную книгу под названием «Как я умирал. Размышления по возвращении».

После нескольких глав глубоких философских рассуждений, на заключительных страницах Нойхаус приходит к очень простому выводу. Он упоминает знаменитую формулировку Декарта: «*Cogito, ergo sum*» – «я мыслю, значит я существую». Оказавшись на пороге смерти, Нойхаус пришел к убеждению, что эту фразу следовало бы исправить на «*cogitor, ergo sum*», то есть «я задуман, значит я существую».¹⁶ Это вторит предсмертному озарению Уоллеса Стивенса, который понял, что он – плод Божьего воображения, а не наоборот. Ричард Нойхаус увидел, что мы существуем не по собственному замыслу, но каждый из нас сотворен Словом и поддерживается Тем, Кто знал нас еще до начала времен.

Нойхаус пишет: «Мой удел – в уделе Христовом. Так было всегда и так будет вовек. И вот – еще одно понимание: когда я умираю в Его Теле, как Церкви, частью которой являюсь, и в Его Теле, как Евхаристии, в которой я принимал Его тело неисчислимое множество раз, тело и душа уже воссоединены, хотя и не в совершенстве. То, что сейчас несовершенно, однажды станет совершенным в воскресении мертвых. Черви могут упиваться моим телом, пока у них есть такая возможность, но не за ними последнее слово. Тленный прах уже трепещет в нетерпеливом ожидании великого воссоединения».

В заключение Нойхаус отмечает: «Таково Его обетование, и я поверил в него гораздо тверже, чем когда-либо прежде».¹⁷

Счастливая жизнь? Достойная жизнь? Безусловно. Но она возможна только в том случае, когда мы живем в ожидании, что ее окончание будем таким же ярким, как она сама, когда мы можем посмеяться над червями, имея уверенность в том, что наши кости оживут в воскресение мертвых. Живите каждый день так, словно он – лучший и последний из ваших дней. Когда же придет последний день, проживите его так, словно он – самый лучший.

Безграничные истина и любовь

Мы вместе исследовали смысл и цель жизни. Надеюсь, в процессе этого мы затронули накопившиеся у вас вопросы и чаяния постичь тайны вселенной и человеческого сердца.

Что такое счастливая жизнь? Что подразумевают слова «хорошо жить»? Мы увидели, что жизнь для самих себя приносит одни лишь беды. Жить успешно – это значит жить для других. Но при этом вы должны найти истину и поступать в соответствии с ней, иначе вы можете погубить и себя, и тех, кому вы служите. Счастливой может быть только та жизнь, которая служит истине.

Мы поговорили вместе о правде и изобличили величайшую ложь, которая утверждает, что истины не существует, а наша вселенная бесцельна и хаотична. В действительности, природа повсеместно указывает на свое предназначение – настолько явно, что нравственный порядок всего лишь дополняет естественный, физический порядок. Истину можно познать, наблюдая за тем, как действуют законы мироздания, испытав их и начав жить соответствующим образом. Наше восприятие красоты, наши эмоции и наш разум убедительно говорят о существовании Бога и Его заботе о нас.

Все, что мы обнаружили, указывает на христианское мировоззрение, как на единственно соответствующее мироустройству и восполняющее потребности человеческого сердца. Надеюсь, я наглядно показал, что все остальное в конечном итоге оказывается несостоятельным в той или иной ключевой сфере. Очевидно, что постмодернистское поколение оказалось в оковах философской системы, лишаящей жизнь привлекательности и смысла.

Счастливую жизнь
нельзя обрести
посредством одного
лишь поиска. Нужно
быть найденным Богом.

У разумного искателя есть веские причины отвергнуть всякую ложь постмодернистского мира и обрести источники обновления, предлагаемые христианством.

Я потратил на серьезное изучение этих вопросов более 25 лет. Доведись мне отстаивать свою позицию в суде, думаю, мои доводы были бы неопровержимы. В конце концов, разве я не продемонстри-

Поиск готовит человеческое

сердце к принятию
истинного объекта его
желаний – Бога, любви
Которого оно жаждет

ровал, что на моей стороне логика, глубочайшие проявления человеческой интуиции и даже эмпирические доказательства?

Но нам предстоит столкнуться с последней, ошеломляющей парадоксальной истиной. Счастливую жизнь нельзя обрести посредством одного лишь поиска. Нужно быть найденным Богом. В конечном итоге все искатели обнаруживают, что, пока они думали, что ищут Бога, Бог искал их. Он тос-

кует по нам и стремится достичь нас.

Вот почему одного лишь разума оказывается недостаточно. Грех, пребывающий в нашей природе, разлагает волю – как и все остальные способности, включая рассудок – и блокирует нас. Волю преобразует только Бог. Мы впервые столкнулись с этой проблемой в главе, посвященной великим парадоксам, и исследовали ее подробнее на примере жизни и смерти Мэдлин Мюррей О'Хара.

Значит, все наши поиски были напрасными? Неужели эта книга опиралась на ложную предпосылку, и в конце концов выяснилось, что мы упражнялись в бесполезном? Вовсе нет. Поиск готовит человеческое сердце к принятию истинного объекта его желаний – Бога, любви Которого оно жаждет. Поиск также вскрывает наш внутренний бунт и показывает, что нам необходимо уступить всеобъемлющим Божьим объятиям. Мы должны отдать себя Богу с помощью того дара, который Он нам дал – веры.

Именно это становится для некоторых людей серьезным камнем преткновения. Несколько лет назад я встретил одного пронизательного юриста, жизнь которого была на редкость целостной. У него были красавица жена, прекрасная семья, хороший дом, стабильная юридическая практика и превосходная репутация. Он сам являлся привлекательным человеком, глубоко начитанным и эрудированным, хорошим собеседником и очень яркой личностью. Во

время наших встреч мы обсуждали богословие, философию и историю. Мы могли беседовать о естественном порядке, об Аристотеле, о выдвинутых Ансельмом Кентерберийским доказательствах существования Бога, и о средневековом синтезе Фомы Аквинского. Мой друг также читал труды великих ученых Реформации, включая Кальвина, и хорошо разбирался в богословии.

Во время одной из выездных конференций мы сидели с ним на террасе в гостинице, и мой друг невзначай сказал, как он рад, что жена привезла его на это мероприятие. Он объяснил, что в их семье только она была верующей, а он – нет.

Я едва не свалился со стула. Как человек мог столько знать о христианской вере и обо всех апологетических доводах, подтверждающих ее истинность, и при этом называть себя неверующим? Поначалу я решил, что он шутит.

Но он не шутил. В юности этот человек откликнулся на призыв к покаянию во время одного из евангелизационных собраний, но позже разочаровался в церкви. В поиске ответов, которые в церкви ему дать никто не мог, он начал всестороннее исследование. Было ли богословие заслуживающим доверия проводником к Богу? Мог ли он действительно найти свидетельства и доводы, доказывающие существование Бога?

Я спросил у него, к чему привело это исследование. «О, у меня не осталось ни малейших сомнений в том, что Бог есть, – ответил он. – Но я никак не могу сделать этот последний шаг. У меня нет *личной* веры».

Я понимал, о чем он говорит, лучше, чем он предполагал. Почти 25-ю годами ранее я тоже увлекся трудами серьезных богословов и апологетов. Я начал изучать таких авторов, как Фрэнсис Шеффер и Роберт Спраул, а позже перешел к «тяжеловесам» наподобие Абрахама Кайпера, Кальвина и Августина. В моей голове начало формироваться четкое мировоззрение. Это было удивительно: чем больше я занимался исследованиями, тем больше утверждалась моя вера.

Затем, в 1996 году я подписал контракт на создание фундаментальной книги, посвященной вопросам мировоззрения. Она получила название «Как нам теперь жить?» Эта книга, написанная в соавторстве с Нэнси Перси, является исчерпывающим исследованием доводов в защиту библейского мировоззрения. Я достиг точки, когда уже не имел ни малейших сомнений в истинности этого мировоззрения и неоспоримости свидетельств. Для меня это стало непреложным фактом.

Но вот, однажды утром во время молитвы я начал размышлять. «Я знаю, что это правда», – сказал я себе. Я убедительно доказал, что никакое другое мировоззрение, кроме христианства, не имеет смысла. Я был уверен, что смогу привести рациональные доводы, и все же не мог сделать последний шаг. Как узнать наверняка, что однажды я окажусь в Божьем присутствии?

Эта дилемма привела к тому, что лучше всего выразить словами «духовный дискомфорт». Я несколько месяцев задавался вопросами, хотя и не подвергал свою веру сомнениям. Она уже слишком глубоко укоренилась. Я лишь размышлял о том, почему не могу поставить последнюю точку с помощью рациональных рассуждений. Почему нельзя проделать весь путь до конца, опираясь на один лишь разум? Сегодня я понимаю, что моя настоящая проблема крылась в том, что всегда было огромным камнем преткновения моей жизни и воистину великим грехом – в гордости. Я настолько кичился способностями своего ума, что просто не мог представить существование чего-либо, что я не смог бы постичь. Я увидел, что это же является преткновением и для моего друга-юриста.

И вот, однажды ответ озарил меня, подобно удару молнии. Я вспомнил утверждение Паскаля о том, что Бог дал нам достаточно света, чтобы мы могли познать истину, и достаточно тьмы или неясности, чтобы при желании отвергнуть ее. Вот оно! Разумеется, Бог не может открыться каким-либо рационально неопровержимым образом. Если бы, как некогда отмечал один известный теолог, Бог был

Мы хотим, чтобы Бог действовал на наших условиях, согласно нашему пониманию, но это просто невозможно

для нас столь же понятен, как дерево под окном, то нам не требовалась бы *вера*. Если бы мы видели истинный характер Бога, Его славу и все остальное, что с Ним связано, точно так же, как мы видим окружающий мир, то наша свободная воля потеряла бы всякий смысл. Не верить в Бога было бы просто невозможно, как и отвергнуть Его. Это лишило бы нас возможности *принять решение* верить, а с верой – и возможности любить, потому что любить нельзя по принуждению. Мы не можем

любить Бога, если лишены возможности отвергнуть Его. Напомню, что Бог дал нам достаточно света, чтобы видеть, но недостаточно, чтобы упразднить необходимость видеть глазами веры. Должна быть убрана с дороги наша гордость. Мы должны признать, что вера – это не вера, если ее не сопровождают сомнения – или, по крайней мере, затруднения, как сказал бы благочестивый католик. Сомнения – вот что придает смысл вере. Практичным интеллектуалам с аналитиче-

ским складом ума понять это очень сложно. Именно в этом и заключалась проблема моего друга-юриста. Он думал, что сможет поверить только тогда, когда расставит все точки над «і». Но, преуспей он в этом, ему не потребовалось бы ни во что поверить, и он не смог бы обрести веру. Это был замкнутый круг. (Позже мой друг решил этот вопрос, и сегодня он непоколебим в своей вере.)

Вспомните, что произошло с Филипом Джонсом в больнице. Он с такой тщательностью проанализировал своим незаурядным умом христианское Евангелие! Оно имело для него совершенный смысл. Он мог разложить Евангелие по полочкам, но принял Божий дар веры во всей полноте только тогда, когда услышал слова песни «Христос – скала для моих ног», лежа на больничной койке. До этого момента христианский опыт Джонсона был в значительной мере интеллектуальным занятием, но для глубокого личного посвящения он нуждался в другом. Он должен был принять дар Иисуса, чья искупительная смерть на кресте примирила нас с Богом. Это разительно отличается от рациональных умозаключений.

Гордому человеку непросто прийти к Богу. Мы хотим, чтобы Бог действовал на наших условиях, согласно нашему пониманию, но это просто невозможно. Он хочет, как говорит нам в Библии, чтобы мы приходили к нему на *Его* условиях. Он желает увидеть нашу детскую веру. Добрый Пастырь отправляется на поиски тех, кто, наконец-то, поняли, что без Него они потеряны. Я пережил в точности то же самое.

Покидая Белый дом весной 1973-го, я считал себя умнее всех остальных, кто оказался втянут в Уотергейт. Еще бы! Я не посещал собраний, которые впоследствии стали основой для всех уголовных дел. Я отказывался участвовать в обсуждениях, которые могли привести к созданию помех правосудию. Поначалу работники прокуратуры говорили, что я не являюсь объектом расследования. На первых порах я, по сути, был кристально чист перед законом.

Тем не менее, в моей жизни происходило что-то крайне скверное. Я не ощущал радости или чувства удовлетворения. Конечно, меня беспокоили все эти негативные заголовки в газетах и нападки на президента Никсона, которого считал своим другом, но мой дискомфорт коренился не в Уотергейте. В свой 41 год я был в расцвете сил. Имея за плечами три с половиной года, проведенных в Белом доме, я собирался вернуться в юридическую фирму, которая сделала бы меня богачом. И все же, я чувствовал себя несчастным. «Какой смысл во всем этом? – спрашивал я сам себя. – Неужели это – все,

что может быть в жизни? Неужели это предел? А что же тогда дальше?»

Я думал, что моя депрессия отчасти объясняется невероятным напряжением, в котором я так долго находился из-за работы, но никакой отдых не помогал от нее избавиться. Сейчас я понимаю, что в тот момент был на грани отчаяния.

Летом того года уотергейтский скандал обострился. Я по-прежнему не был объектом уголовного преследования, но меня постоянно вызывали на разные слушания и судебные заседания, и я ежедневно подвергался испепеляющим нападкам со стороны прессы. Просыпаться утром и видеть, как заголовки «Washington Post» и «New York Times» пестрят твоим именем – это особая форма пыток, хотя больше половины их обвинений были совершенно надуманными.

Мы с Пэтти отправились в отпуск на побережье в штат Мэн, решив по пути остановиться на пару дней у моих родителей в пригороде Бостона. Пока мы были у них, я позвонил Тому Филлипсу – президенту «Raytheon», самой крупной корпорации Новой Англии, – и спросил, могу ли я заехать к нему. Я уже встречался с ним четыремья месяцами ранее, чтобы обсудить возможность вернуться на должность юрисконсульта в «Raytheon». В тот день меня очень впечатлили перемены, произошедшие с Томом за время моего пребывания в Белом доме. Он явно был в мире с самим собой. Я спросил, что с ним случилось, и до сих пор помню его ответ слово в слово: «Чак, я принял Иисуса Христа и посвятил Ему свою жизнь». Занервничав, я сменил тему разговора. Никогда прежде я не слышал, чтобы кто-то говорил подобное. В моем понимании Иисус был всего лишь исторической фигурой древности. Тем не менее, в последующие месяцы слова Тома не выходили у меня из головы.

Итак, пока мы гостили у моих родителей в Бостоне, я встретился с Томом у него дома. Я хотел, чтобы он объяснил, что произошло в его жизни. «А вдруг, – ну, мало ли, – это и мне поможет», – думал я.

Мы провели жаркий, душный августовский вечер, сидя на его веранде. Том рассказал свою историю. Несколькоми годами ранее он оказался на евангелизационном собрании Билли Грэма в Нью-Йорке и услышанное послание необычайно сильно коснулось его. Том был настолько впечатлен, что в ответ на заключительный призыв Грэма принять Христа своим личным Господом и Спасителем вышел вперед вместе с сотнями других и подчинил свою жизнь Христу. Затем он рассказал о тех радикальных переменах, которые произошли в его жизни.

В завершение своей истории Том взял со стоявшего рядом столика какую-то книгу в мягком переплете и спросил, не буду ли я про-

тив, если он прочитает мне одну главу. Это была книга «Просто христианство» – классический труд Клайва Льюиса, – а глава, которую прочитал мне Филлипс, называлась «Величайший грех». Речь шла о гордости.

То, что я услышал от Тома, стало для меня сокрушительным ударом. Я увидел в потрясающих словах Льюиса отражение себя и моей жизни. Он говорил о великом грехе, который мы легко замечаем в других, но редко признаем в самих себе: о высокомерии и заносчивости, которые возникают, когда мы строим жизнь вокруг собственного «я».

Пока Филлипс читал, я чувствовал, как спина под рубашкой и лоб покрываются испариной, – и причина была вовсе не в вечерней духоте. В моем разуме мелькали картины из прошлого, как в кинофильме, когда за мгновение до гибели перед глазами персонажа проносится вся его жизнь. Сейчас я понимаю, что в определенном смысле действительно стоял на пороге смерти.

Я думал о своем невыносимом высокомерии. О, конечно же, я совершал добрые дела для людей и заботился о жертвах несправедливости. Я оказывал бесплатную юридическую помощь, когда был практикующим адвокатом, и жертвовал благотворительным организациям. Я считал себя вполне приличным парнем, но на самом деле за моей довольной самоправедностью скрывался тотальный эгоцентризм.

В те годы, когда я ценой своего первого брака быстро поднимался, как юрист и политик, я оправдывал собственные поступки. Я говорил себе, что делаю все это ради моей семьи и страны, ради национальной безопасности. Я был уверен, что тружусь всецело на благо других, но в тот вечер в доме у Тома осознал, что занимался всем этим ради самого себя.

Некоторые из слов Льюиса, прочитанных Томом, задели меня особенно сильно, вдребезги разбив защитный механизм, сооруженный мной за долгие годы – имидж «крутого» парня. Я вдруг осознал правду. Как писал Клайв Льюис, гордый человек, поглощенный самим собой и умеющий всему находить оправдание, никак не может увидеть что-то неизмеримо превосходящее его самого. Он неспособен увидеть Бога.

В тот вечер мне стало настолько не по себе, что я уже не мог дожждаться, когда покину дом Тома. Он предложил помолиться обо мне, и я согласился. Таких молитв я никогда не слышал ни в церкви, ни где-либо еще. Она была сердечной, трогательной и исполненной заботы. Но особенно меня поразило тот факт, что Том Филлипс, один из самых занятых и успешных бизнесменов Америки, по-настоящему и искренне переживает обо мне, Чаке Колсоне – и не как о важной персоне из Вашингтона, а просто как о человеке.

В тот вечер, попрощавшись с Томом Филлипсом, я направился к машине, как вдруг почувствовал огромное желание вернуться, чтобы помолиться еще раз. Оглянувшись, я посмотрел на дом, но в гостиной света не было, и я понял, что уже слишком поздно. Я сел в машину, завел двигатель и выехал на дорогу, но смог проехать не более сотни метров. Из-за душивших меня слез я был просто не в состоянии вести машину. Бывший капитан морской пехоты, «крутой вышибала» из Белого дома, когда-то считавший себя ничуть не хуже или даже лучше всех остальных, чувствовал себя несчастнейшим из людей.

Я впервые в жизни заглянул в свое сердце, и то, что я там увидел, вызывало у меня отвращение. Оно было порочным. Вспоминая тех, кому причинил зло и с кем поступил несправедливо, я осознавал, насколько был холодным, жестким и эгоцентричным. Впервые в жизни я был глубоко убежден в своей греховности. Я чувствовал себя отвратительным, пристыженным, ужасно одиноким и потерянным. Через мой разум по-прежнему текли слова Тома об обращении к Богу и простом шаге подчинения. В тот момент я непроизвольно воскликнул: «Боже, я не знаю правильных слов! Я ничего собой не представляю, но, пожалуйста, прими меня. Прими меня таким, какой я есть». Так, наедине со своими мыслями, я провел полчаса или, может, час. По щекам беспрепятственно текли слезы, чего в моей жизни никогда не было. Меня охватило чувство полного подчинения и полной свободы. Я знал в тот момент, что Бог реален, что Он — личность, и Он услышал мои молитвы.

Я ожидал, что на следующее утро проснусь смущенным. Я был не из тех, кто легок на слезы или, по крайней мере, никому их не показывал. Я был жестким, упрямым, матерым, независимым гордецом. Но только не в то утро. Впервые в жизни я чувствовал себя свободным. В моих обстоятельствах ничего не изменилось. Тем августовским утром я, как и раньше, увидел свое имя в газетных заголовках, но уже все было по-другому и больше никогда не вернулось к прежнему.

В течение следующей недели я с головой погрузился в книгу «Просто христианство». Все, что я читал, подтверждало мой опыт, и все, что я пережил, подтверждало слова Паскаля: «У сердца есть доводы, которые неведомы разуму».¹ Я был твердо уверен, что приобрел новые взаимоотношения с Богом. На той неделе я помолился, попросив Иисуса Христа стать господином моей жизни. Так началось мое грандиозное странствие всей жизни — самое восхитительное из всех, которые доступны человеку. Я пережил на себе всю полноту одного из великих парадоксов: мы обретаем себя, только потеряв себя в Боге.

А как насчет вас? Убедительными ли были рациональные доводы и свидетельства, представленные в этой книге? Что вам препятствует посвятить себя Богу в Иисусе Христе?

Вернемся в самое начало книги. Вспомним рядового Райана, идущего нетвердой походкой к надгробию человека, спасшего ему жизнь. Эта сцена — самая удивительная из всех, которые я когда-либо видел в кино. Вот стоит Райан, и у него дрожат губы, а по щекам текут слезы. Он смотрит на надгробие, задаваясь вопросом, был ли он достоин жертвы, принесенной капитаном Миллером и другими, которые погибли ради того, чтобы он мог жить. Когда семидесятилетний Райан, стоя у той могилы, обращается к своей жене, его мучают те же вопросы, что не дают покоя каждому из нас. Достойный ли я человек? Насколько правильно я жил? Прожил ли я достойную жизнь?

Надгробие представляет собой простой белый крест, поэтому мы видим на экране человека, который, стоя на коленях, сотрясается от слез перед крестом. Райан — это образ каждого из нас, потому что все мы воистину стоим перед крестом. В какой-то момент своей жизни каждому человеку, — мужчине и женщине, — придется взглянуть на этот крест и то, что он собой олицетворяет, и задать себе вопрос: «Достойный ли я человек?»

Вспомните наши исследования сущности Евангелия. Оно умопомрачительно простое. Может даже показаться, что оно слишком хорошее, чтобы быть правдой. Бог настолько возлюбил нас, что, сотворив каждого, даровал ему свободную волю. Мы согрешили, и понимаем это, когда заглядываем в свое сердце. За наш грех должна быть уплачена цена. Но Бог по Своей любви к нам послал Своего Сына Иисуса умереть на кресте, чтобы заплатить за наш грех, и мы смогли обрести прощение. Жертва Христа дает нам возможность примириться с Богом, поскольку она помещает нас внутрь Божьей жизни. Понятно, почему Джон Ньютон назвал это удивительной благодатью.

Возможно, в своем сердце вы еще чувствуете остатки бунта. Вы отказываетесь подчиниться свету, проявившему убедительную правду о том, что Бог существует и любит вас. По сути, многие из вас смотрят на зло в этом мире и приходят к выводу, что Бога нет, а если Он и есть, то это просто какой-то монстр.

Изначальные смысл, замысел и реальность могут быть найдены в парадоксе Креста, на котором человеческое зло превратилось в жизнь и вечную надежду

Крест дает ответ также и на это последнее возражение. Существование зла могло бы разбить все наши аргументы вдребезги, если бы не Иисус Христос, распятый на кресте. Он раскрывает объятия Своих пригвожденных рук в ответ на наши возражения против Божьей любви. Сколь бы суровыми ни были те обвинения, которые мы носим в себе, Он предлагает бросить их в лицо Его небесному Отцу. Подобная ненависть к Богу и есть та самая сила, которая вбила гвозди в руки Христа. Он предал Себя нашей ненависти по отношению к Богу, чтобы продемонстрировать Божью невиновность. Глядя на распятого Христа, мы понимаем, *кто* на самом деле виновен в том зле, которое царит в этом мире. Виновны *мы*, а не Бог, Который согласен увидеть Своего единственного Сына казненным, словно преступник, чтобы показать нам сущность наших собственных сердец и Его любовь.

Чего же хочет Бог от каждого из нас? Чтобы мы посмотрели на крест и задали тот самый вопрос, который задал Райан: «Был ли я достойным человеком?» Ответ, конечно же, заключается в том, что ни один человек никак не может быть достоин подобной жертвы. Нет, мы никогда не совершим достаточно добрых дел, чтобы уравновесить чаши весов правосудия в Божьих глазах. Все, чего хочет от нас Бог, — это простая вера, чтобы мы пришли к этому кресту и покорились. Скажите «нет» лжи. Примите истину. Примите восхитительное Божье приглашение обратиться к Нему с верой маленького ребенка. Завершите свои поиски, оказавшись найденными.

Приехать на могилу капитана Миллера Райана побудила безграничная благодарность этому человеку. Но как нам выразить благодарность за гораздо более выдающуюся жертву Христа, ставшую самым важным событием в истории человечества? Мы делаем это, покаяясь и обращаясь к Христу. Мы исповедуем свою вину и просим быть принятыми Божьей любовью.

Наш поиск завершается у креста. Истина, которую мы так усиленно стремились познать, воплощена во Христе. «Я есть истина», — говорит нам Иисус.² Слово «истина» подразумевает изначальную реальность. Иисус назван в Библии греческим словом «логос», которое обозначает замысел или план сотворения. Далее Писание говорит нам о том, что все было сотворено Им и для Него, и все сущее обрело в Нем единство и строй.³ Я могу быть более уверенным в реальности Христа, чем в своей собственной, потому что моя реальность зависит от Него. Изначальные смысл, замысел и реальность могут быть найдены в парадоксе Креста, на котором человеческое зло — как и уродливый символ смерти — превратилось в жизнь и вечную надежду.

Даже сейчас, когда я пишу эти строки, момент, пережитый мною возле дома Тома Филлипса 32 года назад, настолько отчетлив и ясен, силен и ярок, словно это случилось вчера. Мое упование на Христа является центральной реальностью моей жизни. Не знай я наверняка, что Иисус умер за мой грех, сегодня меня уже не было бы в живых. Я бы задохнулся от зловония собственного греха. Иисус – это жизнь. Кратковременный кризис веры, постигший меня после того, как я углубился в усердное изучение христианства, улетучился, как пар, когда я встретился лицом к лицу со своей гордыней, и пережил первый момент своей по-детски простой покорности.

Жизнь в благодарности Богу открывает целый новый мир, в котором она с каждым днем продолжает обретать все более глубокий и богатый смысл. Для описания этой новой жизни Иисус использовал слова «родиться свыше», которые я вынес в заголовок моей духовной автобиографии.⁴ Эта фраза – не просто избитое клише, как полагают некоторые. Она отражает реальность новой жизни, находящейся по ту сторону Креста.

Я нашел эту новую жизнь во взаимоотношениях со своей семьей. Они всегда были дороги мне – даже в те годы, когда я был слишком поглощен работой, – но вдруг, они стали самым важным, что у меня есть в этом мире, после взаимоотношений с Богом. Мой брак укрепился, и я увидел его, как завет, заключенный пред Богом, а не какой-то контракт, который я могу подписать, а затем разорвать, если сочту необходимым.

Также, я начал по-другому воспринимать других людей, в большей мере отождествляя себя с теми, кто испытывает нужду. В тюрьме мне пришлось признать, что я ничем не отличаюсь от остальных заключенных.

Со временем изменилась вся моя жизнь. Я приобрел новых друзей, с которыми познакомился на своей первой группе по изучению Библии, а затем через пережитое в тюрьме Бог дал мне удивительное служение.

Он также обновил мой разум.⁵ Я был хорошим студентом и закончил юридическую школу почти с самыми лучшими оценками в своей группе. Но это была лишь подготовка, лишь тень того, что происходит, когда ты открываешь разум для Божьих дел. С самого мо-

Труд Христа делает
возможным то, чего
ожидают наши разум,
воображение и
совесть; то, чего
жаждут наши сердца

мента своего обращения я испытывал неутолимый голод к изучению истории, богословия и многого другого, что попадалось в руки. Каждый день я восхищаюсь каким-то новым, свежим открытием о Божьем мире.

Изучая Библию и устройство нашего мира, я обнаружил один очень важный для меня факт. Не существует никакого дисбаланса между верой с одной стороны и разумом – или тем, что мы можем познать о естественном порядке, – с другой. В них нет никакого взаимного противоречия. То, что Бог открывает о Себе в Библии, расширяет возможности как разума, так и воображения. Благодаря откровению, наши человеческие способности могут постигать истины, которые они не смогли бы охватить без дополнительной информации, которую способен предоставить один лишь Бог.

Это помогло мне ответить на один вопрос, беспокоивший меня долгое время. Является ли что-либо истинным, потому что так говорит Библия (христиане принимают верой, что Библия – это вдохновенное, авторитетное Божье Слово), или же Библия называет что-то истинным потому, что это *действительно* истинно? Я пришел к выводу, что оба утверждения верны. У Писаний и истины один и тот же источник: Христос. Как гласит известная мудрость, всякая истина – от Бога.

Затем я занялся изучением историчности Писания и множества археологических находок, безоговорочно подтверждающих достоверность Библии. Сегодня мое самое жгучее желание – лучше понимать Божье Слово.

В начале этой книги я говорил, что, как и все люди, всю свою жизнь был искателем и продолжаю поиск по сей день. Потрясающая особенность христианской жизни заключается в том, что мы никогда не исчерпаем богатств Библии. Каждый раз, читая ее, мы можем найти что-то новое, открывающее нам глубины Божьего мироустройства, Его характера и Его намерений для нас.

Все верующие ищут постоянно углубляющихся взаимоотношений любви с Иисусом, нашим Господом. Вот что на самом деле находится по ту сторону Креста – этого рубежа, за который нас переводит Божья благодать. Едва приняв Божий дар спасения, вы обнаруживаете, что Бог начинает все больше преображать вас в подобие Христа.

Кто такой Бог? В понимании христиан, Он – безграничная любовь. В этом заключаются сама Его сущность и характер. Многие религии мира ошибаются, полагая, что Бог просто сводится к Его

всеобъемлющему присутствию в единственном лице. Однако христианское богословие учит нас о Троице — едином Боге, существующем в трех ипостасях: Отце, Сыне и Святом Духе. Это тайна, трудная для понимания, и все же она помогает нам постичь Божий характер именно как любовь. Внутри божественной сущности присутствуют взаимоотношения любви между тремя личностями: Отцом, Сыном и Святым Духом. Когда мы покоряемся Богу, Он окутывает нас божественными взаимоотношениями любви. Мы становимся участниками общения Отца, Сына и Святого Духа. Несмотря на всю свою слабость и непостоянство, мы теперь — частица безграничной Божьей любви, превосходящей по величию даже саму вселенную. Вот почему основы христианского вероучения утверждают, что цель жизни состоит в том, чтобы любить Бога и вечно наслаждаться отношениями с Ним.

Что препятствует вам открыть себя для Божьей любви с помощью простейшей из молитв? «Иисус, прости и спаси меня». Величайшая из когда-либо рассказанных историй дала нам самую прекрасную из всех новостей — что через смерть и воскресение Иисуса мы можем обрести то, ради чего и были сотворены: взаимоотношения с Богом. Труд Христа делает возможным то, чего ожидают наши разум, воображение и совесть; то, чего жаждут наши сердца. Счастливой становится жизнь, находящая удовлетворение во Христе, ныне и вовеки. Это все, чего мы больше всего желаем: цель, смысл, взаимоотношения, истина и любовь.

Если мой жизненный опыт может служить каким-либо руководством, то жизнь во Христе также подразумевает великое приключение. Она приводит нас в самые невообразимые места — в мир, который остался прежним, но, в то же время, преобразился до неузнаваемости. Позвольте сказать еще пару слов о том, как человек, который уже отчаялся когда-либо вновь обрести значимую жизнь, наконец-то совершил действительно что-то важное.

Возвращение к истокам

КОМНАТА РУЗВЕЛЬТА, 18 ИЮНЯ 2003 ГОДА

Первым, что я подумал, было: «Ничего не изменилось». Филенчатые двери по обе стороны от камина, из которых правая ведет прямо к Овальному кабинету; портрет Теодора Рузвельта в полковничьем мундире верхом на лошади; стол в стиле неоклассицизма, а вокруг него – мягкие кожаные кресла... Хотя прошло тридцать лет, единственным отличием, которое я заметил, был легкий налет на мебели из-за длительного использования и полировки.

Я снова оказался в Белом доме и стоял в Комнате Рузвельта, с которой все началось в тот понедельник после публикации «Бумаг Пентагона» в «New York Times». Киссинджер тогда кричал о катастрофических последствиях, а все остальные высокопоставленные сотрудники администрации президента Никсона, включая меня, призывали к отмщению нашим врагам. Именно с этого начался мой «крестовый поход» против Даниэля Элсберга, из-за которого я пал с высот власти до глубин тюремной камеры. Ничего не изменилось.

И, тем не менее, все стало другим.

Весной 2003 года по приглашению президента Джорджа Буша младшего я привез в Белый дом небольшую группу. Несколькими месяцами ранее, во время рождественского вечера в Белом доме я упомянул президенту о том, что «Тюремное братство» в рамках программы «InnerChange Freedom Initiative» проводит занятия в тюрьме имени Кэрола Вэнса, которая входит в состав исправительной системы штата Техас и расположена неподалеку от Хьюстона. Президент давно проявлял интерес к этому вопросу и однажды лично познакомился с нашей работой в тюрьме. В тот день была сделана незабываемая фотография. Думаю, среди многих тысяч снимков Джорджа Буша есть только один, где он поет «О, благодать», обнимая за плечи человека, осужденного за убийство. В то время он был губернатором Техаса, и эту фотографию опубликовали на первой странице «Хьюстон Кроникл» в пятницу 17 октября 1997 года.¹

После одной из моих поездок в Южную Америку в 1996 году, где я познакомился с двумя успешными программами «Тюремного братства» в Бразилии и Эквадоре, служащий пенитенциарной системы Кэрл Вэнс посоветовал Джорджу Бушу – на тот момент губернатору Техаса – разрешить проведение в одной из тюрем штата духовно-просветительского учебного курса для заключенных. Вэнсу в то время было уже за шестьдесят. Он был высоким мужчиной атлетического телосложения в очках в роговой оправе, придававших ему вид ученого. Вэнс служил прокурором округа Харрис, охватывающего значительную часть агломерации Хьюстона, а затем предшественник Буша на посту губернатора, Энн Ричардс, назначила его главой техасского Департамента уголовного делопроизводства. Он был человеком, который пользовался доверием Джорджа Буша.

И все же, я сомневался, что когда-нибудь увижу в одной из техасских тюрем, переданных на попечение «Тюремного братства», такую же каждодневную работу, как в тюрьмах Бразилии и Эквадора. Мы пытались инициировать аналогичные программы в нескольких городах Соединенных Штатов, но наши предложения неизменно наталкивались на возражения об отделении церкви от государства.

Вэнс донес суть идеи до губернатора Буша, который уже размышлял о необходимости духовно-просветительской работы среди заключенных. Вскоре тот позвонил нам и сообщил, что готов поддержать наш проект. «Тюремное братство» быстро подписало договор со штатом Техас о выделении для ведения каждодневной работы примерно половины тюрьмы, которая тогда была известна как «Шут II».

В этом тюремном блоке (позже его переименовали в честь Кэрла Вэнса) и была реализована программа, которую мы называли «инициатива свободы через внутренние перемены» – «InnerChange Freedom Initiative». Мы начали работать с более чем пятьюдесятью заключенными, которым до освобождения оставалось от года до полутора лет. (Сегодня эта программа охватывает почти триста человек.) В течение этого времени заключенные проходили «библейскую учебку», которая состояла из курсов по личной ответственности, умению владеть собой, воспитанию детей и распоряжению личными финансами. На время учебы запрещалось смотреть телевизор. Программа «InnerChange» требует интенсивного изучения Библии. Чтобы успевать выполнять задания, многим заключенным приходилось вставать в четыре часа утра и работать до самого отбоя в десять вечера.

Программа «InnerChange» проводит заключенных по пути духовных исканий, которые во многом перекликаются с тематикой дан-

ной книги. Преступникам приходится признать свою ответственность за принятые жизненные решения. «Люди со свободы», как заключенные называют тех, кто находится за пределами тюрьмы, могут считать, что, оказавшись за решеткой, мужчины и женщины полностью осознают свою вину. Но я обнаружил, что большинство из них винят в своих обстоятельствах неблагополучное детство, плохо обошедшихся с ними людей, и неспособность общества придерживаться обещаний. Разрушительная духовная среда тюрем – «тюремный кодекс» – поощряет такое непризнание ответственности. Никто не говорит о своем сожалении из страха проявить слабость. Заключенные, которые теряют бдительность, могут подвергнуться насилию и, вполне вероятно, быть преданы теми, кому они доверяли. Признание своей ответственности за поступки, приведшие к тюрьме, – это шаг огромной важности. По крайней мере, в тюрьме сделать его не легче, чем на свободе.

И все-таки, как только участники программы «InnerChange» честно взглянут на свои прошлые дела, начинается удивительное преобразование. У них меняется отношение к сотрудникам и волонтерам «Тюремного братства». Вместо того, чтобы подвергать сомнению мотивы всех и каждого, у заключенных появляется благодарность за тот вклад, который эти люди вносят в их жизнь. Они впервые обретают способность принимать любовь как нечто реальное. Кроме того, меняется отношение заключенных к самим себе. Признав свою вину, они уже не озабочены ею и начинают воспринимать себя, как людей, которых можно любить. Они обретают реальное и глубокое понимание христианской благодати.

Торжественное открытие нашего учреждения посетил губернатор Буш. Чтобы он мог дать пресс-конференцию, мы установили в тюремном дворе импровизированную сцену. Одному из наших сотрудников пришла в голову идея построить заключенных рядами, чтобы они вышли на церемонию строем. Эффектно появившись перед собравшейся публикой, наши подопечные запели «О, благодать». Я был удивлен, когда губернатор Буш подошел к поющим и встал посреди строя, обняв за плечи двух заключенных по обе стороны от него. Он пел вместе с ними. Репортаж в «Хьюстон Кроникл» описал это так: «Губернатор Джордж Буш обнял 46-летнего Джорджа Мейсона, осужденного за убийство, и присоединился к нему и хору из 55 других обитателей техасской тюрьмы в самом необычном смешении церкви и государства».²

Возможно, это был не лучший политический ход для губернатора, которому вскоре предстояли перевыборы, но там присутствовала та «удивительная благодать, чей сладок звук», о которой поется в гимне Джона Ньютона.

Такова предыстория моего возвращения в Комнату Рузвельта. Президент Буш проявлял неподдельный интерес к тому, как обстоят дела с нашим проектом «InnerChange», и потому сотрудники его администрации попросили меня привести с собой несколько человек. В их числе были старший научный сотрудник из Университета Пенсильвании, доктор Байрон Джонсон; несколько штатных работников «Тюремного братства», участвовавших в реализации программы «с нуля», и трое выпускников курса «InnerChange». Просьба привести бывших заключенных меня удивила. Однажды, когда я работал в штате президента Никсона, я хотел пригласить для встречи с ним некоторых профсоюзных лидеров, но из-за криминального прошлого служба безопасности их не допустила. Теперь же меня *просили* привести в Белый дом закоренелых преступников! Такое я не мог представить даже в самых смелых мечтах – ни тридцатью годами ранее, ни после того, как начал служить в тюрьмах, – никогда.

Когда мы вошли в комнату, там нас уже ожидали генеральный прокурор Джон Ашкрофт и министр труда Элейн Чао. Я представил их моей группе, в которой было еще несколько важных фигур. Первоначальная идея о проведении библейских занятий с заключенными принадлежала блестящему психиатру-исследователю Дэвиду Ларсону. Он умер, так и не увидев результатов нашего эксперимента, но со мной приехала его жена Сьюзен. Я также был рад привести с собой Марка Эрли – нового президента «Тюремного братства» в Соединенных Штатах, в прошлом – генерального прокурора штата Вирджиния. Среди выпускников «InnerChange» были Джеймс Петерсон, отказавшийся ради окончания учебного курса от досрочного освобождения, темнокожий бизнесмен Бернард Вил и еще один темнокожий, Джордж Мейсон, – тот самый человек, которого когда-то, распевая «О, благодать», обнял в техасской тюрьме губернатор Джордж Буш.

Мейсон был высоким, красивым мужчиной с армейской стрижкой и телосложением регбиста. Но его история была не настолько хороша, как внешность. Это был далеко не случайный правонарушитель, который однажды совершил ошибку, заплатил свой долг обществу и затем спокойно вернулся к обычной жизни, из которой, по сути, никогда и не выходил. Джордж Мейсон был человеком совершенно иного рода.

Обстоятельства убийства его гражданской жены, Френсины Джексон, в 1985 году, были покрыты мраком. Эта пара не раз устраивала бытовые ссоры, требовавшие вмешательства полиции. Однажды, когда они опять поскандалили, Джордж начал баловаться своим дро-

бовиком. Он направил оружие на Френсину, и в этот момент ружье выстрелило.

Мейсон утверждал, что не собирался стрелять в нее, и полиция ему отчасти поверила. Он получил 35 лет тюрьмы больше за свои прошлые преступления с применением огнестрельного оружия. В своем пригороде Хьюстона Мейсон и его обрез имели дурную славу. Ружье разделялось на две части. Мейсон носил их под штанинами, воткнувшими в ботинки, и всегда мог быстро собрать обрез, если хотел кого-нибудь подстрелить. Он относился к той категории закоренелых преступников, которых наше общество хотело бы как можно быстрее засадить за решетку и никогда оттуда не выпускать. Если бы не возможность настоящего духовного преображения, то я бы придерживался такого же мнения.

Мейсон был настолько «знаменит», что после выхода из тюрьмы сменил имя на Роберт Саттон. Он хотел, чтобы все в его жизни, включая даже имя, началось с чистого листа. Так и произошло. Сегодня Роберт Саттон работает уборщиком при своей церкви, проводит библейские занятия для мужчин и служит наставником для других выпускников учебного курса «InnerChange». Роберт Саттон – новый человек.

Когда президент Буш вошел в Комнату Рузвельта через дверь справа от камина, все встали и зааплодировали. Поприветствовав меня типичным для техасцев взмахом руки, он направился прямо к Роберту Саттону и, обняв его, объявил: «Я очень рад, что ты сегодня здесь». Затем Буш добавил: «Я знал, что однажды мы с тобой встретимся в Белом доме. Ты – хороший парень». Ободряюще сжав плечи Саттона, президент похлопал его по спине и занял свое место в центре стола. Саттон был настолько ошеломлен, что до конца дня пребывал в состоянии легкого транса!

Возглавив собрание, президент попросил Байрона Джонсона кратко изложить результаты исследования. Доктор Джонсон объяснил, что данные по 171 участнику программы «InnerChange» были сопоставлены с выборкой из 1754 обычных заключенных. Исследование показало, что в течение двух лет повторное правонарушение совершили только 8 процентов выпускников «InnerChange», в то время как для группы сравнения этот показатель составил 20,3 процента.³

«Значит, эта программа уменьшает уровень рецидивизма почти в три раза?» – спросил президент.

«Да, именно так, – сказал доктор Джонсон. – Но это касается только тех, кто прошел весь учебный курс до конца. Для тех, кто был отчислен по дисциплинарным причинам, выбыл добровольно или досрочно освобожден до завершения обучения, показатель повтор-

ных арестов и тюремного заключения сопоставим со среднестатистическим».

«То есть, крайне важно пройти весь курс до конца».

«Да. Если исследовать повнимательнее подкатегории контрольных групп...».

«Я с удовольствием послушал бы подробности, доктор Джонсон, — перебил его Буш, — но президент Путин ожидает моего звонка». — Отвернувшись от Джонсона, Буш посмотрел на меня. — «Вы ознакомились только с кратким резюме или с полными результатами исследования?»

«С полными, господин президент», — ответил я.

«И что вы об этом скажете?»

Я выразил ему нашу признательность за то, что он пробил брешь в бюрократических преградах и дал нам возможность реализовать эту программу. Президент в ответ заговорил о своей приверженности духовно-просветительской работе среди заключенных. Он начал расспрашивать остальных участников нашей группы, искренне восхищаясь теми изменениями, которые программа принесла в тюрьмы. Но затем, как я понял, его мысли снова переключились на предстоящий важный звонок.

«Господин президент, — сказал я, — прежде, чем мы уйдем, могли бы мы вместе помолиться?»

«Разумеется, — ответил он. — Но, когда мы молимся, сидя за этим столом, мы беремся за руки. Веди нас, Чак».

Я наблюдал, как президент взял за руки доктора Джонсона с одной стороны и Сьюзен Ларсон с другой, а те, в свою очередь, — бывших заключенных: Джеймса Петерсона и Роберта Саттона. Следующими были генеральный прокурор и министр труда — и так далее, пока цепочка не достигла меня на другом конце стола.

Завершив молитву, я подумал о том, насколько дух, наполнявший эту комнату, отличался от того, который витал в ней после публикации «Бумаг Пентагона». Бог извлек доброе из катастрофы, и я был глубоко впечатлен этим парадоксом моей жизни.

Я жаждал отомстить Даниэлю Элсбергу, и совершенно не заметил, как оказался преданным собственной самоправедностью. Многие из моего окружения поступали так же — и президентство Никсона рассыпалось на куски. Мне вспомнились слова из Нового Завета: «Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное». ⁴ Бог использовал мою собственную глупость, чтобы посрамить во мне мирскую мудрость.

Когда меня отправили в тюрьму, я больше всего боялся, что уже никогда не смогу совершить в жизни что-либо значимое. Теперь

же я увидел, что никогда не совершил бы чего-либо действительно значимого *без* тюрьмы. Мое падение дало толчок для новой жизни и нового труда. Как сказал Господь апостолу Павлу: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи».⁵ В Комнате Рузвельта ничего не изменилось, – и в то же время, все было новым, потому что изменился я. Полностью. Точно так же, как Роберт Саттон. Мы с ним в точности одинаковые. Мы прошли похожий духовный путь. Да, с нами молился, наверное, самый могущественный человек на планете, но мы *все* были на равных, потому что стояли у подножия креста.

Вот почему, опираясь на свою жизнь и извлеченные из нее уроки, я могу сказать вам, что счастье в жизни находится на расстоянии вытянутой руки. Оно является Божьей волей для вас и одновременно – Его подарком. И не имеет значения, молоды вы или стары, богаты или бедны, на вершине или на закате своих возможностей, потому что счастливая жизнь – это Божья жизнь во Христе. Господь просто берет нас такими, какие мы есть, и ведет в безграничное будущее.

Благодарности

После публикации в 1999 году книги «Как нам теперь жить?», которая стала бестселлером, многие друзья говорили мне, что этот труд несколько перенасыщен информацией. Им было сложно применить в своей жизни все, чему она учит. Вместе с тем, из многочисленных бесед я понял, что люди испытывают жажду. Они находятся в поиске цели и содержания, пытаюсь понять смысл жизни. Я осознал, что существует потребность в еще одной книге такого рода. Мой близкий друг Уолли Зелмер однажды, когда мы сидели в моем кабинете, бросил мне вызов. «Чак, — сказал он, — ты должен написать незамысловатую, наглядную книгу. Просто поговори с читателем о самом важном в жизни». Я всегда высоко ценил Уолли. Это на редкость проницательный человек, который может дать мудрый совет. Его слова подтолкнули меня к действию, и от размышлений о книге я приступил к работе над ней.

Одним из учителей, побудивших меня взяться за этот труд, стал Роберт Спраул — человек, перед которым я в огромном долгу. Я учился у его ног в первые дни моей христианской жизни, что принесло мне огромную пользу. Начав размышлять об идее этой книги, я много советовался с Робертом. Он воодушевил меня воспользоваться именно таким подходом в изложении материала, что я и сделал, и это — еще одна причина выразить признательность лично ему и его служению.

Эта книга во многих смыслах обогатила меня опытом. За долгие годы, работая над более чем двадцатью книгами, я потрудился в тандеме с разными талантливыми писателями. Но никто из них не был мне ближе по духу и с точки зрения интеллектуальной совместимости, чем Гарольд Фикетт. Я попросил его присоединиться ко мне и в этот раз, потому что он, во-первых, выдающийся рассказчик (черновики многих историй в «Как нам теперь жить?» принадлежат именно его перу), и, во-вторых, очень проницательный мыслитель. Мы быстро обнаружили, что тесно переплетены не только сердцами, но и мыслями.

Независимо от того, насколько успешным оказывается конечный продукт, мы оба извлекаем огромную пользу из долгих, стиму-

лирующих дискуссий. Думаю, в результате нашего совместного труда я стал гораздо лучше понимать этот мир. Если кто-то считает, что работа по двенадцать часов в день; записи, сделанные наспех в самолете; диктовка по ночам мыслей, пришедших в голову за день и отправка в мусорную корзину черновика за черновиком могут быть приятным делом, то эта книга, конечно, доставила нам немало удовольствия.

Как бы хорошо мы ни взаимодействовали с Гарольдом, нам ни за что не удалось бы завершить работу над этой книгой без потрясающей помощи моих сотрудников из «Тюремного братства». Прежде всего, хочу отметить Нэнси Нимайер, которая работала со мной двадцать пять лет и была самым ценным ассистентом при написании не только этой, но и других книг. Когда Нэнси по Божьему провидению занялась другой работой, ее заменила Шерри Ирвин. В течение последних двенадцати месяцев она терпеливо обрабатывала один черновик за другим. Надеюсь, хотя бы частичной наградой за долгие часы, проведенные перед экраном компьютера, как для Нэнси, так и для Шерри станет чувство глубокого удовлетворения полученным результатом.

Также я признателен моему ассистенту Вэлу Меррилу, который занимался моим рабочим расписанием и следил за тем, чтобы в моем офисе все работало без запинки. Это позволяло мне уделить больше времени книге. Благодарю Кима Роббинса Молэнда, который последние пятнадцать лет помогает мне с исследованиями, неустанно выискивая информацию по библиотекам и в Интернете. Значительную часть важных сведений для «Счастливой жизни» нашел именно он. Также благодарю моего давнего друга и коллегу Элен Вон — известную писательницу, которая дала несколько дельных советов для этой книги.

Каждый писатель испытывает к своему редактору смешанные чувства любви и ненависти. Вы любите редакторов, потому что не можете без них жить, но вам невыносимо видеть, что они вытворяют с вашей прозой, которую вы считаете бессмертной. В этом отношении я обрел настоящее благословение в лице моего редактора Кена Петерсена, который сопровождал эту книгу от идеи до конечного продукта. Он видел общую картину и заботился о мелочах. В процессе этого мы с ним сблизились не только, как коллеги, но и как друзья. Хотя мне не хватает помощи Джудит Маркхам, которая была моим редактором на протяжении двадцати лет, но она смогла ознакомиться с первым черновиком книги, а также поучаствовать на этапе заключительной вычитки, высказав при этом ряд ценных замечаний. Она с самого начала знала, что я не смогу закончить эту книгу без ее помощи.

Кену умело помогала Линн Вандерзальм, взявшая на себя самую сложную часть работы по редактированию рукописи. Я благодарен Линн за ее скрупулезность, настойчивость в проверке и перепроверке фактов, а также — за критику в адрес динамики повествования.

Кроме того, я очень обязан Т. М. Муру — пастору и учителю из пресвитерианской церкви «Седар Спрингс» в Ноксвилле, штат Теннесси, и постоянному участнику «Форума Уилберфорса». Он давал мне исчерпывающие богословские консультации, чтобы наша повозка не угодила в канаву на одной или другой обочине дороги.

Нил Плантинга, президент Богословской семинарии Кальвина, помог мне, прочитав некоторые из глав, и вдохновив на написание других. На мой взгляд, он — один из самых проникательных интеллектуалов современного христианского мира и, безусловно, является экспертом по самому широкому кругу вопросов, касающихся мироздания, которые мы затронули в этой книге.

Также я очень благодарен моему давнему наставнику Джиму Пакеру, который прочитал рукопись и высказал ряд критических замечаний. Кроме того, я получил полезные советы от Джони Эрексон Тада и Ричарда Джона Нойхауса. Наконец, после прочтения рукописи меня во многих отношениях вдохновил Рик Уоррен — автор книги «Целеустремленная жизнь», ставшей одним из самых выдающихся издательских и духовных феноменов нашего времени.

Последнюю, но не менее глубокую признательность мы с Гарольдом хотим выразить нашим женам. Пэтти пережила вместе со мной все эти двадцать книг, а это вам не шутка! Не думаю, что где-нибудь на земле дают награды за такую службу, но она обязательно получит их на небесах. Карен Фикетт, которая сама является талантливой писательницей, поддерживала Гарольда морально и интеллектуально на протяжении всего процесса.

Эта книга, как вы видели в начале, посвящена моим детям. Я сделал это потому, что они, конечно же, — главная часть моего наследия. Составляя посвящение, я думал и о других удивительных фрагментах этого наследия: о живых монументах, описанных на страницах этой книги, — о мужчинах и женщинах, жизни которых были преобразены, и теперь они живут в истине. Надеюсь, все они знают, насколько сильно меня воодушевляют.

Наконец, благодарю Того, без чьей помощи все это было бы невозможным: Автора всякой истины, Который снова и снова в процессе работы над книгой то подбрасывал мне какой-нибудь фрагмент научных исследований, то давал неожиданную идею или помещал на мой рабочий стол или на экран моего разума какое-нибудь крайне важное напоминание. На этих страницах я упоминал о Провидении,

и не раз сталкивался с ним в процессе работы над рукописью. Да будет вся слава Богу!

Гарольд также хотел бы поблагодарить своего секретаря-референта Мередит Паттерсон, которая помогала ему с организационными вопросами. Ей каким-то образом удалось справиться с четырьмя ящиками архивных документов, с тысячами электронных писем и многочисленными черновиками каждой главы. Гарольд выражает признательность различным экспертам и ученым, которые помогли ему воссоздать те или иные истории, в частности: доктору Джанет Макканн из Техасского университета A&M, доктору Алану Филрейсу из Университета штата Пенсильвания, доктору Майклу Линтону из Государственного университета Мидл-Теннесси, доктору Джозефу Николоси из Национальной ассоциации по исследованиям и терапии гомосексуализма, доктору Филипу Манго из Института святого Михаила, Алану Чемберсу из организации «Exodus International», Ричарду Коэну из фонда «International Healing» и Мелиссе Фрайер из организации «В фокусе – семья». Бесценными интеллектуальными компаньонами на этом пути для Гарольда также стали доктор Марк Симмонс и доктор Диллард Тинсли.

Примечания*

ВВЕДЕНИЕ. СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ

1. Томас Элиот, «The Four Quartets: East Coker», *The Complete Poems and Plays 1909-1950* (New York: Harcourt, Brace & World, 1962), стр. 129.

ГЛАВА 1. НЕИЗБЕЖНЫЙ ВОПРОС

1. Эта и другие цитаты взяты из кинофильма «Спасти рядового Райана» (автор сценария – Роберт Родэт; режиссер – Стивен Спилберг; совместное производство DreamWorks SKG, Paramount Pictures Corporation и Amblin Entertainment, Inc., 1998 год).
2. *Planned Parenthood v. Casey*, 112 S. Ct. 2791 (1992).
3. Дело «Регулирование рождаемости против Кейси» утвердило решение по делу «Роу против Уэйда», легализовавшее аборт по требованию. В некоторой степени, оно сместило основания для легализации с «права на неприкосновенность частной жизни» к природе личностной свободы. Хотя с точки зрения принятия собственных решений касательно основных вопросов каждый из нас «приговорен к свободе», наша демократия, по моему убеждению, должна полагаться на естественно-правовую теорию и иудейско-христианскую традицию, которые в вопросах толкования закона стали платформой для Декларации о независимости, Конституции и Билля о правах.
4. Эммануэль Мунье. Процитировано в разделе «The Cry of Suffering» книги Лоренцо Альбасете «God at the Ritz: Attraction to Infinity» (New York: Crossroad, 2002).
5. Иоанн Павел II, «Fides et Ratio» (энциклика Иоанна Павла II епископам о взаимосвязи между верой и разумом), глава 3, раздел 28.

ГЛАВА 2. РАЗБИТАЯ ЖИЗНЬ

1. В конечном итоге, число погибших составило 60 тысяч, раненых – более 300 тысяч человек.

---

* Для удобства читателя в ссылках на цитируемые источники по возможности указывается имеющийся перевод на русский язык. – *Прим. ред.*

ГЛАВА 3. ВЕЛИКИЕ ПАРАДОКСЫ

1. Гилберт Честертон, рассказ «Когда доктора соглашаются» в сборнике «Парадоксы мистера Понда» (СПб: Амфора, 1999).
2. Прерванная казнь была манипулятивной методикой царя Николая I, которую он часто применял к осужденным. Он хотел, чтобы приговоренные к смерти были уверены в том, что их казнят, хотя заранее давал указание солдатам не стрелять. Таким образом царь давал заключенным испытать на себе одновременно его власть и милость. См. книгу Джозефа Франка «Dostoyevsky: Years of Ordeal (1850-1859)» (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1983), стр. 50.
3. Федор Достоевский. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 15, «Письма 1834-1881» (СПб: Наука, 1996).
4. Эта история взята из книги Франциска Хартигана «Bill W: A Biography of Alcoholics Anonymous Cofounder Bill Wilson» (New York: St. Martin's, 2000), стр. 38.
5. Там же, стр. 61.
6. См. Web-сайт «Adopt-A-Minefield» www.landmines.org.
7. Послание к Евреям 2:11.
8. Федор Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том 26, «Дневник писателя» (Л-д: Наука, 1984).
9. Там же.
10. Эта цитата Пьера Безухова взята из фильма «Война и мир» производства кинокомпании Paramount Pictures, 1956 год (авторы сценария – Бриджет Боланд и Марио Камерини, режиссер – Кинг Видор).
11. «Egil Krogh: A Nixon White House ‘Plumber’ Crusades for Integrity», *Christian Science Sentinel*, 103, № 19 (7 мая 2001 года), стр. 12.

ГЛАВА 4. МИЛАЯ ВЕЧЕРИНКА В БОЛЬШОЙ ТЕПЛОЙ КОМПАНИИ

1. Подробностями видеозаписи с этой вечеринки мы обязаны статье Дэна Акмена «L. Dennis Kozlowski Is Not Fabulous», опубликованной в журнале «Forbes» 29 октября 2003 года. www.forbes.com/2003/10/29/cx_da_1029topnews.html
2. Эти слова Джона Форта III процитированы в статье Энтони Бьянко «The Rise and Fall of Dennis Kozlowsky», опубликованной в «BusinessWeek Online» 22 декабря 2002 года. www.businessweek.com/stories/2002-12-22/the-rise-and-fall-of-dennis-kozlowski
3. Эти слова Джерри Конклина процитированы в статье Бьянко «The Rise and Fall of Dennis Kozlowsky».
4. Мелани Уорнер, «Exorcism at Tyco», *Fortune*, 14 апреля 2003 года, стр. 106.

5. «Tyco International Ltd. and Tyco International (US) Inc. v. L. Dennis Kozlowski», абзацы 23b и 23d (S. D. N. Y. 2002). В «Тусо» эта квартира явно проходила по бухгалтерии, как один из активов компании.
6. По данным журнала «BusinessWeek», Козловски уступил только Чарльзу Уонгу из «Computer Associates», совокупный доход которого в 1999 году составил умопомрачительные 655, 4 миллиона долларов. См. статью Майкла Хеннигана, «U.S. Corporate Scandals and the Laws of Unintended Consequences» на сайте www.finfacts.com.
7. Лора Итальяно, «Defense Fights to Bar Tyco Tell-All», *New York Post*, 5 февраля 2004 года, стр. 29.
8. Эти слова Денниса Козловски процитированы в статье «The Most Aggressive CEO», *BusinessWeek Online*, 28 мая 2001 года, www.businessweek.com/stories/2001-05-27/the-most-aggressive-ceo.
9. Этот рассказ о роли Ирвина Нэка опирается на статью Ханетт Бернес «The Hunch That Led to Tyco's Tumble», *BusinessWeek Online*, 23 декабря 2002 года, www.businessweek.com/stories/2002-12-22/online-extra-the-hunch-that-led-to-tycos-tumble.
10. Первое судебное разбирательство по делу Козловски и Шварца не привело к единогласному решению присяжных. Аргументы защиты заключались преимущественно в том, что совет директоров «Тусо» знал обо всех этих выплатах и не возражал против них. Но вопрос заключался не столько в этом, сколько в наличии у людей права принимать и давать подобные вознаграждения.
11. В «Тусо» и по сей день (23 февраля 2004 года) обсуждают деструктивное влияние этого стиля. В своем судебном иске против Козловски они указывали, что даже те огромные суммы, которые он несанкционированно тратил на себя и других, составляли потери, не оказывавшие на компанию никакого «материального эффекта». Действительно ли это так – неизвестно, но, по крайней мере, это демонстрирует весь размах и доходность деятельности «Тусо».
12. «Тусо» удалось продать «CIT Group» в 2002 году с убытком в 7 миллиардов долларов.
13. Эти слова Денниса Козловски процитированы в статье Бьянко «The Rise and Fall of Dennis Kozlowsky».
14. Цитата взята из фильма «День сурка», выпущенного кинокомпанией «Columbia Pictures / Tristar Studios» в 1993 году (автор сценария – Дэни Рубин, режиссер – Гарольд Рамис).

ГЛАВА 5. В МАГАЗИН ЗА СВЯТЫМ ГРААЛЕМ

1. Кейт Берри, «Home Prices May Expose Economy to Credit Peril», *Los Angeles Business Journal* 26, № 25, (21 июня 2004 года), стр. 1.

2. Эйприл Уитт, «Acquiring Minds: Inside America's All-Consuming Passion», *Washington Post*, 14 декабря 2003 года, W14, www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A53732-2003Dec10.html.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Лора Берман Фортганг, «Living Your Best Life», процитировано в статье Стефани Армор «After 9/11 Some Workers Turn Their Lives Upside Down», *USA Today*, 8 мая 2002 года.
8. Исследование агентства Джорджа Барны, процитировано в книге Дугласа Грутуиса «Truth Decay» (Downers Grove, Ill.: InterVarsity, 2000), стр. 22.
9. Филип Кенникотт, «Rich with Irony: When Golden CEO Jack Welch Stepped Down, It Was into the Mud», *Washington Post*, 14 октября 2002 года, C1.
10. См. 1 Тимофею 6:10.
11. Джордж Уилл обсуждает сделанные Истербруком выводы в статье «Afflicted by Comfort», *Washington Post*, 11 января 2004 года, pqasb.pqarchiver.com/washingtonpost/doc/409560507.html.
12. Заметка «Go Figure», *Christianity Today* 48, № 3, март 2004 года, стр. 22.
13. Джон Гертнер, «The Futile Pursuit of Happiness», *New York Times Magazine*, 7 сентября 2003 года.
14. Там же (курсив добавлен).

ГЛАВА 6. СМЕЯСЬ В ЛИЦО СМЕРТИ

1. История о героической жизни Ньен Чен в период Культурной революции взята из ее выдающейся книги «Жизнь и смерть в Шанхае», которая до сих пор остается ключевым документом для понимания Китая под правлением Мао Цзэдуна и самой природы тоталитаризма.
2. Ньен Чен, «Life and Death in Shanghai» (New York: Grove Press, 1986), стр. 71.
3. Там же, стр. 76.
4. Там же, стр. 76-77.
5. Там же, стр. 86.
6. Там же, стр. 120.
7. Там же, стр. 122.
8. Там же, стр. 132.

9. Там же, стр. 136.
10. Там же, стр. 130.
11. Там же, стр. 146.
12. Там же, стр. 147-148.
13. Там же, стр. 149-150.
14. Там же, стр. 235.
15. Там же, стр. 256.
16. Там же, стр. 307.
17. Там же, стр. 308.
18. Там же, стр. 308-309.
19. Там же, стр. 314.
20. Там же, стр. 324.
21. Там же, стр. 347.
22. Вполне вероятно, что арест Ньен Чен был делом рук печально известной «Банды четырех» (в нее входили Цзян Цин, четвертая жена Мао Цзэ-дуна, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и Ван Хунвэнь), — или кого-то из официальных лиц, приближенных к этой группе.
23. Чен, «Life and Death in Shanghai», стр. 353-354.

ГЛАВА 7. ВАЖНЕЕ, ЧЕМ САМА ЖИЗНЬ

1. Дороти Сэйерс, «Creed or Chaos?» (Manchester, N.H.: Sophia Institute Press, 1974), стр. 44.
2. Процитировано в статье Джо Локонте «Human Rights and Wrongs», *Weekly Standard* 9, № 27 (22 марта 2004 года), стр. 27.
3. Эти слова Джозефа Байдена процитированы в статье Майкла Потемра «Shelf Life: Defending the Human», *National Review*, 19 мая 2003 года.

ГЛАВА 8. ЗНАЧИМОСТЬ ЖИЗНИ

1. Ричард Бернштайн, «Modern German Duty: The Obligation to Play», *New York Times*, 2 июля 2003 года.
2. Подробности и цитаты взяты из репортажа «The Age Wave», *60 Minutes*, CBS News, August 10, 2003, www.cbsnews.com/news/the-age-wave/.
3. Эти слова Говарда Батта процитированы в статье Мэтта Керри «Texas Businessman Wants Christians to Carry Faith from Church to Workplace», *Abilene Reporter-News*, 15 ноября 2002 года.

4. Дороти Сэйерс, «Creed or Chaos?» (Manchester, N.H.: Sophia Institute Press, 1974), стр. 72.
5. Там же, стр. 73.

ГЛАВА 9. БЕЗМОЛВНОЕ ПРОЩАНИЕ

1. Джон Эрлихман, «Live from the Oval Office», *Newsweek*, 2 декабря 1996 года, стр. 37.
2. Джон Эрлихман, «Nixon's 'It'», *New York Times*, 17 июня 1982 года, стр. 27.

ГЛАВА 10. СЧАСТЬЕ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

1. Эта и другие цитаты взяты из фильма «Часы» (автор сценария – Дэвид Хэйер, режиссер – Стивен Долдри), выпущенного кинокомпанией «Miramax Films» в 2002 году.
2. Глория Стайнем, «Self-discovery: A Noble Journey», *Los Angeles Times*, 12 января 2003 года.

ГЛАВА 11. ЧЬЯ ЭТО ЖИЗНЬ?

1. Отчет «Hardwired to Connect: The New Scientific Case for Authoritative Communities». Исследование было проведено при спонсорской поддержке представительства организации «YMCA» в США, Дартмутского медицинского института и Института американских ценностей (2003 год).
2. Кеннет Боа, «Формирование подлинного себя в неподлинном мире. Часть 2». Учебное послание для размышлений, август 2004 года.
3. Рассел Кирк, «The Conservative Mind: From Burke to Eliot» (Washington, D.C.: Regnery, 1995), стр. 23.
4. Там же, стр. 17.
5. Алексис де Токвиль, «Демократия в Америке» (М.: Прогресс, 1992).
6. История штаб-сержанта Дастина Таллера была показана в передаче «Страна Скарборо» 24 мая 2004 года (авторы сценария – Керри Сандерс, Уэйн Даунинг, Пегги Нунан и Джо Скарборо).

ГЛАВА 12. ЧЕЛОВЕК, ДОСТОЙНЫЙ ПОДРАЖАНИЯ

1. История Уоррена Шмидта и цитаты, использованные в этой главе, взяты из фильма «О Шмидте» (автор сценария и режиссер – Александр Пэйн) производства кинокомпании «New Line Home Entertainment», 2002 год.

ГЛАВА 13. ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ

1. Подробности этой удивительной истории любви можно прочитать в книге Робертсона Макквилкина «A Promise Kept» (Wheaton, Ill.: Tyndale, 1998).
2. Дополнительную информацию о проекте «Ангельское дерево» можно найти на веб-сайте www.prisonfellowship.org/programs/angel-tree/.

ГЛАВА 14. НЕТ БОЛЬШЕ ТОЙ ЛЮБВИ...

1. Факты о японских кампаниях в начале Второй мировой войны взяты преимущественно из энциклопедии britannica.com.
2. Эрнест Гордон, «To End All Wars» (Grand Rapids: Zondervan, 2002), стр. 48.
3. Иоанна 15:12-13., Современный русский перевод (М.: РБО, 2011). Прочитано в книге Гордона «To End All Wars» на страницах 100-101.
4. Гордон, «To End All Wars», стр. 126.
5. Там же, стр. 118-119.
6. Там же, стр. 110 (курсив добавлен).

ГЛАВА 16. ПУТЕШЕСТВИЕ В ИЛЛЮЗИЮ

1. Эти слова Альберта Шпеера процитированы в книге Иоахима Феста «Speer: The Final Verdict» (перевод Эвальда Озерса и Александры Дринг) (New York: Harcourt, 2001), стр. 319.
2. Там же, стр. 320.
3. Там же, стр. 22.
4. Джон Мильтон. Поэма «Люсидас» в переводе Ю. Корнеева; цитируется по книге «Потерянный Рай. Стихотворения. Самсон-борец» (М.: Худ. лит., 1976).
5. Фест, «Speer: The Final Verdict», стр. 9-10.
6. Там же.
7. Там же, стр. 51.
8. Там же, стр. 116.
9. Там же, стр. 304. Цитата принадлежит Герману Фридриху Грабе, «ИМТ», vol. xxxi, 433ff.
10. Там же, стр. 347-348.

ГЛАВА 17. ЖИТЬ ПО ПРАВДЕ

1. Описанный здесь эпизод – один из тех, из-за которых я позже был обвинен в заказе минирования Брукингского института. Обвинение было беспочвенным, но я так и не смог это доказать. Оно «приклеилось» ко мне, как и многое другое, связанное с Уотергейтом. На тридцатую годовщину Уотергейта Джон Дин организовал семинар в Школе Кеннеди при Гарвардском университете, в ходе которого довольно пространно рассказал о моем «безумном плане» заминировать Брукингский институт. В 2003 году мне позвонил Джек Колфилд, который был одним из ведущих следователей, нанятых Джоном Эрлихманом и Джоном Дином. Он извинился передо мной и сказал, что прежде, чем умереть, хочет примириться с теми, кому он причинил зло. Как выяснилось (и позже Колфилд повторил это моему биографу), кто-то дал ложные показания о том, что приказ о минировании исходил от меня. Я не стал спрашивать, кто был этот человек. Возможно, этот момент не так уж важен, но все же он – часть истории. По крайней мере, он принес мне некоторое утешение.
2. Какая-то часть денег за молчание перечислялась на ее имя.
3. Эти слова Альберта Шпеера процитированы в книге Иоахима Феста «*Speer: The Final Verdict*» (перевод Эвальда Озерса и Александры Дринг) (New York: Harcourt, 2001), стр. 287.
4. Там же, стр. 18.
5. Эти слова Альберта Шпеера процитированы в книге Чарльза Колсона «*Who Speaks for God*» (Westchester, Ill.: Crossway, 1985), стр. 75.
6. Одной из «изюминок» превосходной книги Шпеера «Третий Рейх изнутри» стало изобличение совершенно деструктивного стиля руководства, исповедуемого Гитлером, у которого в период Второй мировой войны было много стратегических преимуществ. Он по сути не встречал сопротивления, пока его военная машина не достигла границ Советского Союза, но даже там преграды возникли больше из-за погоды и проблем с обозами, чем столкновений с немецкой армией, которой не было равных. Антигитлеровской коалиции удалось организовать контрнаступление на море и в воздухе. Союзники испытывали огромные транспортные проблемы. Самопоклонение привело Гитлера к изобретению бюрократической структуры, главная цель которой заключалась в сохранении власти фюрера посредством травли его подчиненных. Из-за конфликтующих обязанностей и злонамеренного разжигания взаимной неприязни организовать эффективное управление не представлялось возможным. Если бы Шпеер, гениальный технократ, не привнес в нацистскую военную машину элемент рационального анализа, война могла закончиться вдвое быстрее. Представления, противоречащие реальности, не имеют долгосрочной перспективы. Гитлер был в настолько глубоком заблуждении, что Третий Рейх продержался так долго только благодаря

беспредельному насилию, которое он повсюду насаждал. Его гибель была неизбежной и неотвратимой.

7. Название этой хартии объясняется датой ее публикации: 7 января 1977 года.
8. Вацлав Гавел. «Сила бессильных» в переводе И. Шиболовской и Л. Вихревой; цитируется по книге «Мораль в политике. Хрестоматия», под ред. Б. Капустина (М.: КДУ: Изд-во МГУ, 2004).
9. Там же.
10. Эти слова Ежи Попелушко процитированы в книге Гражины Сикорской «Jerzy Popiełuszko: A Martyr for the Truth» (Grand Rapids: Eerdmans, 1985), стр. 56.

ГЛАВА 18. МОЖНО ЛИ ПОЗНАТЬ ИСТИНУ?

1. Фраза «языковая тюрьма» была использована Фредриком Джеймсоном в книге «The Prison-House of Language» (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1972).
2. Род Дреер, «Losing Lutherans», National Review, 21 февраля 2002 года, и Джордж Барна, «How America's Faith Has Changed Since 9-11», 26 ноября 2001 года.
3. Эта история рассказана в книге Филипа Джонсона «The Right Questions: Truth, Meaning, and Public Debate» (Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 2002), стр. 128.
4. Обращение Джорджа Буша Мл. на панихиде в память о жертвах терактов, прошедшей в Вашингтонском кафедральном соборе 14 сентября 2001 года.
5. Стэнли Фиш, «New York Times», 15 октября 2001 года. Процитировано в книге Генри Шефера III «Science and Christianity: Conflict or Coherence?» (Watkinsville, Ga.: The Apollos Trust, 2004), стр. 109.
6. Пол Маршалл, «Fundamentalists and Other Fun People: To Know Them Is Not to Despise Them», *Weekly Standard* 10, № 10, 22 ноября 2004 года.
7. Кофи Аннан, обращение к 35-й национальной конференции в Институте Тринити, «Naming Evil», 2 мая 2001 года. www.un.org/press/en/2004/sgsm9286.doc.htm
8. Дороти Сэйерс, «Creed or Chaos?» (Manchester, N.H.: Sophia Institute Press, 1974), стр. 108.
9. *Lee v. Weisman*, 505 U.S. 577 (1992).
10. Там же. Прописан ли постмодернизм в законе? Толерантность отныне подразумевает не свободу, а подавление.
11. См. Евангелие от Иоанна 14:6.

ГЛАВА 19. НАСКОЛЬКО ЦЕННА ЖИЗНЬ?

1. По результатам исследований, проведенных в школе «Мелмарк» в Новой Англии в январе 2004 года.
2. Майкл Спектер, «The Dangerous Philosopher», *New Yorker*, 6 сентября 1999 года, www.michaelspecter.com/1999/09/the-dangerous-philosopher/.
3. Йоханн Хари, «Some People Are More Equal Than Others», *Independent*, 1 июля 2004 года, стр. 2-3.
4. Но что такое дефект? Это слово с крайне размытым смыслом. Можно ли считать дефектом рождение девочки, если вы ожидали мальчика? Именно так и считают люди в Китае, где в порядке вещей убийство нежелательных новорожденных девочек из-за правительственной политики, запрещающей иметь более двух детей. Такого же мнения придерживаются и в Индии, где открыто практикуются аборты для отбора по половому признаку.
5. Эти слова Сингера процитированы в статье Хари «Some People Are More Equal Than Others».
6. Лео Александр, «Medical Science under Dictatorship», *New England Journal of Medicine* 241, № 2 (14 июля 1949 года), стр. 39.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Танис Доу, «The New Reproductive Technologies: Discriminating Misperceptions of Choice», *Herizons* 8, № 1 (весна 1994 года), стр. 44.
11. Эти слова Эми Ричардс процитированы в статье Эми Баррет «Lives: When One Is Enough», *New York Times*, 18 июля 2004 года, стр. 58.
12. Ребекка Аллисон, «Does a Cleft Palate Justify an Abortion? Curate Wins Right to Challenge Doctors», *Guardian*, 2 декабря 2003 года, стр. 3.
13. В своей недавней статье в «New York Times» Барбара Эренрайх задает вопрос: «На каком основании убийство конкретно взятого 'дефективного' плода становится более нравственно приемлемым, чем убийство любого плода, если для этого существуют равные возможности?» «В свои слишком плодовые годы я сделала два аборта, – сознается Эренрайх. – Можно назвать меня плохой женщиной, но не плохой матерью. Я работала внештатно за гроши, а мой муж был складским рабочим, и это было все, что позволяло нам обеспечивать тех детей, которые у нас уже были, хотя бы на уровне захудалых низов среднего класса». Эренрайх не видит причин проводить различие между абортами ради сохранения определенного стандарта жизни и абортами по медицинским причинам. (См. ее статью «Owning Up to Abortion», *New York Times*, 22 июля 2004 года.)

В чем же различие? Разумеется, оно существует с точки зрения потенциальных жертв, которые требуются от родителей и общества в

целом. Но разве моральное право нерожденного ребенка с медицинскими проблемами отличается от права нормального ребенка?

14. Отчет «Annual Report of Medicare and Social Security Transfers», *Congressional Quarterly*, 23 марта 2001 года.
15. Хари, «Some People Are More Equal Than Others» (курсив добавлен).
16. Цитаты для этой истории взяты из статьи Гарриет Макбрайд Джонсон «Should I Have Been Killed at Birth? The Case for My Life», *New York Times Magazine*, 16 февраля 2003 года.
17. Там же.

ГЛАВА 20. РАЗУМНЫЙ ЗАМЫСЕЛ

1. Все цитаты для этой иллюстрации о пауке взяты из книги Ньен Чен «Life and Death in Shanghai» (New York: Grove Press, 1986), стр. 143.
2. Вернер Гитт, «В начале была информация» (Симф.: Христианский научно-апологетический центр, 2008).
3. «NABT Unveils New Statement on Teaching Evolution», *The American Biological Teacher* 68, №1 (январь 1996 года), стр. 61. Первоначальная формулировка Национальной ассоциации преподавателей биологии подняла такую шумиху, что эта организация, в конце концов, убрала из нее слова «неконтролируемого» и «безличностного». Впрочем, эта корректировка носила, скорее, косметический характер, поскольку оставшиеся слова «непредсказуемого» и «естественного», по сути, передают тот же самый смысл.
4. Люди, называющие себя теистическими эволюционистами, считают, что Бог использовал эволюцию, но направлял ее результаты в процессе творения. Проблема в том, что теория Дарвина исключает базовую предпосылку теистической эволюции. Сама суть дарвинизма заключается в том, что эволюция – это неуправляемый процесс, результаты которого не имеют никакой конечной цели. В противном случае, эта теория разваливается на куски. Если ходом эволюции управляло что-либо, отличное от случайности, то комбинация мутации и естественного отбора перестает быть «естественной». Объяснительная сила теории Дарвина всецело базируется на том основании, что для формирования всего, что нас окружает, было вполне достаточно времени и случайности. Любые «теистические» поправки люди, полностью принимающие эту теорию, считают более чем спорными. Подобные добавки противоречат самой этой системе. Многие христиане думают, что, придерживаясь теистической эволюции, они избавятся от злословия со стороны непреклонных дарвинистов и не будут выглядеть интеллектуально второсортными. Тем самым, они как бы заключают союз. Однако проблема в том, что эволюционисты не разделяют желания верующих в Бога христиан заключить с ними союз, да и не могут этого сделать. Подобные союзы всегда односторонни.

5. Это движение проникло в различные дисциплины и внесло дисбаланс в традиционные альянсы. Например, Дэвид Берлински – известный математик и популярный писатель, – опубликовал в уважаемом еврейском журнале для интеллектуалов «Commentary» статью под заголовком «Спорный Дарвин».
6. Если источник не указан явно, то все цитаты Майкла Бихи взяты из личного интервью, взятого по телефону 10 августа 2004 года.
7. Персиваль Дэвис и Дин Кенйон, «Of Pandas and People: The Central Question of Biological Origins» (Dallas: Haughton, 1993).
8. В качестве еще одного примера несократимой сложности Бихи приводит волосковидные реснички на поверхности клеток, число которых у каждой клетки достигает двухсот. Все они, будучи закрепленными с одного конца, плавают в текучей среде у поверхности клетки, синхронно колеблясь из стороны в сторону. Например, реснички на клетках гортани убирают слизь. Они не позволяют нам утонуть в собственных выделениях. Каждая отдельно взятая ресничка – это биологическая микромашина, состоящая из примерно двухсот протеиновых частиц, которые формируют три основных компонента: штоки, перемычки и моторы. Уберите один из этих компонентов – и ресничка прекратит функционировать. Она не просто станет менее эффективной, а вообще перестанет действовать. Эти реснички не могли бы появиться в результате какого-то постепенного процесса.
9. Майкл Бихи, «Rube Goldberg in the Blood», *Darwin's Black Box: The Biochemical Challenge of Evolution* (New York: Free Press, 1996), стр. 74-97.
10. Там же.
11. Томас Бугге и соавторы, «Loss of Fibrinogen Rescues Mice from the Pleiotropic Effects of Plasminogen Deficiency», *Cell* 87 (15 ноября 1996 года), стр. 709-719.
12. Рассел Дулитл, «A Delicate Balance», *Boston Review* (февраль/март 1997 года), new.bostonreview.net/BR22.1/doolittle.html.
13. Эти слова Ричарда Докинза процитированы в статье Мэри Уэйкфилд «The Mystery of the Missing Links», *The Spectator*, 25 октября 2003 года, www.spectator.co.uk/features/11712/the-mystery-of-the-missing-links/.
14. Труд Бихи – лишь один пример из постоянно расширяющейся доказательной базы в поддержку концепции Разумного замысла. Более подробно этот вопрос обсуждается в книге «Как же нам теперь жить?», которую я написал в соавторстве с Нэнси Пэрси.
15. Родни Старк, «For the Glory of God: How Monotheism Led to Reformations, Science, Witch-Hunt, and the End of Slavery» (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003), стр. 176.
16. Джулиан Хаксли, «The Evolution of Life», том 1 издания «Evolution after Darwin» (Chicago: University of Chicago, 1960), стр. 2.

17. Старк, «For the Glory of God», стр. 184.
18. Ричард Докинз, «The Blind Watchmaker: Why the Evidence of Evolution Reveals a Universe without Design» (New York: W. W. Norton, 1986), стр. 287. Процитировано в книге Старка «For the Glory of God» на стр. 176.
19. Чарльз Дарвин, «Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» (СПб: Наука, 1991).
20. Старк, «For the Glory of God», стр. 184.
21. Там же, стр. 191.
22. Ричард Докинз, «The Blind Watchmaker», стр. 6. Процитировано в книге Старка «For the Glory of God» на стр. 185.
23. Эти слова Энни Безант процитированы в книге Старка «For the Glory of God» на стр. 186.
24. Старк, «For the Glory of God», стр. 186.
25. Там же.
26. «Scientist», 19 мая 2003 года. Процитировано в книге Генри Шефера «Science and Christianity: Conflict or Coherence?» (Watkinsville, Ga.: Apollos Trust, 2003), стр. 12.
27. Эти слова Чарльза Таунса процитированы в книге Шефера «Science and Christianity», стр. 102.
28. «Associated Press», «Famous Atheist Now Believes in God», 9 декабря 2004 года.
29. Эта цитата взята из видеофильма о Флю под названием «Has Science Discovered God?»

ГЛАВА 21. НРАВСТВЕННОСТЬ И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК

1. Эта история рассказана в книге Корнелия Плантинги-младшего «Не так все было задумано. Краткое изложение сущности греха» (СПб: Мирт, 2006).
2. Стивен Кови, «Ethical Vertigo», *Executive Excellence* 14, №6 (июнь 1997 года), стр. 3-4.
3. Вопросами природы влечения к представителям своего пола и репаративной терапии занималась организация «Exodus International» (больше информации можно найти здесь ru.wikipedia.org/wiki/Exodus_International), а также Национальная ассоциация по исследованиям и лечению гомосексуальности (NARTH, www.narth.com) и служение Джеймса Добсона «В фокусе – семья», www.focusonthefamily.com. Служение «В фокусе – семья» проводит полезные конференции «Побеждающая любовь», исследующие прецеденты влечения к представителям своего пола и пути исцеления от него.

4. Занимая должность одного из директоров организации «Exodus International», Рэнди Томас сегодня помогает другим обрести ту же свободу, которую обрел он сам.

ГЛАВА 22. ДАР ОТЛИЧАТЬ ПРАВИЛЬНОЕ ОТ НЕПРАВИЛЬНОГО

1. Прочитировано в книге Корнелия Плантинги-младшего «Не так все было задумано. Краткое изложение сущности греха» (СПб: Мирт, 2006).
2. Там же.
3. Этьен Жильсон, «The Unity of Philosophical Experience (San Francisco: St. Ignatius, 1999), стр. 274.
4. Льюис К.С., «Просто христианство. Любовь»: Собр. соч. в 8 т. Т.1 / Пер. И. Череватой, Н. Трауберг (М.: Виноград, 1998).
5. Там же.
6. Эта иллюстрация основана на аргументации Льюиса, приведенной в книге «Просто христианство»; там же.
7. Там же.
8. Там же (курсив добавлен).
9. Социологические опросы показывают, что в существование абсолютной моральной истины верят только 6 процентов подростков. На вопрос: «Что вы узнали об этике?» — 73 процента выпускников колледжей выбирают следующий ответ: «Понимание о правильном и неправильном зависит от различий в индивидуальных ценностях и особенностей культуры». (И эти студенты думают, что они изучали этику!) Прочитировано в статье Джона Лео «Professors Who See No Evil», *U.S. News & World Report*, 22 июля 2002 года, стр. 14.
10. Этот инцидент был подтвержден Джорджем Уэйджелом в письме, которое я получил по электронной почте 3 августа 2004 года.
11. Фрэнк Бакли, «Are Emotions Moral?» *The New Creation* 22, №5 (январь 2004 года), www.newcriterion.com/articles.cfm/Are-emotions-moral—1602/.
12. Грег Коукл, «A Ten-Minute Witness», www.lifeway.com/Article/ministry-A-Ten-Minute-Witness.
13. Джей Будзишевский исследует вопросы совести и естественного порядка в своей книге «What We Can't Not Know» (Dallas: Spence, 2003). Курсив добавлен.
14. См. Послание к Римлянам 2:14-15.
15. Грэм Грин, «Тихий американец» (М.: Правда, 1986).
16. См. произведения Альбера Камю «Посторонний» и «Миф о Сизифе» в книге Камю А., «Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство» (М.: Политиздат, 1990).

17. Из лекции Нила Плантинги-младшего «Мода и безрассудство. Грех и характер в 1990-е», прочитанной 15 января 1993 года в Богословской семинарии Кальвина в Гранд-Рапидс, штат Мичиган.
18. Эти слова святого Августина были процитированы в энциклике Иоанна Павла II «Fides et Ratio» о взаимосвязи веры и разума, глава 1, раздел 15, www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_15101998_fides-et-ratio_en.html.

ГЛАВА 23. КРАСОТА – ЗНАК БОЖЬЕЙ ЗАБОТЫ

1. Коллаборационистское правительство в Виши уже подписало с Германией соглашение о перемирии, ввиду чего отпала необходимость содержать и кормить так много военнопленных.
2. Откровение 10:1-7. Процитировано в книге Ребекки Ришин «For the End of Time: The Story of the Messiaen Quartet» (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2003) на стр. 129.
3. Фразеология этого вступительного слова позаимствована из написанного Мессианом «Пролога композитора», процитированного в книге Ришин «For the End of Time» на стр. 129.
4. Ришин, «For the End of Time», стр. 130.
5. Это утверждение основано на выводах Марселя Гейдриха – одного из заключенных, опубликовавшего воспоминания о премьере «Квартета на конец времени» в 1942 году в газете «Le Figaro». Полную цитату можно найти в книге Ришин «For the End of Time» на стр. 70.
6. Ришин, «For the End of Time», стр. 70.
7. Кальвин Томкинс, «The Bride and the Bachelors: The Heretical Courtship in Modern Art» (New York: Viking, 1965), стр. 119.
8. Процитировано в книге Дэвида Ревилла «The Roaring Silence: John Cage: A Life» (New York: Arcade, 1992), стр. 165-166.
9. Слова Питера Йетса, процитированные в книге Томкинса «The Bride and the Bachelors» на стр. 85.
10. Эти слова Ананда Кумарасвами процитированы в книге Томкинса «The Bride and the Bachelors» на стр. 100 (курсив добавлен).
11. Томкинс, «The Bride and the Bachelors», стр. 74.
12. Эти слова Ричарда Липполда процитированы в книге Томкинса «The Bride and the Bachelors» на стр. 74.
13. На самом деле, суть «И цзин» не в случайном выборе. Это метод гадания, то есть соприкосновения не просто с человеческими суждениями, а со сверхъестественными силами тьмы.
14. Ревилл, «The Roaring Silence», стр. 167.

15. Лоренцо Альбасете, «The Cry of Suffering», *God at the Ritz: Attraction to Infinity* (New York: Crossroad, 2002).
16. Пол Гриффитс, «Olivier Messiaen and the Music of Time» (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1985), стр. 21-22.
17. Там же, стр. 50.
18. Ханс Урс фон Бальтазар, «The Glory of the Lord: A Theological Aesthetics», перевод Эразмо Лейва-Мерикакиса, редакция Джозефа Фессии и Джона Ричеса (San Francisco: St. Ignatius, 1983), стр. 18.
19. Уильям Блейк, «Избранные стихи. Сборник». Сост. А. М. Зверев (М.: Прогресс, 1982).
20. Иисус говорит нам, что красота творения – это признак заботы небесного Отца: «Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. Если же траву на поле, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, то кольми паче вас, маловеры» (Евангелие от Луки 12:27-28).

ГЛАВА 24. НАПИСАННОЕ НА СЕРДЦЕ

1. Фрэнк Гебелейн, «The Christian, the Arts, and Truth: Regaining the Vision of Greatness» (Portland, Ore.: Multnomah, 1985), стр. 95.
2. Жак Маритен, «The Degrees of Knowledge», перевод Джеральда Фелана (Notre Dame, Ind.: Notre Dame Press, 1995), стр. 264.
3. Лоренцо Альбасете, «The Cry of Suffering», *God at the Ritz: Attraction to Infinity* (New York: Crossroad, 2002).
4. Блез Паскаль, «Мысли» (М.: RELF-book, 1994).
5. Эти слова святого епископа Ансельма были процитированы в энциклике Иоанна Павла II «Fides et Ratio» о взаимосвязи веры и разума, глава 1, раздел 15, www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_15101998_fides-et-ratio_en.html.
6. Джонатан Эдвардс, «Of Being» (1721 год).

ГЛАВА 25. ПРОЗРЕВАЮЩИЕ ПОСТМОДЕРНИСТЫ

1. Коул Портер, «Let's Do It (Let's Fall In Love)», Warner Bros., Inc. (1995 год).
2. Там же.
3. История о беременности Хуа Мэй основана на статье «Sexy Videos Help Panda Get Pregnant», *Orlando Sentinel*, 17 июня 2004 года. Остальная справочная информация о центре защиты больших панд «Волун» и самих этих животных взята из статьи Роберто Риверы «Panda Man: Do

They Want to Be Extinct?» *BreakPoint Worldview* (июнь 2004 года), страницы 6-8.

4. М. Д. Хармонд, «March for Women's Lives Leaves Some Women on the Sidelines: Those Would Be the Women There to Support Life and the Women Who Could Never Attend», *Portland (Maine) Press Herald*, 3 мая 2004 года, стр. 9.
5. Джоан Ричардсон, «Wallace Stevens: The Early Years 1879-1923 (New York: William Morris, 1986), стр. 56.
6. Холли Стивенс, «Souvenirs and Prophecies: The Young Wallace Stevens» (New York: Knopf, 1977), стр. 16. Эта цитата – лишь авторское изложение настроений семьи Уоллеса, описанных в указанном выше первоисточнике.
7. Чарльз Мерфи, «Wallace Stevens: A Spiritual Poet in a Secular Age» (New York: Paulist, 1997), стр. 10.
8. Уоллес Стивенс, «Тринадцать способов нарисовать дрозда». Пер. Г. Кружкова (М.: Рудомино, 2000).
9. Джанет Макканн, «Wallace Stevens Revisited: "The Celestial Possible"» (New York: Twayne, 1995), стр. 25.
10. Уоллес Стивенс, «Сова в саркофаге». Пер. Г. Кружкова (Томск: ИД-СКС, 2008).
11. Уоллес Стивенс, «The Collected Poems of Wallace Stevens» (New York: Knopf, 1974), стр. 288.
12. Макканн, «Wallace Stevens Revisited», стр. 77.
13. Эта идея высказывается им робко, но недвусмысленно.
14. Стивенс, «The Collected Poems», стр. 534.
15. Питер Бразо, «Parts of a World: Wallace Stevens Remembered» (New York: Random House, 1977), стр. 294.
16. Там же, стр. 295.
17. Невзирая на покой, обретенный Стивенсом в последние недели своей жизни, его обращение в католицизм заставляло всех окружающих нервничать – даже духовенство. Стивенс попросил отца Хенли, сестру Барнетту Куинн и других, знавших о его обращении, сохранить это в тайне от его семьи. Он боялся, что жена приедет в больницу и закатит истерику. Все это отражало классовые предубеждения. Обращение в католицизм для аристократии Хартфорда было сродни тому, чтобы стать «почтенным» ирландцем, обитающим в лачуге. Это было *совершенно недопустимо*. За такое вас могли изгнать из загородного клуба. Епископ отца Хенли также хотел, чтобы этот случай не получил огласки. Он опасался, что протестантские священнослужители Хартфорда начнут советовать своим прихожанам не пользоваться услугами больницы Святого Франциска, дорожившей своим имиджем далекого от католического прозелитизма заведения.

Позже, услышав утверждения отца Хенли о крещении ее отца, дочь Стивенса категорически отвергла такую возможность. Хотя ее возражения наталкивались на факты, подтверждаемые не только Хенли, но и другими свидетелями крещения Стивенса, нежелание Холли признать обращение отца в католицизм привело к тому, что многие исследователи не воспринимают эту версию всерьез и не хотят даже обсуждать ее. В 1970 году Холли продала документы отца библиотеке Хантингтона, что в Пасадене, но продолжала контролировать их использование вплоть до своей смерти в 1992 году. Она ясно дала понять исследователям, что ограничит им доступ к выдержкам из бумаг Стивенса, если те будут уделять слишком много внимания его обращению в католицизм. Очевидно, именно по этой причине Питер Бразо, который составил биографию Стивенса и взял обширное интервью у Хенли, использовал лишь небольшой фрагмент материалов, собранных об эпизоде с водным крещением. Впрочем, магнитофонные записи бесед Бразо с отцом Хенли сегодня являются частью коллекции библиотеки Хантингтона, и каждый, кто все еще сомневается в обращении Стивенса в католицизм, может прослушать их содержимое.

18. «The Norton Anthology of World Masterpieces» (New York: W. W. Norton, 1985), 5-е изд. под ред. Мэйнарда Мэка, том 2, стр. 1529.

ГЛАВА 26. НАДЕЖДА, СВОБОДА И СЧАСТЬЕ

1. Эти слова Альбера Камю процитированы в статье Роба Роя Макгрегора «Camu's 'The Silent Man' and 'The Guest': Depictions of Absurd Awareness», *Studies in Short Fiction* (лето 1997 года).
2. См. Евангелие от Матфея 22:37-39. Курсив добавлен.
3. Родни Старк, «For the Glory of God: How Monotheism Led to Reformations, Science, Witch-Hunt, and the End of Slavery» (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003), стр. 376.
4. «Декларация независимости». Под ред. О. А. Жидкова. Перевод О. А. Жидкова (М.: Прогресс, Универс, 1993).
5. Джон Эктон, «Очерки становления свободы», Перевод Ю. Колкера. Под ред. А. Бабича (Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992).
6. Джон Эктон, «Selected Writings of Lord Acton», ed. J. Rufus Fears (Indianapolis: LibertyClassics, 1985), стр. 650.
7. Зигмунд Фрейд, «Недовольство культурой». Перевод А. Руткевича. (Харьков: Фолио, 2013). Эти слова процитированы в книге Армана Николи «The Question of God: C. S. Lewis and Sigmund Freud Debate God, Love, Sex, and the Meaning of Life» (New York: Free Press, 2002), стр. 99-100.
8. Фрейд, «Недовольство культурой».
9. Николи, «The Question of God», стр. 104.

10. Процитировано в статье Рида Мерсера Шухардта «The Cultural Victory of Hugh Hefner», 1 октября 2003 года.
11. Бен Воллес, «The Prodigy and the Playmate», *Philadelphia Magazine*, июнь 2001 года.
12. Шухардт, «The Cultural Victory of Hugh Hefner».

ГЛАВА 27. ПЛОХАЯ НОВОСТЬ

1. Эти слова Бертрана Рассела процитированы в книге Рея Монка «Bertrand Russell: The Spirit of Solitude, 1872-1921» (New York: Free Press, 1996), стр. 530.
2. Послание к Римлянам 1:20, Библия, Современный русский перевод РБО 2011 г.
3. Элвин Плантинга, «Methodological Naturalism?» *Origins & Design*, www.arb.org/docs/odesign/od181/methnat181.htm.
4. Такой же точки зрения придерживался Уильям Мюррей – один из сыновей Мэдлин Мюррей О'Хара. Он отметил: «Моя мама была не просто Мэдлин Мюррей О'Хара, лидером атеистов. Она была злым человеком... Мне трудно говорить подобное о собственной матери, но это так» («May, 1999 Statement of William J. Murray on the Kidnapping and Murder of Family Members»).
5. Лона Мэннинг, «The Murder of Madalyn Murray O'Hair: America's Most Hated Woman», *Crime Magazine*, 11 июня 2001 года, www.crimemagazine.com/murder-madalyn-murray-ohair-americas-most-hated-woman-1.
6. Из информационного бюллетеня Мэдлин Мюррей О'Хара, процитировано в статье Лоны Мэннинг «The Murder of Madalyn Murray O'Hair».
7. Мэннинг, «The Murder of Madalyn Murray O'Hair».
8. Эти слова Эллен Джонсон процитированы в статье Мэннинг, «The Murder of Madalyn Murray O'Hair».
9. Там же.
10. Эти слова Робин Мюррей процитированы в книге Теда Дракоса «Ungodly: The Passions, Torments, and Murder of Atheist Madalyn Murray O'Hair» (New York: Berkley Books, 2004), стр. 201.
11. Эти слова Спайка Тайсона процитированы в статье Мэннинг, «The Murder of Madalyn Murray O'Hair».
12. Эти слова Мэдлин Мюррей О'Хара процитированы в книге Дракоса «Ungodly».
13. Мэннинг, «The Murder of Madalyn Murray O'Hair».
14. Там же.

15. Там же.
16. Там же и на странице Уильяма Мюррея www.religiousfreedomcoalition.org/2011/04/05/the-madalyn-murray-ohair-murder/.

ГЛАВА 28. ПРОВИДЕНИЕ

1. Эти слова были процитированы на сайте www.landmines.org.
2. Вильям Шекспир. «Макбет». Перевод С. Соловьева (Спб.: Издательский дом «Кристалл», 2002). Акт первый, сцена V.
3. Брайан Гогава, «Hollywood Worldviews: Watching Films with Wisdom and Discernment» (Downers Grove, Ill: InterVarsity, 2002), стр. 108-109.
4. Клайв Стейплз Льюис. «Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Тракаты». Перевод И. Череватой (М.: Республика, 1992).
5. Филип Джонсон, «The Right Questions: Truth, Meaning, and Public Debate» (Downers Grove, Ill.: InterVarsity, 2002), стр. 85-86.
6. «My Hope Is Built», слова Эдварда Мюта, 1834 год.
7. Джонсон, «The Right Questions», стр. 87.
8. Несколько лет спустя я узнал, что та опухоль была предраковой. Врачи в Джорджтауне так и не показали мне все результаты биопсии. Хирург принял решение прямо во время операции, опираясь на предварительный анализ.
9. Тайлер Уитни, «Warner Wins: Democrat Breaks GOP Hold on Executive Mansion with 5-Point Win over Earley», *Richmond Times Dispatch*, 7 ноября 2001 года, A1.
10. Джордж Марсден, «Jonathan Edwards: A Life» (New Haven: Yale University Press, 2003), стр. 487.
11. См. Деяния 17:26.
12. Эти слова Авраама Линкольна процитированы в сборнике цитат «America's God and Country Encyclopedia of Quotations», составитель Уильям Федерер (Coppell, Тех.: Fame, 1996), стр. 382.
13. Там же, стр. 387.
14. Там же, стр. 381.

ГЛАВА 29. СЧАСТЛИВАЯ СМЕРТЬ

1. Билл Брайт, «The Journey Home: Finishing with Joy» (Nashville: Nelson, 2003), стр. 7.
2. Там же, стр. 164.
3. Там же, стр. 167.

4. Псалом 115:6 и молитва святого Франциска Ассизского процитированы там же на стр. 171.
5. Джеймс Босуэлл, «Boswell's Life of Johnson» (New York: Oxford University Press, 1933), запись от 19 сентября 1777 года.
6. Филиппийцам 1:21.
7. Апостол Павел заявляет, что Христос должен уничтожить «всякое начальство и всякую власть, и силу [зла]. Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои. Последний же враг истребится – смерть» (1 Коринфянам 15:24-26).
8. Римлянам 6:8.
9. Эти слова Мишеля де Монтеня процитированы в статье Леона Касса «Ageless Bodies, Happy Souls: Biotechnology and the Pursuit of Perfection», *The New Atlantis*, весна 2003 года, www.thenewatlantis.com/publications/ageless-bodies-happy-souls.
10. Эти слова Уоллеса Стивенса процитированы там же.
11. Там же.
12. Эти слова Мэдлин Мюррей О'Хара процитированы в статье Лоны Мэннинг, «The Murder of Madalyn Murray O'Hair: America's Most Hated Woman», *Crime Magazine*, www.crimemagazine.com/murder-madalyn-murray-ohair-americas-most-hated-woman-1.
13. Эти слова Эдварда Бенетта Уильямса процитированы в статье Кристофера Бакли «The Case for Edward Bennett Williams», *Washington Post*, 3 ноября 1991 года, X1.
14. Последнее письмо Дэвида Блума его жене было опубликовано с разрешения Мелани пастором Дэвидом Матсоном, *The Cathedral Messenger*, 62, № 33 (17 августа 2003 года).
15. Иоанна 16:22.
16. Ричард Джон Нойхаус, «As I Lay Dying: Meditations upon Returning» (New York: Basic Books, 2002), стр. 150.
17. Там же.

ГЛАВА 30. БЕЗГРАНИЧНЫЕ ИСТИНА И ЛЮБОВЬ

1. Блез Паскаль, «Мысли» (М.: RELF-book, 1994).
2. См. Евангелие от Иоанна 14:6.
3. См. Послание к Колоссянам 1:16-17., Современный русский перевод (М.: РБО, 2011).
4. См. Евангелие от Иоанна 3:1-21.
5. Я пережил обновление, о котором апостол Павел говорит в своем послании к христианам в Риме: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего» (Римлянам 12:2).

ЭПИЛОГ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

1. Рэtti Мак, «The Freedom of Singing: Bush Lends Voice to Prison Chorus: Governor, Inmates Seek a State of Grace», *Houston Chronicle*, 17 октября 1997 года, A1.
2. Там же.
3. «Jesus Saves», *Wall Street Journal*, 20 июня 2003 года, W15.
4. 1 Коринфянам 1:27.
5. 2 Коринфянам 12:9.

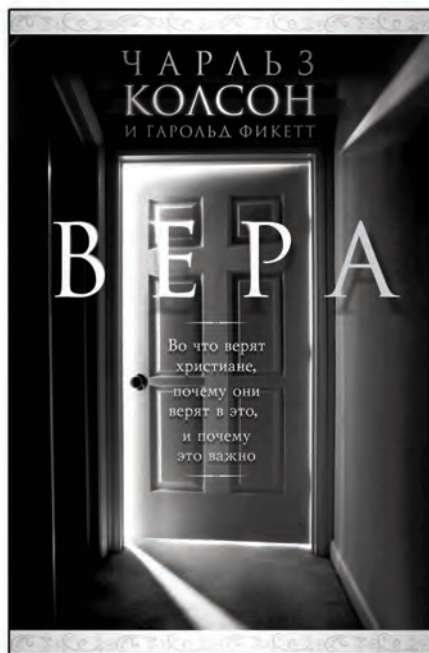

Во что верят христиане, почему они
верят в это, и почему это важно

ВЕРА

Книга отсылает читателя к корням христианской веры, чтобы дать ответ на фундаментальные вопросы, стоящие перед современным миром.

Касаясь главных утверждений, которые разделяют христиане всех конфессий, автор на многих свидетельствах и жизненных примерах — начиная с античной истории до настоящего времени — убедительно показывает, почему верующим следует крепко держаться ортодоксального христианства — веры, раз и навсегда преданной святым.

“

Христиане должны ясно понимать, что вера есть нечто большее, чем просто религия или даже взаимоотношения с Иисусом. Это — завершённое представление о мироустройстве и месте человечества в нём. Если мы не знаем, во что верим, то как мы можем жить по-христиански и тем более отстаивать свою веру? Невежество делает нас духовными калеками.

Чарльз Колсон ”

Издательская группа «Нард»
Драгоценное миро
для Тела Христова

Тел. (044) 599-1929
E-mail: nard@nard.com.ua
www.nard.com.ua

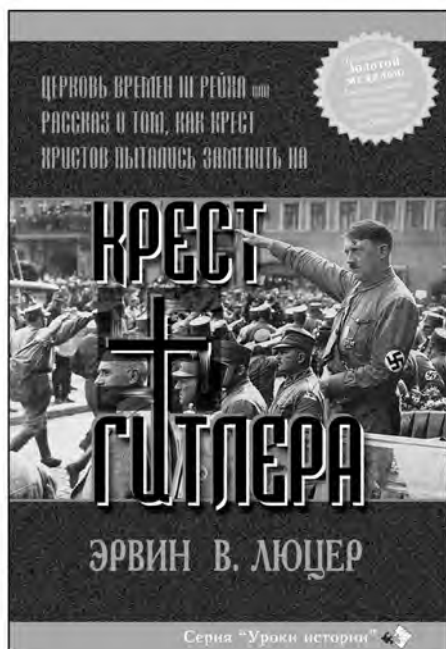

**Уроки из истории Церкви —
наследие прошлого, которое полезно знать сегодня...**

КРЕСТ ГИТЛЕРА

Это рассказ о реальном конфликте между двумя спасителями и двумя крестами.

Личность Гитлера по праву считается одной из самых зловещих, но и наиболее загадочных в истории человечества. Кровавый след, оставленный Третьим Рейхом — концлагеря, Холокост, десятки миллионов отнятых и искалеченных жизней, — едва ли будет когда-нибудь забыт. Как случилось, что в стране, где большинство населения считали себя христианами, творились столь чудовищные преступления? И где же была в это время церковь?

В книге «Крест Гитлера» автор исследует те уроки, которые можно извлечь из истории церкви Третьего Рейха, а также очевидные параллели между эпохой Гитлера и грядущим приходом Антихриста.

Издательская группа «Нард»
Драгоценное миро
для Тела Христова

Тел. (044) 599-1929
E-mail: nard@nard.com.ua
www.nard.com.ua

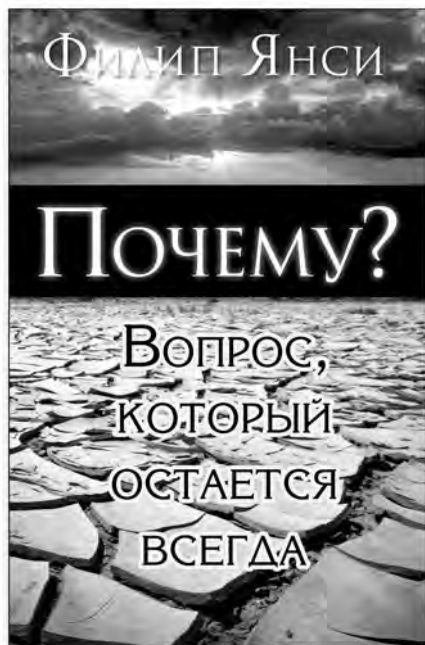

Где Бог, когда я страдаю?

ПОЧЕМУ?

Вопрос, который ОСТАЕТСЯ ВСЕГДА

Этот вопрос звучит безмолвным рефреном каждый раз, когда случается беда — неважно, с одним человеком или целыми нациями. Стоит произойти природному катаклизму, эпидемии, войне или очередному теракту — и сразу же сотни людей взывают к небесам: «Докле, Господи?!» Если мы не можем до-

верить Богу безопасность наших детей или защиту близких от мучительной смерти, то в чем вообще можно Ему доверять?

Почти 25 лет назад Филип Янси написал шумевшую книгу, где попытался изложить свой взгляд на эту извечную проблему. Сегодня события на трех континентах, которые лихорадят человечество, заставляют его снова взяться за перо.

С характерной для автора прямоотой и честностью книга обращается к тем, кто несет тяжкое бремя страданий, чья вера пошатнулась от перенесенной боли, кто испытал разочарование в Боге и людях, но все равно пытается найти смысл в том, что происходит вокруг, и разобраться в этом вопросе, который остается всегда.

Издательская группа «Нард»
Драгоценное миро
для Тела Христова

Тел. (044) 599-1929
E-mail: nard@nard.com.ua
www.nard.com.ua

Как побороть самый большой страх в жизни

“

*Стоя в присутствии Христа и
заглядывая в Его опустевшую
гробницу, мы видим смерть
такой, какая она есть –
пугающим врагом, власть
которого была сокрушена.*

Эрвин Люцер

”

ПОБЕДА НАД СМЕРТЬЮ

Ранние христиане с издевкой называли смерть тираном, которого свергнул Христос. Они твердо знали, что конец их земной жизни на самом деле был славным началом, и что лучшее ожидает их впереди.

Можем ли мы обрести такую же уверенность? Могут ли сегодня верующие встречать смерть с таким же мужеством, спокойствием и триумфом? Безусловно, – отвечает автор этой книги. – Смерть Иисуса была не концом, а началом новых взаимоотношений, и если мы берем пример с нашего Учителя, то, когда придет последний час, мы будем готовы. Он умер в вере и был вознагражден воскресением – то же самое ожидает и нас.

Начните читать, и вы найдете ответы на многие непростые вопросы, постигая славную истину о том, что благодаря Иисусу смерть умерла навсегда.

Издательская группа «Нард»
Драгоценное миро
для Тела Христова

Тел. (044) 599-1929

E-mail: nard@nard.com.ua

www.nard.com.ua

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ОБИДЫ

Кто-то распространяет о вас лживые слухи? Вы пережили отвержение или даже насилие? Может быть, кто-то не сдержал обещаний или нарушил конфиденциальность разговора.

Естественно, вы исполнены гнева. Ваши раны вызывают о мщении! Но что если справедливость невозможна по эту сторону небес? Что если ущерб уже не возместить? Что тогда?

Можно держаться за свой гнев, пока ненависть не возведет вокруг вас тюремные стены горечи. В этой клетке вы станете жить ущербной и исполненной боли жизнью. Или... вы можете выбрать прощение.

Автор показывает нам, как Бог смотрит на обидчика и его жертву, предлагая читателю глубже осознать проблему с обеих ее сторон. Осознать, чтобы увидеть высший смысл в нанесенных нам ранах и научиться идти по жизни, извлекая из них правильные уроки.

“

Не позволяйте глупым и мелочным проступкам затерявшегося в прошлом обидчика держать вас прикованным к жизни в страданиях и гневе. Пусть ваши раны превратятся в шрамы, и снова начните жить. Я молюсь, чтобы вы были готовы к этому сегодня.

Эрвин Люцер ”

Издательская группа «Нард»
Драгоценное миро
для Тела Христова

Тел. (044) 599-1929
E-mail: nard@nard.com.ua
www.nard.com.ua

Как вопиющие грехи служат славе Христа

“

*Передо мной стояла цель
укрепить вашу веру в благость,
милосердие, мудрость и силу
Бога – и не просто посреди
бедствий, но в тех самых
грехах, нити которых вплетены
в ткань этих бедствий.*

Джон Пайпер

”

ЗЛО

ТОРЖЕСТВУЕТ И ПРОИГРЫВАЕТ

Бог вынуждает зло к самоубийству...

Даже самые вопиющие грехи в людской истории Бог неизменно обращает на добро, заставляя их служить вселенской славе Иисуса Христа.

Эта книга о том, как Бог использует зло в достижении победы над злом; как Библия неоспоримо показывает нам, что грех, болезни и страдания никогда не оставались в стороне от благого владычества безгранично мудрого Бога, но всегда являлись частью Его совершенного плана и благой воли. Приоткрывая Божью логику устройства нашего мира и роли зла в нем, она дает ясное представление о Боге, Который не подведет нас даже в худшие из времен, и позволяет видеть и прославлять Его посреди испытаний и скорби.

Издательская группа «Нард»
Драгоценное миро
для Тела Христова

Тел. (044) 599-1929

E-mail: nard@nard.com.ua

www.nard.com.ua

Через трудные времена – с надеждой

В РАДОСТЬ ОБРАТИ МОЙ ПЛАЧ

Эта полная утешения и вместе с тем глубоко реалистичная книга рассказывает не о том, как пережить времена испытаний, но как можно жить всей полнотой настоящей жизни посреди страданий – и выйти далеко за их пределы.

Щедро черпая из глубокого колодезя мудрости и опыта Генри Ноуэна – одного из самых выдающихся христианских писателей и мыслителей современности, – она дарует читателю истинное ободрение, не сбиваясь при этом на банальности. Всегда практичная, чуждая упрощений, книга ненавязчиво указывает путь к жизни, укорененной в Божьем постоянстве и вечной надежде, – жизни, которая готова искренне ликовать даже посреди самой темной ночи.

“
*Тайна радости
состоит в том,
что путь к ней
обнаруживается
в плаче*

Генри Ноуэн

”

Издательская группа «Нард»
Драгоценное миро
для Тела Христова

Тел. (044) 599-1929

E-mail: nard@nard.com.ua

www.nard.com.ua

Художньо-публіцистичне видання

Чарльз Колсон
та Гарольд Фікетт

Щасливе життя

У пошуках мети, сенсу й істини

(Рос. мовою)

Переклад *Юрій Шпак*
Редагування та підготовка до друку *Олексій Єфетов*

Підписано до друку з готових діапозитивів 21.08.2015.
Формат 70х100/16. Папір книжковий. Друк офсетний.
Тираж 5000 прим. Умовн. друк. арк. 35,1
Замовлення № 1/09/15

Видавець *ФОП Єфетов О.В.*, м. Київ
Тел. (044) 599-1929
www.nard.com.ua
E-mail: nard@nard.com.ua
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 1700 від 24.02.2004 р.

Друк: *ФОП Поліщук О.В.*, м. Київ
тел. (044) 592-1349
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 2142 від 31.03.2005 р.